

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2023. Том 11, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2023, vol. 11, no. 3

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2023

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	ООО «Фолиант»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media No. PI FS77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	LLC “Foliant”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемил, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александр Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Александр Узелац**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: Elmira G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Halperin Ch.J. A new theory of medieval Rus' terminology for Muslim Tatars: <i>Batunskii's Russia and Islam</i>	504
Фидаров Р.Ф. О некоторых неточностях в переводе А.С. Козина «Тайной истории монголов»	521
Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых русских источниках	532
Петров П.Н. Тамга «Гуюка» и Джучиды дома Ордуидов (история одной ошибки)	551
Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г.	562
Göncöl Cs. Redactions and dates of the compilation of the <i>Čingiz-nāmā</i> of Ötāmiš Hājjī	582
Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Ярлык о назначении эмира тумена из «Дастур ал-катиб» и статус темников в Улусах Хулагу, Джучи и Чагатая	592
Еманов А.Г. Черноморские порты Золотой Орды по кастильской «Книге знаний всех царств» XIV века	611
Маслова С.А. Налоговая терминология краткого собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам	636
Сайфетдинова Э.Г. Письмо Тамерлана мамлюкскому султану Баркуку и ответное письмо Баркука Тамерлану от 795 г.х. / 1393 года	652
Евстюнин В.А. Новые горизонты Средневекового Причерноморья. Рецензия на книгу: Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков	662
Моисеев М.В. К вопросу об организации дипломатической службы в постордынских чингизидских государствах в XVI веке (Крымское и Казанское ханства): тети и бакшей	681
Корчагин П.А., Самигулов Г.Х. О Тахчее жалованной грамоты Якову и Григорию Строгановым от 30 мая 1574 года	693

Хроника

Гиниятуллина Р.Р. Наследие татар Золотой Орды: научные мероприятия.....	714
---	-----

CONTENTS

Original papers

Halperin Ch.J. A new theory of medieval Rus' terminology for Muslim Tatars: <i>Batunskii's Russia and Islam</i>	504
Fidarov R.F. On some inaccuracies in translation of "The Secret History of the Mongols" by A.S. Kozin	521
Drobyshev Yu.I. Reflection of the Mongol imperial ideas in medieval Russian sources	532
Petrov P.N. Tamgha of "Guyuk" and the Juchids of the House of Orduids (the story of one mistake)	551
Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The "necessary death" of the Grand Duke: on the question of the causes and circumstances of the death of Yaroslav Vsevolodovich in the autumn of 1246	562
Göncöl Cs. Redactions and dates of the compilation of the <i>Čingiz-nāmā</i> of Ötāmiš Hājjī	582
Abzalov L.F., Gatın M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. The jarlyk on appointment of <i>amir-e tuman</i> from the "Dastur al-katib" and status of <i>temnik</i> in the uluses of Hulagu, Jochi and Chagatay	592
Emanov A.G. Black Sea ports of the Golden Horde according to Castilian "Libro del conocimiento de todos los reynos" of the 14 th century	611
Maslova S.A. The tax terminology of the Short collection of Khan's jarlyks issued to Rus' Metropolitans	636
Sayfedinova E.G. Tamerlane's letter to the mamluk sultan Barkuk and Barkuk's response letter to Tamerlane dated AH 795 / AD 1393	652
Evstiunin V.A. New Horizons of the Medieval Black Sea Region. Book Review: Emanov A.G. <i>Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th–15th Centuries</i>	662
Moiseev M.V. On the organization of the diplomatic service in the post-Horde Chingisid states in the 16 th century (Crimean and Kazan Khanates): "tets" and "bakshis"	681
Korchagin P.A., Samigulov G.Kh. About Takhcheia in the letter of commendation to Yakov and Grigory Stroganov dated May 30, 1574	693

Chronicle

Giniyatullina R.R. Heritage of the Golden Horde Tatars: scientific events	714
---	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 930(47).03

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.504-520
EDN: FGBWEG

A NEW THEORY OF MEDIEVAL RUS' TERMINOLOGY FOR MUSLIM TATARS: BATUNSKII'S *RUSSIA AND ISLAM*

Charles J. Halperin

*Indiana University
Bloomington, Indiana, USA
chalperi@iu.edu*

Abstract: *Research Objectives:* To examine Mark Batunskii's theory, articulated in Volume 1 of his history of *Russia and Islam*, that by calling the Tatars "Pechenegs" and "Polovtsy" the Rus'/Russian sources "Islamized" both the Tatars and their Kyivan predecessors.

Research Materials: This article is based upon narrative sources, including chronicles, tales, epics, and saints' lives, which refer to the Tatars from the thirteenth to the sixteenth centuries.

Novelty of the Research: No specialists have engaged Batunskii's theory by analyzing the terminology applied to the Tatars, either Muslim or not, in the medieval sources. Nor has anyone compared the Rus' application of other terms also applied to Muslims such as "pagan," "Ishmaelite," "Hagarene" and "Saracen" to their appearance in Western European sources.

Results: Extensive examination of the sources reveals that Rus'/Russian sources carefully identified who was a Muslim (*besermen*) and who was not. The Pechenegs, Polovtsy and Tatars who invaded Rus' in the thirteenth century were not. Only sources from the late fourteenth century and later associated Tatars, now Muslims, with Pechenegs and Polovtsy not as adherents of Islam but as nomads who were not Orthodox Christians. This historicist identification had the effect of minimizing Tatar adherence to Islam. Fifteenth and sixteenth-century sources do put more emphasis on the Islamic identity of the Tatars, probably because of the increasing weight placed upon Russian Orthodox Christianity as the hallmark of Muscovy.

Keywords: Rus', Muslims, Tatars, pagans, Ishmaelites, Hagarenes, Saracens

For citation: Halperin Ch.J. A new theory of medieval Rus' terminology for Muslim Tatars: Batunskii's *Russia and Islam*. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 504–520. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.504-520

© Halperin Ch.J., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction

Mark Batunskii's posthumous three-volume *Rossia i Islam* has not received the attention it deserves. Rarely has any scholar attempted such an ambitious project, to conceptualize the Rus'/Russian image of Islam from the Kyivan period through the nineteenth century¹.

This article will examine Batunskii's analysis of the Rus'/Russian terminology applied to Muslims in Kyivan Rus' through the sixteenth century in Volume 1. Rus'/Russian sources employed a panoply of terms to Inner Asian non-Orthodox peoples, including pagan, godless, Ishmaelite, Hagarene (Hagarite), Saracen and Muslim. All these terms save the last arose long before the rise of Islam, let alone the first encounter of Kyivan Rus' and the Tatars. Tolan refers to the "complex (and not always distinguished) mix of ethnic, linguistic, and religious definitions" applied to Muslims in medieval Europe [49, pp. xi–xii]. The alternative and disputed etymologies of these words matter less than how the terms were used. I will address whether the terms used by Rus'/Russian writers was similar to or differed from their utilization in medieval Europe.

Batunskii claimed that the Rus' "Muslimized" the Pechenegs and Polovtsy by equating them with the Tatars. However, a more extensive examination of the sources reveals that Rus'/Russian sources carefully identified who was a Muslim (*besermen*) and who was not. The Pechenegs, Polovtsy and Mongols Tatars who invaded Rus' in the thirteenth century who conquered Rus' were not. Only sources from the late fourteenth century and later associated Tatars, by then Muslims, with Pechenegs and Polovtsy, who were never Muslims. This historicist association rested not upon what their religious identity was, but rather what it was *not*, they were not Orthodox Christians. If anything this approach had the effect of minimizing the significance of the Tatar adherence to Islam. Fifteenth – and sixteenth-century sources do put more emphasis on the Islamic identity of the Tatars, probably because of the increasing weight placed upon Russian Orthodox Christianity as the hallmark of Muscovite identity. Domestic Muscovite developments, not upon anything that happened to the Tatars, drove this evolution of Muscovite perceptions of the Tatars.

We will begin by presenting Batunskii's exposition at length. I will then examine the comparative evidence of how the terms that Batunskii adduced evolved in Western European sources, followed by a detailed chronological survey of the evolution of these terms in the Rus'/Russian sources, including the distinctions between Muslims and Tatars, and depictions of Tatars who did not adhere to Islam and of Tatars who did. Rus'/Russian bookmen both demonstrated their familiarity with Islam and distorted their own expertise in their propaganda. From deemphasizing the Islamic faith of the Tatars the Rus'/Russian sources turned to exaggerating the role of Islam in Tatar behavior.

A bibliographic note

Before proceeding it is helpful to clarify the provenance of Batunskii's publications. During his lifetime Batunskii published four articles in English on Rus'/Russia and Islam from the Kyivan period through the sixteenth century. Three

---

¹ [2]. Batunskii was born in 1933 and died in 1997. For a review see [28]. Kappeler also authored an obituary of Batunskii [27].

of the four chapters of Volume 1, chapters 1, 2 and 4, are based upon three of these four articles. Chapter 3 utilizes some of the material in the fourth article. I will correlate these articles with the relevant chapters of Volume 1 and call attention to observations in them which were not repeated in the Russian-language book.

Batunskii's theory

In Chapter 1 of Volume 1 Batunskii emphasized that Kyivan Rus' inherited Byzantium's negative image of Islam and the pejorative terminology applied toward Muslims. Rus'/Russia never overcame that prejudice.² "Infidels" (*iazychniki*) included sedentarists as well as nomads. "Non-Christians" were called "pagans" (*poganye*) [2, p. 43]. In a footnote Batunskii pointed out that the *Narration of the Battle with Mamai* (*Skazanie o Mamevom poboishche*) about the battle of Grand Prince Dmitrii Donskoi's defeat of the Tatars at Kulikovo Field in 1380 called all of Muscovy's eastern enemies "pagans," not just the Tatars, but also Pechenegs and Polovtsy (Kipchaks, Cumans), Turkic tribal neighbors of Kyivan Rus', who had long-since disappeared [2, p. 46 n. 73; 3, p. 6 n. 25]. The *Kyivan Tale of Bygone Years* (*Povest' vremennykh let*) identified the oriental enemies of Rus' as Ishmaelites (*izmailiane*), Hagarenes (*agariane*) and Saracens (*saratsyny*), to which the compiler added local groups, Turkmen, Pechenegs, Torks and Polovtsy. The epic *Beyond the Don* (*Zadonshchina*), also about the battle of Kulikovo, added "pagan" Tatars and "Muslims" (*besermeny*).³ In this way the Rus' bookmen "Muslimized" all nomads [2, pp. 52, 54]. Batunskii's earlier article referred to the "artificial Islamization" of all nomads, which misapplied the concept of Islam [3, pp. 9–10]. A footnote in Volume 1 referred to a Polovtsian raiding party in 1184 that employed a Muslim who could shoot fire [2, p. 72 n. 241; 36, pp. 634–35]. Batunskii concluded that upon their arrival in Rus' the pagan Tatars were "immediately equated with Islam" [2, pp. 115 n. 233].

Chapter 2 turned to the (early) Muscovite image of Muslims.⁴ Batunskii began by discussing the *Tale of the Destruction of Riazan' by Batu* (*Povest' o razorenii Riazani Batyem*), in which the Tatars are not called Muslims but like the Polovtsy "godless Hagarenes." This phraseology, Batunskii inferred, associated Polovtsy, Tatars and Muslims as Hagarenes and Ishmaelites.⁵ However, the concepts of Hagarenes, Ishmaelites and even Muslims lacked all Islamic content, because in fact the Polovtsy and at this time the Tatars were not Muslims. Until the middle of the fourteenth century when Islam spread in the Golden Horde,⁶ Rus'/Russian sources barely called adherents of Islam Muslims. Rather, all non-Christians enemies of Rus'/Russia were denominated by the names of more familiar pagan nomads from the Kyivan period. All Muslims were called pagans [2, pp. 83, 86]. In an article Batunskii amplified the association of the term "Muslims" with non-Muslims, writ-

---

² [2, pp. 39–79, here 54]. Earlier English version [3, pp. 1–27, here 2–6, 27].

³ Whatever their etymologies, Rus'/Russian writers used *besermen'* and *basurman* synonymously, and I will follow that convention.

⁴ [2, pp. 80–123]. Earlier English-language version [5].

⁵ [2, p. 82; 55, p. 64]. Here Batunsky translated *izmail'iane* as "Ismailians," but in English that word could easily be mistaken as a reference to the Ismaili sect of Islam, not Ishmaelites, as he translated the term in his first article.

⁶ The anachronistic term for the Juchid ulus "Golden Horde" originated in sixteenth-century Muscovy; I use it only in direct quotations from Batunskii.

ing that *besermeny* was “used in common parlance in the course of nearly all Russian pre-revolutionary history to denote any foreigner and not just a Muslim [5, p. 64 n. 1]. Therefore at the end of the fourteenth and the beginning of the fifteenth century Russian sources called Muslim Tatars by several names, Ishmaelites, Hagarenes and Saracens, although the Ishmaelites and Hagarenes were not Muslims; Russian authors could afford to do so because Tatar Islam was no threat to Russian Orthodoxy [2, p. 94; 5, 70]. Such propaganda fed the social mobilization required to defeat the Tatars in 1380 [2, p. 95]. To retain greater flexibility in propaganda Russian official ideology never defined “Islam” [2, p. 96 n. 87; 5, p. 70], thus eliminating any obstacles to inventing Mamai’s invocation in the *Narration of the Battle with Mamai* to Perun and other “pagan” gods as well as to Muhammad. In this text all of Muscovy’s enemies were pagans, meaning infidels, not just Muslims but Armenians, *Friazi* (Italians) [my translation], Poles, Lithuanians, and Germans, as well as Pechenegs such as Telibei who engaged in personal combat with the Rus’ monk-warrior Peresvet. The author referred to Pechenegs because Rus’/Russians still hated the Pechenegs, although they had long since passed from the scene. In addition, the text associated Mamai with the Hellenic religion, i.e. classical Greek polytheism [2, pp. 97–98, including 97 n. 86, n. 87, 100; 5, pp. including 73 n. 43, 75]. In his earlier article Batunskii acknowledged that the *besermeny* (here translated as “infidels”) in this text have been interpreted by Soviet scholars to refer to Kama Bolgars or Azerbaidjanis. In addition, other urban populations such as the people of Astrakhan’ were assigned to that denomination.⁷

Returning to early Muscovy, Batunskii mobilized evidence of Muscovite knowledge of Balkan and Middle Eastern Muslims. He notes Rus’ familiarity with the Christian ruler of Cyprus who in 1365–1366 attacked Alexandria, killing Saracens (Arabs?) [his question mark], Muslims and Turks, just as a 1346 epidemic there killed Muslims and Tatars [2, pp. 117, 120 n. 256]. By the late fourteenth century the phrase “Tatar” has become thoroughly deformed and references’ to Islam were for propagandistic purposes only [2, p. 120].

Chapter 3 proceeded to the image of Islam in the “Russian” (*rossiiskoe*) state [2, pp. 124–60]. Tikhomirov (one of the Soviet historians to whom Batunskii had previously referred) thought the term *besermen*’ mostly applied to Volga Bolgars until the late fourteenth century, after which Muslim Turks were meant. A fourteenth-century liturgical book and the fifteenth-century travel account to India by the Tverian merchant Afanasii Nikitin referred to “Islam” (*besermenstvo*),⁸ and historical dictionaries alluded to “Muslim tsars” in 1554 and to the “Muslim Yoke” (*igo*) in 1556 à propos of a Crimean Tatar raid into Lithuania [2, pp. 129, 131]. In *Beyond the Don* the Tatars are predominantly called “pagans”; the terms “Hagarene” and “Ishmaelite” did not appear and “Muslim” was rare [2, p. 140 n. 156]. On the other hand Rus’ sources called Catholics and even ancient Hebrews

---

⁷ [5: p. 3 n. 44]. To illustrate Muscovite hostility toward Islam Batunskii declared that to Russians Simeon Bekbulatovich, a converted Chingissid briefly installed as Grand Prince of Muscovy by Ivan IV, embodied “Asiatic Tatar Islam” (*aziatchina tatarshchina basurmanstvo*) [2, p. 99; 5, p. 74]. How a Tatar who converted to Orthodox Christianity can represent Islam is unclear. Simeon’s attractiveness as a pseudo-ruler derived from his descent from Chinggis Khan, but Ivan could not have utilized him in whatever game Ivan was playing unless Simeon had converted to Orthodox Christianity. On Simeon see [32].

⁸ Batunskii treated Nikitin at greater length in [4].

“pagan” [2, p. 149 n. 6]. Russians had little knowledge of Islam but expected Muslims eventually to convert to Orthodox Christianity. In any event Islam was not a threat to Orthodox Christianity. Although any polytheism was worse than any monotheism, the monotheist Muslims were called “pagans” [2, pp. 152, 153]. In India Nikitin considered polytheist Hindus worse than Muslims. Nevertheless he still condemned Islam. Nikitin was as it were more sympathetic toward Muslims than expected [2, pp. 154–60, 161 n. 1; 4, pp. 290, 293].

Chapter 4 dealt with Russia during the reign of Ivan IV [2, pp. 161–93]. In a footnote Batunskii wrote: “As I have noted many times, the term “*basurmane*” (and even more frequently the term “*poganye*”) were frequently applied to non-Muslims – non-Orthodox Christians” [2, p. 166 n. 29]. Sources from Ivan IV’s reign continued to express hostility toward Tatar Muslims via frequent use of this same terminology.

“MUSLIM” TERMINOLOGY IN WESTERN EUROPE

Batunskii rightly called attention to the ubiquity of the application of the word “pagans” to the Tatars and all other Rus’ enemies, “eastern” and “western.” According to Batunskii, to the Rus’ Muslims were pagans both before and after they converted to Islam. This valid assertion raised the issue of whether Rus’/Russian designation of the Tatars as “pagans,” as well as Hagarenes, Ishmaelites, and Saracens, differed from West European. The answer is negative.

Of course in its modern definition Islam is hardly a “pagan” religion. In the ancient, medieval and early modern world “pagan” did not necessarily mean polytheist or idolater as we now define those terms. Daniel conceded that some medieval authors “thoughtlessly” used “pagan” to mean someone who was “neither a Christian nor a Jew.” Concerning Muslims as pagan idolaters, Daniel opined: “Finally, we must remember that ‘idolatry’ may always be used (in strict theology correctly) to describe any mistaken idea of God that men may worship, but that does not then mean in particular the worship of physical idols.” Elsewhere he observed that in some cases “Saracen” meant all non-Christians and that in the popular *chansons de geste* “we can see more and more clearly that ‘pagan’ meant no more than and no less than ‘non-Christian’.”⁹ Cruz wrote: “The adjective ‘pagan’ does not necessarily describe an idolater in medieval sources, however. For many writers it appears to be no more than a synonym for non-Christian,” echoing the view of Comfort that in the medieval context “Saracen” meant any people whose religion was other than Christianity. Thus Saxons, Irish, Danes, and Vandals, before their conversion to Christianity, might be confused with Saracens.”¹⁰ Allaire concurred that to the medieval reader “Saracen” could mean any non-Christian or unbeliever [1, p. 246]. Hoyland wrote that “pagans” “in a general way” could mean all non-Christians, even if it were mostly applied to Muslims [26, p. 194]. Therefore because they were not Christians all Muslims were pagans, but all pagans were

---

⁹ [14, pp. 214 n. 61; 343; 13, p. 262]. Of course Western views were not uniform. A converted Jew argued that Islam was not like “other pagan religions” because Muslims were not idolatrous [30, pp. 155, 160]. For the record, even the pre-Muslim Tatars did not have “idols.” Traditional Inner Asian pastoral nomadic religion, a combination of animal and nature worship, and shamanism, did not have idols. The “idol” to which the pre-Muslim Tatars supposedly wanted Mikhail of Chernihiv to bow was a clan symbol, not an idol [23, pp. 47–52; 18, pp. 57–62].

¹⁰ [10, pp. quotation 57 n. 7; 10, pp. 629–30] quoted in [12, p. 65 n. 63]. Curiously, according to [50, p. 88], eighth-century authors in Spain did not apply the term “pagan” to Muslims.

not Muslims.¹¹ Rus' authors carried this line of reasoning even further. All non-Orthodox Christians, specifically Catholics, were also called pagans. Because there was no significant difference in their minds between Islam and “paganism” Rus' authors could portray Tatars they knew to be Muslim as engaging in what a modern historian of religion might call “pagan” rites. Chekin found the same case in Kyivan Rus' where “pagan” became the “standard epithet” for non-Christians [9, p. 10]. The term “pagan,” to borrow Batunskii's formulation, lacked any Islamic content. In this case, as Batunskii did not make clear, “western” and Rus'/Russian use of the term “pagan” applied to Muslims coincided. Although it did encompass Muslims, “pagan,” from its usage, did not “mean” all and only adherents of Islam.

A different complication pertains to the Old Testament term “Hagarenes,” traditionally seen as a reference to the descendants of Hagar, Egyptian slave of Abraham. According to Crone and Cook the early Muslims called themselves Hagarenes (the Greek *Hagarenoi* derived from Arabic *Muhjirun*). It was not until the eighth century that Muslims called themselves “Muslims” [11]. Hoyland concluded that sources in several languages called the early Arab conquerors Hagarenes but later labeled them “Muslims,” a synonym of “Saracens” [26]. However, he also adduced a seventh-century Greek text that refers to a “Christian Saracen.”¹² Donner argued that the early Muslims called themselves “believers.” Some of these “believers” retained their Christian and Jewish affiliations. Once Islam evolved into a self-conscious religious confession, however, that became impossible [15]. Donner did not mention Ishmaelites or Hagarenes, but his analysis confirms the absence of “Muslims” as an early self-definition of Muslims.

The best-known etymology of “Ishmaelites” is that it references the descendants of Ishmael, son of Hagar. The term appeared in biblical sources long before the appearance of Islam. In the eighth to fourth centuries BCE, according to Eph'al, a federation of Semitic-speaking tribes in the Northern Sinai desert, Northern Arabia and the Syrian-Arabian desert were called Ishmaelites, although they called themselves Arabs.¹³ Other specific groups were called Hagarenes. Neither term was a generic cognomen. Each, in the minds of outsiders, denoted a specific “tribal” unit. Indeed, in different centuries different groups in different Middle East locations were designated Ishmaelites [17].

Before the rise of Islam, according to Timani, Europeans used the term “Saracen” to apply to Arabs. Some medieval authorities traced the name to Sarah, wife of Abraham, who drove out Hagar and Ishmael. “Saracens” became widely used in the Medieval Europe, where “Islam” and “Muslim” appeared only rarely [48]. According to Donner, “Saracen” in seventh-century Greek referred to Arab nomads, not Muslims [15, pp. 107, 134].

These studies considerably muddy the waters of any attempt to discern an “essentialist” meaning of Hagarene, Ishmaelite or Saracen. These terms arose before

---

¹¹ The same holds true for “godless” (*bezbozhnyi*) which applied not just to polytheists, whose problem, in Orthodox Christian theology, was not that they worshiped no gods but that they worshiped too many gods, any more than it excluded monotheists. Catholics, Muslims and Jews were “godless” to Rus'/Russians despite that fact they worshiped one god because they did not worship the Orthodox Christian God, the only “true” God.

¹² [26, p. 62, n. 25], although he disagreed with Donner (see next note) that as a confession early Islam was indeterminate (26, p. 550)].

¹³ Because the Rus'/Russian sources did not call the Tatars “Arabs,” the evolution of the term “Arab” is not germane here.

the seventh century and therefore could not possibly have described Muslims then. They had different geographic and chronological parameters, although all primarily designated nomads. Yet long before Kyivan Rus' entered the East European scene, all had become all-purpose generic terms applied universally to Muslims in the Middle East.

While such usage seems to match that of Kyivan Rus', in one sense it does not, precisely because the West Europeans were describing the Middle East, where not only all nomads (Arabs, Bedouins) had become Muslim by the early medieval period, but almost everyone, including Persians and Turks, had adopted that faith, except for the vastly outnumbered Eastern Christians. Kyivan Rus' sources from the eleventh and twelfth centuries used all three terms (Hagarenes, Ishmaelites, and Saracens) to describe non-Muslim nomads. The only Muslims known to Kyivan Rus' in Eastern Europe were town-dwellers, in Grand Bolgar and more remotely Khwarezm. While Europeans used Hagarene, Ishmaelite and Saracen to denote Seljuk Turk Muslims, Kyivan Rus' authors used at least Hagarene and Ishmaelite to denote non-Muslim nomads like Pechenegs and Polovtsy. Kyivan Rus' pilgrims to Palestine or Mount Sinai would have had no difficulty calling Muslims in the Middle East Hagarenes and Ishmaelites, but in Rus' perception not all Hagarenes or Ishmaelites were Muslims. Indeed, the Kyivan Rus' annalist knew and rejected the supposed self-designating etymology of Saracens as descendants of Sarah, so its usage in Rus' sources would differ somewhat from the two other terms [9, 13, 18–19; 44, pp. 151–52].

Therefore, when the Tatars arrived on the Pontic and Caspian steppe to Kyivan Rus' they became just another group of pagans, Ishmaelites, Hagarenes and Saracens, who, unlike their Middle Eastern counterparts, were *not* Muslims.¹⁴ Indeed Batunskii noted that thirteenth-century Tatars were *not* called “Muslims.” By the second half of the fourteenth century in Russia Ishmaelites, Hagarenes and Saracens had become generic identifiers of Muslims, because by then all the Turkic nomads of the steppe had become Muslim, like all the Arabs/Bedouins in the Middle East. Until that time these terms, as Batunskii averred, had no Islamic content. Let me suggest a distinction between terms like pagans, Ishmaelites, Hagarenes and Saracens, which were eventually used to describe Muslims although they had previously been applied to non-Muslims as *extrinsic* referents to Muslims, and terms like *besermen'* and *basurman*, which were applied to Muslims but never to non-Muslims as *intrinsic* referents to Muslims. Extrinsic referents to Muslims were inclusive, but intrinsic referents to Muslims were exclusive.¹⁵ The only sometime exception may have been the original Muslim use of “Hagarene,” but in this meaning it was surpassed by “Muslim” and fell into desuetude. All Muslims were pagans, Ishmaelites, Hagarenes and Saracens, but not all pagans, Ishmaelites, Hagarenes and Saracens, in Rus'/Russia, were Muslims. At no time were the Rus'/Russians “ignorant” of who was a Muslim. Russian sources in the late fourteenth century did not describe the Permians (Zyrians) as Muslims, in the late fifteenth century and beyond did not describe the Lapps in the Arctic North, as Muslims, in the middle of the sixteenth cen-

---

¹⁴ The same would have been true in the Middle East of the European perception of the Mongols in the thirteenth century who created the Ilkhanate and only converted to Islam towards the end of that century.

¹⁵ Batunskii's research demonstrates so much affinity to Post-Modernism that I am surprised he did not deal with the Rus' terminology in terms of signifier and signified, which do not require an intrinsic connection.

tury did not describe the non-Muslim middle Volga Finnic nationalities like Cheremis' as Muslims, and in the late seventeenth century, beyond the scope of this article, hardly described the Buddhist Kalmyks as Muslims.

TERMINOLOGY IN CHRONOLOGICAL SEQUENCE

Batunskii's interpretation of the Rus'/Russian terminology for the Muslim Tatars did not pay sufficient attention to the dating and provenance of sources. The chapters in Volume 1 of *Rossiiia i Islam* lack chronological or thematic uniformity. Batunskii referred to early Muscovy in the chapter on Kyivan Rus', treated a Riazan' source in a chapter on early Muscovy, and began a chapter on the *Rossiisskoe* state with fourteenth-century events when the term should begin to apply in the late fifteenth century. This pattern impairs the cogency of Batunskii's argument. Because these anomalies also occurred in the articles in English published during his lifetime, such chronological inconsistency cannot be attributed to the unfinished state of the volume at the time of Batunskii's death. These chronological and geographical anomalies may have hidden some patterns in the Rus'/Russian terminology of the Tatars from Batunskii's view. Moreover, his analysis relied upon "typical" examples to prove his points, not an extensive analysis of the source base. To be sure, a truly comprehensive analysis of all references to Muslims in the medieval Rus'/Russian sources would require another book. To be sure Batunskii's argument that the Rus' hostile image of Islam demonstrated considerable continuity from Kyivan times through the end of the sixteenth century (and beyond, as shown by the subsequent volumes of *Rossiiia i Islam*) was completely convincing. Batunskii was also quite correct that the Kyivan Rus' image of Islam derived from Byzantium. However, recent research has proposed that the Byzantine attitude toward Islam was more ambivalent than Batunskii allowed [6; 16; 24].

When the Rus' first encountered the Tatars in 1223, like the Pechenegs and Polovtsy, they were not Muslims. The conversion of the Juchid ulus to Islam was a gradual process but the major turning point was the reign of Khan Uzbek. Even early Tatar rule, however, introduced Muslims into the Rus' forest zone. Batunskii's observation that Rus'/Russia lacked a theoretical or conceptual model of Islam with Islamic content¹⁶ resonates with Bushkovitch's analysis that Rus' had no interest in Muslim theology because, as Batunskii stated repeatedly, Islam was not a threat to the existence of Russian Orthodox Christianity.¹⁷ However, Batunskii was quite mistaken in concluding that the Tatars were "immediately equated with Islam." As we shall see, examination of Rus'/Russian use of the adjective "Muslim" or allusions to Muhammed in the thirteenth and early fourteenth century were far from promiscuous in identifying individual or groups of Tatars or non-Tatars as Muslim. The Rus' sources carefully and knowledgeably identified individuals who were Muslims as Muslims, although they might treat Tatar Muslims as non-Muslims for polemical purpose. From the mid fifteenth century on, and increasingly through the middle of the sixteenth century, Rus'/Russian sources berated Tatar plans to coerce all Russians to convert to Islam or, at the individual level bemoaned the apostasy to Islam of Orthodox Christians or lauded the martyrdom of Orthodox Christians who refused to apostasize. The generic terms for non-Orthodox Christians, pagan, Ishmaelites, Hagarenes and Saracens, continued to be

---

¹⁶ For example [2, p. 83].

¹⁷ [8], although Bushkovitch dismissed Batunskii's monograph too casually [8, pp. 119–120].

used, although there are ambiguous passages where for example “Saracen” seemed to acquire a confessional coloration. Nevertheless I have not found a single passage in which Rus'/Russian authors described as a Muslim someone we know not to have been Muslim. “Muslim” remained a necessary and sufficient indicator of adherence to Islam. It never lost its non-intellectualized Islamic content.

NON-TATAR MUSLIMS AND TATAR MUSLIMS

Rus'/Russian sources maintained the distinction between “Muslims” and Tatars before and after a majority of Tatars accepted Islam. Batunskii mentioned the Muslim artilleryman in 1184, obviously not a Tatar and probably not a Polovtsian, who joined a Polovtsy raid and could shoot fire. Given the technology involved, we may infer that this Muslim probably came from an urban locale, perhaps Central Asia.

Batunskii, to repeat, insisted that the equation of Tatars with Pechenegs and Polovtsy in *Tale of the Destruction of Riazan' by Batu* epitomized all of them as Muslims because they are all Ishmaelites and Hagarenes, although the concept of “Muslim” had become empty of Islamic content. This last observation may derive from Batunskii's realization that neither the (long-gone) Pechenegs nor the Polovtsy nor the Tatars in the thirteenth century were Muslim when Batu destroyed Riazan'. Of course the Rus' could hardly confuse the Tatars with Polovtsy in 1223 because the Tatars had just defeated the Polovtsy and would then destroy the joint Rus'-Polovtsy army at the battle of the Kalka River. Nevertheless the image of the Polovtsy devolved onto the Tatars [9, pp. 22, 24]. Even in the fourteenth century when the *Tale of the Destruction of Riazan' by Batu* was written it is not certain that Islam had definitively achieved dominant status among the Tatars at the time of its composition. The text might have been composed early enough in the fourteenth century to predate the full extent of conversion to Islam in the Juchid ulus. In any event Batunskii misinterpreted the connection. The Tatars were like the unnamed Pechenegs and Polovtsy because they were non-Orthodox Christians, godless Ishmaelites, enemies of Orthodox Christianity, and incidentally Inner Asian pastoral nomads, not because of they shared the same religion.

The Juchid ulus included several Islamic cities, Grand Bolgar on the Volga River and Khwarezm in Central Asia. The world Mongol empire utilized Central Asian Muslims as tax-collectors. But the nomadic core of the Juchid ulus did not become predominantly Islamic until the reign of Khan Uzbek in the first half of the fourteenth century. In 1262 several northeastern Rus' cities revolted against Muslim tax-farmers, probably Central Asians.¹⁸ In the same year the Orthodox Christian priest Izosima, a drunkard and blasphemer, became an apostate by adopting the faith of the prophet Muhammad (*prorok Makhmet*), for which he was executed [35, p. 476].

In 1262 the evil and accursed Muslim Kutlubii invaded northeastern From his Turkic, rather than Arabic, name, Kutlubii could have been a Tatar, so this chronicle entry might be the earliest reference to a Tatar Muslim [35, p. 476]. In 1266 the chronicler noted that Batu's death his successor as khan was his brother Berke,

---

¹⁸ [35, p. 476]. A short narrative in the *Ustiug and Vologda Chronicles (Utiuzhskie i vologodskie letopisi)*, written in the late fifteenth century about the conversion of a rapist Tatar official to Christianity to save his life, mentioned Alexander Nevskii's order to stage an anti-Tatar uprising and kill Muslims (*basurmane*). This is obviously a derivative account of the 1262 events. These Muslims also appear not to be Tatars [42, p.70].

a Muslim; under Berke Rus' suffered less from "Muslim oppression." Batu was not a Muslim, Berke was, so the "Muslims" who were oppressing Rus' most probably were the non-Tatar Central Asian Muslim tax collectors from the central World Mongol Empire. Berke's immediate successors were, again, not Muslims [39, p. 72]. In the 1280s an official (*basqaq*) named Akhmat, described as a Muslim, oppressed several small areas of southwest Rus'. In retaliation a local prince attacked two Muslims and thirty Rus' traveling from one settlement established by Akhmat to another. Another Rus' prince sought justice before the Muslims by visiting the nomadic camp of the powerful Tatar lord Nogai before whom the khan's fishermen testified on their Muslim faith (*besermenskaia pravda*). Akhmat himself is not categorized as a Tatar, and it is possible that he and his minions were Central Asian Muslims [39, pp. 79–51]. Only when the boy Temujin, the future Chinggis Khan, his widowed mother and brothers were reduced to penury did they avert starvation by fishing [46, pp. 19–20], so it is possible that the Muslim fishermen were not Tatars.

Either knowledge of Berke's chosen religion did not spread widely or all authors did not consider the fact of his adherence to Islam was significant. The *Life of the Venerable Petr, Tsarevich of the Horde* (*Povest' o blazhennom Petre, tsareviche ordynskom*) failed to mention Berke's religion, although his nephew, the future saint Petr, had to wait for his uncle's death in 1267 to convert to Christianity because of Berke's opposition to his choice of faiths. By definition, therefore, Berke was not an Orthodox Christian, but that did not make him a Muslim. Petr began to question the Mongol belief in "the sun, the moon, the stars and fire," not Islamic beliefs, in 1262, when Berke was already khan, and the land consecration ritual attributed to Petr was not Muslim [20; 19, p. 648]. The *Life of the Venerable Petr* was written in the fourteenth century, and distorted Berke's religious practices, in effect depicting him as a pagan. Although the Rus' knew which Tatars were Muslim, motivated mostly by bias they had no qualms about attributing very non-Muslim rites and beliefs to those Muslims. I would argue that sensationalist religious hostility, not ignorance, was the driving motivation. No medieval Rus' author would have balked at such literary legerdemain. As Batunskii noted, the *Narration of the Battle with Mamai* turns Mamai into a devotee of Slavic pagan gods and adept of the "Hellenic" religion.

When Khan Uzbek ascended the throne of khan of the Juchid ulus in 1313 he was already a Muslim, but not all Russian chroniclers considered his faith important enough to mention.¹⁹ The *Simeonov Chronicle* (*Semenovskaia letopis'*) did so [39, p. 88], but not the *Moscow Chronicle Compilation of the End of the Fifteenth Century* (*Moskovskii letopisnyi svod konta XV veka*). Its compiler did excoriate Uzbek's "God-defiling" (*bogomerzskaia*) Saracen faith, mentioned in connection with the 1315 execution of Saint Grand Prince Mikhail of Tver', which might have meant he was a Muslim, even if the chronicler did not refer to the "Muslim" faith [41, p. 161]. In 1327 the residents of Tver' revolted against the oppression of the city by the Tatar Chol Khan, probably collecting taxes and recruits. The early chronicle accounts of this incident written in Tver' mentioned only exactions and abuse but did not make religion an issue. The *Novgorod Fourth Chronicle* (*Novgorodskaia chetvertaia letopis'*) fictitiously accused him of wanting to convert

---

¹⁹ [25] argued that because Tatar policy toward Rus' and Rus' Orthodox Christianity did not change with Uzbek's conversion, the chroniclers were not obligated to mention it.

the people of Tver' to the "Tatars' faith" (*khristiane khotiashe privesti v Tatarskuu veru*), not the Muslim faith [37, pp. 50–51]. That "Tatar" faith meant Islam, as "Saracen" did sub anno 1315 above, might similarly be inferred in a 1371 entry in the *Tipograph Chronicle* (*Tipografaskaia letopis'*), usually dated to the 1520s, that German, Metropolitan of Jerusalem, came to Rus' for alms because of "oppression from the pagan Saracens" (*nasilie ot poganskikh sratsyn*) [40, p. 127]. I have not seen any references to the "Hagarite faith" or the "Ishmaelite faith" in the Rus' sources. In other words, even after Uzbek's conversion Russian sources did not immediately or consistently label all Juchid ulus Tatars "Muslims," and they continued to distinguish "Tatars" from "Muslims."

The chronicler's reference to "Tatar and Muslim" plague victims in 1346 suggests that the two groups were not entirely identical, that is, Islam had not yet spread to all Tatars in the Juchid ulus. "Muslim" here probably refers to non-Tatar Muslims, probably Central Asian. Sub anno 1371 according to the *Tipograph Chronicle* (*Tipografaskaia letopis'*), usually dated to the 1520s, German, Metropolitan of Jerusalem, came to Rus' for alms because of "oppression from the pagan Saracens" (*nasilie ot poganskikh sratsyn*), which testifies to both Rus' knowledge of Islamic rule in Palestine and the application of the terms "pagan" and "Saracen" to Muslims [40, p. 127].

It is only in works about Kulikov that Polovtsy and Pechenegs "become" Tatars. Monuments of the Kulikovo cycle named Pechenegs and Polovtsy as constituting parts of Mamai's army. By this time there was a religious disconnect between Mamai and the nomads of the Kyivan period, because Mamai was a Muslim, but their connection was hostility toward Orthodox Christianity [21]. Russian authors had no need to project Mamai's Muslim faith onto the Pechenegs or Polovtsy. The historicist elements of these texts should not be projected onto thirteenth-century Rus' conceptions of the relationship of the Tatars to their predecessors in the Pontic and Caspian steppes.

The *Expanded Redaction* of the *Chronicle Tale* of the battle of Kulikovo, despite not depicting the Tatars as Muslims, contradictorily accused Mamai's ally Grand Prince Oleg of Riazan' of being a "Muslim accomplice" (*pobornik besermen'skii*), which implied that the Tatars were Muslims [43, p. 30]. The *Expanded Redaction* (*Rasprostranennaia redaktsiia*) of the *Chronicle Tale* (*letopisnaia povest'*) of the battle of Kulikovo, as Batunskii noted, recorded that Mamai hired Muslims (*Besermeny*), Italians (*Friazi*), and Armenians to fight Dmitrii Donskoi. The text implicitly distinguished these mercenaries from Tatars, so I suspect they came from Khwarezm and were actually Muslims [43, p. 30]. In fact Mamai's Tatars would all have been Muslims but the text vilifies them not as Muslims but as pagans, Ishmaelites and Hagarenes, like the Pechenegs and Polovtsy, and perhaps because the text highlights the historical continuity of the Rus'/Russian battle against steppe nomads. The full redaction of the *Oration on the Life and Death of Grand Prince Dmitrii Ivanovich, Rus' tsar'* (*Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo kniaz'ia Dmitriia Ivanovicha, tsaria russkogo*), found in the *Novgorod Fourth Chronicle* under the year of his death, 1389, accused Mamai of wanting to convert the Russians to the faith of Muhammad (*veliu klaniatisia svoemu Bakhmetiiu*), which can only mean Islam, and would be nonsense if he were not a Muslim [37, pp. 350–51]. A short narrative in the *Moscow Chronicle Compilation of the End of the Fifteenth Century* about the "Stand on the Ugra River" in 1480 labelled Ivan III's "evil advisors" who urged him not to stand firm

against the Tatars' "Muslim accomplices" (*norovniki besermenskie*), akin to Oleg of Riazan' in 1380, which entailed that these Tatars were Muslims [41, p. 328].

Russian sources dealing with the Khanate of Kazan', a successor state of the Juchid ulus, especially by the sixteenth century foreground the role of Islam in motivating Kazan' Tatar animosity toward Orthodox Christians. The *Tale of Timofei of Vladimir* (*Povest' o Timofee Vladimirskom*) narrates how a Russian Orthodox presbyter raped a virgin during confession during Lent and then fled to Kazan' where he converted to Islam [33, pp. 58–67]. Although these events purportedly took place in the second half of the fifteenth century, the literary style of the tale matches the dating of its manuscripts, in the seventeenth century. To be sure, the definitely Muslim Kazan' Khanate existed in the second half of the fifteenth century. References to Islam and the "evil Muslim Saracen faith" abound in the text. Similarly hostile to Kazan' Tatar Islam is *About a holy martyr Ivan, who was tortured for Christ in the city of Kazan'* (*O sviatom muchenike, izhe za Khrstia muchen vo grade Kazani*), also known as the *Life of Ivan of Kazan* (*Zhitie Ioanna Kazanskogo*) or *An Account of the great and glorious wonders that happened in the town of Kazan* (*Skazanie velikago i slavnago chiudesi, ezhe byst' vo grade Kazani*), sometimes attributed to Nifont Kormilitsyn or another Volokolamsk monk. In its short paragraph narrative, before dying under torture for refusing to convert, Ivan curses Muhammad, which unambiguously identified the religion of the Kazan' Tatars as Islam [34, p. 278 n. 3]. In a short account of Ivan's campaign against Kazan' Nifont mentioned that thousands of Muslims perished when the Muscovite stormed the city [31, pp. 26–35, here 26, 34; 47]. The *Nikon Chronicle's* (*Nikonovskaia letopis'*) extensive narrative of Ivan IV's campaign of conquest against Kazan' in 1552 made up in excess what it lacked in originality [38, pp. 162–228]. Ivan IV intended to save Orthodoxy from "Muslim ravaging and slavery" (*besermenskoe plenenie i rabota*), to save Christians from "Islam" (*besermenstvo*) [38, p. 166]. Muscovy's puppet khan of Kazan' Shah ali refused to accede to Muscovy's annexation of legitimately Kazani territory because he was a Muslim and would not betray his faith [38, p. 173]. Ivan IV denied that he wished to destroy a Muslim polity (*yurt*) [38, p.176]. The Kazan' Tatars called upon filthy (*skvernyi*) Muhammad for help, but the Russians expelled Muhammad's falsehood (false religion) from Kazan' [38, pp. 217, 228]. All Muslims who survived the storming of the city were subject to God's judgment and executed.²⁰

Muscovite chroniclers from Ivan IV's reign possessed considerable expertise about the Islamic clerical establishment in Kazan'. Passages in the *Book of Degrees* (*Stepennaia kniga*) and the *Chronicle of the Beginning of the Tsarstvo* (*Letopisets nachala tsarstva*) mention *molni* = mulla, mullas = religious authorities; *kadi*, *qadi*, Islamic religious judges; *seiti* = seyits, sayyids = descendants of the Prophet Mohammed; and *imamy*, imams, prayer leaders [22]. These authors were hardly likely to be confused as to who was a Muslim and who was not.

The same is true of two texts whose dating to the sixteenth century has been contested. The *Kazan' History* (*Kazanskaia istoriia*), a history of Kazan' from its foundation in the fifteenth century through its conquest by Ivan IV in 1552, has a more problematic dating [29]. Its author claimed to have accessed Kazan' chronicles during the twenty years he spent as a captive in Kazan' but he got so many

---

²⁰ [38, p. 225]. The Russians executed only male Kazanis; they enslaved the women and children.

things about Kazan' wrong that most specialists reject his self-proclaimed biography as a literary conceit. If there were a sixteenth-century redaction of the work it cannot be retrieved because all extant manuscripts, which date to the seventeenth century, derive from a later redaction. On the other hand the author was familiar with Islam, so the text deserves mention here. The author *inter alia* portrayed the Kazanis as pious Muslims who prayed in mosques [29, pp. 57, 148–49, 157]. The Kazanis refused to abandon their Muslim faith [29, p. 146]. Ivan, contradictorily, promised to respect Islam if the Kazanis surrendered but when they do not he insisted that he was not a “cannibal” (*syroiadets*) like the “pagan Muslims” [29, pp. 128–29]. He scornfully informed them that their “false prophet Bakhmet” could not save them from Muscovite arms [29, p. 145]. Ivan ordered the execution of all Muslim clergy (*ereev bokhmichikh*) [29, p. 158]. The text referred to seyyids, mullahs, hafiz (men who knew the Qur'an by heart), and dervishes. Despite his invective, the author evinced sympathy toward Kazanis as Muslims, lamenting that the Islamic faith (*bokhmichiu veru*) perished with the city [29, p. 163]. Contradictorily he noted the death of a seyyid of the false faith of Muhammad (*lozhnago zakona Bakhmeteva*) [29, p. 96]. The author of the text, whoever he was and whenever he wrote, was more than knowledgeable enough about the Islamic clerical establishment not to have mistaken non-Muslims for Muslims. Prince Andrei Kurbskii, in his *History of the Grand Prince of Moscow (Istoriia o velikom kniaze moskovskim)*, assuming that it is authentic,²¹ called the Kazan' Tatars “Muslims” (Fennell translates as “Mussulmans”), referred to Kazan' as a Muslim city, and criticized Ivan IV for departing Kazan' prematurely instead of pursuing the annihilation of all the Muslim soldiers of Kazan' [45, pp. 28–29, 36–37, 44–45, 48–49, 50–51, 54–55, 56–57, 60–61, 68–69, 70–71, 72–73].

By the middle of the sixteenth century Muscovite texts do not compare any group of Tatars, including Kazan', Crimean, and Nogai, to the Pechenegs or Polovtsy. Rather, their antecedent point of reference stands at Batu, whom Mamai in 1380 and Khan Akhmat of the Great Horde in 1480 sought to emulate by defeating Rus' Orthodox Christianity. By this time the entire Tatar steppe was Muslim. Of course, as Muslims all Tatars could still be castigated as pagan, Hagarene, Ishmaelite and Saracen.

Conclusion

In the Middle East extrinsic terms for Muslims, pagan, Ishmaelite, Hagarene and Saracen originally referred to non-Muslims, then became ubiquitous for non-Christians, and finally designated almost entirely Muslims, because there was pretty much no one else. Because the Rus' applied them to the Pechenegs and Polovtsy, Batunskii inferred that the Rus' had “Islamicized” these nomads, although the Rus' knew that the Pechenegs and Polovtsy were not Muslim. When the pagan Tatars arrived, Rus' projected this same terminology onto them, which Batunskii argued constituted affiliating them with Muslims. Although this is a sophisticated and subtle theory, it does not fit the evidence. Kyivan Rus' knew who was a Muslim and, as in the “testing of the faiths” of St. Vladimir's conversion, referred to them by terms that meant adherence to Islam. In the Kulikovo era Russian authors did project their image of the Polovtsy onto the Tatars, because both were non-Orthodox Christian nomadic enemies; Islam had no relevance here.

---

²¹ [7] concluded that it is not.

Batunskii's claim that "Muslim" lost all substantive meaning in the process did not take into account the meticulous use of "Muslim" by Rus'/Russian authors from the middle of the thirteenth century on. They knew who was a Muslim and who was not; they used extrinsic terms for both non-Muslims and Muslims, but never intrinsic terms or references to Mohammed for non-Muslims. Batunskii employed in his research too narrow a source base and paid insufficient attention to chronology. The equation of the Tatars and the Pechenegs/Polovtsy in texts about the battle of Kulikovo did not derive from religious but historical continuity, the battle of Orthodox Rus' against non-Orthodox nomads. In the fifteenth and especially sixteenth centuries the increasing prominence of Islam in Russian depictions of the Tatars, accusations that the Tatars wanted to convert all Russians to Islam and incidents of martyrdom to avoid forced conversion reflected changes in Muscovite society, not the eruption of a more militant form of Islam among the Tatars. Rus'/Russian authors' manipulation of the extrinsic vocabulary from the Kyivan period to denote Muslims and non-Muslim non-Orthodox Christians remained serviceable throughout the entire period of Eastern Slavic history covered by Volume 1 of Batunskii's "Russia and Islam." We have, in conclusion, Batunskii's ambitious and erudite *magnum opus* to thank for the opportunity to explore that terminology as a window onto Rus'/Russian perceptions of Islam.

REFERENCES

1. Allaire G. Portrayal of Muslims in Andrea da Barberino's *Guerrino il Meschino. Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*. ed. J.V. Tolan. New York: Garland, 1996, Routledge, 2000, pp. 173–84.
2. Batunskii M.A. *Rossii i Islam*. Vol. 1. Moscow: Progress-Traditsiia, 2003. 400 p. (In Russian)
3. Batunskii M. Islam and Russian Medieval Culture. *Die Welt des Islams*. 26, 1986, pp. 1–27. (In Russian)
4. Batunskii M. Muscovy and Islam: In a Further Quest of an Empirical and Conceptual Compromise ('The Journey' Beyond Three Seas' by Afanasii Nikitin). *Saeculum* 39, 1988, pp. 277–293.
5. Batunskii M. Muscovy and Islam: Irreconcilable Strategy, Pragmatic Tactic. *Saeculum* 39, 1988, pp. 63–81.
6. Blanks D.R. Byzantium and the Muslim World. *Images of the Other: Europe and the Muslim World before 1700*, ed. D. R. Blanks. Cairo: American University of Cairo Press, 1997, pp. 109–21.
7. Boeck B.H. Eyewitness or False Witness? Two Lives of Metropolitan Filipp of Moscow. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 55, 2007, pp. 161–77.
8. Bushkovitch P. Orthodoxy and Islam in Russia 988–1725. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 76, 2010, pp. 117–43.
9. Chekin L.S. The Godless Ishmaelites: The Image of the Steppe in Eleventh–Thirteenth Century Rus'. *Russian History* 19, 1992, pp. 9–28.
10. Comfort W.W. The Literary Role of the Saracens in the French Epic. *Proceedings of the MLA* 55, 1940, pp. 628–59.
11. Crone P., Cook M. *Hagarism: The Making of the Muslim World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 268 p.
12. Cruz J.A.H.M. Popular Attitudes Toward Islam in Medieval Europe. *Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe: Perception of Other*. Ed. D.R. Blanks, M. Frassetto. New York: St. Martin's Press, 1999, pp. 55–81.

13. Daniel N. *Heroes and Saracens: An Interpretation of the Chanson de Geste*. Edinburgh. Edinburgh University Press, 1984. 349 p.
14. Daniel N. *Islam and the West: The Making of an Image*, rev. ed. Oxford: One World, 1993. 467 p.
15. Donner F.M. *Muhammad and the Believers: At the Origins of Islam*. Cambridge MA. Belknap Press of Harvard University Press, 2010. 280 p.
16. El-Cheik, N. M. An Ambivalent Image: Byzantium Viewed by the Arabs. *Images of the Other: Europe and the Muslim World before 1700*. ed. D. R. Blanks. Cairo: American University of Cairo Press, 1997, pp. 122–35.
17. Eph'al I. *The Ancient Arabs on the borders of the Fertile Crescent, 9th–5th c.* Jerusalem. Magnes Press, Hebrew University, 1984, 265 p.
18. Gal'perin Ch. *Tatarskoe igo. Obraz mongolov v srednevekevoi Rossii*. tr. M.E. Kopylova. ed. Iu. V. Seleznev. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. 230 p.
19. Grinberg L. From Mongol Prince to Russian Saint: A Neglected Fifteenth-Century Russian Source on the Mongol Land Consecration Ritual. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12, 2011, pp. 647–73.
20. Halperin C.J. A Chingissid Saint of the Russian Orthodox Church: 'The Life of Peter, tsarevich of the Horde'. *Canadian-American Slavic Studies* 9, 1975, pp. 323–35.
21. Halperin C.J. The Image of the Mongols (Tatars) as Kipchaks (Polovtsy) in Russian Sources, Thirteenth-Sixteenth Centuries. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 21, 2014–2015, pp. 137–46.
22. Halperin C.J. The Muscovite Attitude Toward the Outside World During the Reign of Ivan IV: Stepennaia kniga. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury tatarskogo naroda. Materialy k uchebnym kursam: v chest' iubileia akademika AN RT M.A. Usmanova*. Comp. D.A. Mustafina and M.S. Gatin, ed. by I.A. Giliuzov. Kazan: Izdatel'stvo MOiN RT, 2010, pp. 188–201.
23. Halperin C.J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. 2nd corr, ed. Bloomington: Slavica Publishers, Inc., 2009. 329 p.
24. Hanson C.L. "Manuel I Comnenus and the 'God of Muhammad': A Study in Byzantine Ecclesiastical Policy. *Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*, ed. J.V. Tolan. New York: Garland, 1996; Routledge, 2000, pp 55–82.
25. Hautala R. Russian Chronicles on the Religious Policy of Khan Uzbek (1313–1341) and his Relations with the Principalities of North-Eastern Rus'. R. Hautala. *Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: a Century of Interaction*, ed. V Spinei. Bucurest, Editoru Academiei Romane, Braila: Editura Istros a Muzueului Brailei "Carol I", 2014), pp. 455–77.
26. Hoyland R. G. *Seeing Islam as others saw it: a survey and evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian writings on early Islam*. Princeton: Darwin Press, 1997. 722 p.
27. Kappeler A. Obituary of M.A. Batunskii. *Central Asian Survey* 16, 1997, pp. 439–40.
28. Kappeler A. Review, Batunskii, M.A. *Rossia i Islam. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 53, 2005, pp. 578–80.
29. *Kazanskaia istoriia*, ed. G.N. Moiseeva. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 191 p. (In Russian)
30. Krey P. Nicholas of Lyra and Paul of Burgos on Islam. *Medieval Christian Perceptions of Islam, Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*, ed. J.V. Tolan. New York: Garland, 1996, Routledge, 2000, pp. 153–74.
31. Kuntsevich G.Z. Dva rasskaza o pokhodakh tsaria Ivana Groznogo na Kazan'; v 1550 i 1552 gg.,” *Otchet o zasedaniakh Otdela liubiteli Drevnei Pis'mennosti v 1897–1898 g. prilozheniami*. Pamiatniki drevnei pis'emennosti i ikusstva, t. 130. St. Petersburg, 1898, pp. 26–35. (In Russian)
32. Ostrowski D. Simeon Bekbulatovich's Remarkable Career as Tatar Khan, Grand Prince of All Rus', and Monastic Elder. *Russian History* 39, 2012, pp. 269–99.

33. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi, konets XV – pervaiia polovina XVI*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1984. 768 p.
34. Pelenski. J. *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague-Paris. Mouton, 1974. 368 p.
35. *Complete collection of Russian chronicles* v. 1. Moscow-Leningrad: Nauka, 1962. 580 p. (In Russian)
36. *Complete collection of Russian chronicles* 2. Moscow: Oriental Literature Publisher, 1962. 938 p. (In Russian)
37. *Complete collection of Russian chronicles* 4. St. Petersburg: Arkheograficheskaia Kommissiia, 1848. 332 p. (In Russian)
38. *Complete collection of Russian chronicles* 13. Moscow: Nauka, 1965. 532 p. (In Russian)
39. *Complete collection of Russian chronicles* 18. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov, 1913. 316 p. (In Russian)
40. *Complete collection of Russian chronicles* 24. Petrograd, 1921. 272 p. (In Russian)
41. *Complete collection of Russian chronicles* 25. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 463 p. (In Russian)
42. *Complete collection of Russian chronicles* 37. Leningrad: Nauka, 1982. 228 p. (In Russian)
43. *Povesti o Kulikovskoi bitvy*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 501 p. (In Russian)
44. *Povest' vremennykh let, Chast' I, Tekst i perevod*, ed. V.P. Adrianova-Peretts. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 554 p. (In Russian)
45. *Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV*, J. L.I. Fennell, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 314 p.
46. *The Secret History of the Mongols: a Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*, 3 vv., ed. I. de Rachewiltz. Leiden. Brill, 2004–13. 741 p.
47. Soldat C. Nifont Kormilitsyn *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*, vol. 7: *Central and Eastern Europe, Asia, Africa and South America (1500–1600)*, ed. D. Thomas, J. Chesworth with J.Asumah, S. Grodz, A. Newman. D.Pratt. Leiden. Brill, 2015, pp. 375–78.
48. Timani H.S. Saracens. *Muhammad in History, Thought, and Culture: An Encyclopedia of the Prophet of God*, vol. 2 N-Z. Santa Barbara. ABC-CLIO, 2014, pp. 538–42.
49. Tolan J.V. Introduction. *Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*, ed. J.V. Tolan. New York. Garland, 1996, Routledge, 2000, pp. ix–xxi.
50. Wolf K. B. Christian Views of Islam in Early Medieval Spain. *Medieval Christian Perceptions of Islam, Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*, ed. J.V. Tolan. New York. Garland, 1996, Routledge, 2000, pp. 85–105.

About the author: Charles J. Halperin – Ph.D. (History), Research Fellow of the Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, Indiana, USA). E-mail: chalperi@iu.edu

Received May 22, 2023 Accepted for publication August 23, 2023
Published September 29, 2023

НОВАЯ ТЕОРИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ ДЛЯ ТАТАР-МУСУЛЬМАН: БАТУНСКИЙ М. «РОССИЯ И ИСЛАМ»

Чарльз Дж. Гальперин

*Индианский университет
Блумингтон, Индиана, США
chalperi@iu.edu*

Цель исследования: Изучить теорию Марка Батунского, изложенную в первом томе его книги «Россия и ислам», о том, что назвав татар «печенегами» и «половцами», русские источники «исламизировали» как татар, так и их киевских предшественников.

Материалы исследования: Эта статья основана на нарративных источниках, включая летописи, сказания, повести, эпосы, и жития святых, которые упоминают татар с тринадцатого по шестнадцатый век.

Новизна исследования: Никто из специалистов не занимался теорией Батунского, анализируя терминологию, применяемую к татарам, как мусульманам, так не мусульманам, в средневековых источниках. Также никто не сравнивал применение русскими других терминов, также применяемых к мусульманам, таких как «поганый», «измаильтянин», «агарянин» и «сарацин» с их употреблением в западноевропейских источниках.

Результаты: Всестороннее изучение источников показывает что русские источники точно определяют, кто был мусульманином, а кто не был. Печенеги, половцы и татары, вторгшихся на Русь в XIII веке, не были мусульманами. Только источники конца XIV века и позже связывают татар, ныне мусульман, с печенегами и половцами не как приверженцев ислама, а как кочевников, не являющихся православными христианами. Эта историческая идентификация сводила к минимуму приверженность татар к исламу. Источники пятнадцатого и шестнадцатого веков действительно уделяют больше внимания исламской идентичности татар, вероятно, из-за растущего веса, придаваемого русскому православию как отличительной черте Московии.

Ключевые слова: Русь, бесермены, татары, язычники, измаильтяне, агаряне, сарацины

Для цитирования: Halperin Ch.J. A new theory of medieval Rus' terminology for Muslim Tatars: Batunskii's *Russia and Islam* // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 504–520. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.504-520 EDN: FGBWEG

Сведения об авторе: Чарльз Дж. Гальперин – Ph.D. (история), внештатный научный сотрудник Российского и Восточно-Европейского института, Университет Индианы (Блумингтон, Индиана, США). E-mail: chalperi@iu.edu

*Поступила 22.05.2023 Принята к публикации 23.08.2023
Опубликована 29.09.2023*

О НЕКОТОРЫХ НЕТОЧНОСТЯХ В ПЕРЕВОДЕ А.С. КОЗИНА «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ»

Р.Ф. Фидаров

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Владикавказ, Российская Федерация
ziglo@yandex.ru*

Цель исследования: В статье ставится задача выявления неточностей в переводе §§ 270 и 275 А.С. Козина на русский язык монгольского исторического сочинения XIII в. «Тайная история монголов». Речь идет о погрешностях, которые препятствуют адекватному пониманию смысла сообщений. В указанных параграфах источника рассматриваются события, связанные с организацией и ходом Великого западного похода монголов (1236–1242 гг.). В переводах выявляются отдельные сообщения, которые противоречат другим источникам и, следовательно, современным представлениям по истории похода 1236–1242 гг. Мало того, отмеченные моменты порой опровергаются другими сведениями этого же источника. Изучение выдержек, сомнительных по смыслу, приводит к заключению о допущении погрешностей при их переводе на русский язык. Между тем до настоящего времени отмеченные в статье неточности в переводе А. С. Козина не были рассмотрены специалистами.

Ошибки в переводе источника препятствуют русскоязычным исследователям в правильном понимании содержания его сведений, и препятствуют их правильной интерпретации, порой вводят в заблуждение современных авторов, и могут стать причиной неверных выводов.

Материалы исследования: Предметом исследования являются некоторые сообщения в переводе §§ 270 и 275 А.С. Козина на русский язык монгольского исторического сочинения «Тайная история монголов». Работа выполнена путем сопоставления сомнительных мест с переводами источника на другие европейские языки, а также с ретранскрипциями текста на монгольский язык, выполненными специалистами.

Результаты исследования и научная новизна: В статье выявлены неточности в переводе А.С. Козина «Тайной истории монголов» и предложено их исправление. Адекватное понимание источника, конечно, является залогом его правильной интерпретации и верных выводов.

Работа может быть интересна в первую очередь для русскоязычных исследователей.

Ключевые слова: перевод источника, Великий западный поход, Бату, Бури, Гуюк, каан Угедей

Для цитирования: Фидаров Р.Ф. О некоторых неточностях в переводе А.С. Козина «Тайной истории монголов» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 521–531. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.521-531 EDN: GIMNEG

© Фидаров Р.Ф., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON SOME INACCURACIES IN TRANSLATION
OF “THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS” BY A.S. KOZIN

R.F. Fidarov

*Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
Vladikavkaz, Russian Federation
ziglo@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This paper aims to identify inaccuracies in the Russian translation by A.S. Kozin of paragraphs 270 and 275 of the Mongolian 13th-century historical text “The Secret History of the Mongols.” These inaccuracies hinder a proper understanding of the information presented. The paragraphs in the source text narrate events related to the organization and course of the Great Western campaign of the Mongols (1236–1242). The translations sometimes present information that contradicts other sources and, consequently, modern interpretations of the history of the 1236–1242 Campaign. Furthermore, the points noted are occasionally refuted by other information within the same source. The analysis of these excerpts, which are ambiguous in meaning, leads to the conclusion that mistakes were made in their Russian translation. Notably, the inaccuracies identified in A.S. Kozin’s translation have not been previously addressed by researchers. Errors in the translation of the source material hinder the accurate comprehension and interpretation of its content by Russian-speaking researchers, occasionally leading modern authors astray and potentially resulting in incorrect conclusions.

Research materials: This study focuses on specific information in the Russian translation by A.S. Kozin of paragraphs 270 and 275 of the Mongolian historical text “The Secret History of the Mongols.” The investigation was conducted by comparing questionable segments with translations of the source text in other European languages, as well as with re-transcriptions of the text into Mongolian carried out by specialists.

Results and novelty of the research: This paper exposes inaccuracies in A.S. Kozin’s Russian translation of “The Secret History of the Mongols” and proposes their correction. A thorough understanding of the source material is crucial for its accurate interpretation and drawing of correct conclusions. This study may be of particular interest to Russian-speaking researchers.

Keywords: source translation, Western campaign, Batu, Buri, Güyüg, Ögedei Qa’an

For citation: Fidarov R.F. On some inaccuracies in translation of “The Secret History of the Mongols” by A.S. Kozin. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 521–531. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.521-531 (In Russian)

«Тайная история монголов» (монг. «Монгол-ун ниуча тобчиан», кит. «Юань-чао би-ши») выдающийся монгольский источник первой половины XIII в. по истории возникновения империи Чингиз-хана. К работе обращаются все исследователи, изучающие бурный период возникновения и утверждения монгольской империи. Особую роль сочинения для реконструкции истории монголов отметил Б.Я. Владимирцов [1, с. 306].

Автор, занимаясь темой Великого западного похода монголов 1236–1242 гг., разумеется, обращается к этому монгольскому сочинению, современному или наиболее близкому по времени к событиям похода. Европейский поход монгольской армии был организован и состоялся при каанстве Угедея, второго великого хана. Периоду правления Угедея посвящен послед-

ний, незначительный по объему раздел сочинения. Очевидно, что этот раздел источника, посвященный времени правления Угедея, несет официальный про-императорский отпечаток. Вместе с тем изучение текста позволяет утверждать, что его содержание не подверглось вторичной редакции или вмешательства, хотя существуют иные мнения. Другими словами «Тайная история монголов» в чистом виде отражает идеологию и представление правящей элиты относительно Великого западного похода, выработанные при дворе великого хана Угедея. Такое положение еще более поднимает значение источника для исследователей, изучающих историю империи этого периода. Ценность сочинения в аспекте изучения истории империи Чингиз-хана особенно в плане исследования «с учетом интересов и идеологии ее основателей» подчеркнул В.В. Трепавлов [11, с. 20–21].

«Тайная история монголов» дошла до нас в китайской иероглифической транскрипции, подстрочным переводом на китайский язык монгольских слов и связными переводами на китайский язык параграфов сочинения («Юань-чао би-ши»). Работа проведена в Китае при династии Мин в 1380-х гг. [12, с. 72–73], тогда же текст был разбит на 282 параграфа. Списки исходного текста на монгольском языке уйгурицей не обнаружены.

Существует ряд переводов на современные языки этого средневекового сочинения. На русский язык «Юань-чао би-ши» был переведен в 1866 г. П.И. Кафаровым (архимандрит Палладий) [9], эта работа стала первым переводом сочинения на европейский язык и высоко ценилась в науке. В 1941 г. вышел перевод «Тайной истории монголов» на русский язык С.А. Козина вместе с латинской транскрипцией текста на монгольский язык. Работа известна под названием «Сокровенное сказание» [4]. В то же время над исследованием монгольского сочинения работал Б.И. Панкратов, перевод которого считается более точным [7]. Однако перевод Б.И. Панкратова, к сожалению, неполный (§§ 1–196, с пропусками), и рассматриваемые в статье параграфы этот перевод не содержит. В первой половине XX в. одновременно с отечественными востоковедами к исследованию и переводу монгольской хроники приступили синологи и монголоеды ряда европейских стран.

Для отечественных ученых основным пособием для работы с «Тайной историей монголов» был и остается перевод С.А. Козина. Разумеется, ни один перевод такого сложного текста не застрахован от ошибок. На неточности в работе С.А. Козина указали А. Мостарт (A. Mostaert) и Б.И. Панкратов [16; 12, с. 88–100]. Следует заметить, что существует категоричное мнение относительно «Сокровенного сказания»: «Работа С.А. Козина в настоящее время не отвечает требованиям научного перевода» [6, с. 162].

Нет необходимости говорить о том, что специфика научного перевода источника предполагает постоянную работу над текстом, и такая работа ведется. Интерес источниковедов к «Тайной истории монголов» в науке не пропадает. К настоящему времени известно более десятка переводов сочинения на современные языки [19, р. LXXI; 10, с. 42–44]. Такая ситуация позволяет исследователям, не имеющим возможность работать с источником в оригинале, приходиться к аутентичному пониманию выдержек из сочинения путем сопоставления различных переводов. Предметом исследования являются в первую очередь §§ 270 и 275, входящие в главу, где описываются события времени правления Угедея. Несмотря на краткость сообщений, кото-

рые в них содержатся, они чрезвычайно важны для историков. Однако знакомство с соответствующими пассажами в переводе С.А. Козина иной раз вызывает сомнение в аутентичности приведенных переводов, а более глубокое исследование материала убеждает в наличии погрешностей в переводе. К сожалению, А. Мостарт и Б.И. Панкратов указали не все ошибки в работе С.А. Козина, в «Сокровенном сказании» обнаруживаются и другие неточности в частности в §§ 270 и 275, которые нам интересны.

Автор не является специалистом ни по монгольскому, ни по китайскому языку и не может предложить варианты своих переводов. По этой же причине в работе рассматриваются лишь очевидные ошибки в переводе С.А. Козина, выявление которых возможно простым сопоставлением с переводами на другие современные языки, а также с транскрипциями текста, предложенными специалистами.

Для сверки перевода иной раз не лишне воспользоваться работой П.И. Кафарова (архимандрит Палладий) [9], но следует помнить, что он перевел на русский язык китайскую версию текста источника, в котором имеются сокращения, и к тому же перевод П.И. Кафарова считается устаревшим. Перевод на французский язык П. Пеллио (P. Pelliot) также неполный и включает лишь первые шесть глав, хотя в то же время работа содержит ретранскрипцию на монгольский язык всего текста сочинения [17]. Из публикаций «Тайной истории монголов» на других европейских языках привлекаются работы Эриха Хениша (Erich Haenisch) (перевод на немецкий язык) [14], а также Ф.В. Кливза (F.W. Cleaves) [13] и И. де Рахевильца (I. de Rachewiltz) [19] (переводы на английский). Последнее исследование составлено с учетом достигнутого предшественниками, текст снабжен обширными комментариями и получил высокую оценку [10, с. 45; см. также 5, с. XX]. Разумеется, переводы сочинения и на другие языки могут иметь свои неточности. Недостатки в переводах «Тайной истории монголов» С.А. Козина, Э. Хениша, Ф.В. Кливза и П. Пеллио посвящена критическая работа А. Мостарта [16]. Вместе с тем сопоставление нескольких версий, дает возможность максимально приблизиться к адекватному представлению о сообщениях источника.

Обратимся теперь к замечаниям к переводу С.А. Козина

1. Параграф 270 «Сокровенного сказания» посвящен описанию мер, предпринятых Угедеем, в целях продолжения завоевательных войн монголов на западе и расширению их географии. Основное внимание здесь уделено организации Великого западного похода. В сообщении говорится: *«Точно также он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетаяю»* [4: с. 191]. Здесь из списка царевичей, направленных в поход, выпало имя Гуюка, сына Угедая. В переводах «Тайной истории монголов» других авторов имя Гуюка в списке царевичей занимает третье место [9, с. 73; 14, р. 142; 13, р. 210; 19, р. 201]. Имя Гуюка (*Güüüg*) присутствует также в приводимой С.А. Козиным латинской транскрипции текста [4, с. 511; см. также 17, р. 111; 18, р. 162 (11133)].

Далее в источнике имена старших царевичей, направленных в поход, в сходных оборотах перечисляются еще два раза, первый раз в этом же параграфе, второй раз в § 274 [4, с. 192, 194], и в обоих случаях имя Гуюка занимает в перечне свое место. Очевидно, что имя Гуюка в сообщении источника выпало по недосмотру.

Исправленная выдержка: «Точно также он отправил в поход Бату, Бури, Гуюка, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеятаю».

Одна из особенностей похода монголов в Европу состояла в том, что это был первый общеимперский поход, в котором не участвовал сам император, не участвовал ни один из четырех сыновей Чингиз-хана, командование походом было доверено чингизидам второго поколения. Правда, в поход был направлен Кулькан, сын Чингиз-хана. Однако Кулькан был рожден не первой женой Чингиз-хана и по своему положению не мог равняться не только со своими старшими братьями, но и с их сыновьями. В связи с этим для центральных властей очень важно было четко определить иерархию царевичей, назначенных командовать походом. Очевидно, что эту иерархию передает перечень «старших царевичей», трижды приводимый в стабильном порядке в источнике.

2. Следующая погрешность в переводе этого же параграфа касается положения Бату в армии, направленной на запад. В «Сокровенном сказании» сообщение звучит так: «...на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами» [4, с. 192]. Поскольку перед этим сообщением говорится о направлении в поход «Бату, Бури, (Гуюка – Р.Ф.), Мунке и многих других царевичей», мы должны были бы считать, что все они находились в подчинении у Бури. В действительности хорошо известно, что статус старшего царевича в Европейском походе монголов принадлежал Бату, сыну Джучи, первенца Чингиз-хана. Здесь вместо *Бури* должно быть *Бату*. Приведем перевод оборота в работе Палладия, который представляется наиболее адекватным и по некоторым другим особенностям: «... из этих князьев старшим пусть будет Бату ... » [9, с. 73]. Ошибка в «Сокровенном сказании» с именем старшего в походе царевича, выявляется при сопоставлении с переводами и на другие языки [14, р. 142; 13, р. 210; 19, р. 201]. Имя *Бату* (*Batu*), но не *Бури* находим и в латинизированных транскрипциях текста параграфа, в том числе, у самого С.А. Козина [4, с. 511; см. также 17, р. 111–112; 15, р. 95]. Очевидно, что здесь сбой произошел также по небрежности.

Исправленная выдержка: «...на царевича Бату было возложено начальствование над всеми этими царевичами».

Важно отметить, что источник указывает на то, что Бату решением каана стал старшим среди чингизидов, участников похода, но из сообщений «Тайной истории монголов» не вытекает, что все войска, направленные в Европу, были в подчинении у Бату, то есть источник не свидетельствует, что Бату было доверено командовать общемонгольской армией.

3. Положение в европейском походе Бури, внука Чагатая указывается в этом же параграфе. Полномочия Бури в походе определяется высказыванием каана, которое С.А. Козин переводит следующим образом: «Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеятаю» [4, с. 192].

Два приведенных сообщения о Бури (пункты 2 и 3), которые мы находим в переводе С.А. Козина, могут привести к неверным выводам об исключительных полномочиях Бури в походе, что источниками никак не подтверждается. В действительности Чагатай в 1235 г. назначил своего внука Бури старшим от своего улуса и в этом качестве направил в поход. В переводе выдержки Э. Хениша читаем: «*Bruder Ca'adai hat mir sagen lassen: "Als Unterstützung*

für Sube'etai schike ich den ältesten von meinen Söhnen Buri ins Feld'» [14, р. 142]. Таково же содержание перевода Ф.В. Кливза: «*When Elder Brother Ča'adai came, speaking, he came saying, '[I] shall make Büri, the eldest of the sons, to go a warfare [as] succourer of Sube'etei'*» [13, р. 211] и И. де Рахевильца: «*Elder brother Ča'adai came and said to me, "I shall send Buri, the eldest of my sons, on the campaign in support of Sube'etei"*» [19, р. 202]. Здесь речь идет о том, что Чагатай направил в поход в Европу в качестве старшего из своего улуса своего внука Бури.

Согласно «Тайной истории монголов», как известно, для армии, направляемой в Европу кааном, был принят необычный порядок комплектования «старшими сыновьями». Все подданные императора обязаны были «выслать на войну старшего из своих сыновей» [4, с. 192]. Для согласования с этим принципом Чагатай своим решением назначил Бури своим старшим сыном в предстоящем походе. Из сообщения вытекает, что это решение было утверждено кааном. Другие представители дома Чагатая, также как войска, направленные в европейский поход из Улуса Чагатая находились под командованием Бури. В том числе и Байдар, шестой сын Чагатая и дядя Бури.

Между тем приведенные цитаты из § 270 «Сокровенного сказания» (см. выше пункты 2 и 3), неверно переведенные С.А. Козиним, привели Р.Ю. Почкаева к неверному выводу о том, что Бури, наряду с другими лицами мог претендовать на главенство в Великом западном походе [8, с. 86–87]. В действительности распоряжение каана о назначении Бату старшим над остальными царевичами, участниками похода, конечно же, никто не мог оспорить.

Выявляемый смысл сообщения: Чагатай, старший на тот момент чингизид (*ака*) и правитель одного из четырех улусов, назначил старшим над войсками, направляемым из его улуса в западный поход, Бури, своего внука. При этом Бури решением Чагатая наделяется правами старшего царевича от Улуса Чагатая в походе. Каан Угедей утвердил решение Чагатая.

В дальнейшем в источнике при перечислении старших царевичей, участников похода Бури стабильно занимает второе место как признанный старший представитель дома Чагатая, второго сына Чингиз-хана. Согласно принятому в империи Чингиз-хана порядку общеимперская армия формировалась в основном из войск, выделяемых из четырех улусов. Во всяком случае, эти войска составляли костяк армии. В походах во главе улусных контингентов стояли улусные правители. В рассмотренном выше сообщении говорится о том, что Чагатай вместо себя назначил Бури, своего внука командовать войсками, направленными в поход из улуса Чагатая. Точно также было возложено «на Гуюка – начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса» [4, с. 192], и, надо думать, на Менгу командование войсками Коренного юрта (Улус Тулуя). Что касается Бату, то к этому времени он уже был правителем Улуса Джучи, и не было необходимости отмечать этот его статус.

4. В § 275 «Тайной истории монголов» приводится донесение Бату из Европы каану Угедею. Донесение было составлено по поводу конфликта, произошедшего между царевичами во время похода. В переводе С.А. Козина преамбулы донесения Бату в частности говорится: «... мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов...» [4, с. 194]. В переводах на другие языки в этой выдержке помимо разрушения аланского города Мегета и подчинения одиннадцати стран и наро-

дов упоминается еще и разгром Руси. В работе Э. Хениша: «... *haben wir dei Stadt Meget zerstört und das Orus-Volk zu Sklaven gemacht. Elf Staaten und Völker haben wir unserer Ordnung unterworfen ...*» [14, p. 145]. У Ф.В. Кливза «...*breaking the city of Meget, spoiling the Orusud people, making to submit themselves in an uhright manner eleven realms of peoples...*» [13, p. 215]. В переводе И. де Рахевильца: «*I have destroyed the city of Meget, I have ravaged the Orusut people and brought eleven countries and peoples duly under submission*» [19, p. 206].

Упоминание о покорении Руси в сообщении присутствует и в латинской транскрипции текста составленного С.А. Козиным: «*Su-tur Meķet-balağasun ebdeju, Orusut-irķeni daouliju, harban nikan qarin irķeni juk-tur oroulju*» [4, с. 315], то же самое находим в транскрипциях П. Пеллио [17, p. 114], Э. Хениша [15, p. 97] и И. де Рахевильца [18, p. 165 (11416)].

Таким образом, в своем донесении Бату сообщает каану Угедю о захвате города Мегета, разгроме (разорении, порабощении) народа русских, и завоевании одиннадцати стран и народов. Указания в донесении о разгроме Руси (очевидно, северо-восточной) и взятии аланского города Магаса следует учитывать при определении даты случившегося конфликта, вопрос о которой остается спорным.

Указанная погрешность привела к неправильному выводу А.В. Гадло, который решил, что в выдержке речь идет об одиннадцати подразделениях населения Алании, завоеванных монголами в результате похода монголов на Северный Кавказ [2, с. 180].

5. В переводе текста донесения Бату обращает на себя внимание еще один момент уже в описании самих обстоятельств конфликта: «...*Бури выразился так: "Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами?"*» [4, с. 194]. Здесь С.А. Козин также допускает неточность. В высказывании Бури искажен смысл. Точнее содержание заявления Бури передают другие переводчики. У Палладия читаем: «*Бури сказал: "Бату равен мне; за чем он пьет прежде меня?"*» [9, с. 75]. Такой же смысл обнаруживается в переводах Э. Хениша «*Beim Fortreiten hat Buri noch gesagt: Batu ist uns doch gleichgeordent. Wie hat er da zuerst trinken können!*» [14, p. 146], Ф.В. Кливза: «*Büri spake, he said, 'As Batu, then, is equal [unto us], why should he have drunk first?...'*» [13, p. 216] и И. де Рахевильца: «*Büri said, "Since Batu, then, is equal to us, why should he have drink first?"*» [19, p. 206].

По своему рангу Бату в составе командования европейским походом монголов и вообще среди чингизидов был не ниже, чем Бури или Гуюк. Бури здесь указывает на равенство «старших царевичей» четырех улусов, очевидно, установленное указом каана. И хотя далее согласно этому донесению Бури сказал в адрес Бату и его сторонников: «Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» [4, с. 194], это уже не апелляция к указу каана, регламентирующему взаимоотношения четырех старших царевичей в походе, а попытка унижить Бату и его сторонников в конфликте царевичей.

Исправленная выдержка: «...*Бури выразился так: "Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лишь равен нам?"*».

Ошибка С.А. Козина приводит исследователей к неверным выводам. Так А.Ю. Карпов пишет «Как видим, Гуюк и Бури считали себя выше Бату и не допускали мысли о том, что тот станет «равняться» с ними» [3, с. 92].

Согласно источнику Бури и Гуюк занимали в армии Европейского похода положение, равное положению Бату и, добавим, Менгу. Очевидно, что царевичам, представителям четырех улусов было наказано принимать в походе согласованные решения, равным образом учитывать мнения всех четырех старших царевичей и интересы всех четырех улусов. В то же время, как уже отмечено, среди четырех старших командующих походом указом императора была определена иерархия, и она отвечала старшинству четырех сыновей Чингиз-хана, дома которых представляли соответственно Бату, Бури, Гуюка и Менгу. Однако эта иерархия могла иметь силу лишь на военных советах царевичей, о которых сообщают источники. Тем не менее, такое двойственное положение в командовании западной армией монголов, как мы видим, способствовало столкновению царевичей в Европе.

В итоге путем сопоставления сомнительных мест в «Сокровенном сказании» с другими переводами «Тайной истории монголов» выявлены погрешности, препятствующие адекватному пониманию некоторых сообщений источника, касающихся Великого западного похода монголов. Несмотря на несистемный характер замечаний, сделанных в отношении перевода С.А. Козина, они имеют значение для исследователей. В «Тайной истории монголов» сведения о европейском походе передаются в очень кратких, но емких формулировках, поэтому для исследователей, не имеющих возможности обращаться к источнику в оригинале, очень важен правильный перевод всех нюансов в тексте. Выявление ошибок в переводе С.А. Козина некоторых сообщений источника и уточнение их содержания способствует правильному пониманию вопросов, касающихся организации командования армией Великого западного похода, иерархии царевичей чингизидов, включенных в командование этой армией, а также проливает дополнительный свет на некоторые события похода.

Количество погрешностей, выявленных всего в двух параграфах перевода С.А. Козина, свидетельствует о необходимости неременной сверки текстов «Сокровенного сказания» с другими переводами во всех сомнительных случаях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 295–488.
2. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Издательство СПбУ, 1994. 238 с.
3. Карпов А.Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 347[5] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1315).
4. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niġusa tobciyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 619 с.
5. Морган Дэвид О. Предисловие к изданию 1997 г. // Чингисхан. История Завоевателя Мира записанная Ала-ад-Дином ата-Меликом Джувейни. Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж.Э. Бойла. Перевод текста с англ.

лийского на русский язык Е.Е. Харитоновой. М.: Издательский Дом Магистр-Пресс, 2004. С. XIV–XXII.

6. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Чая. Перевод и исследование. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1965. 224 с.

7. Переводы из «Юань-чао би-ши». Родословная Чингис-хана [Перевод Б.И. Панкратова]. (Публикация Ю.Л. Кроля и Е.А. Кузьменкова) // Страны и народы Востока. Под общ. ред. акад. РАН М. Н. Боголюбова. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 44–65.

8. Почекаев Р.Ю. Батый хан, который не был ханом. М.: АСТ МОСКВА, СПб.: Евразия, 2006. 350[2] с.

9. Старинное Монгольское сказание о Чингисхане. Перевел с китайского, с примечаниями Архимандрит Палладий // Труды членов Российской Духовной Миссии. Т. IV. Пекин: Издание Пекинской Духовной Миссии, 1910. С. 1–124 с.

10. Таубе М. К реконструкции и переводам *Mongqol-un niuca tobča'an* на европейские языки // MONGOLICA. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 40–53

11. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

12. «Юань-чао ми-ши» и первое полное русское издание текста и перевода этого памятника. (Рецензия Б.И. Панкратова на «Сокровенное сказание» С.А. Козина) (Публикация М.Ф. Чигринского, консультант И.В. Кульганек) // Страны и народы Востока. Под общ. ред. акад. РАН М.Н. Боголюбова. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 66–104.

13. Cleaves F.W. The Secret History of the Mongols. For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary. Vol. 1 (Translation). Cambridge: Massachusetts, London, 1982. 277 p.

14. Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen aus einer Mongolischen Neiderschrift des Jahres 1240 von der insel Kode'e im Kerulen – Fluß. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1941. 210 p.

15. Haenisch E. *Manghol un Niuca Tobča'an* (Yüan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der chinesischen Transcription (Ausgabe Ye Teh-hui) im mongolischen Wortlaut wiederhergestellt. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1937. 140 p.

16. Mostaert A. Sur Quelques passages de L'Histoire Secrete des Mongols. Harvard Journal of Asiatic Studies. 1950, vol. 13, N 3, 4, p. 285–361. 1951, vol. 14, N 3, 4, p. 329–403. 1952, vol. 16, N 3, 4, p. 285–397.

17. Pelliot P. Histoire Secrete des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I a VI. Paris, 1949. 197 p.

18. Rachewiltz I.de. Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

19. Rachewiltz I.de. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of Thirteenth Century. Translated with a Historical and Philological. Leiden, Boston: Brill, 2004. V. I, II. 1347 p.

Сведения об авторе: Рустем Фидарикович Фидаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (362025, ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6425-4243>. E-mail: ziglo@yandex.ru

Поступила 17.05.2023 Принята к публикации 10.08.2023

Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Vladimirtsov B. Ya. The social structure of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov = Studies on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples*. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2002, pp. 295–488. (In Russian)
2. Gadlo A.V. *Ethnic history of the North Caucasus of tenth–thirteenth centuries*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 1994. 238 p. (In Russian)
3. Karpov A.Yu. *Batu*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 347 p. (In Russian)
4. Kozin S.A. *The Secret History. Mongolian chronicle of 1240 called Mongyol-un niyuca tobciyan. Yuán cháo bishi. Mongolian ordinary miscellany*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 619 p. (In Russian)
5. Morgan David O. Preface to the 1997 edition. *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Trans. from the text of M.M. Qazvini by J. A. Boil. Translation of the text from English into Russian by E.E. Kharitonova. Moscow: Izdatel'skiy Dom Magistr-Press, 2004, pp. xiv–xxii. (In Russian)
6. Munkuev N.Ts. *A Chinese source about the first Mongol khans. Gravestone inscription on the grave of Yelü Chucai. Translation and research*. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoy literatury, 1965. 224 p. (In Russian)
7. Translations from “Yuán cháo bishi”. Genealogy of Genghis Khan [Translated by B.I. Pankratov]. (Publication by Yu.L. Krol and E.A. Kuzmenkov). *Strany i narody Vostoka = Countries and Peoples of the East*. M.N. Bogolyubov (ed.). Iss. 19. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolian studies. Sinology. Buddhology. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 44–65. (In Russian)
8. Pochekaev R.Yu. *Batu. Khan, who was not a khan*. Moscow: AST MOSKVA, St. Petersburg: Evraziya, 2006. 350 p. (In Russian)
9. Ancient Mongolian story about Genghis Khan. Translated from Chinese, with notes by Archimandrite Palladiy. *Trudy chlenov Rossiyskoy Dukhovnoy Missii = Proceedings of Members of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission*. Vol. IV. Beijing: Izdanie Pekinskoy Dukhovnoy Missii, 1910, pp. 1–124. (In Russian)
10. Taube M. To the reconstruction and translation of Mongqol-un niuča tobča'an into European languages. *MONGOLICA. K 750-letiyu "Sokrovennogo skazaniya" = MONGOLICA. To the 750th anniversary of the Secret History*. Moscow: Nauka. Oriental Literature Publisher, 1993, pp. 40–53. (In Russian)
11. Trepavlov V.V. *Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars*. Moscow: Kvadriga, 2015. 368 p. (In Russian)
12. “Yuán-cháo mi-shi” and the first complete Russian edition of the text and translation of this record. (Review of B.I. Pankratov on “The Secret History” by S.A. Kozin) (Publication by M.F. Chigrinsky, consultant I.V. Kulganek). *Strany i narody Vostoka = Countries and Peoples of the East*. M.N. Bogolyubov (ed.). Iss. 19. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolian studies. Sinology. Buddhology. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp.66–104. (In Russian)
13. Cleaves F.W. *The Secret History of the Mongols. For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary*. Vol. 1 (Translation). Cambridge, Massachusetts, London, 1982. 277 p.
14. Haenisch E. *Die Geheime Geschichte der Mongolen aus einer Mongolischen Neiderschrift des Jahres 1240 von der insel Kode'e im Kerulen – Fluß*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1941. 210 p. (In German)
15. Haenisch E. *Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der chinesischen Transcription (Ausgabe Ye Teh-hui) im*

mongolischen Wortlaut wiederhergestellt. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1937. 140 p. (In German)

16. Mostaert A. Sur Quelques passages de L'Histoire Secrete des Mongols. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1950, vol. 13, no 3, 4, pp. 285–361; 1951, vol. 14, no 3, 4, pp.329–403; 1952, vol. 15, no 3, 4, pp. 285–397. (In French)

17. Pelliot P. *Histoire Secrete des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I a VI.* Paris, 1949. 197 p. (In French)

18. Rachewiltz I.de. *Index to The Secret History of the Mongols.* Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

19. Rachewiltz I.de. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of thirteenth century. Translated with a Historical and Philological Commentary.* Leiden, Boston: Brill, 2004, vol. 1, pp. cxxvi+642; vol. 2, pp. 643–1347.

About the author: Rustem F. Fidarov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the History Department, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (46, Vatutin Str., Vladikavkaz 362025, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6425-4243>. E-mail: ziglo@yandex.ru

*Received May 17, 2023 Accepted for publication August 10, 2023
Published September 29, 2023*

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Ю.И. Дробышев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
altanus@mail.ru*

Цель исследования: работа продолжает исследования автора по отражению монгольской имперской идеологии в источниках разных стран, в той или иной степени затронутых монгольской экспансией XIII–XIV вв. Она нацелена на поиск и первичную систематизацию проявлений «мироустроительных» идей монголов в русских источниках.

Материалы исследования: основными источниками послужили старейшие русские летописи – Лаврентьевская, Новгородская Первая и Ипатьевская, с привлечением ряда других. Важные сведения были также добыты из собрания ханских ярлыков русским митрополитам, житийной литературы, религиозной публицистики. Для объяснения обнаруженных элементов монгольской идеологии привлекаются сравнительные материалы из восточных и европейских произведений. Широко используются разработки отечественных и зарубежных историков-русистов, а также монголоведов.

Результаты исследования и научная новизна: подтверждены выводы других специалистов об отсутствии интереса у русских книжников к материальной и духовной культуре монголов. Идеологические аспекты монгольской власти в русских источниках практически не звучат, но в некоторых случаях несложно реконструируются. Основы монгольского «универсализма» – понятие о Вечном Небе, обожествленный Чингиз-хан, приписываемая ему Великая Яса оставили следы в летописных свитках и других источниках. Русские источники также содержат дополнительную информацию, в которой заметна монгольская «имперскость»: система титулов Монгольской империи, взаимоотношения Улуса Джучи с Каракорумом, степные ритуалы, которые были вынуждены совершать в Орде князья. В целом, русские материалы не подкрепляют мнение о том, что монголы намеревались покорить «весь мир».

Ключевые слова: русские источники, средневековая Русь, Монгольская империя, Улус Джучи, имперская идеология, монголы, Чингиз-хан, Бату

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых русских источниках // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 532–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.532-550 EDN: HQOАAM

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-18-00166.

© Дробышев Ю.И., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

REFLECTION OF THE MONGOL IMPERIAL IDEAS IN MEDIEVAL RUSSIAN SOURCES

Yu.I. Drobyshev

*Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation
altanus@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the research:* This research builds upon the author's previous work focused on exploring the reflection of Mongolian imperial ideology in sources from various countries that were influenced to varying degrees by the Mongolian expansion during the 13th and 14th centuries. The objective is to search for and systematically categorize the manifestations of Mongol "world-organizing" ideas within Russian sources.

Research materials: The primary sources for this study were the oldest Russian chronicles, including the Laurentian, First Novgorod, and Hypatian chronicle, along with several others. Valuable information was also extracted from collections of *yarlyqs* (edicts) from Mongol khans to Russian metropolitans, hagiographic literature, and religious records. Comparative materials from Eastern and European sources were utilized to elucidate the identified elements of Mongolian ideology. The works of both Russian and foreign historians, specializing in Russian and Mongolian history, were extensively referenced.

The results of the research and scientific novelty: This research reaffirms conclusions made by other experts regarding the limited interest among Russian scribes in the material and spiritual culture of the Mongols. Ideological aspects of Mongolian power are scarcely documented in Russian sources, although in some instances, they can be reasonably reconstructed. The foundations of Mongolian "universalism," such as the concept of Eternal Heaven, the deification of Genghis Khan, and the Great Yasa attributed to him, have left traces in chronicles and other historical sources. Russian sources also provide supplementary information highlighting Mongolian "imperialism," including the Mongol Empire's system of titles, interactions between the Ulus of Jochi and Karakorum, and the steppe rituals that princes were compelled to perform within the Horde. Overall, Russian materials do not support the notion that the Mongols aimed to conquer "the whole world."

Keywords: Russian sources, medieval Rus, Mongol Empire, Ulus of Jochi, imperial ideology, Mongols, Genghis Khan, Batu

For citation: Drobyshev Yu.I. Reflection of the Mongol imperial ideas in medieval Russian sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 532–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.532-550 (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 21-18-00166.

Введение

Монгольские завоевания XIII в. не были вызваны стихийным порывом почувствовавших свою силу кочевников, как и сама складывавшаяся Монгольская империя не являлась аморфной политической структурой, неким паразитическим наростом на теле «цивилизованного мира». Буквально с первых лет единоличного правления Чингиз-хана (1162?–1227) монголы имели ясную систему представлений о своей особой роли на земле – сначала в границах степей, а затем и шире. Считая своего великого хана небесным избранником, они верили в то, что им выпала миссия утвердить во всем мире волю своего верховного божества – Вечного Синего Неба, и их военные кампании

вели к этой возвышенной цели. К настоящему времени историки в общих чертах изучили средневековую монгольскую идеологию, которую можно с полным правом называть имперской, или «мироустроительной». Однако во всей полноте и с максимальным приближением к реальности ее еще требуется воссоздать, а для этого необходимо использовать как можно более широкий круг источников, которые неравноценны как в сравнении между разными культурами, так и в пределах одной культуры, будучи взяты за различные отрезки времени. Таким образом, наша цель – извлечь из русских источников материалы, дающие возможность реконструировать монгольскую имперскую идеологию и тем самым дополнить русскими сведениями данные других авторов: персидских, китайских, европейских и прочих.

Различные грани русско-ордынских взаимоотношений обсуждаются в трудах целого ряда ученых: историков-русистов, специалистов по русской историографии, Золотой Орде и смежным областям знания. Их работы сформировали настолько обширную литературу, что даже простое их перечисление превысит лимиты обычной журнальной статьи. Однако до сих пор, насколько мы можем судить, специального внимания не были удостоены вопросы отражения в русских источниках идеологических аспектов монгольской власти. Они рассматриваются разными специалистами по отдельности и с разной степенью детальности, но цельная картина пока отсутствует. Сказанное не означает, что автор претендует на создание такой картины; сейчас речь может идти лишь о систематизации и предварительном анализе извлеченной из источников информации.

В целях интерпретации добытых сведений мы вынуждены прибегать преимущественно к восточным источникам. Кроме того, для максимально адекватного раскрытия реалий кочевого мира, запечатленных в русских летописях, агиографии и других произведениях, необходимо использование наработок монголоведов. В силу этого обстоятельства, а также вследствие квалификации автора настоящей статьи, информация русских источников рассматривается под углом зрения номадистики. По этой же причине пришедшие на русские земли кочевники именуется здесь не монголо-татарами или татарами, а только монголами, несмотря на то, что среди них было немало карлуков, уйгуров, киданей, тангутов, китайцев и представителей других этносов. Термин «монгол» применительно к данной эпохе мы трактуем как политоним. Как правило, монгольские имена даются в написании, принятом в монголоведении, например Бату, а не Батый. В центре нашего внимания находится сравнительно короткий отрезок времени, выпавший на период существования единой Монгольской империи, но по мере необходимости затрагиваются и более поздние события. В связи с анализом сообщений русских источников о монголах мы не занимаемся реконструкцией событий, не разбираем взаимоотношения между различными политическими силами на Руси в XIII–XV вв. и т.п.

Несмотря на крайнюю неслогоохотливость о монголах, из русских источников можно буквально по крупицам извлечь сведения, проливающие свет на идеологию поработителей и дополняющие информацию, которую сообщают другие произведения средневековой историографии от Японии до Исландии. Более того, русская историография чрезвычайно интересна и оригинальна в своем описании деяний монголов. Как известно, одной из особенностей русского летописания было систематическое копирование информа-

ции из уже существующих произведений, в результате чего рассказ об одном и том же событии многократно реплицировался в различных летописях с большими или меньшими подробностями или искажениями, а также проник в жития и повествовательную литературу. Среди таких сюжетов есть несколько, предоставляющих для нашего исследования ценный материал.

Великая Яса и Вечное Небо

Уже первые контакты русских с монголами в 1223 г. дают показательный материал, в котором монгольская «имперскость» звучит в полную силу, хотя время и обстоятельства ее появления в монгольской среде не до конца ясны. Перед тем, как перейти к военным действиям, монголы отправили к русским князьям послов, отговаривая их от помощи половцам – своим «конюхам». Вполне вероятно, что монголы тогда на самом деле не имели видов на русские земли и преследовали главную цель – добить или подчинить непокорных кочевников. Характерно, что послы не сделали никаких заявлений о том, что Бог дал им в руки всю землю или что они уже подчинили себе все страны. Посольство было перебито. Удивительно, но вместо готовой к бою монгольской конницы появляется второе посольство и выдвигает ультиматум: «А есте послушали Половчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всѣмь богъ» [24, с. 62]. В.Н. Рудаков расценивает ссылку на Бога как «главный аргумент» послов и пишет: «Автор повести тем самым допускает, что *татары в равной степени с русскими подотчетны Богу*» (курсив автора – Ю.Д.). Следовательно, «одним из аспектов восприятия русскими монголо-татар заключается в том, что татары не воспринимались как “безбожные”» [37, с. 33]. Д.Г. Хрусталеv считает, видимо, на основе исповедания послом единобожия, что эта фраза – «речь мусульманина» [45, с. 67]¹, хотя в более ранней работе он видит в ней отсылку к «формулам Ясы» [44, с. 179]. Похоже, В.Н. Рудаков допускает, что средневековый автор рассказа сам вложил эти слова в уста монголов [37, с. 33], но, вероятнее всего, они прозвучали на самом деле, поскольку именно ими, согласно монгольской имперской дипломатической практике, должны были заканчиваться ультиматумы непокорным соседям. Растущая Монгольская империя признавала только две категории стран: «подчинившиеся» (*il irgen*) и «взбунтовавшиеся» (*bulqa irgen*). Никаких равных или союзных государств для монголов в ту эпоху не существовало. Монгольская средневековая традиция приписывает Чингиз-хану слова, имевшие ранг закона и входившие в состав Великой Ясы: «В посланиях, которые он посылал во всех направлениях, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию или насильственным угрозам, как это было принято у древних царей-тиранов, которые угрожали своим врагам размерами своей территории и величиной своего снаряжения и припасов; монголы, напротив, в качестве своего окончательного предупреждения, написали бы так: “Если вы не подчиняетесь и не сдаетесь, то что мы знаем об этом? Древний Бог, он ведает”» [49, с. 26]. Этот «древний

---

¹ В принципе, с еще большей вероятностью можно было бы приписать ее христианину, которых было немало в те годы среди самих монголов. К подобному предположению склонялся Г.В. Вернадский [4], основываясь, впрочем, на ином, и притом менее надежном материале – словах из Никоновской летописи (XVI в.), якобы произнесенных послами: «вси есмьа чловѣци и вси Адамово племьа» [34, с. 90].

Бог» – монгольское Вечное Небо. Для уверенных в небесной поддержке захватчиков финальные слова ультиматумов могли означать только предупреждение противникам об их неминуемом поражении в случае сопротивления.

Здесь же коснемся еще одного контекста, в котором упоминается в русских источниках Вечное Небо, являвшееся в Монгольской империи высшим источником права, – ханских ярлыков русским митрополитам. Они дошли до нас в русском переводе, и слова «Небо» там нет, но несложно догадаться, что оно скрыто, как и в случае только что рассмотренного ультиматума, за словом «Бог», причем теперь мы видим его не в конце текста, а в самом начале – там, где, согласно монгольской традиции, должна находиться апелляция к высшему божеству, обязательно предваряющая изложение сути дела. Несмотря на значительную редакторскую работу, проделанную над текстами ярлыков их русским сводчиком в конце XIV – начале XV вв., преамбула осталась на своем месте в сравнительно мало измененном виде: «Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед» [47, с. 465], «Вышняго бога силою вышня троица волею Менгутемирово слово» [47, с. 467], «Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед Бердебеково слово» [47, с. 469]. Известные из других источников, в том числе из надписей на монгольских пайцазах, эти слова звучат как «*Möngke tenggeri-yin gücün-tür*», т.е. «Силой Вечного Неба!», о чем писал в свое время еще В.В. Григорьев [12, с. 58]. Употреблять их в своих письмах и указах могли только владетельные Чингизиды. Поэтому мы не находим их, например, в ярлыках Тайдулы (?–1361) – жены хана Узбека (1312–1341/1342), сохранившихся в этом же собрании.

По-видимому, с Великой Ясой были вынуждены сталкиваться русские князья в ханской ставке, куда они приходили получать ярлыки на княжение. Среди целого ряда непонятных и с трудом приемлемых для православного сознания ритуалов, которые они были обязаны совершить, прежде чем быть допущенными к ханской особе (ниже мы к ним вернемся), фигурировало требование «поклонися отец нашихъ законуу» [30, стб. 795]. Можно понять приказ поклониться самому хану, «идолам», светилам, даже некоему кусту, но как возможно совершить поклонение закону? Единственное объяснение, которое представляется нам правдоподобным, заключается в том, что этим законом была Великая Яса, согласно указу Чингиз-хана запечатленная на каком-либо материале. Учитывая сакральное значение, которое, скорее всего, придавали монголы Ясе, как продукту законотворчества обожествленного Чингиз-хана, вполне можно думать, что князей заставляли преклонять колена перед этими свитками либо, что кажется еще более вероятным, перед их хранилищем, куда доступ имели только Чингизиды и ближайшие к ним лица.

На Ясу ссылается хан Менгу-Тимур (1266–1282) в ярлыке, выданном в 1267 г. митрополиту киевскому и всея Руси Кириллу (ок. 1243–1281) и сохранившемся в редакции XV в.: «Сию грамоту видящее и слышаще от попов и от чернцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ ине по велицеи язе извиняться и умруть» [47, с. 468]. Отсюда можно полагать, что, даже если эти слова – поздняя «инородная» вставка, как утверждает А.П. Григорьев [11, с. 43], на Руси имели какое-то представление о верховном законе, по которому жили «татары». В этом же ярлыке М.Д. Приселков справедливо усмотрел еще один из «подлинных осколков» Ясы, которую он называет «книгой запретов» [28,

с. 83], где приводится ссылка на волю Чингиз-хана, гарантировавшего духовенству налоговый иммунитет в обмен на молитвы «за нас и за племя наше».

Монгольская титулатура

До захвата Константинополя крестоносцами в русской геополитической карте мира «империей» была Византия, а после наступивший «имперский вакуум» (по меткому выражению А.А. Горского) заполнили монголы. Поэтому именно по отношению к правителям-Джучидам, начиная с Бату (1209?–1255/1256), в летописях употребляется титул «царь»², ранее применявшийся к особе византийского императора, тогда как сидевшие в Каракоруме великие ханы титулуются «канами»³. Известную сложность может поначалу создать титулование «царями» таких персонажей, как Ногай (1235?–1299/1300) или Мамай (1335–1380), но это можно легко объяснить той большой ролью, которую они играли в жизни русских княжеств. Для русского книжника могло существовать и два ордынских «царя» одновременно: «И Ногуи царь оуби Тельбоугоу царя...» [31, с. 247]. Упомянутый здесь Тула-Буга был ханом Улуса Джучи в 1287–1291 гг. Специфика политической терминологии в русской литературе ордынского периода уже рассмотрена специалистами [7; 8, с. 134–149; 23, с. 30; 40, с. 12–20; 46, с. 442–456], введу чего мы не будем развивать эту тему. Отметим лишь несколько моментов, непосредственно относящихся к имперской идеологии монголов.

Титул «кан» появляется в Ипатьевском своде применительно к не названному по имени Угедю (1229–1241), в сообщении о его смерти, о которой якобы проведаль Гуюк (1246–1248) и направился в Монголию, чтобы самому стать «каном» [30, стб. 785]. Действительно, именно за Угедеем закрепился ханский титул, фактически заменивший ему имя. Точнее, Угедей принял более высокий титул «каан» («хаган»), т.е. «хан ханов», адекватный его положению во главе огромной империи. Так или иначе, русский источник, хотя и допускает хронологическую ошибку, верно передает высшее монгольское звание. О самом же Угедее, похоже, на Руси имели очень смутное представление.

Отделение Улуса Джучи от метрополии запечатлелось в изменении титулов улусных ханов. Так, Менгу-Тимур именуется «кааном правосудным» на монете, битой в Крыму [39, 284], и словно эхом этот титул отзывается на страницах Ипатьевского свода. Галицкий князь Лев Данилович (ок. 1228–ок. 1301), собираясь в 1274 г. в поход на Литву, «посла в Татары ко великому цареви Меньгоутимереви прося собѣ помочи» [30, стб. 871]. Впрочем, нельзя сказать, что тем самым была заложена основа новой традиции титулования ордынских ханов, которая была бы принята и ими самими, и их русскими

---

² На самом деле Бату не имел официального титула, формально являясь подданным каракорумских хаганов, ввиду чего представляется точным его звание «воевода Батый» в Воронцовском списке Новгородской Первой летописи [24, с. 451], хотя ниже он именуется «царем». Данный список любопытен еще и характеристикой Бату, которой тоже не откажешь в меткости: «Обычай же имѣяша кановъ» [24, с. 452].

³ В 1990-е гг. у села Красный Яр Астраханской области была обнаружена пайцза с именем Токтамыш (1380–1395), сопровождающемся эпитетом «каан». Исследователи полагают, что наделение этим титулом джучидского хана было обусловлено политической ситуацией, сложившейся после разгрома Каракорума китайскими войсками в 1388 г. и повсеместного крушения монгольской власти в Евразии [36, с. 26].

подданными. Остальные Чингизиды на страницах летописей и житий остаются по-прежнему просто «царями».

Любопытный случай представляет следующий пассаж из реконструкции М.Д. Приселковым утраченной Троицкой летописи (1408 г.). В нем рассказывается о возвращении Сарайского епископа Феогноста зимой 1279 г. из Византии, где он выполнял поручения как своего духовного владыки – митрополита Кирилла, так и Менгу-Тимура: «посыланъ митрополитомъ к патриарху и царем Менгутемеремъ къ царю греческому Палеологу» [27, с. 336–337]. Это сообщение интересно тем, что в нем сосуществуют два «царя», т.е. оно охватывает одновременно две традиции: домонгольскую, когда царями на Руси называли византийских императоров, и ордынскую, когда, как говорилось выше, этот титул перешел к джучидским ханам. Возрождение Византийской империи после 1261 г. вернуло русскому миру православного царя, но не избавило от царя монгольского.

Величание монгольского хана «царем» должно было означать его признание в качестве легитимного, т.е. поставленного Богом, монарха, отсюда и необходимость подчиняться ему. При этом подразумевалось, что каждый «царь» происходит из «царского» же рода. Для русских книжников не всегда была очевидна разница в старшинстве различных ветвей правящей династии, но им приходилось принимать законность их власти. Так продолжалось до 1480 г., до знаменитого «стояния на Угре». С целью укрепить боевой дух великого князя московского Ивана III (1462–1505), архиепископ Вассиан Рыло (?–1481) отправил ему весьма красноречивое «Послание на Угру» [17], в котором, помимо прочего, отказывал противнику князя – хану Большой Орды Ахмату (1460–1481) в какой бы то ни было легитимности: «И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьянскому царю!» [26, с. 530]. Более того, Вассиан отрицает благородное происхождение самого Бату, тем самым нанося удар по устоям монгольской имперской идеологии, обожествлявшей Чингиз-хана и его род: «Но точию нашего ради согрѣшения и неисpravления к богу, паче же отчаания, и еже не уповати на бога, попусти богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батыа, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска» [26, с. 530–532].

Пределы монгольской власти. Улус Джучи и Монгольская империя

Книжники знали, скорее всего от половцев, какие народы монголы покорили, прежде чем ступить на русскую землю: «Ясы, Обезы, Касоги и Половецъ безбожных» [29, стб. 446]. В этом списке мы видим восточных и южных соседей Руси. Лаврентьевская летопись донесла некоторые подробности о событиях 1220–1230-х гг. на восточных рубежах: прорыв монголов за Яик в 1228 г., их появление у Булгара и, наконец, гибель Булгарского государства в 1236–1237 гг. [29, стб. 453, 459, 460]. Речь отнюдь не идет о захвате всей вселенной. Однако, будучи интеллектуальными плодами этноцентричного мировоззрения, после монгольского нашествия на Русь источники иногда говорят о покорении монголами всей земли и всех народов, но подразумевают

под «всей землей» православный мир, фактически приравняемый к русской земле⁴.

Летописцы вынужденно признают правомочность претензий монгольских властей на свою землю. «Не подобает вамъ жити на земли кановъ и Батыеви, не поклонивъшеся има», – якобы заявляет Бату, вызывая к себе князей [24, с. 298; 32, стб. 319]. Показателен и ответ Михаила Черниговского (1179–1246): «тобъ, цесарю, кланяюся, понеже ти богъ поруцъль царство свѣта се-го» [24, с. 301; 43, стб. 322]. Несколько менее «глобально» выглядят владения Бату в житии Александра Невского (1221–1263): «Въста въ то время царь силенъ на вѣсточнѣи странѣ, ему же бѣ богъ покорилъ многы языки, от вѣстока и до запада; тои же царь, слышавъ такова князя александра славна и храбра, посла к нему послы и рече: княже александре, вѣси ли, яко богъ покори ми многы языки, ты ли един не хочещи покоритися силѣ моеи...» [42, с. 133]⁵. Впрочем, даже если эти слова действительно прозвучали, они могли быть элементами дипломатического ритуала: Бату хорошо понимал истинные пределы монгольского владычества, да и Александр Невский с Михаилом Черниговским могли иметь о них какое-то представление. Во всяком случае, избежавшая монгольского порабощения Европа лежала неподалеку, и князья поддерживали с ней оживленные контакты. О независимости Византии на Руси тоже хорошо знали.

Хотя не подлежит сомнению, что завоевательные кампании вплоть до конца 1250-х гг. были общим делом всех Чингизидов, неверно думать, будто все облеченные реальной властью потомки Чингиз-хана проводили на захваченных землях одинаковую имперскую политику. Бату, подобно своему отцу Джучи (1182–1227), явно не болел душой за всю империю и не очень-то желал расширять ее на запад после хотя и победоносных, но мало что реально давших столкновений с европейцами в 1241–1242 гг. Видимо, ему вполне хватало своего улуса. Даже инициативу проведения монгольских рейдов в Европу книжники приписывали киевскому тысяцкому Дмитру, пощаженному Бату ради его доблести и якобы давшему ему такой совет [30, стб. 786]. Что касается внешней политики остальных ордынских ханов, то из русских источников отнюдь не вытекает идея, будто монголы ставили себе цель покорить весь мир. Описания их походов в Литву, Польшу, Венгрию или предгорья Кавказа не производят впечатления нацеленных на захват земель или хотя бы на их подчинение по образцу русских княжеств. Это типичные грабительские набеги.

Одна из загадок ордынского периода русской истории связана с бурными событиями 1262 г., когда по городам Северо-Восточной Руси прокатилась волна восстаний против монгольской переписи, повлекшая жертвы среди «численников». Казалось бы, столь явное неповиновение должно было вызвать жестокий

⁴ Порой четко артикулируется именно Русь. Например, в Ипатьевском своде встречается определение разгрома Южной Руси как «погибели земли Русской» [30, стб. 786], а в «Поучениях» Серапиона Владимирского (?–1275) можно видеть фразы «земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть», «в поношение быхомъ живущимъ всъкраи земля наша» [43, с. 446, 448].

⁵ Ср.: «В лѣто 6754 [1246]. Поиде грозный князь Александръ в Татары ко цесарю Батю. Тако бо рече ему цесарь: “мнѣ покорилъ богъ вси языки...”» [24, с. 303]. Интересно, что и в житии, и в летописи слова Бату звучат так, словно он не прошел по Руси огнем и мечом, а просто появился где-то на востоке, причем Александр как будто впервые слышит об этом «царе».

ответ, но его не последовало. Историки предполагают, что причиной странной мягкости хана Берке (1257–1266) был тот факт, что перепись проводили эмиссары имперского правительства, т.е. его врага Хубилая (1260–1294)⁶, оспорившего трон у своего законно избранного брата Ариг-Буги, чью сторону принял Берке. Поэтому высказывалась гипотеза, что резня случилась с молчаливого согласия или даже по неофициальному распоряжению самого джучидского хана [22, с. 83]. Данный эпизод, нашедший отражение в русской историографии, демонстрирует непростые взаимоотношения в высших эшелонах власти Монгольской империи в начальный период ее дезинтеграции и обогащает картину этого процесса важными деталями. В то же время выглядит маловероятным, чтобы на Руси тогда хорошо понимали, куда пойдут собранные деньги – в Сарай или Каракорум, или за чьи интересы – «царя» или «кана» будут проливать кровь русские рекруты. Например, разверстка монголами «числа» в 1259 г. объясняется божьим гневом за грехи, какие-либо рациональные мотивы не приводятся [24, с. 83], а аналогичное мероприятие в 1273 (1275?) г. уже четко обозначено: «Бысть число 2-е изь Орды оть царя» [31, с. 243].

С другой стороны, бывая в Каракоруме, князья и их свиты не могли не понимать, что на этот раз они имеют дело с чем-то совсем иным, нежели привычные печенег, торки или половцы. Навалившаяся на русские земли Орда, при всей своей несокрушимой мощи, была лишь частью вселенской кочевой монархии, которая подмяла под себя много известных и неизвестных русским стран. Однако никакого удивления или страха в этой связи в летописных свитках не отразилось. Считать ли это, вслед за Ч. Гальпериным, умышленным игнорированием книжниками новой политической реальности? А чем иным можно объяснить полное молчание русских источников о Монгольской империи? Может быть, краткосрочностью конструктивных связей между Сараем и Каракорумом в период имперского единства? Всего в Монголии побывало шесть князей в промежутке между 1242 и 1257 гг. [41, с. 105]. Вряд ли они не создавали, зачем их с берегов Волги отправляют в столь длительное и тяжелое путешествие, какова субординация их «царя» и общемонгольского «кана», и сколь беспредельны владения последнего. Несмотря на то, что русским князьям приходилось бывать в Каракоруме, никакой информации о нем они на Русь не принесли.

После того, как Ариг-Буга проиграл соперничество и в 1264 г. сдался Хубилаю, легитимного хагана над Джучидами больше не было. Став родоначальником правящей династии Юань в Китае, Хубилай учредил порядок пребывания наследника престола в Каракоруме, следовательно, для ханов Улуса Джучи, не признавших законность власти этой династии, отпала необходимость посылать туда русских князей⁷. Соответственно, из летописей исчезли «кан» и «кановичи».

⁶ Летописец сообщает об этом: «титям приѣхалъ отъ цесаря Татарьского именовемъ Кутлублии» [29, стб. 476]. По мнению ряда специалистов, под именем «Котлублий» скрывается хаган Хубилай, в пользу чего, возможно, говорит довольно путаное сообщение Рогожского летописца: «Въ лѣто 6767 царь Оулачѣ оумре, а Кутлубеи сѣде на царствѣ» [35, стб. 32]. Ср., однако, лингвистически обоснованные возражения П.О. Рыкина: [38, с. 486]. Обзор мнений по данной персоналии см.: [25, с. 284, 343–346].

⁷ По этой причине трудно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что «Пока существовала Монгольская империя, великий князь московский, вассал хана Золотой Орды, был также подчинен правителю Пекина» [51, с. vi].

Итак, в отличие от некоторых других источников, созданных в разных странах в период монгольского доминирования, русские летописи довольно редко намекают на покорение монголами всего мирового пространства. По-видимому, это в какой-то мере может быть объяснено активностью связей русских князей и высшего духовенства с правителями, не зависевшими от монгольских захватчиков.

Чингиз-хан и Чингизиды в русских источниках

В свете имперской идеологии монголов нельзя пройти мимо сведений об основателе империи – Чингиз-хане. Его детское имя Тэмучжин в русских источниках не встречается вообще, а титул «Чингиз-хан», полученный им на съезде монгольской знати в 1206 г., впервые появляется в Новгородской Первой летописи в описании битвы на Калке в сильно искаженном виде. Наряду с ним упомянут и его старший сын Джучи: «Ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, бьуче до Днѣпря; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгьрканъ и Тешюканъ на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьцьскаго: беста бо 2 князя съ Мьстиславом» [24, с. 63]. Безусловно, ни того, ни другого там не было; скорее всего, их имена звучали потому, что первый являлся главой всех завоевателей, а второй считался номинальным владельцем кипчакских степей. Однако никакого дальнейшего развития эта информация не получила, поскольку ко времени нашествия в конце 1230-х гг. обоих уже не было в живых.

Очень интересные сведения о Чингизе передает Галицко-Волынская летопись, говоря о том, что последовало за калкским побоищем: «Ожидая Богъ покаяния крестьяньскаго и обрати и воспать на землю восточную и воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны. тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьень бысть. их же прельстивше и послѣди же лъстию погоубиша. иные же страны ратми. наипаче лъстью погоубиша» [30, стб. 745]. Затем этот рассказ о гибели Чингиз-хана в тангутском государстве повторяется в ряде других летописей, но без каких-либо добавлений [2]. Источник этой уникальной для русского летописания информации пока остается неустановленным [14].

О личности самого Чингиз-хана русские источники не говорят абсолютно ничего, если не считать некие «Чигизаконова мечтанья скверная» [30, стб. 806], с которыми якобы столкнулся Даниил Романович Галицкий (1201–1264) при дворе Чингизида Куремсы (Курумиши). Соответственно, в них нельзя найти никакой информации относительно его замыслов по покорению всего мира или заветов потомкам. В результате читатели не могут даже узнать, что их поработитель Батый был внуком Чингиз-хана. К слову, имя батыева отца Джучи им тоже неизвестно. Конечно, было бы крайне рискованно утверждать, что никто на Руси не знал родословную Бату хотя бы в общих чертах, – скорее всего, это не так, и чуть ниже мы об этом поговорим, но в сохранившихся *русских* источниках она отсутствует.

Между тем, на Руси должны были знать, кто такой Чингиз-хан и какое отношение он имеет к судьбе русских земель. Русский архиепископ Петр, отвечая на вопросы собора в Лионе, продемонстрировал неплохое знание монгольских родословий: «И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы тартарами, хотя некоторые говорят, что они названы от Тарахонта. От него же произошел Чиартхан, имевший троих сыновей. Имя перворожденного – Тесиркан, второго – Чури-

кам, третьего – Бататаркан» [21, с. 151]. Имя Тартаркан, несомненно, восходит к названию легендарной реки Тартар, по которому монголы якобы стали именоваться «тартарами», и, по-видимому, должно означать Есугэя – отца Чингиз-хана. Скорее всего, сам Чингиз фигурирует в отчете Петра под именем Чиартхан, что подтверждается словами ультиматума, направленного монголами к русским, и известными из сообщения того же Петра: «Когда его спросили о вероисповедании [их], он ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: “Бог и сын его – на небе, Чиархан – на земле”» [21, с. 152, 181].

Снова мы встречаем прозвище основателя империи в русских переводах ханских ярлыков, полученных русскими митрополитами. Так, ярлык Менгу-Тимура, выданный митрополиту Кириллу, не только ссылается на Чингиза, но и величает его «царем»: «Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заммають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас. Тако молвя и последний цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов» [47, с. 467]. Подобные слова есть в ярлыке хана Бердибека (1357–1359) митрополиту Алексию (ок. 1304–1378): «Ченгизь царь и последний цари наши отци наши и за тех молилися молебники и весь чин поповьскый» [47, с. 469]. Наконец, несколько отличается ярлык Мухаммада Бюлека (Тюляка) от 1379 г. митрополиту Михаилу (2-я четв. XIV в.–1379), в котором, кроме Чингиз-хана, названы поименно два ордынских хана: «Пред Чингис царь, а опосле того цари Азиз и Бердебек, и за тех молилися молебники и весь чин поповьскый» [47, с. 465].

Из других Чингизидов, владевших всей империей, собственно русские источники называют Мункэ и Гуюка, причем обоих – в эпизоде осады Киева поздней осенью 1240 г.⁸ Взятый в плен (а скорее, умышленно подосланный к защитникам города для создания паники) «татарин» Товрул назвал имена полководцев, среди которых фигурируют и будущие хаганы: «Оурдю. и Баидарь. Бирюн Кандань. Бечакъ. и Меньгоу. и Кююк иже вратися. оувъдав смерть кановоу. и бы каномъ. не от роду же его. но бѣ воевода его перьвыи» [30, стб. 785]. Совершенно ясно, что это поздняя вставка – «смерть канова» наступила год спустя описываемых событий: великий хан Угэдэй скончался 11 декабря 1241 г.⁹ И это не единственная и далеко не самая значительная странность данного текста. Гуюк действительно отбыл в Монголию зимой 1240/1241 гг. или в другое время, будучи отозван своим отцом Угедеем и, судя по сообщению «Сокровенного сказания монголов», успел получить от него жестокий выговор за ссору с Бату [15, § 275–277]. Впрочем, Джувейни утверждает, что Гуюк не застал Угедая в живых [49, с. 239–240, 244, 248]. Хаганом он стал, но не сразу, а только в 1246 г. Главное же противоречие в том, что Гуюк принадлежал к «золотому роду» Чингиз-хана и имел законное право на власть, а здесь он показан безродным узурпатором, что опровергает слишком категоричное утверждение Ч. Гальперина «Русские всегда знали,

⁸ Некоторые важные подробности разбираются в работе: [19, с. 76–80].

⁹ Согласно расчетам А.В. Майорова, текст «Повести о нашествии Батыея», цитируемые фрагменты которого были включены в Ипатьевский свод и другие летописи, мог быть написан «не ранее осени 1246 г. и не позднее осени 1251 г.» [20, с. 95]. При этом перечень осаждавших Киев монгольских полководцев, возможно, записан со слов того самого тысяцкого Дмитра, который возглавлял оборону Киева и в силу своего положения должен был допрашивать Товрула [20, с. 98].

кто был и кто не был Чингисидом» [48, с. 170]. Являясь личным врагом Бату, Гуюк, несомненно, подвергся целенаправленному очернению в информационном поле Улуса Джучи, в зависимости от которого находились русские княжества.

В летописи в эпизоде осмотра передовым монгольским отрядом столицы Южной Руси допущен еще один анахронизм – Мункэ именуется Менгуканом, т.е., согласно средневековой русской номенклатуре, главой всей империи: «Меньгоуканови же. пришедшоу сглядать град Кыева» [30, стб. 782; 32, стб. 301]¹⁰. Иными словами, Мункэ уже занимает старшее положение над Бату, усилиями которого он, как хорошо известно, был возведен на всемонгольский престол только в 1251 г.

Вполне закономерно из всех имен «татар», упоминающихся в русских хрониках (Ч. Гальперин насчитал их около 200 [48, с. 168]), чаще других и с большим отрывом встречается имя покорителя Руси – Бату. Однако лишь в Галицко-Волынской летописи он показан как реальный человек, а не былинный злодей, каким он выглядит, например, в «Повести о Николе Заразском», «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Повести о убиении Батыея», или символическая фигура, почти лишенная каких-либо индивидуальных черт, как во всех остальных летописях.

Монгольские имперские ритуалы

Мотивы монгольских походов на русских в 1223 и 1237 гг. кардинально различались. В первом случае мы имеем дело с карательной акцией, скорее вынужденной, чем заранее спланированной, в ответ на открыто враждебные действия русских князей; во втором – реализацию решений курултая 1235 г. по подчинению всего мирового пространства [50]. Монгольское посольство, явившееся на Русь после покорения кочевниками Булгара, потребовало десятой доли «и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое» [24, с. 74]. По существу, это означало требование вассальной зависимости.

Внимание историков привлекло упоминание в составе этого посольства некоей «чародеицы». Резонно думать, что речь идет о шаманке. Ч. Гальперин убежден, что никакой шаманки в посольстве быть не могло, поскольку ему неизвестно, чтобы шаманами у монголов становились женщины [6, с. 44]. Это как раз и есть пример того, как недостаточное знание реалий кочевой жизни вводит исследователя в заблуждение в его попытках интерпретации средневекового текста. «Жена чародейка есть не кто иной, как шаманка», – совершенно правильно заметил еще Н.И. Веселовский [5, с. 84]. По-видимому, есть резон прислушаться к мнению Ю.В. Кривошеева, предположившего на основании аналогии с сообщением «Сокровенного сказания монголов» о вызванной духами болезни Угедея [15, § 272], что шаманка была отправлена на Русь для выяснения, какими духами населена подлежащая завоеванию земля, и в случае необходимости «расколдовать» ее [16, с. 128–132]. Как правило, шаман обслуживает интересы только своего рода, т.е. сфера его влияния весьма ограничена. Учитывая, однако, что всю Монгольскую империю исследователи расценивают как родовую собственность потомков Чингиз-хана, участие шаманки в ритуалах государственной важности не ка-

---

¹⁰ В других летописях он назван «Мгъноуканови» [31, с. 225], «Менгукак» [33, с. 144; 34, с. 115].

жется чем-то невероятным. Следовательно, здесь мы имеем дело с обрядами имперского уровня.

Ипатьевский свод и «Житие» Михаила Черниговского включают некоторые подробности обрядовой жизни Орды, представляющие немалый этнографический интерес: прохождение между огней, поклонение кусту¹¹ и пр. Скорее всего, эти древние ритуалы не имели прямого отношения к имперской культуре монголов, но на одном из них следует остановиться. Несомненно, он тоже испокон веков бытовал в степях – и не только; речь идет о совместной трапезе. Как следует из летописного сообщения, Даниил Галицкий согласился принять из монгольских рук чашу кумыса – напитка не просто очень любимого номадами вплоть до сегодняшнего дня, но и, можно сказать, культового. Кумыс принадлежит к так называемой «белой пище» (*цагаан идээ*), а белый цвет у монголов сакрален, поэтому кумыс используют в важнейших ритуалах, им кропят Вечному Небу. Принять его от хана значило продемонстрировать свою лояльность, готовность стать из потенциального врага «своим». Собственно, именно этот момент и прокомментировал Бату, говоря Даниилу: «Ты оуже наш же Тотаринь» [30, стб. 807]. В результате обе стороны достигли желаемого: Бату заставил галицкого князя выразить покорность, а тот получил ярлык. Поскольку рассмотренный эпизод имел отношение к «высокой политике», мы можем квалифицировать его как уместный материал для нашей темы.

Здесь же кратко разберем противоположные примеры. В марте 1238 г. на реке Сити монголы захватили ростовского князя Василько Константиновича (1208–1238) и принуждали его к подчинению, но Василько предпочел смерть и «ни брашна, ни пития ихъ не прия» [32, стб. 295]. Аналогично и с тем же финалом поступил в сентябре 1246 г. в ставке Бату Михаил Черниговский, следуя наставлениям своего духовного отца: «ни брашна ни пития ихъ не приими во оуста своя» [42, с. 56]. Вполне возможно, что, как и в случае с Василько, эти слова были домыслены позже, но очень велика вероятность, что оба князя на самом деле отвергли пищу и напитки врагов. Отказ от угощения должен был послужить наглядной декларацией их непокорности и нежелания встраиваться в чуждую им систему властных отношений, которые, основываясь на датировках, мы можем считать имперскими.

Закончим наш обзор проявлений монгольской «имперскости» в средневековой русской историографии тем же эпизодом, с которого он был начат: первым столкновением русских с монголами в 1223 г. После поражения русско-половецкого воинства, поддавшись на уговоры, Мстислав Киевский (ок. 1160–1223), его зять Андрей и Александр Дубровецкий сложили оружие. Монголы отнеслись к пленным князьям с уважением, как к людям благородным, казнив их без пролития крови под настилом из досок¹². С точки зрения

¹¹ Возможно, это был куст в строго ботаническом смысле слова, символически замещавший в условиях степей «мировое древо»; см.: [13, с. 94–96]. Ср., однако, мнение А.А. Горского, предположившего, что «поклонением кусту» могло обобщенно называться поклонение идолу Чингиз-хана или нескольким идолам [9, с. 141; 10, с. 36].

¹² В «Юань ши» есть сведения, что Мстислав не был умерщвлен на берегах Калки, а отправлен к Джучи в кипчакские степи и уже там принял смерть: «Взяли в плен государя их государства Мстислава (Мечжисыле). Чжэбэ приказал Хэсымайли подарить его Чжучи тайцзи. Казнили его (Мстислава)» [18, с. 35]. Подобное развитие событий представляется высоко вероятным. Ни Чжэбэ, ни Субэдэй не были Чингизидами. Несмотря на полученные от Чингиз-хана полномочия, они, видимо, сочли, что судьбу «русского государя» должна решать более высокая инстанция.

русского это позорная смерть [1, с. 23]. Но не такова была ментальность номадов. Бескровные методы казни (чаще всего, закатывание в войлок) являлись элитарными и применялись к знатым врагам и к самим Чингизидам, что давало казненным, согласно древним степным воззрениям, возможность к продолжению бытия в ином мире, поскольку духовная сила человека находится в его крови и достается победителю. Позорной же казнью, ведущей к аннигиляции этой силы и полному прекращению существования индивида в мироздании, было отсечение головы с последующим расчленением либо без оного. Такие примеры тоже можно найти как в русских, так и в восточных источниках. В нашем случае это убийство в Орде Романа Рязанского (1270 г.), исполненное максимально жестоко; близко к этому стоит казнь Михаила Черниговского и его боярина Феодора (1246 г.), и Михаила Тверского (1318 г.). Обстоятельства этих политических убийств достаточно известны, чтобы их пересказывать. Выросшие из традиционных верований кочевых народов Центральной Азии, анимистические представления обрели в Монгольской империи силу закона и использовались в судебной практике (*йаргу*) при дворах Чингизидов во всех улусах, включая и Улус Джучи.

Заключение

Анализ средневековых источников позволяет утверждать, что идеология мирового доминирования не только владела монгольской элитой, но и пронизывала все кочевое сообщество, известное на Руси под именем «татар». В русских источниках она почти не звучит, но нигде, пожалуй, нельзя найти каких-либо намеков на то, что простые монгольские воины имели какие-то собственные взгляды, отличные от взглядов своего хана. Еще И.У. Будовниц, полемизируя с Б.Д. Грековым и А.Ю. Якубовичем, заметил, что вряд ли в то время был политический смысл противопоставлять верхи «татарского» общества его низам [3, с. 338]. Углубление в этот вопрос привело нас к заключению, что и Чингизиды, и рядовые монгольские кочевники разделяли общие убеждения в своем исключительном положении среди человечества и своей особой миссии на земле.

Ни о Монгольской империи, не о ее идеологии русские источники прямо не сообщают, но демонстрируют некоторые признаки «имперскости», которые проявляла ненавистная Орда. Так, в источниках проскальзывают упоминания Чингиз-хана и великих ханов Мункэ, Гуюка и Хубилая (?); слышны отголоски Великой Ясы, отчасти видна структура верховной власти империи. Можно уверенно полагать, что на самом деле осведомленность русских людей о монголах и Монгольской империи была гораздо большей, чем можно судить по тому, что осталось запечатленным в источниках. Тотальное нежелание летописцев фиксировать эти подробности, включая политическую культуру и имперские идеи ордынцев, по-видимому, корректно объясняется «эсхатологичностью» русской средневековой литературы, в которой монголы заняли место «измаильтян»-половцев и не требовали специального описания. Несмотря на скудность сведений, русские источники обогащают наше понимание не только истории Улуса Джучи, в чем они просто незаменимы, но и идеологии монголов, хорошо заметной, прежде всего, в текстах ханских ярлыков и некоторых летописных пассажей. Каким бы своеобразием ни отличался русский взгляд на события XIII–XV вв., содержащиеся в отечественном литературном наследии материалы не противоречат, а дополняют сведения о

Монгольской империи, которые донесли до наших дней источники, созданные в инокультурной среде на бескрайнем евразийском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астайкин А.А. «Не успеха бо исполчитися противу имь...»: Русские и монголы в походе и битве на Калке (апрель-июнь 1223 г.) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 6–37.
2. Астайкин А.А., Дробышев Ю.И. Упоминания Чингисхана в русских летописях // Восток. (Oriens). 2020. № 4. С. 49–59.
3. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
4. Вернадский Г.В. К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г. // *Seminarium Kondakovianum*. Vol. III. Прага: [Б.и.], 1927. С. 145–148.
5. Веселовский Н.И. О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LXIV. Петроград: Сенатская типогр., 1916. С. 81–101.
6. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России / Пер. М.Е. Копыловой; под ред. Ю.В. Селзнева. Воронеж: [Б.и.], 2012. 230 с.
7. Горский А.А. О титуле «царь» в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 1996. С. 205–212.
8. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личности и ментальность русского средневековья. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
9. Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // *Средневековая Русь*. Вып. 6. М.: Индрик, 2006. С. 138–154.
10. Горский А.А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // *Исторический вестник*. 2018. Т. 25. С. 30–39.
11. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 276 с.
12. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.: Университетская типогр., 1842. 132 с.
13. Дробышев Ю.И. Монгольские ритуалы в русских летописях // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 4. С. 91–102.
14. Дробышев Ю.И. Тангутское государство в русских летописях // *Письменные памятники Востока*. 2023. Т. 20. № 1. С. 70–83.
15. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
16. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия иссл. культуры, 2015. 452 с.
17. Кудрявцев И.М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // *ТОДРЛ*. 1951. Т. VIII. С. 158–186.
18. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань («Юань ши») о Золотой Орде // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 30–42.
19. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica Antiqua*. 2012. № 1. С. 33–94.
20. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica Antiqua*. 2012. № 2. С. 43–113.
21. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. 268 с.
22. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2003. 178 с.

23. Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М.Н. Тихомиров; ред. и предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 561 с.
25. Порсин А. Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан: Гылым, 2020. 424 с.
26. Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М.: Худож. лит., 1982. С. 522–537.
27. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.
28. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград: Научное дело, 1916. 116 с.
29. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 379 с.
30. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 938+90 с.
31. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Петроград: Типогр. Я. Башмаков и Ко, 1915. 320 с.
32. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
33. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1856. 346 с.
34. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типогр. Мин-ва внутр. дел, 1885. 244 с.
35. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград: [Б.и.], 1922. 216 с.
36. Рева Р.Ю., Беляев В.А. Две серебряные золотоордынские пайцзы с уйгуро-монгольскими надписями // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 25–37.
37. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
38. Рыкин П.О. Титямь: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // А.Б.-60: сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2007. С. 475–492.
39. Савельев П.С. Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов, и другие, обращавшиеся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша. Вып. 1. СПб.: Типогр. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1857. 394 с.
40. Селезнев Ю. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовь, 2017. 272 с.
41. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2017. 437 с.
42. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Ч. 2. Обзор редакций и тексты. М.: Общ-во истории и древностей российских, 1915. 186 с.
43. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 440–455.
44. Хрусталева Д.Г. Монгольская «дипломатия» накануне нашествия на Русь, 1223–1237 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: Фолиант, 2011. С. 174–186.
45. Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2017. 416 с.
46. Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 442–456.
47. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1955. С. 463–491.

48. Halperin Ch. Know Thy Enemy. Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1982. № 30. P. 161–175.

49. Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror* / Tr. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester Univ. Press, 1997. lxvii+763 p.

50. Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 3. С. 22–30.

51. Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. New Haven: Yale University Press, 1953. xi+462 p.

Сведения об авторе: Юлий Иванович Дробышев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>. E-mail: altanus@mail.ru

Поступила 3.07.2023 Принята к публикации 04.09.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Astaykin A.A. “Not Successfully gathered against them ...”: Russians and Mongols in the Campaign and the Battle of Kalka (April-June 1223). *Military Affairs of the Ulus of Jochi and its Heirs* / Ed. A.K. Kushkumbaev. Astana: Folio, 2012, pp. 6–37 (In Russian)

2. Astaykin A.A., Drobyshev Yu.I. Mentions of Genghis Khan in Rus’ chronicles. *East. (Oriens)*. 2020, no. 4, pp. 49–59 (In Russian)

3. Budovnits I.U. *Socio-Political Thought of Old Rus’ (11th–14th Centuries)*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 488 p. (In Russian)

4. Vernadsky G.V. On the Question of Religion of the Mongolian Ambassadors in 1223. *Seminarium Kondakovianum*. Vol. III. Prague, 1927, pp. 145–148. (In Russian)

5. Veselovsky N.I. On the Religion of the Tatars according to Russian Chronicles. *Journal of the Ministry of Public Education*. New series. Ch. LXIV. Petrograd: Senatskaya tipogr., 1916, pp. 81–101. (In Russian)

6. Halperin Ch. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia* / Tr. by M.E. Kopylova; ed. Yu.V. Seleznev. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)

7. Gorsky A.A. On the Title “Tsar” in Medieval Russia (until the Middle of 16th Century.). *Odyssey. A Man in History*. Moscow: Nauka, 1996, pp. 205–212. (In Russian)

8. Gorsky A.A. “The Russian Land is Filled with Everything...”. *Personalities and Mentality of the Russian Middle Ages*. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul’tury, 2001. 176 p. (In Russian)

9. Gorsky A.A. The Death of Mikhail of Chernigov in the Context of First Contacts of Russian Princes with the Horde. *Medieval Rus*. Iss. 6. Moscow: Indrik, 2006, pp. 138–154. (In Russian)

10. Gorsky A.A. Establishing Relations between the Mongol Empire and Russia: The Case of Yaroslav Vsevolodich. *Historical Bulletin*. 2018. Vol. 25, pp. 30–39. (In Russian)

11. Grigoriev A.P. *Collection of Khan Yarlyks to Russian Metropolitans: Source Analysis of the Golden Horde Documents*. St. Petersburg: Tipogr. St. Petersburg Univ., 2004. 276 p. (In Russian)

12. Grigoriev V.V. On Reliability of Yarlyks Given by the Khans of the Golden Horde to Russian clergy. Moscow: Univ. tipogr., 1842. 132 p. (In Russian)

13. Drobyshev Yu.I. Mongolian Rituals in Russian Chronicles. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019. No. 4, pp. 91–102. (In Russian)

14. Drobyshev Yu.I. The Tangut State in Russian Chronicles. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 70–83. (In Russian)
15. Kozin C.A. Secret History. Mongolian Chronicle of 1240 г. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 619 c. (In Russian)
16. Krivosheev Yu.V. Rus' and the Mongols: A Study on the History of Northeastern Russia of the 12th–14th Centuries. St. Petersburg: Akademiya issledovaniy kul'tury, 2015. 452 p. (In Russian)
17. Kudryavtsev I.M. “The Message to Ugra” by Vassian Rylo as a Monument of publicism of 15th Century. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. 1951. Vol. VIII, pp. 158–186 (In Russian)
18. Kychanov E.I. Information from the “History of the Yuan Dynasty” (“Yuan Shi”) about the Golden Horde. Source Studies on the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). *From Kalka to Astrakhan. 1223–1556*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 30–42 (In Russian)
19. Maiorov A.V. The Story of Batu Invasion in the Hypatian Codex. Part One. *Rossica Antiqua*. 2012, no. 1, pp. 33–94. (In Russian)
20. Maiorov A.V. The Story of Batu Invasion in the Hypatian Codex. Part Two // *Rossica Antiqua*. 2012. No. 2, pp. 43–113. (In Russian)
21. Matuzova V.I. English Medieval Sources of the 9th–13th Centuries. Moscow: Nauka, 1979. 268 p. (In English and Russian)
22. Mys'kov E.P. Political History of the Golden Horde (1236–1313). Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo Univ., 2003. 178 p. (In Russian)
23. Nasonov A.N. Mongols and Rus' (History of Tatar Politics in Russia). Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. 178 p. (In Russian)
24. The Novgorod First Chronicle / Ed. M.N. Tikhomirov; ed. and preface A.N. Nasonov. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 561 p. (In Russian)
25. Porsin A. Berke. A Muslim on the Mongol Throne. Nur-Sultan: Gylym, 2020. 424 p. (In Russian)
26. The Message to Ugra by Vassian Rylo. Monuments of Literature of Old Russia. Second Half of 15th Century. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982, pp. 522–537 (In Russian).
27. Priselkov M.D. Troitsk Chronicle. Text Reconstruction. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 514 p. (In Russian)
28. Priselkov M.D. Khan's Yarlyks to Russian Metropolitans. Petrograd: Nauchnoe delo, 1916. 116 p. (In Russian)
29. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1. Laurentian Chronicle. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1927. 379 p. (In Russian)
30. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Hypatian Codex. St. Petersburg: Tipogr. M.A. Alexandrov, 1908. 938+90 p. (In Russian)
31. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 4. Part 1. Novgorod Fourth Chronicle. Iss. 1. Petrograd: Typogr. Bashmakov i Ko., 1915. 320 p. (In Russian)
32. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 6. Iss. 1. Sofia First Chronicle of Older Redaction. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 2000. 312 p. (In Russian)
33. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 7. Voskresenskaya Chronicle. St. Petersburg: Typogr. E. Pratsa, 1856. 346 p. (In Russian)
34. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 10. Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Typogr. Min-va mezhdunarodnyh del, 1885. 244 p. (In Russian)
35. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 15. Iss. 1. Rogozhskiy Chronicler. Petrograd, 1922. 216 p. (In Russian)
36. Reva R.Yu., Belyaev V.A. Two Silver Gilded Horde Paizas with Uighur-Mongolian Inscriptions. *Golden Horde Civilization*. 2017, no. 10, pp. 25–37 (In Russian).

37. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of Old Russian Scribes of the Middle of 13th–15th Centuries. Moscow: Quadriga, 2009. 248 p. (In Russian)
38. Rykin P.O. Tityam: about one Chinese Title in Medieval Russian Chronicles. *A.B.-60: Collection of Articles for the 60th Anniversary of A.K. Bayburin*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeyskoro Univ., 2007, pp. 475–492 (In Russian)
39. Saveliev P.S. Coins of Juchids, Jagataids, Djelairids, and others who were Circulating in the Golden Horde in the Tokhtamysh Era. Iss. 1. St. Petersburg: Typogr. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennyh bumag, 1857. 394 p. (In Russian)
40. Seleznev Yu. Russian Princes at the Court of the Khans of the Golden Horde. Moscow: Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)
41. Seleznev Yu.V. Images of the Horde Yoke. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 2017. 437 p. (In Russian)
42. Serebryansky N.I. Lives of Old Russian Princes. Ch. 2. Moscow: Obschestvo istorii i drevnostey rossiyskih, 1915. 186 p.
43. “Words” of Serapion of Vladimir. *Monuments of Literature of Old Russia. 13th century*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981, pp. 440–455 (In Russian)
44. Khrustalev D.G. Mongol “Diplomacy” on the Eve of Invasion to Rus’, 1223–1237. *Golden Horde Civilization*. Iss. 4. Kazan: Folio, 2011, pp. 174–186 (In Russian)
45. Khrustalev D.G. Rus’ and the Mongol Invasion (20–50s of 13th Century). St. Petersburg: Evraziya, 2017. 416 p. (In Russian)
46. Chernyavskiy M. Khan or Vasilevs: One of Aspects of the Russian Medieval Political Theory. *From the History of Russian Culture*. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul’tury, 2002, pp. 442–456 (In Russian)
47. Yarlyks of Tatar Khans to Moscow Metropolitans. *Monuments of Russian Law*. Iss. 3 / Ed. L.V. Cherepnin. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury, 1955, pp. 463–491 (In Russian)
48. Halperin Ch. Know Thy Enemy. Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1982, no. 30, pp. 161–175.
49. Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Tr. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester Univ. Press, 1997. lxvii+763 p.
50. Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi. *Golden Horde Review*. 2014, no. 3, pp. 22–30.
51. Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven: Yale University Press, 1953. xi+462 p.

About the author: Yuliy I. Drobyshev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Saint-Petersburg State University (7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>. E-mail: altanus@mail.ru

*Received July 3, 2023 Accepted for publication September 4, 2023
Published September 29, 2023*

ТАМГА «ГУЮКА» И ДЖУЧИДЫ ДОМА ОРДУИДОВ (ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОШИБКИ)

П.Н. Петров

*Центральный государственный музей Республики Казахстан
Алматы, Республика Казахстан
ppnsainkhan@rambler.ru*

Целью исследования является отнесение необычных тамг на серебряных дирхамах к представителям того или иного дома Чингизидов и хронологическая атрибуция этих монет.

Материалы исследования: Изучаются серебряные монеты из находок в Казахстане с необычными тамгами, одна из которых выглядит в виде двух кружочков, соединенных линией. Данный тип дирхамов известен с начала XX века. Он не имел атрибуции, но был опубликован Н.П. Лихачевым из-за необычной тамги. Вес таких монет ~1 г. Монетные легенды не несут выпускных сведений. Обнаружено 3 типа дирхамов. Один тип датирован 685/1286 годом, имеет интитуляцию, однако, существуют сложности в интерпретации этих надписей, в том числе с чтением названия монетного двора. Тамга была ранее отнесена к знаку собственности Угедей каана. Остальные два типа монет анонимные. Обнаружено 3 типа тамг на монетах.

Новизна и результаты исследования: Установлен регион, с наибольшим количеством находок таких монет и он локализуется в районе средневековых городов Барчанлыг-Ашнас-Дженд в Приаралье. Установлено, что часть монет, фотографии которых оказались в нашем распоряжении, несут следы перечекана с серебряных дирхамов Хорезма 681–690 гг.х. Один дирхам даже сохранил первоначальные цифры года выпуска – 688/1289 г. Поэтому монеты не относятся к чеканке Угедея, как и тамга на них. Дирхамы биты Кониичи – владельцем улуса Орды. В результате открыто новое направление в нумизматике Джучидов, дальнейшее изучение которого сулит формирование новых представлений о конкретно-исторических событиях в улусе Ордуидов.

Ключевые слова: монета, дирхам, тамга, Джучиды, Ордуиды, Казахстан, Дженд, Барчанлыг, Ашнас, конец XIII века

Для цитирования: Петров П.Н. Тамга «Гуюка» и Джучиды дома Ордуидов (история одной ошибки) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 551–561. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.551-561 EDN: HVSHDZ

© Петров П.Н., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

TAMGHA OF “GUYUK” AND THE JUCHIDS OF THE HOUSE OF ORDUIDS (THE STORY OF ONE MISTAKE)

P.N. Petrov

*Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Republic of Kazakhstan
ppnsainkhan@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* The purpose of this study is to attribute unusual tamghas found on silver dirhams to the representatives of the House of Chingizids and establish their chronological attribution.

Research materials: We have examined silver coins with unusual tamghas discovered in Kazakhstan. One tamgha is depicted as two circles connected by a line. Our focus is on a type of dirhams that has been known since the early 20th century. These dirhams lacked attribution but were published by N.P. Likhachev due to the presence of an unusual tamgha. The weight of these coins is approximately 1 gram, and the coin legends do not provide conclusive information for dating. We have identified three types of dirhams. One type of dirhams can be dated to 685 AH/1286 CE. It bears an inscription, yet there are challenges in interpreting these legends, including reading the name of the mint. The tamga was previously attributed as the property mark of Ogedei Khan. Two types of coins remain anonymous. We have identified three types of tamghas on these coins.

Results and novelty of the research: We have identified a region with a significant number of discovered coins, primarily located in the vicinity of the medieval towns of Barchanlig-Ashnas-Jend in the Aral Sea region. It has been determined that some coins were minted on silver dirhams of Khwarazm during 681–690 AH. One dirham retains the original year of issue, 688 AH/1289 CE. These coins are not associated with the minting of Ogedei, and the tamgha on them does not match either. These dirhams were minted under the authority of Konichi, the ruler of the Ordu ulus. This research has opened up a new avenue in the field of Juchid numismatics. The exploration in this direction holds promise for shaping new insights into specific historical events within the Orduid's ulus.

Keywords: coin, dirhem, tamgha, Juchids, Orduids, Kazakhstan, Jend, Barchanlyg, Ashnas, late 13th century

For citation: Petrov P.N. Tamgha of “Guyuk” and the Jochids of the House of Orduids (the story of one mistake). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 551–561. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.551-561 (In Russian)

Введение

В данной работе речь пойдет о династической принадлежности монет с тамгой, точнее с несколькими тамгами. Один из этих знаков собственности известен с конца XIX века. Выглядит эта тамга (далее – тамга I) следующим образом:

Впервые на этот знак, помещенный на маленькую серебряную монету, обратил внимание Николай Петрович Лихачев. В его книге, посвященной вопросам сфрагистики, в разделе «Род Джагатая и тамги на монетах Джагатайской Орды» отмечено: «Среди монет Чингизидов раннего периода имеют»

ся диргема со знаком в виде двух кружков и черты, как бы удвоение первоначального знака = рис. 126 б. Приведем снимок с редкого экземпляра из коллекции П.В. Зубова в Москве (Исторический музей). Этот дирхам малой величины (см. рис. 127) с надписью «нет бога кроме бога». Знак представляет как бы удвоение предполагаемого знака самого Чингиз-хана. Монета эта остается точно не приуроченной». И далее приводится мелкая фотография монеты с подписью: «Рис. 127. Дирхам одного из первых Чингизидов» [3, с. 147–148]. Фотография аналогичной монеты приведена нами на рис. 1/4.

Этой работой Н.П. Лихачев заложил некие базовые основы для изучения тамг на монетах и одним из постулатов явилось утверждение о том, что чем проще вид тамги – тем ближе он к изначальной тамге, к той с которой началось развитие знаков собственности в данном случае Чингизидов. Именно поэтому, не называя имени кого-то из Чингизидов, ученый отнес тамгу к персонажу наиболее близкому к Темучину. Но следует заметить, что это положение не вытекает из каких-либо подробных исследований и анализа размещения тамг на монетах. То есть, это чисто логическое предположение. И до настоящего времени оно работало с одной значительной поправкой – с течением значительного времени потомки забывают вид тамг давно минувших дней, что приводит к появлению знаков-«клонов» из прошлого, а также к процессам образования новых тамг путем упрощения, а не усложнения и без того перегруженных деталями знаков собственности своих предков.

Вопросам тамг автор этих строк посвятил значительный раздел в одной из книг [4, с. 41–65]. Тамги Чингиз-хана, Чагатая, Угедея и Мунгка-каана по монетным данным устанавливаются уверенно. Но тамги Гуюка на монетах пока встречать не приходилось. Там же была высказана мысль о том, что интересующая нас монета и украшающая ее необычная тамга I может принадлежать Гуюку(?) в соответствии с «постулатом» Н.П. Лихачева. Поэтому в данном случае логически обоснованный, но пока не подтвержденный выбор пал именно на персонализацию интересующего нас знака с ханом Гуюком(?). Что и было нами зафиксировано в монографии [4, с. 46–47]. Такое сопоставление знака с историческим персонажем казалось логичным и было поддержано мировым нумизматическим сообществом, в том числе ученым ориенталистом доктором С. Албумом. Но знак вопроса при этом, как водится, исчез и тамга I была однозначно приписана Гуюку. Вот какая атрибуция дана им аналогичной монете, проходившей на аукционе 2019 года: «GREAT MONGOLS: Güyük, 1246–1247, AR ½ dirham (1.03g), NM, ND, A-1976Fvar, Khooboo Ongi tamgha of Güyük Khan, with unread legend around // Arabic la ilah illa Allah, same design as the full dirham of Güyük (A-1976F) ... » [8, lot 831]. Фото этого экземпляра приведено в zeno.ru – Z/№216220 (в=1,03 г). Но предложенная персонализация тамги I автоматически указывает и на время чеканки монет, помеченных ей, периодом правления хана Гуюка (644/1246 – 646/1248 гг.) [7, с. 246].

Вопрос персонализации изучаемых знаков оказался на много сложнее, чем представлялся нам ранее. И связано это с ошибочностью постулата Н.П. Лихачева, точнее – с влиянием на этот постулат закона относительности. То есть, все зависит от того, знак какой персоны взять за точку отсчета.

Целью настоящей публикации является отнесение необычных тамг I, Ia и II (рис. 1) на монетах к представителям того или иного дома Чингизидов и хронологическая атрибуция таких дирхамов.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1. определить территорию на которой происходит наибольшее количество интересных нас монетных находок; 2. установить время или период чеканки монет с тамгами I и Ia.

Материал

Рассмотрим все известные нам на сегодняшний момент типы серебряных монет этого типологического ряда, приведенные на рис. 1.

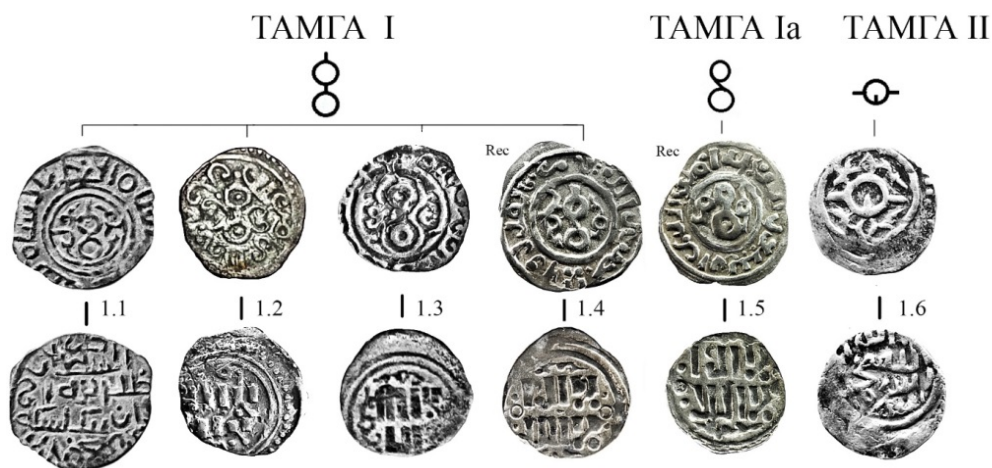

Рис. 1. Известные на настоящий момент типы и некоторые варианты монет с тамгой I и Ia «Гуюка», а также тамгой II неизвестного эмитента. Оттиски штемпелей Л.с. №1.4 и 1.5 реконструированы.

Fig. 1. Currently known types and some variations of coins with the tamgha I and Ia of "Guyuk," as well as the tamgha II from an unknown issuer. The impressions L.s. #1.4 and 1.5 have been reconstructed.

На представленном рисунке приведены изображения монет нескольких типов¹. Сразу отметим, что лицевые стороны изображений монет 1.4 и 1.5 являются реконструкциями (поэтому помечены Rec.), составленными по изображениям нескольких соответствующих одноштемпельных сторон монет.

Собственно, эти монеты фиксируют три вида тамг (рис. 1). Причем, в настоящий момент не совсем понятно являются ли тамги I и Ia разными тамгами, или появление знака Ia является следствием небрежности резчика штемпелей, что вполне возможно. Зная практику, например, Джучидов помещать

¹ За критерии типа монеты в данном случае приняты ее оформление, вид тамги и расположение надписей. Классификационная единица вариант указывает на различное содержание надписей на монетах в пределах одного типа. Различия мелких элементов заполнения поля обуславливает категорию разновидность в пределах одного типа и варианта монет.

на монеты иногда не только личную тамгу владельца улуса, но и тамгу предшественника, можно также предположить, что тамга Ia может быть наследной тамгой и принадлежать предшествующему владельцу улуса. По этой причине тамга Ia обозначена нами как та же тамга I, но с индексом «а». Представляется, что первым выпуском в типологическом ряду (рис. 1.2-1.5) был вариант рис. 1.2, когда вокруг тамги не изображался ободок, отделяющий тамгу от круговой легенды. В результате возник очень «пестрый» рисунок из элементов заполнения поля и букв, который сделал плохо различимым самый важный элемент – тамгу I. Это композиционное упущение при выборе картуша было исправлено в следующем варианте (рис. 1.3-1.5). При этом элементы заполнения поля по бокам тамги со временем становились меньше и лаконичнее. Круговая легенда у дирхама рис. 1.3 не реконструирована, и у монет рис. 1.2, 1.4 и 1.5 – они различные. Сложность их прочтения заключается в палеографических особенностях и некоторых искажениях.

Из всех представленных экземпляров только дирхам на рис. 1.1 не анонимный, имеет выпускные сведения. Первоначально предложенное чтение года [6]68 г.х. [4, 88 и 213, фототабл. 6, №23 и 23а] в настоящее время признается автором некорректным. Год указан как 685/1286 г., присутствует интитуляция, а также неоднозначно читаемое названием монетного двора. Этих монет известно всего 2 экземпляра и оба происходят с востока – юрт Чагатаидов (в Казахстане) и Угедеидов (городище Имил на Тарбагатае, КНР). По этой причине изначально нами не было придано должное значение читаемому году на дирхаме. Кроме того, тамга Гуюка не могла появиться на монете спустя ни 30, ни 40 лет после его смерти.

Анализ данных

Ареал максимального распространения находок дирхамов (рис. 1.2-1.6), а иногда и пулов приходится в значительной степени на Присырдарьинский регион. Здесь же наблюдается максимальное разнообразие типов и вариантов этих монет. По сведениям Е.Ю. Гончарова, помещенным в комментарии к аналогичной монете в базе zeno.ru №89689: «A PLUS for localization of mint in Khwarizm is an information for areal of find of similar coin. There is six points familiar for me. Two points situated in ancient Khwarizm, three points at east zone of Jani Daria river, it is one of caravan road from Khwarizm to Djand. One littel purse was unearthed here. Last point at center part of Uzbekistan where this coin was taken. ...» [Z/89689]. То есть, Евгению Юрьевичу известно 2 места единичных находок в исторической области Хорезм, 3 места – «в восточной зоне реки Джейн Дарья» (именно там проходит караванная дорога Хорезм – город Дженд), 1 место в центральной части Узбекистана. Маленький кладик-кошелек был обнаружен как раз на дороге Хорезм – Дженд.

Дженкала и округа. В ходе раскопок 2009 г. сотрудниками «Археологическая экспертиза» под руководством Д.А. Воякина на городище Дженкала (развалины средневекового города Дженд) был собран нумизматический материал, переданный в последствии в историко-краеведческий музей г. Кызылорды. Среди нумизматических находок были обнаружены, но не атрибутированы в то время два серебряных дирхама (типы рис. 1.2 и 1.4) и один медный пул с тамгой, как на монете рис. 1.4 [1]. Кроме того, с помощью археолога Ербулата Акижановича Смагулова, а также в ходе общения с местным

населением в районе Дженкалы автор этих строк собрал следующую информацию о находках серебряных дирхамов: рис. 1.2 – 1 экз.; рис. 1.4-1.5 – 3 экз. (одна из монет является перечеканом), а также кладик-кошелек из 5 штук; рис. 1.6 – 1 экз. Итого: медных – 1 пул; серебряных – рис. 1.2 – 2 экз.; рис. 1.4-1.5 – 9 экз. **Всего 12 монет.**

Кышкала и округа. Городище Кышкала (Кыш-Тобе, Кыз-кала) отождествляется со средневековым городом Барчин / Барчанлыг / Барчкенд / Барчанлыгкенд. С 2018 по 2022 гг. на памятнике начались системные исследовательские работы Туранской археологической экспедицией под руководством известного казахстанского ученого Мадьяра Елеуова. Среди найденных нумизматических находок в раскопах монет XIII века не встречено, но в подъемном материале и в ходе работы с населением было выявлено несколько экземпляров дирхамов: рис. 1.2 – 1 экз.; рис. 1.3 – 1 экз.; рис. 1.4-1.5 – 2 экз.; рис. 1.6 – 1 экз. Т.е. **всего 5 дирхамов.**

Асанас и округа. Асанас – остатки средневекового города Ашнас. Мне удалось зафиксировать кладик интересующих нас дирхамов рис. 1.3-1.4 – 12 экз.; единичные находки: рис. 1.2 – 2 экз.; рис. 1.4 – 1 экз. **Всего 15 экз.**

Кара-асар малый – округа. Случайные находки рис. 1.2 – 1 экз.; рис. 1.6 – 1 экз. **Всего 2 экз.**

Бозок Присырдарьинский (Левобережье Сырдарьи). Подъемный материал: медный пул с тамгой I – 1 экз.

Аккала (Левобережье Сырдарьи). Случайная находка рис. 1.3 – 1 экз.

Отрар округа. рис. 1.4 – 1 экз.

Пулад (Синьцзян, КНР). Средневековый г. Пулад располагался недалеко от современного г. Боротала на окраине поселка Дарат. В ходе поездки в Синьцзян в 2005 году автором была зафиксирована находка дирхамов интересующего нас типа: рис. 1.4 – 3 экз. Восточнее средневекового Пулада находок этих дирхамов нам не известно.

Таким образом, на Приаральский регион приходится подавляющее большинство находок (из 45 экз. – 36 шт., т.е. ~80% находок). И если в других местах встречаемость этих монет можно назвать спорадической, то в округе средневековых городов Ашнас-Барчин-Дженд – регулярной. Причем, по количеству находок на расположение эмиссионного центра претендуют два города – Ашнас и Барчин. Очевидно со временем место расположения монетного двора будет установлено однозначно, в том числе с учетом массовых находок медных пулов. Важным является однозначная принадлежность этих территорий одной из ветвей дома Джучи, а, следовательно, и чеканка также должна принадлежать именно этой ветви Чингизидов. Такое осторожное предположение о возможности отнесения тамги I Джучидам все же было сделано автором ранее [4, с. 47].

Все монеты на рисунке 1 кроме №1.1 анонимные, без выпускных сведений. Их легенды представляют собой invocации. В этом и заключается сложность датировки таких дирхамов. Но, как это бывает часто в нумизматике востока, счастливый случай помог решить эту проблему. В районе Приаралья (точное место и время находки не известно) был найден небольшой клад этих монет, видимо, хранившийся веками в закрытой посуде. Это предположение можно сделать исходя из прекрасного состояния монет. Почва в Приаральском и Присырдарьинском регионах засоленная и очень агрессивная по отношению

как к медным, так и к серебряным монетам, поэтому их единичные находки характеризуются сильным повреждением поверхности. В нашем случае поверхность монет оказалась не поврежденной. В кладе было примерно 220 дирхамов. Подробное изучение этого клада продолжается, и он будет опубликован отдельно. Но одно важнейшее наблюдение следует привести в данной работе – в кладе обнаружилось 16 монет с явными следами перечеканки из дирхамов Хорезма. Среди них один хорезмийский дирхам сохранил полностью год своей чеканки – 688/1289 г. (рис. 2.1), а второй сохранил характерно расположенную на чеканном серебре Хорезма 681–690/1280-х гг. наследную тамгу Менгу-Тимура (рис. 2.2). На рис. 2 для удобства сравнения приведен дирхам Хорезма 688 г.х. В этот период вес хорезмийских дирхамов был близок к 2 граммам, вес же изучаемых монет (рис. 1.2-1.6) составляет ровно половину, т.е. около 1 грамма. Хорезмийские монеты обрезались вкруг, расплющивались и затем отправлялись на перечеканку.

Эта информация в совокупности с принадлежностью упомянутых территорий юрту Джучидов неопровержимо свидетельствуют о том, что изучаемая тамга не может принадлежать хану Гуюку, но она маркирует владельца улуса одной из ветвей Джучидов.

Рис. 2. Монеты № 2.1-2.3 – перечеканка из дирхамов Хорезма.

Fig. 2. Coins #2.1-2.3 – overstrikes from Khorezm dirhams.

№2.1 – с годом [6]88 г.х. названием монетного двора Хв[аризм];

№2.2 – с наследной тамгой Менгу-Тимура; Z/85973 – дирхам Хорезма 688 г.х. (для сравнения).

Таким образом, год 685 г.х., прочтенный на монете рис. 1.1, не был ошибочным! Значит эмитент чеканил серебряную монету с тамгой I еще в 685/1286 г. в период правления джучидского хана Туда-Менгу. Не исключено, что именно Туда-Менгу разрешил владельцу нутуга ставить личную тамгу на монеты, предоставив ему таким образом использовать право монетной регалии в своем улусе. Далее следует период со управления (не со правле-

ния!) нескольких братьев, один из которых ранее воспринимался учеными как *хан Тула-Буга*. Работа А.А. Порсина убеждает, что у Тула-Буги не было титула хан и этот персонаж не был поднят на белой кошме на курултае [5, с. 43–54]. То есть, в течение нескольких лет до прихода к власти Токты в Золотой Орде хан не избирался и на монетах этого периода мы встречаем разные тамги в Сарае, Крыму и Булгаре. Похоже именно в этот период велась самая интенсивная чеканка изучаемых нами монет (рис. 1.2-1.5). Но как долго она продолжалась, работал ли монетный двор еще и при Токте, а если да, то на протяжении какого времени? Эти вопросы пока остаются без ответа. Единственная надежда их прояснить – обнаружение новых перечеканок из монет, сохранивших первоначальные годы выпуска.

В 680-е/1280-е гг.х. Приаралье, дельта Сырдарьи принадлежали потомкам Орды, а именно Кониичи сыну Сартакая внуку Орды и правнуку Джучи – очень влиятельному представителю рода. Подробности правления Кониичи (679/1280 – 701/1302 гг.)² [Bosworth, 2004, p. 252] прекрасно рассмотрены в работе Каната Ускенбая [6, с. 128–134]. Все перечисленные свидетельства сходятся на принадлежности тамги I именно Кониичи и использовании им же тамги Ia. На монетах рис. 1.2-1.5 нет интитуляции эмитента. Кому могла принадлежать тамга II – не известно. Судя по наблюдаемым тенденциям постановки тамг на монеты как в Великой Монгольской империи, так и у Джучидов (например, Ногая) и в ханстве Чагатаидов (особенно при хане Кайду) этот знак собственности мог принадлежать одному из сыновей или ближайшему родственнику Кониичи или, например, сменившему его на троне потомку Баяну. Причем в первом случае монета с такой тамгой и другого оформления могла чеканиться одновременно с тамгами I и Ia на том же монетном дворе.

Здесь не будет рассматриваться вопрос мусульманских титулов и имени эмитента, возможно, указанные на монете рис. 1.1. Изучение этих монет представляет собой особый источник важной информации. Пока известно всего две таких монеты, что не позволяет дать им релевантную и полную атрибуцию. Только следует заметить, что его имени на монете сопутствует слово *бик* (=старший в роду), каким и был принц Кониичи, и также присутствуют титулы *султан* и *падишах* [4, с. 88, №23] – «правитель (падишах) улуса Орды» [6, с. 131].

Пока других монет с необычными тамгами изучаемой типологии нам не встречались. Не исключено, что тамга II (рис. 1) была последней из тех, что ставилась на монетах улуса Ордуидов. И на долгие годы тамги этого рода покидают поле чеканных монет этого региона. Однако не на всегда. Так Е.Ю. Гончаров опубликовал два медных пула XIV в. – один Барчина 764 г.х. с тамгой I, а второй Сыгнака 76х г.х. [2, с. 43]. Дадим их описание по приведенным в статье фотографиям:

№ 1. Пул. Ханский Барчин. Анонимный. 763/1361–1362 г.

Z/119070; 217087

Л.с. Ободка не видно. В поле:

Султан / ал-адил. Сверху – знак.

---

² К.Ускенбай относит начало владения и управление улусом Орды принцем Кониичи к 1277 г. или даже несколько раньше, как и его кончину – к 698 или 699 гг.х./1298–1300 гг. [6, с. 133].

О.с. Ободка не видно. В поле:

Ханский / Барджин / 763.

№ 2. Пул. Барчин. Анонимный. 764/1362-1363 г. Тамга Ia.

Z/157049;

Z/153537 – аналогичная монета

Л.с. Круговой ободок. В поле:

Ал-адил / ... тамга Ia «...?»

О.с. Круговой ободок. В поле:

Дарб / Барчин / санат (зеркально)/764

У Гончарова слово *санат* (=год) не прочтено.

№ 3. Пул. Сыгнак. Анонимный? 76х/136х г. Тамга I.

Л.с. Круговой ободок. В поле:

Ал-адил / ... (тамга I)? «...?»

О.с. Круговой ободок. В поле:

Дарб / Сыгнак / 76х

Наличие тамги на фото монеты Сыгнака не видно из-за слабого качества монет и фотоснимков, поэтому ее наличие здесь отмечено по описанию Е.Ю. Гончарова, но с вопросом. Евгений Юрьевич справедливо заметил, что никто из владетельных Джучидов этого региона в период смуты не решился начать чеканку от своего имени серебряных монет и даже медные пулы чеканились анонимными. Однако тамги на монетах, как мы видим, стоят. Причем, на монетах №2 и 3 помещена наследная тамга I, относимая нами к Кониичи или его предку.

Выводы

1. Тамга, ранее отождествлявшаяся с персоной Гуюк хана, обнаружена на монетах 680-х гг.х./1280-е гг. (с 685/1286 г.) и этому представителю рода Чингизхана не принадлежит.

2. Установлено, что тамга I активно ставилась на монеты, имевшие наибольшее распространение на территории Приаральского региона, принадлежавшего потомкам Джучидского рода Ордуидов.

3. Изучаемую тамгу можно персонализировать как знак собственности Кониичи, владевшего и управлявшего улусом с 670-х/1270-х гг. до 701/1301–1302 гг.

4. Зафиксировано 2 типа монет с тамгой Кониичи. Не исключено, что один из этих типов чеканился в районе восточных границ юрта Кониичи – в районе Прииртышья. Возможно, в том регионе также существовал монетный двор Джучидов.

5. Продолжительность анонимной чеканки с тамгой Кониичи в Приарале пока установить не удалось. И также не удалось понять принадлежит ли второй тип монет с другой тамгой линейки тамг Ордуидов следующему владельцу улуса, например, Баяну, или одному из сыновей Кониичи.

6. Наследная тамга Кониичи также обнаружена на пулах 760-х гг.х./1360-х гг. Барчина, что свидетельствует о присутствии представителя этого рода в городе в период «замятни».

В результате открыто новое направление в нумизматике Джучидов, дальнейшее изучение которого сулит формирование новых представлений о конкретно-исторических событиях в улусе Ордуидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воякин Д.А., Пачкалов А.В. Монетные находки на городище Джан-кала // Историко-культурное наследие арало-каспийского региона. Материалы II международной научно-практической конференции. Актау, 2010. С. 55–63.

2. Гончаров Е.Ю. Новые типы пулов 760-х гг.х. Сырдарья и Крым // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016. Материалы докладов и сообщений. 22–23 ноября 2016 г. Москва. М.: РИА Внешторгиздат, 2016. С. 43–47.

3. Лихачев Н.П. Избранные труды. Т. I. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Труды музея палеографии II. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.

4. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.

5. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рука ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.

6. Ускенбай К. Восточный Дешт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи. Казань: «Фэн», 2013. 288 с.

7. Bosworth С.Е. The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual. Edinburgh University Press, 2004. 390 p.

8. Album S., Auction 33, Jan 17, 2019. <https://www.numisbids.com/n.php?p=sale&sid=2934&cid=86505> (дата обращения 30.12.2022).

9. Z/89689 – ZENO.RU – Oriental Coins Database: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=89689> (дата обращения 30.12.2022).

Сведения об авторе: Павел Николаевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного музея Республики Казахстан (050051, микрорайон Самал-1, 44, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8125-769X>. E-mail: ppnsainkhan@rambler.ru

*Поступила 02.06.2023 Принята к публикации 25.08.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Voyakin D.A., Pachkalov A.V. Coin finds at the settlement of Dzhan-kala. *Istoriko-kul'turnoe nasledie aralo-kaspijskogo regiona = Historical and cultural heritage of the Aral-Caspian region. Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencyi = Materials of the II International Scientific and practical conference*. Aktau, 2010, pp. 55–63. (In Russian)
2. Goncharov E.Yu. New types of pools of the 760s AH Syrdarya and Crimea. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2016 = Numismatic readings of the State Historical Museum 2016. Materialy dokladov i soobshchenij = Materials of reports and messages*. November 22–23, 2016 Moscow. Moscow: RIA Vneshtorgizdat, 2016, pp. 43–47. (In Russian)
3. Likhachev N.P. Selected works. Volume I. *Materials for the history of Byzantine and Russian sphragistics*. Proceedings of the Museum of Paleography II. Moscow: Languages of Slavic culture, 2014. 496 p. (In Russian)
4. Petrov P.N., Baypakov K.M., Voyakin D.A. *Coin business and monetary circulation in the Great Mongol Empire, the states of the Chaghataids and Jochids*. Kazakhstan. Almaty: Hikari, 2014. 264 p. (In Russian)
5. Porsin A.A. *The history of the Golden Horde of the late 13th – early 14th centuries in the work of Rukn ad-Din Beybars al-Mansuri "Zubdat al-fikra"*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)
6. Uskenbai K. *Eastern Desht-i Kipchak in the 13th – early 15th century. Problems of the ethnopolitical history of the ulus of Jochi*. Kazan: Fen, 2013. 288 p. (In Russian)
7. Bosworth C.E. *The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual*. Edinburgh University Press, 2004. 390 p.
8. Album S. Auction 33, Jan 17, 2019. <https://www.numisbids.com/n.php?p=sale&sid=2934&cid=86505> (accessed 30.12.2022).
9. Z/89689 – ZENO.RU – Oriental Coins Database: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=89689> (accessed 30.12.2022).

About the author: Pavel N. Petrov – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (44, microdistrict Samal-1, Almaty 050051, Republic of Kazakhstan); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8125-769X>. E-mail: pnb@sainkhan@rambler.ru

*Received June 2, 2023 Accepted for publication August 25, 2023
Published September 29, 2023*

**«НУЖНАЯ СМЕРТЬ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ:
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ОСЕНЬЮ 1246 г.**

Л.В. Воротынцев¹, Т.Р. Галимов²

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
leonrus1245@mail.ru*

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
galimov_t_r@mail.ru*

Цель исследования: выяснить причины и обстоятельства смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, произошедшей в период его пребывания в ставках ханши Туракины и великого хана Гуюка.

Материалы исследования: комплекс русских летописных источников, памятники «житийной» литературы Древней Руси, «История монгалов» Плано Карпини, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «История завоевателя мира» Джувейни Ата-Малика, акты дипломатической переписки.

Результаты и новизна исследования: на основании критического и сравнительного анализа сообщений письменных источников, рассмотренных в контексте политической ситуации сложившейся в Монгольской империи накануне и в период проведения курултая 1246 г., авторы статьи приходят к выводу о недостоверности сообщения Плано Карпини об отравлении русского князя Ярослава Всеволодовича ханшей Туракиной. Исходя из результатов представленного исследования, проведенного с применением методологии естественнонаучных дисциплин, делается заключение о естественных причинах смерти Ярослава Всеволодовича, наступившей вследствие осложнений, вызванных острым инфекционным заболеванием в условиях отсутствия квалифицированной медицинской помощи, ослабленного иммунитета и преклонного возраста правителя Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: Ярослав Всеволодович, Туракина, великий хан Гуюк, Бату, «нужная смерть», средневековое мышление, образ врага

Для цитирования: Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 562–581. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581 EDN: JJSQBC

Благодарности: Авторы выражают глубокую признательность уважаемым коллегам Ph.D. (история) Р. Хаутала и канд. биол. наук Д.А. Долбину за отзывчивость и оказанное содействие в работе над исследованием.

© Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**THE “NECESSARY DEATH” OF THE GRAND DUKE:
ON THE QUESTION OF THE CAUSES AND CIRCUMSTANCES
OF THE DEATH OF YAROSLAV VSEVOLODOVICH IN THE AUTUMN OF 1246**

L.V. Vorotyntsev¹, T.R. Galimov²

¹ *Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

² *Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
galimov_t_r@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* The objective of this study is to determine the causes and circumstances surrounding the death of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich. His demise occurred during his presence at the headquarters of Turakina and in the presence of the Great Khan Guyuk.

Research materials: The research draws from a complex of Russian chronicle sources, monuments of “hagiographic” literature from Ancient Rus’, Plano Carpini’s “The History of the Mongols,” Rashid al-Din’s “The Collection of Chronicles,” Juvayni Ata-Malik’s “The History of the Conqueror of the World,” and acts of diplomatic correspondence.

Results and novelty of the study: Through a critical and comparative analysis of written sources, examined in the context of the political landscape within the Mongolian Empire leading up to and during the Kurultai of 1246, the authors of this article conclude that Plano Carpini’s account of the poisoning of Russian Prince Yaroslav Vsevolodovich by Turakina khatun is unreliable. Utilizing a methodology akin to the natural sciences, the study ultimately attributes Yaroslav Vsevolodovich’s death to natural causes, specifically complications arising from an acute toxicoinfective disease. This conclusion is drawn considering the absence of qualified medical care, weakened immunity, and the advanced age of the ruler of Northeastern Russia.

Keywords: Yaroslav Vsevolodovich, Turakina, the great Khan Guyuk, Batu, “necessary death”, medieval thinking, the image of the enemy

For citation: Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The “necessary death” of the Grand Duke: on the question of the causes and circumstances of the death of Yaroslav Vsevolodovich in the autumn of 1246. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 562–581. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581 (In Russian)

Acknowledgments: The authors express their deep gratitude to the distinguished colleagues R. Hautala, Ph.D. (History), and D.A. Dolbin, Cand. Sci. (Biology), for their responsiveness and assistance in the work on the study.

Одним из важнейших аспектов процесса политической интеграции русских земель в государственную структуру Монгольской империи и Улуса Джучи в 40–50-х гг. XIII в. являлась практика поездок русских князей и их наследников в ставки великих ханов (каганов), регентш и глав улусов, с целью получения инвеституры (подтверждения властных полномочий и владельческих прав) посредством выдачи ярлыков на княжение. В числе первых правителей русских земель, посетивших ставки представителей «золотого рода», следует особо выделить владимирского князя Ярослава Всеволодови-

ча, занявшего княжеский «стол» Владимиро-Суздальской земли после гибели в сражении на р. Сить его брата Юрия Всеволодовича (зимой 1238 г.). Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, уже в 1243 г. Ярослав посещает орду (ставку) правителя Улуса Джучи – Бату, где получает подтверждение своего великокняжеского статуса: «...Батыи же почти Ярослава великого честью и мужи его и опусти и рече ему «Ярославе, буди ты старей все князе в Руском языке (народе – Л. В; Т. Г.)...» [15, Стб. 470]. Через два года, в 1245 г. великий князь повторно едет в ставку главы Джучидов, и уже оттуда отправляется в земли Коренного Улуса, в орду вдовы великого хана Угэдэя – Туракины (Тэргенэ-хатун), являвшейся на тот момент времени местоблюстителем ханского престола. По всей вероятности, целью этой поездки Ярослава Всеволодовича являлось участие в предстоящем курултае и получение ярлыка от нового великого хана, выборы которого должны были состояться на общем собрании монгольской знати [15, Стб. 471; 8, с. 171–173; 25, с. 118–119]. После завершения курултая, осенью 1246 г. русские летописные источники фиксируют смерть великого князя во время его возвращения на Русь «от кановичей» [15, Стб. 471; 20, с. 139].

К настоящему времени, в исторической науке не сложилось однозначного мнения о причинах и обстоятельствах смерти Ярослава Всеволодовича в период его пребывания в ставках монгольских правителей. Большинство исследователей, рассматривавших в том или ином контексте данный вопрос в своих работах озвучивали «классическую» версию о насильственной смерти русского князя, наступившей в результате целенаправленного отравления «зелием» (ядом) [4, с. 149; 12, с. 239; 14, с. 205–206; 13, с. 268–269; 5, с. 165; 4, с. 210; 6, с. 305, 306].

Вместе с тем, в отдельных научных исследованиях представлена и иная точка зрения на вышеуказанный эпизод древнерусской истории. В частности, британский историк Дж. Феннел, склоняясь к традиционной версии отравления, тем не менее не исключал вероятность естественных причин кончины Ярослава Всеволодовича, вследствие тягот длительного путешествия, усугубленных его достаточно преклонным для той эпохи (около 55 лет), возрастом русского князя [35, с. 140]. Аналогичная точка зрения была высказана в работе современного украинского историка В. Я. Романив [28, с. 94].

По мнению авторов представляемого исследования, выяснение причин и обстоятельств смерти Ярослава Всеволодовича невозможно без внутренней критики сообщений источников в контексте анализа общеполитической ситуации, сложившейся в Монгольской империи в период «междоцарствия» (с момента кончины великого хана Угедэя (1241 г.) до избрания Гуюка (1246 г.).

Информация о пребывании Ярослава Всеволодовича в ставках Туракины и Гуюка и его смерти содержится в ряде письменных источников, включающих в себя русские летописные своды, а также путевой отчет главы дипломатической миссии папского престола – Иоанна де Плано Карпини. Следует отметить, что в вышеуказанных источниках присутствуют значительные расхождения в описании событий связанных с кончиной великого владимирского князя.

Так, в погодной записи Лаврентьевской летописи, сообщение о «преставлении» Ярослава Всеволодовича не содержит информации об отравлении или иной неестественной причине смерти правителя Залесской Руси: «...Тое же

осени Ярослав князь сын Всеволожь преставися во иноплеменницъ ида от кановичъ месяца сентября...на память святого Григория...» [15, Стб. 471].

Тогда как в южнорусском Ипатьевском своде, упоминание об «уморении» «великого князя суздальского» включено в текст «плача» галицкого летописца, эмоционально описавшего «умаление» славы и чести одного из потомков Романа Мстиславовича вследствие их номинального подчинения правителю Улуса Джучи: «...Данилове Романовичю князю бывшоу великоу, обладавшоу Роускою землею Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братом си инеми странами, ныне седить на коленоу и холопомъ называетъ и дани хотять, живота не чае и грозы приходять, о злее зла честь татарская... злобе бо ихъ и лести нет конца. Ярослава великого князя Соуждальского зелиемь оумариша Михаила князя Черниговского... ножемъ заклана быста... инии мнозии князи избъени быша и бояре...» [16, Стб. 808]. Вероятной целью перечисления не вернувшихся из ставок монгольских правителей русских князей, являлось желание придворного летописца подчеркнуть степень опасности пребывания «в татарах» галицкого князя, благополучно возвратившегося из орды Бату с ярлыком на княжение [16, Стб. 808]. Сама же информация об «уморении зелием» Ярослава Всеволодовича, вероятнее всего, была получена галицким хронистом от одного из членов папского посольства (возможно, самого Платона Карпини), возвращавшегося из поездки в ставку великого хана Гуюка через владения Даниила и Василька Романовичей.

В свою очередь, составители позднейших новгородских и московских летописных сводов, повествуя о событиях середины XIII столетия, по всей вероятности, опирались на версию обстоятельств смерти предка московских князей представленную в церковном житийном описании: «...Князю же великому Ярославу тогда сущю въ Орде у Канович, и многа пострада от безбожныхъ татар за землю Рускую: Федором Яруновичем обажен бо бысть царю, и много быв в Орде поиде от Канович и преставися во иноплеменниках **нужною смертию**...» [20, с. 139]¹.

По мнению А.Н. Насонова и А.А. Горского, летописное сообщение о «нужной смерти» Ярослава Всеволодовича следует трактовать как кончину наступившую в следствие неких преднамеренных действий насильственного характера [12, с. 239, 413; 5, с. 158]. На наш взгляд, данное утверждение исследователей представляется излишне категоричным и не вполне соответствующим этимологии слова «нужная», происходящего от старославянского термина «ноужа» («ноужда», «нужа») и имеющего многозначную трактовку – (1) принуждение (понууждение, воздействие силой), (2) нужда (лишения, муки), (3) потребность (необходимость) [30, с. 473–474; 33, с. 442–443]. В частности, в агиографическом «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» слово «нужа» употребляется в значении понуждения к определенным действиям: «...Начаша ихъ звати татарове **нужею**, глаголаше: «Не подобаетъ жити на земле канови и Батыеви, не поклонившеса има. Мнози бо ехаша и поклонишася канови и Батыеви» [31, с. 156]. Тогда как в сообщении

¹ В Софийской первой летописи: «...самъ себе не пощаде, и иде в Орду, въ великую пагубную землю татарскую и много пострада за землю вотчины своя, обаженъ бо бысть Федором Яруновичем царю. И многы дни претерпевъ и тое же осени месяца септября въ 30 день преставися велики князь Ярослав Всеволодичъ в Орде **нужною смертию** (18, Стб. 325–326).

Лаврентьевской летописи, описывающей события, связанных с пребыванием ростовского князя Василька Константиновича в монгольском плену зимой 1238 г., термин «нужа» имеет значение нужды и лишений: «...А Василка Костантиновича ведоша с многою нужею до Шерньского леса и яко сташа стану нудиша...обычаю поганьскому быти въ их воли и воевати с ними... но никакоже не покориша ихъ беззаконью... без милости оубиень быс и повержену на лесе...» [15, Стб. 465]. Примечательно, что данным летописным свидетельстве присутствует четкое разделение между суровыми условиями содержания пленного русского князя («многая нужа»), и причиной его смерти («оубиень быс»), вызванной отказом поступить на военную службу монгольским завоевателям («но никакоже не покориша ихъ беззаконью»).

Наиболее подробным описанием событий связанных с кончиной Ярослава Всеволодовича является рассказ Плано Карпини, содержащейся в его сочинении «История монгалов», написанном по итогам поездки дипломатической миссии папского престола ко двору великого хана. Согласно версии представленной в записках высокопоставленного францисканца, смерть русского князя носила явно выраженные признаки отравления: «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некой части Руссии, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора (Туракине-хатун – Л.В.; Т.Г.), которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все его тело удивительным образом посинело. Потому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал ехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену...» [24, с. 77–78] Вышеприведенный отрывок является переводом на русский язык текста Лейденской рукописи (кодекса) записок Плано Карпини, произведенного А. И. Малениным по изданию французского исследователя Д. Авезака (1839 г.).

В тексте Вольфенбюттельского списка «Истории монгалов», положенного в основу новейшего русского перевода записок Плано Карпини, указывается, что болезнь «князя Суздаля» продолжалась двенадцать дней: «В это же время умер Ярослав, великий князь в некой части Руси, которая называется Суздаль. Его недавно пригласила мать императора (Туракина-хатун – Л.В.; Т.Г.), которая дала ему еду и питье своей рукой, как бы оказывая честь; и он вернулся туда, где он жил, немедленно заболел и умер через двенадцать дней, а все его тело удивительным образом посинело. Потому все полагали, что он был там и отравлен, чтобы они (монголы – Л.В.; Т.Г.) смогли беспрепятственно и полностью владеть его страной. И доводом в пользу этого является то, что она (Туракина – Л.В.; Т.Г.), в то время как его люди ничего не знали, тотчас, поспешно отправила на Русь к его сыну Александру, посольство, с тем чтобы он (Александр) прибыл к ней, так как она хочет даровать ему страну его отца; он хотел поехать, но остался [дома]. И тем временем она давала грамоты его людям, чтобы он сам приехал и получил страну своего

отца. Все, однако думали, что если он приедет, она либо убьет его, либо вечно будет держать в плену...» [23, с. 185].

В свою очередь, согласно информации представленной в Кембриджской рукописи путевого отчета папского дипломата, инициатором вызова Александра Ярославича в ханскую ставку была не Туракина, а сам «император» Гуюк: «...<imperator> misit nuntium festinanter in Ruscian ad Alexandrum filium eius ut ad ipsum, quia vellet ei terram patris donate...» («...<император> отправил на Русь к его сыну Александру посольство, с тем, чтобы он прибыл к нему, так как он хотел даровать ему страну его отца...») [39, p. 334; 40, s. 220; 43, p. 65; 23, с. 328]. В данном контексте особого внимания заслуживает сообщение Ата-Малика Джувейни о том, что к моменту смерти Ярослава Всеволодовича право выдачи ярлыков и пайцз (и соответственно вызова подвластных правителей или их наследников – Л.В.; Т.Г.), стало исключительной прерогативой новоизбранного великого хана [8, с. 176]².

В исторических исследованиях присутствуют различные трактовки сообщения Плано Карпини. Так, по мнению А.Н. Насонова, смерть Ярослава Всеволодовича могла стать следствием того, что «прибывший из Батыева удела Ярослав оказался по тем или иным соображением опасным» Туракине, которая решила избавиться от русского князя [12, с. 239]. Не представив хотя бы гипотетических вариантов того, какую угрозу могущественной местоблюстительнице престола мог представлять правитель небольшого зависимого владения, находившегося на северо-западной периферии монгольских владений, историк ограничился озвучиванием неаргументированной гипотезы.

В свою очередь, американским медиевистом Г.В. Вернадским было высказано предположение, согласно которому, вышеописанные действия Туракины по отношению к русскому князю были вызваны враждебными отношениями великого хана Гуюка (сына Туракины) и Бату, чьим «служебником» являлся Ярослав [3, с. 149]. С данной гипотезой невозможно согласиться в виду того обстоятельства, что присутствующая в источниках информация об отношениях Гуюка и его властолюбивой матери не позволяют считать ее защитницей политических интересов своего сына. По сообщению Ата-Малика Джувейни, статус вдовы Угедея как временной правительницы Уке Mongyol Ulus в период «междоусобия» был одобрен всеми «царевичами» – Чингизидами, включая главу Улуса Джучи – Бату [8, с. 166]. Однако последовавшие в дальнейшем репрессии местоблюстительницы престола против ряда влиятельных имперских чиновников (Чинкая, Махмуда Ялавача, Масудбека), а также возвышение мусульманской фаворитки Туракины – Фатимыхатун, привели к охлаждению отношений ханши не столько с представителями «золотого рода», чьи владения располагались на значительном удалении от земель Коренного Улуса, сколько с родными сыновьями – Кудэном и Гуюком, недовольными волонтаристскими политическими решениями матери [8, с. 166–169]. Весьма напряженные отношения Гуюка с Туракиной сохранялись на протяжении всего периода подготовки к проведению всемонгольского курултая: «И когда Гуюк-хан прибыл к матери, он совершенно не

---

² «После смерти каана [Угэдэя] все царевичи действовали порознь... они составляли планы управления... и издавали пайцзу. Гуюк положил этому конец... И пайцзу и ярлыки, выданные ими, были собраны и положены перед каждым из них со словами: «Прочти свою книгу...» [8, с. 176].

приступал к управлению делами государства. По прежнему Туракина-хатун осуществляла правление до тех пор, пока ханский [престол] не утвердился за ее сыном. Спустя два-три месяца Туракина-хатун скончалась...» [25, с. 117]. Согласно информации приводимой Рашид ад-Дином, сразу же после избрания Гуюка, новый великий хан предал казни ближайших сподвижников своей матери – Фатиму-хатун и Абд-ар-Рахмана и восстановил в прежнем статусе сановников, подвергшихся опале в правление Туракины [25, с. 119–120]. Основываясь на вышеприведенных фактах, можно констатировать, что властные полномочия Туракины были аннулированы после интронизации (возведения на престол) Гуюка. Будучи фактически отстраненной от какой бы то ни было политической деятельности, она доживала последние месяцы своей жизни в почетной ссылке.

Гипотетически возможное объяснение действий Туракины желанием навредить лишившему ее власти сыну посредством обострения конфликта между Гуюком и Бату также не выглядит убедительным, поскольку отношения двоюродных братьев-Чингизидов и без дополнительных провокаций матери хана были откровенно враждебными, начиная со времени их личного конфликта, произошедшего во время Западного похода [11, § 275–277]. Согласно сообщениям источников, Бату не участвовал в курултае на котором Гуюк был избран великим ханом и в отличие от остальных представителей «золотого рода» не получил «выборных даров» из государственной казны и не был привлечен к разработке новой внешнеполитической стратегии [8, с. 172, 176, 177].

Учитывая вышеприведенную аргументацию, следует крайне скептически относиться к утверждению Г.В. Вернадского о якобы имевшихся у матери «императора моалов» неких политических мотивах умерщвления ядом Ярослава Всеволодовича.

Советским историком В.Т. Пашуто была представлена гипотеза о возможно имевших место переговорах Ярослава Всеволодовича с представителями папской курии, сам факт которых мог, по мнению исследователя, послужить причиной отравления русского князя [14, с. 269]. Однако исследователь не дает объяснений, почему подобные контакты могли вызвать столь острую реакцию Туракины или Гуюка и совершенно не характерный способ наказания «провинившегося». Согласно монгольским правовым уложениям, дела об изменах подвластных правителей рассматривались на судах яргу, с вынесением оправдательного или обвинительного вердикта [41, р. 320; 1, с. 93–94; 26, с. 89]. Кроме того, следует учитывать тот факт, что на момент избрания Гуюка, Римская католическая церковь рассматривалась монгольской военно-политической элитой скорее в качестве посредника в процессе подчинения европейских государств, нежели враждебного института³. Соот-

³ Об том, в частности, свидетельствует текст письма Гуюка, отправленном в 1246 г. к римскому папе Иннокентию IV: «Силою вечного неба... то приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял... вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать... Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С того времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу Неба и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами...» [24, с. 220–221].

ветственно, возможные контакты русского князя и дипломатов римского Понтифика вряд ли могли восприниматься монгольскими правителями в качестве потенциальной угрозы. Исходя из вышеизложенной аргументации, версия о переговорах Ярослава Всеволодовича и представителей дипломатической миссии папского престола как причине отравления русского князя представляется недостаточно аргументированной и не соответствующей историческим реалиям.

Также совершенно необоснованным является тезис В.Т. Пашуто о якобы приниженном положении Ярослава Всеволодовича в период его пребывания при «дворе» великого хана Гуюка, якобы не оказавшем русскому князю «должного почета» [14, с. 268–269]. По всей вероятности, подобное представление могло сложиться у исследователя на основе сообщения Плано Карпини о церемониальных обычаях монголов в отношении правителей покоренных государств: «...мы видели, что при дворе императора никаких подобающих им почестей не оказывали ни благородному мужу Ярославу, ни сыну царя и царицы Грузии, ни множеству великих султанов, ни князю солангов, приставленные же к ним татары, хотя бы и низкого происхождения, шли впереди них и всегда занимали первые и лучшие места, а тем часто даже приходилось сидеть позади них» [23, с. 140]. Однако же в IX главе своих записок, посланник Святого Престола напротив, указывал на предоставленную папским дипломатам и «князю Руси» привилегию находится внутри ограды «золотой орды» и занимать почетные места во время торжественных мероприятий в период проведения выборов нового хана: «Было там более четырех тысяч посланников, те, которые привезли дань, и те, которые привезли дары... Их всех вместе держали за оградой и давали питье; нам же и князю Ярославу они почти всегда предоставляли более высокое место, когда мы находились снаружи вместе с ними...» [23, с. 182].

Не выглядит достаточно аргументированным и еще одно гипотетическое предположение В.Т. Пашуто о якобы имевшихся у «великоханского двора» намерениях убить Ярослава, с целью отдать ярлык на великое княжение «своему ставленнику» «в противовес Бату» [14, с. 269]. Данная гипотеза противоречит сообщению о вызове в ставку Гуюка Александра Ярославича с целью «даровать ему страну его отца» [23, с. 185]. В случае имевшихся у великого хана намерений передать ярлык на великое княжение представителю другого княжеского дома, гораздо логичнее было бы вызвать в орду «каана» именно этого претендента на получение ярлыка, а не одного из сыновей якобы «убитого» князя.

Несколько иной подход к проблеме представлен в исследовании А.А. Горского, обратившего внимание на информацию содержащуюся в Московском летописном своде конца XV в., согласно которой, причиной гибели Ярослава Всеволодовича мог стать донос-оговор («обада») некоего боярина Федора Яруновича, не упоминаемого ни в ранних русских летописях, ни в записках Плано Карпини [5, с. 165]. Основываясь на данном сообщении, историком была выдвинута оригинальная гипотеза о том, что указанный боярин, будучи сыном воеводы Яруна, служившего политическому сопернику Ярослава – Мстиславу Мстиславичу, мог быть инициатором политической интриги, обернувшейся отравлением владимирского князя [5, с. 161, 162, 165]. Вместе с тем, необходимо отметить, что даже если представленный в

Московском своде эпизод с «обажеванием» Ярослава Всеволодовича Федором Яруновичем являлся отражением реально произошедшего события (а не поздней дидактической новеллой о «неверном» боярине – «отступнике», предавшим своего господина) из вышеприведенного описания совершенно не следует вывод об отравлении русского правителя. Исходя из изложенных в тексте источника сведений, после того как Ярослав был «обажен бо бысть царю» (то есть вероятный донос был сделан в ставку великого хана – Л.В.; Т.Г.), он еще довольно продолжительное время находился в орде Гуюка («много быв в Орде»), после чего скончался «нужною смертью» в пути на Русь («поиде от Канович») [20, с. 139]. Помимо прочего, следует иметь в виду, что, как уже говорилось выше, донос на зависимого правителя влек за собой разбирательство на ханском суде, а не тайное убийство ядом.

Таким образом, все имеющиеся на данный момент времени попытки обоснования причин и обстоятельств якобы целенаправленного отравления Ярослава Всеволодовича в ставке Туракины, представляются весьма уязвимыми для аргументированной критики и противоречат политическим реалиям, сложившимся в Монгольской империи ко времени кончины владимирского князя. В связи с данным обстоятельством, представляется целесообразным рассмотреть иную версию кончины русского князя, произошедшей во время его поездки «к Кановичам».

Учитывая тот факт, что основным источником, используемым в исторических исследованиях, посвященных рассматриваемому вопросу является информация представленная в путевых записках Платона Карпини, необходимо отметить ту значительную степень фактологических несоответствий, присутствующих в некоторых главах «Истории монгалов». Данное обстоятельство может объясняться политической ангажированностью автора. Будучи не только исполнителем дипломатических поручений Апостольского престола, но и фактически являясь полномочным представителем папы Иннокентия IV на Востоке, Платон Карпини был заинтересован в такой подаче материала, которая могла бы быть использована в дальнейшем для политико-дипломатических действий католической церкви, направленных на сплочение под эгидой римского первосвященника государей «Христианского мира» перед лицом военной угрозы, исходящей от монгольских «язычников».

Так, в главе «Как они заключают с людьми мир...» Карпини описывает якобы существовавшую у монголов политическую практику умерщвления правителей подвластных государств: «Они посылают также к правителям [разных] стран, чтобы те явились к ним без промедления. А когда те приезжают, то не получают никакого должного почета... Для иных они подыскивают предлоги для их убийства, [как было выше сказано о Михаиле (Михаиле Всеволодовиче Черниговском – Л.В.; Т.Г.) и с другими]... иных они губят отравленными напитками. Ибо замышляют они, чтобы в мире властвовали только они. Поэтому они и ищут повода, чтобы убить знатных людей. У тех же, кому они позволяют возвратиться, они требуют их сыновей или братьев, которых они больше никогда не отпускают, как было проделано с сыном Ярослава, и с каким-то князем алан, и со многими другими...» [23, с. 161].

В представленном сообщении папского дипломата сразу два его утверждения не соответствуют исторической действительности и, вероятно, были включены в текст «Истории...» с целью создания негативного образа правящей

верхушки Монгольской империи как коварных и жестоких «восточных варваров», представляющих смертельную угрозу католическим государствам Европы.

В частности, утверждение Плано Карпини о якобы пожизненном плене неуказанного по имени сына Ярослава Всеволодовича [23, с. 161], опровергается сообщением Лаврентьевской летописи о благополучно завершившейся поездке княжича Константина Ярославича к «кановичам»: «В лето 6751 (1243 г.) Великий князь Ярослав поеха в татары к Батыеви а сына своего Константина посла къ Канови... «В лето 6753 (1245 г.)...князь Константинъ Ярославичъ приеха ис Татар от Кановичъ к отцю своему с честью...» [15, Стб. 470]. По всей вероятности, двухлетнее пребывание одного из сыновей Ярослава Всеволодовича в ставке Чингизидов, являлась выполнением одного из монгольских военно-политических уложений, выражавшихся в службе сыновей зависимых правителей в личной гвардии (кешик) представителей «золотого рода». Согласно сообщению династической хроники «Юань-ши», в «тургауды» («войска тур-хах»): «...брались сыновья и младшие братья всех удельных владетелей, полководцев и старших воинских начальников...» [10, с. 212]. Подобные практики были распространены на всем пространстве Рах Mongolica, включая государственную систему Улуса Джучи. В частности, источники отмечают службу при дворе ханов Золотой Орды представителей ряда русских княжеских домов – Глеба Васильковича Ростовского, Федора Ростиславовича Чермного и его внука, княжича Василия Давидовича Ярославского [27, с. 28; 19, с. 76; 29, с. 163–165], а также сына сербского короля Милутина – Стефана и наследника болгарского престола – Феодора Святослава Тертера при «дворе» Ногая [42, р. 122; 34, с. 9–31; 38, р. 288–293]. После определенного времени службы сыновья зависимых правителей возвращались домой. Согласно летописному сообщению, Константин Ярославич вернулся «к отцю своему с честью» в 1245 г., то есть незадолго до того, как сам Ярослав Всеволодович отправился в Монголию. Учитывая тот факт, что Плано Карпини находился в прямом общении с представителями окружения Ярослава Всеволодовича (и возможно с самим князем), вероятность преднамеренной ошибки в изложении событий связанных с пребыванием княжича Константина Ярославича в ставках «кановичей» практически исключена.

Последующее замечание посланника Святого Престола о том, что **«все думали»**, что после прибытия в орду «каана» Александр Ярославич будет убит, или, по крайней мере, окажется в «вечном плену» [23, с. 185], вероятнее всего являются отражением разговоров Плано Карпини с представителями свиты Ярослава. Опасения подобного рода могли возникнуть в среде сопровождавших покойного русского князя «слуг» после рассказа самого папского дипломата о встреченном им в ставке Бату не названного по имени «сына Ярослава» [23, с. 191]. Вместе с тем, необходимо отметить, что ни русские летописи, ни зарубежные источники не содержат информации о длительном «татарском плене» княжичей владимиристо-суздальского дома, кроме указанной выше двухлетней службы Константина Ярославича в ставках «кановичей».

Столь же ложным и политически ангажированным суждением является утверждение папского дипломата о якобы имевшейся у монголов политической практики, направленной на истребление правящих элит государств, признавших зависимость от империи Чингизидов [24, с. 55–56]. Не смотря на имевшиеся отдельные случаи казней правителей или высших сановников

зависимых от монголов государств, многочисленные сообщения письменных источников свидетельствуют о том, что абсолютное большинство визитов государей и претендентов на престол в ставки великих ханов или глав улусов заканчивались получением ярлыков, подтверждающих их властные полномочия и благополучным возвращением на родину. Более того, практически все зависимые государства, находившиеся на периферии Монгольской империи сохранили внутреннее самоуправление и местные династии (Корё, Дай Вьет, Чампа, владения тибетских цэнпо, Бадахшан, Луристан, «царства» грузинских Багратидов, Киликийская Армения, Иконийский султанат, большинство русских земель-княжеств, Болгарское царство, Сербское королевство).

Приведенные примеры являются свидетельствами целенаправленного искажения исторической действительности, допущенными при составлении путевого отчета представителем папского престола. Исходя из данного обстоятельства, допустимо высказать предположение, что и описанный Плано Карпини эпизод с якобы произошедшим отравлением Ярослава Всеволодовича мог иметь политически ангажированную подоплеку.

Вместе с тем, нельзя исключать и возможность прямой передачи информации, полученной высокопоставленным францисканцем от окружения умершего русского князя. Рассматривая данную версию, следует учитывать, что в сознании людей эпохи средневековья, любая внезапная или труднообъяснимая смерть могла восприниматься как воздействие внешних факторов (колдовства, отравления).

Примеры подобных представлений о смерти правителя, наступившей якобы в результате действий «изменников» имеются как в русских, так и в европейских письменных источниках. В частности, согласно сообщению Ипатьевского свода, кончина князя Юрия Долгорукого произошла в результате преднамеренного отравления на пиру у киевского боярина Петрилы: «...приехаша къ Изяславу Кияне рекуче поеди княже Киеву Гюрги ти оумерль... а не кровопролитьемъ пивъ бо Гюрги въ исменика оу Петрила въ тот день на ночь разболяся и бы болести его 5 дни и преставися Киеву Гюрги Володимиричъ князь Киевский... и много зла створися въ тот день розграбиша дворъ его красныи и другыи дворъ его за Днепром розграбиша... и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городе избивахуть Суждальци по городомъ и по селомъ, а товар ихъ грабяче» [16, Стб. 489].

Однако в Лаврентьевской летописи, протографом которой являлся великокняжеский владимирский свод, не содержится никаких указаний на кончину суздальского князя в результате отравления: «В лето 6665 (1157)... преставися благоверныи князь Гюрги Володимеричъ в Киеве... и положиша в церкви оу спаса на Берестове...» [15, Стб. 348]. Аналогичное сообщение о естественной смерти Юрия Долгорукого имеется и в Новгородской первой летописи: «В лето 6665... преставися князь Юрьи в Киеве и посадиша Изяслава Давыдовица в Киеве на столе...» [17, с. 218].

По всей вероятности, версия южнорусского летописца базировалась на соотнесении двух событий: неожиданной смерти Юрия Владимировича и последовавших за ним погромов «суждальцев», а также разграбления усадеб («дворов») покойного князя и его окружения. В сознании составителя летописи эти события приобрели непосредственную взаимосвязь, откуда и возникла версия о кончине правителя Владимиро-Суздальской земли в результа-

те преднамеренного отравления боярином Петрилой, а не в результате последствий обильных пиршественных возлияний уже не молодого (старше 60 лет) великого князя⁴.

Аналогичным образом имеются разночтения в сообщениях источников повествующих о причинах смерти последних прямых потомков галицкого князя Даниила Романовича – Андрея и Льва Юрьевичей, умерших в промежутке между 1321–1323 гг. Согласно сообщению хроники Иоганна Винтертурского «короли рутенов» были «убиты ядом», равно как и наследовавший им Юрий II Болеслав⁵. В то время как в письме польского короля Владислава Локетка папе Иоанну XXII, отправленном из Кракова 21 мая 1323 г., автор послания, сообщая адресату о смерти «князей рутенов» не упоминает об их отравлении⁶.

По справедливому замечанию М.С. Грушевского, насильственная смерть галицко-волинских князей не смогла бы остаться незамеченной их ближайшими соседями и не отразится в сообщении Владислава Локетка. Как полагал исследователь, сообщение Иоганна Винтертурского являлось ложным утверждением европейского хрониста, основанием для которого послужила экстраполяция событий более позднего времени – отравления галицкими боярами-заговорщиками Юрия II Болеслава (ум. в 1340 г.) [7, с. 120–121]. Примечательно, что отсутствие достоверных сообщений об обстоятельствах смерти братьев-князей, позволило историкам выдвигать различные гипотезы о причинах ухода из жизни правителей Галицко-Волинской земли, от отравления до гибели в войне с Золотой Ордой [37, с. 22–23; 14, с. 906].

Еще одним примером возникновения субъективных оценок причин смерти представителей высшей аристократии Руси и Орды, является эпизод связанный со скоропостижной кончиной сестры хана Узбека и жены московского князя Юрия Даниловича – Кончаки (в крещении Агафьи), попавшей в тверской плен, после разгрома московских дружин в битве под Бортеневом (1318 г.). Сведения о преднамеренном убийстве («уморении») Кончаки содержатся в Новгородской первой летописи и более поздней Симеоновской. Причем, если новгородским летописцем просто отмечается насильственный

⁴ Примечательно, что именно этим обстоятельством объясняется кончина князя Юрия в сообщении позднейшей Густынской летописи: «...И се прииде весть ко Изяславу Давидичу, яко Юрий Киевский, утешаяся со своими, упивъся без меры, и от сего пития разболелся и на пятый день умре...» [21, с. 88].

⁵ «...император тартар незадолго до этого времени назначил двух языческих королей, довольно пригодных для рутенов. После того как они в дальнейшем были убиты ядом, он дал им христианина-латинянина, чтобы посмотреть, захотят ли они его пощадить. Пока он крепко держал бразды правления в королевстве в течении многих лет, наконец, поскольку число латинян там, как и их ритуал, приумножились, что не нравилось рутенам, они отравили его настолько сильным ядом, что его тело разложилось на части...» [36, с. 732].

⁶ «По той причине мы с болью сообщаем с чрезвычайным почтением вашему святейшеству извещением настоящего, что два последних князя рутенов из народа схизматиков, которые были непосредственно для нас непреодолимым щитом против жестокого народа тартар, ушли из этого света. По причине их смерти, из-за соседства с тартарами – которые, в чем мы уверены без всяких сомнений, захватят землю рутенов, смежную с нашими пределами, из которой они имели обыкновение получать ежегодную дань, – над нами и нашими землями нависнет опасность неминуемого потрясения, если только не окажет помощь всемогущий бог и ваша милость...» [36, с. 644].

характер кончины супруги князя Юрия: «В лето 6826 [1318]... выиде на нь (Юрия Даниловича Московского и Кавгадыя – *Л.В., Т.Г.*) князь Михаило со Тфери и соступишася, и бысть сеча зла, много паде голов о князи Юрьи; а брата его Бориса и княгину Юрьеву яша и приведоша во Тферь, **тамо ю и смерти предаша...**» [17, с. 96–97], то в Симеоновской летописи указывается уже конкретный способ «уморения» Кончаки-Агафьи – якобы отравленной тверичами ядом («зелием»): «В лето 6825 приде изь Орды князь великий Юрьи Даниловичь на великая княжение а съ нимь царевь посол Кавгадыи... тое же зимы князь великий Юрьи Даниловичь приходилъ рать великою къ Тфери на Бортенева бои великъ... и поможе Бог Тферичам и князь Михаило... побиша московскую рать..., а князя Бориса яша руками и Кончазы, княгиню Юрьеву, и поведоша ихъ въ Тферь, **и тамо зелиемь уморена бысть Кончака**, княгиня великая Юрьева, сестра царева, нареченая въ святом крешении Агафья...» [19, с. 88].

Согласно информации содержащейся в тексте «Жития» Михаила Ярославича Тверского обвинение в убийстве ханской сестры, наряду с другими обвинениями было предъявлено тверскому князю во время судебного разбирательства в ставке Узбека: «Паки... поставиша и на другомъ суде связанна блаженного Михаила износяще ему неправедное осужение, глаголя: «Цареву дани не дал еси, противу послабился еси, а княгиню Юрьеву повелел еси уморити». Благоверный же князь Михаило съ многими свидетельством глаголаше: «...а про княгиню Бога послуха призываше, глаголаше, яко ни на мысли ми того сътворити...» [9]. По версии составителей «Жития», инициатором обвинений являлся Кавгадый, «обадивший» (оклеветавший – *Л.В.; Т.Г.*) Михаила Ярославича перед «царем»: «Приеха посоль отъ царя, глаголя: «Зовет тебя царь... Обадил ты есть Ковгадый къ царю, глаголя: «Не бывати ему во Орде» [9]. Учитывая полное отсутствие мотивации и объективных причин для тайного убийства представительницы «золотого рода» со стороны тверского князя, следует признать обвинения в отравлении им «царевой сестры» следствием политической интриги, основанной на факте скоропостижной кончины молодой женщины, находившейся в плену у политического противника ее мужа. Последующее появление в некоторых новгородских и московских летописях сообщений об убийстве (отравлении) Кончаки в Твери могло являться своеобразным отголоском конфликтных отношений Москвы и Новгорода с тверским княжеским домом.

Такими же обстоятельствами субъективного характера может объясняться и появление версии об отравлении Ярослава Всеволодовича во время его пребывания «в татарах». По достаточно обоснованному мнению А.А. Горского, информаторами Плано Карпини могли выступать люди из числа сопровождавших князя Ярослава в поездке «к кановичам», а также русские невольники, длительное время проживавшие в ставках (ордах) монгольских правителей.

Согласно гипотезе исследователя, в среде политических элит русских княжеств, на протяжении всего периода политической зависимости, сохранялось опасение о возможности введения монголами прямого управления землями Руси [5, с. 165–168]. Возможно именно данное обстоятельство в значительной степени влияло на характер оценок причины смерти суздальского князя со стороны его окружения. В тоже время следует отметить, что в сообщениях источников не сохранилось свидетельств того, что опасения спод-

вижников Ярослава Всеволодовича базировались на реальных планах тогдашнего высшего руководства Уке Mongyol Ulus или Улуса Джучи.

Таким образом, трактовка причин неожиданной кончины Ярослава Всеволодовича как следствия преднамеренного отравления могла определяться субъективными представлениями как самого Плано Карпини, так и окружения русского князя о намерениях монгольских правящих кругов в отношении русских земель и лично правителя Владимиро-Суздальской земли. Кроме того, к подобной оценке произошедшего могли привести ряд факторов связанных с причинами состояния организма князя Ярослава в период болезни, а также физиологические изменения, произошедшие с его телом после смерти.

В частности, согласно свидетельству папского дипломата, после семи или двенадцати дней тяжелой болезни, начавшейся после посещения русским князем ханши Туракины, Ярослав Всеволодович скончался и «тело его удивительным образом посинело» или «стало синева-серым» [23, 185; 43, р. 65]. Рассматривая данное сообщение, необходимо принимать во внимание, что организм немолодого князя к тому времени был крайне ослаблен изнурительным многомесячным путешествием и пребыванием в климатических условиях резко отличавшихся от климата Среднерусской равнины. О тяжелых условиях поездок через обширные пустынные и полупустынные районы Центральной Азии свидетельствует информация представленная в записках Плано Карпини, отмечавшего, что «многие из людей князя Руси Ярослава, которые ехали к нему, по земле татар», не смогли перенести тягот пути через «землю кангитов» в которой отмечался «большой недостаток воды во многих местах» и погибли в пути [23, с. 179].

Примечательно, что сын Ярослава Всеволодовича – Александр Ярославич (Невский), будучи на момент смерти в гораздо более молодом возрасте (42 года) чем его отец, скончался от неизвестной болезни возвращаясь на Русь после почти годичного пребывания в ставке Берке в ноябре 1263 г.: «...князь великий Александръ възратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав, и дощед Городца, разболеся... И так Богови духъ свой предасть с миромъ месяца ноября въ 14 день, на память святого апостола Филипа...» [21]. Однако поскольку болезнь великого князя началась уже в период его пребывания на русских землях, в житийной биографии великого князя отсутствуют обвинения иноверцев в «уморении зельем» правителя Северо-Восточной Руси.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств, представляется вполне вероятным, что и смерть Ярослава Всеволодовича была вызвана причинами, носившими естественный характер. В частности, симптомы развития болезни русского князя, описанные в записках Плано Карпини соответствуют симптоматике последствий тяжелого пищевого отравления, развивающегося после употребления пищи содержащей ядовитые продукты жизнедеятельности (токсины) болезнетворных микроорганизмов *Staphylococcus aureus* (Стафилакок золотистый), либо бактерии *Salmonella* (Сальмонелла). Учитывая тот факт, что наиболее опасными с точки зрения инфицирования стафилакокковыми токсинами и Сальмонелой являются молочные и мясные продукты (основа рациона монгольских кочевников), вариант пищевого отравления Ярослава Всеволодовича во время приема у Туракины выглядит более чем вероятным. Инкубационный период, то есть время от момента приема зараженной пищи, до появле-

ния первых признаков заболевания длится от нескольких часов до суток [32, с. 21; 2, т. 22, с. 453]. Клиническая картина при пищевых токсикоинфекциях характеризуется воспалением слизистых оболочек тонкой кишки, а также фибринозно-некротическим воспалением нисходящих отделов толстой кишки, сопровождаемой резкими, схваткообразными болями в области желудка, появлением многократной рвоты (часто с кровью), поносом, слабостью, недомоганием, ознобом, снижением артериального давления (в тяжелых случаях наблюдаются цианоз (посинение кожных покровов), лихорадка, судороги, упадок сердечной деятельности). В паталогические процессы могут вовлекаться печень, поджелудочная железа, почки и другие внутренние органы, характерны расстройства функции сердечно-сосудистой системы [2, т. 9, с. 350; т. 22, с.453]. В условиях средневекового уровня медицины (то есть практически полного отсутствия квалифицированного лечения) и ослабленного иммунитета больного, данные симптомы приводили к общему обезвоживанию и крайнему ослаблению организма, что с учетом преклонного возраста заболевшего с большой долей вероятности могло привести к летальному исходу.

Упомянутый Плано Карпини «синий» или «синева-серый» цвет тела Ярослава Всеволодовича вполне соответствует проявлениям некоторых симптомов инфекционных заболеваний, а также трупных изменений. В частности, при цианозе, возникающем при нарушении работы сердечно-сосудистой системы наблюдается посинение кожи на отдельных участках тела. После смерти больного, на теле умершего появляются трупные пятна, цвет которых может варьироваться от красного до синего или фиолетового [32, с. 26]. К поздним трупным изменениям относится появление так называемой трупной зелени, меняющей цвет кожных покровов умершего от грязно-серого до темно-земного, бурого или черного оттенков [32, с. 27]. Кроме того, следует отметить, что появление трупных пятен в теплой среде происходит гораздо быстрее чем в холодной. Учитывая, что смерть Ярослава Всеволодовича, согласно сообщениям источников, произошла в сентябре (в монгольских степях данный месяц относится к времени года с достаточно высокими температурами воздуха) процессы паталогических изменений могли начаться сразу после кончины русского князя.

Подводя итоги исследования, следует сделать вывод о том, что господствующее в исторической науке представление о насильственной смерти Ярослава Всеволодовича, наступившей в результате якобы преднамеренного отравления ядом, базируется исключительно на сообщениях двух политически ангажированных источников (записок Иоанна де Плано Карпини и Галицко-Волынской летописи) и опровергается посредством критического анализа. Учитывая общий контекст событий, связанных с пребыванием князя Ярослава в ставках монгольских правителей, наиболее обоснованной трактовкой выражения «преставился нужною смертью» следует считать определение кончины русского князя, как наступившей в результате некой тяжелой болезни, сопровождавшейся мучениями больного. На взгляд авторов статьи, такой болезнью могло стать непреднамеренное тяжелое токсикологическое отравление продуктами питания, приведшее к неожиданной для окружения и мучительной («нужной») смерти правителя Владимиро-Суздальской земли в сентябре 1246 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. М., 2005. Вып. 1. 238 с.
2. Большая медицинская энциклопедия. Под ред. академика Б.В. Петровского. Т. 9, 22. М., 1978. 986 с.
3. Вернадский Г.В. История Руси. Монголы и Русь. Тверь-М., 2000. С. 149.
4. Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., Индрик, 2004. 368 с.
5. Горский А.А. «Бесчисленные рати» и «великия труды...»: проблемы русской истории X–XV вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 409 с.
6. Горский А.А. Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 303–313. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313
7. Грушевский М.С. История Украины-Руси. Т. III. Киев: Наукова думка, 1993. 592 с.
8. Джувейни Ата-Малик. История завоевания мира. М.: Изд. Дом. Магистр-Пресс, 2004. 689 с.
9. Житие Михаила Ярославича Тверского // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс]. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4976> (дата обращения 24.06.2023).
10. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М.: Типография Наука, 2009. 336 с.
11. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л.: Восточная литература, 1941. 619 с.
12. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 413 с.
13. Пашуто В.Г. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 333 с.
14. Пашуто В.Г. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 280 с.
15. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
16. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
17. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. 316 с.
18. ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. М., 2000. 320 с.
19. ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. 328 с.
20. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 139. 463 с.
21. ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись. СПб., 2003. 199 с.
22. Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра [электронный ресурс]. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4962> (дата обращения 24.06.2023).
23. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. лат. текста П.В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почакаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
24. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. 287 с.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
26. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. 313 с.
27. Редкие источники по истории России. Родословные книги. М.: Институт истории СССР, 1977. 186 с.

28. Романив В.Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 84–100.
29. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. 437 с.
30. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. 1802 Стб.
31. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1977. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957> (дата обращения 24.06.2023)
32. Судебная медицина / Под ред. В.И. Прозоровского. М., 1968 [электронный ресурс]. <https://bookap.info/okolopsy/sudmed/> (дата обращения 14.05.2023).
33. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 5. М.: ИРЯ РАН, 2022. 647 с.
34. Узелац А. «Кан» Ногај, краљ Милутин и српскогo-татарски сукоби // Војноисторијски гласник. 1/2009. С. 9–31.
35. Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 169 с.
36. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.
37. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 177 с.
38. Georges Pachymeres. Relations Historiques. III. Livres VII–IX. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1999. 300 p.
39. Giovanni di Pian Carпинi. Storia dei Mongol/ Edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menesto traduzione italiana a cura di Maria Cristiana Lungarotti, note di Paolo Daffina. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull'alto Medioevo, 1989. 552 p.
40. Giebauf J. Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carпинi. Einführung. Text, Übersrtzung. Kommentar. Graz: Selbstverlag des Instituts für Geschichte der Karl-Franzens-Universität, 1995. 266 s.
41. Ibn Bibi. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure, d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Leiden, 1902. 320 p.
42. Zitije krlja Milutina (1282–1321) od arhiepiskopa Danila II // Zivoti kraljeva I arhiepiskopa srpskih. London: VARIORUM REPRINTS, 1972. P. 102–161.
43. Mission to Asia. Narratives and letters of the Franciscan missionaries in Mongolia and China in the thitteenth and fourteenth centuries. Translated by a nun of Stanbrook Abbey edited and with an introduction by Christopher Dawson. New York, 1955. 281 p.

Сведения об авторах: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6139-3392>. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3052-8063>. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила 04.07.2023 Принята к публикации 01.09.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Anonymous Georgian “Chronograph” of the 14th century. Moscow, 2005. Iss. 1. 238 p. (In Russian)
2. Great Medical Encyclopedia. Ed. by academician B.V. Petrovsky. Vol. 9, 22. Moscow, 1978. 986 p. (In Russian)
3. Vernadsky G.V. History of Russia. Mongols and Rus. Tver-Moscow, 2000. 149 p. (In Russian)
4. Gorsky A.A. Rus. From the Slavic settlement to the Moscow Kingdom. Moscow: Indrik, 2004. 368 p. (In Russian)
5. Gorsky A.A. “Countless armies” and “great deeds ...”: problems of Russian history of the 10th–15th centuries. St. Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2018. 409 p. (In Russian)
6. Gorsky A.A. The first challenges of the Russian princes to the Mongol rulers: 1242–1243 years. *Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 303–313. DOI: /10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313 (In Russian)
7. Hrushevsky M.S. History of Ukraine-Russia. Vol. III. Kyiv: Naukova dumka, 1993. 592 p. (In Ukrainian)
8. Juveini Ata-Malik. The history of the conquest of the world. Moscow: Publishing House Magister-Press, 2004. 689 p. (In Russian)
9. The Life of Mikhail Yaroslavich Tversky [electronic resource] <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4976> (accessed 24.06.2023) (In Old Russian)
10. The Golden Horde in sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. Moscow: Printing House Science, 2009. 336 p. (In Russian)
11. Kozin S.A. The secret legend. Moscow-Leningrad: Oriental Literature Publisher, 1941. 619 p. (In Russian)
12. Nasonov A.N. “Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state: historical and geographical research. Mongols and Rus’. The History of Tatar politics in Russia. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2002. 413 p. (In Russian)
13. Pashuto V.G. Essays on the history of Galician-Volyn Rus. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 333 p. (In Russian)
14. Pashuto V.G. The heroic struggle of the Russian people for independence. 13th century. Moscow: Moscow State Publishing House of Political literature, 1956. 280 p. (In Russian)
15. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. I. Lavrentievskaya chronicle. Leningrad, 1926–1928. 392 p. (In Old Russian)
16. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1908. 938 Stb. (In Old Russian)
17. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov. Moscow, 1950. 316 p. (In Old Russian)
18. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VI. Sofia first chronicle. Moscow, 2000. 320 p. (In Old Russian)
19. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XVIII. Simeonovskaya chronicle. Moscow, 2007. 328 p. (In Old Russian)
20. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. Moscow Chronicle of the end of the XV century. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 463 p. (In Russian)
21. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. Gustynskaya chronicle. St. Petersburg, 2003. 199 p. (In Russian)

22. The story of the life and bravery of the blessed and great Prince Alexander [electronic resource]. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962> (accessed 24.06.2023) (In Old Russian)

23. Plano Carpini Ioahn de. History of the Mongols: Text, translation, comments / edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; podgot. lat text of P. V. Lukin, trans. from lat. A.A. Volin, P. V. Lukin, comment. A.A. Gorsky, V.P. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepvlov; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Instiute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p. (In Russian)

24. Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1956. 287 p. (In Russian)

25. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. II. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 248 p. (In Russian)

26. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. III. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 313 p. (In Russian)

27. Rare sources on the history of Russia. Pedigree books. Institute of History of the USSR. Moscow, 1977. 186 p. (In Old Russian)

28. Romaniv V.Ya. Batu Khan and the “central Mongolian government”: from confrontation to co-government. *Turkological zbornik. The Golden Horde and its legacy*. Moscow, 2002, pp. 84–100. (In Russian)

29. Seleznev Yu.V. Paintings of the Horde yoke. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2017. 437 p. (In Russian)

30. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. II. Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1902. 1802 Stb. (In Russian)

31. The legend of the murder in the Horde of Prince Mikhail of Chernigov and his boyar Fedor. *Library of Literature of Ancient Russia*. Vol. 5. St. Petersburg, 1977. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957> (accessed 24.06.2023) (In Old Russian)

32. Forensic medicine. Edited by V.I. Prozorovsky. Moscow, 1968. [electronic resource]. <https://bookap.info/okolopsy/sudmed/> (accessed 14.05.2023) (In Russian)

33. Dictionry of Old Russian language (of the 11th–14th centuries): in 10 vol. Vol. 5. Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2022. 647 p. (In Russian)

34. Uzelac A. “Kan” Nogaј, kral Milutin and srpski-tatarski sukobi. *Vojnohistorijski glasnik*. 1/2009, pp. 9–31. (In Serbian)

35. Fennel D. The Crisis of medieval Russia. 1200–1304. Moscow: Progress, 1989. 296 p. (In Russian)

36. Hautala R. In the lands of “Northern Tartary”: Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 976 p. (In Russian)

37. Shabuldo F.M. Lands of South-Western Russia as part of The Grand Duchy of Lithuania. Kyiv: Naukova dumka, 1987. 177 p. (In Russian)

38. Georges Pahchymeres. Relations Historiques. III. Livres VII–IX. Paris: Institut Français d’Études Byzantines, 1999. 300 p. (In French)

39. Giovanni di Pian Carpini. Storia dei Mongol/ Edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menesto traduzione italiana a cura di Maria Cristiana Lungarotti, note di Paolo Daffina. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull’alto Medioevo, 1989. 552 p. (In Italian)

40. Giebauf J. Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpini. Einführung. Text, Übersrtzung. Kommentar. Graz: Selbstverlag des Instituts fur Geschichte der Karl-Franzens-Universitat, 1995. 266 s. (In German)

41. Ibn Bibi. Histoire des Seldjoucides d’Asie Mineure, d’après l’abrégé du Seldjouknameh d’Ibn-Bibi. Leiden, 1902. 320 p. (In French)

42. Zitiye krlja Milutina (1282–1321) od arhiepiskopa Danila II. Zivoti kraljeva I arhiepiskopa srpskih. London: VARIORUM REPRINTS, 1972. P. 102–161 (In Serbian)

43. Mission to Asia. Narratives and letters of the Franciscan missionaries in Mongolia and China in the thitteenth and fourteenth centuries. Translated by a nun of Stanbrook Abbey edited and with an introduction by Christopher Dawson. New York, 1955. 281 p.

About the authors: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow of Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6139-3392>. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Assistant of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3052-8063>. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

*Received July 4, 2023 Accepted for publication September 1, 2023
Published September 29, 2023*

**REDACTIONS AND DATES OF THE COMPILATION
OF THE ČINGIZ-NĀMĀ OF ÖTĀMIŠ ḤĀJJĪ**

Csaba Göncöl

MTA–SZTE Ottoman Era Research Group

Szeged, Hungary

csaba986@gmail.com

Abstract: This article aims to scrutinise the relationship between the texts of the 16-th century chronicle, the so called *Čingiz-nāmā* of Ötāmiš Ḥājjī, preserved in two manuscripts, as well as to determine the date(s) of the compilation of the work.

Materials: The Tashkent and Istanbul manuscripts of the *Čingiz-nāmā* of Ötāmiš Ḥājjī, Central Asian chronicles in Turkic and Persian, relevant scholarly literature.

Results and novelty of the research: Analysing the relationship of the two texts, the author has come to the conclusion that the Tashkent and Istanbul manuscripts of the above-mentioned chronicle contain different redactions of the *Čingiz-nāmā* written by the same chronicler. Furthermore, the author argues that the text preserved in the Tashkent manuscript is the initial redaction compiled before the year 1539, while the text of the Istanbul manuscript contains the second redaction – an extended one – written around middle of the 1540s.

Keywords: Ötāmiš Ḥājjī, Čingiz-nāmā, Golden Horde, Tashkent manuscript, Istanbul manuscript

For citation: Göncöl Cs. Redactions and dates of the compilation of the *Čingiz-nāmā* of Ötāmiš Ḥājjī. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 582–591. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.582-591

The past three decades witnessed a considerable increase of interest in the study of “native sources” of the Golden Horde, and in particular the so-called *Čingiz-nāmā* of Ötāmiš Ḥājjī. This unique piece of historical literature was written in the 16th century in the territory of Ḥ^wārazm, then under Šaybanīd rule, and in an eastern Turkic Islamic literary language. The work has been preserved in two copies, one in Tashkent (hence: Tashkent manuscript), and one in Istanbul (hence: Istanbul manuscript)¹, the text of which – as we shall see – was supplemented with events of the 17th century.

---

¹ For an in-depth analysis of the author, his chronicle, and its extant copies consult [3, pp. 5–10; 4, pp. 164–169; 11, pp. 144–145; 16, pp. 72–74; 19, pp. 20–29; 20; 21; 22, 24].

Although the Tashkent manuscript of this unique chronicle was introduced to scholarship as early as 1902 by Bartol'd [4, p. 164–166], and the Istanbul manuscript was acquired by Togan not much later in the 1910s [19, p. 27, 22, pp. 14–19; 23, pp. 60–62; 32, pp. 8–10]. The historical circumstances of the 20th century largely prevented simultaneous access to both manuscripts for a long time. This resulted in scholars being able to work only with either one or the other copy of the chronicle, and as a consequence its many editions and translations have been based on either the Tashkent or the Istanbul manuscript. For the time being, this remains a serious shortcoming of scholarship regarding the *Čingiz-nāme*. However, excellent editions containing transliterations and facsimiles of both the Tashkent [25; 31] and Istanbul [19; 32] manuscripts offer us the possibility to compare the texts and reveal details hidden up to the present.

It is important to note that both the extant manuscripts are later copies of the *Čingiz-nāmā*. My aim here is not to determine the date at which these copies were finished², but to point out that Ötämiš Hājjī made two separate redactions of the chronicle and to assert the times at which the author finished them.

A remark in the Istanbul manuscript of the *Čingiz-nāmā* reads as follows: *Further, I wish to compose this copy³ of this [poo]r wretched [soul] – as the author refers to himself – for a second time. I start for the second time.*” [19, p. 136, 32, pp. 59–60, 133, 216/fol. 48b]⁴. Mirgaleev pointed out this fact [32, p. 6], which lead me to raise a few questions. The remark leaves no doubt that Ötämiš Hājjī made two separate redactions of his chronicle and that the Istanbul manuscript contains the second one. Could the Tashkent manuscript contain the first/initial redaction of the *Čingiz-nāmā*? If so, how can we prove it and when did the author finish the first and then the second? These are the questions that are going to be answered in this article. Although I have recently addressed both these topics and formed a hypothesis [13, pp. 127–129], at that time I failed to recognise further clues that support it.

Keeping in mind that the Istanbul manuscript contains the second, i.e., the later redaction, it seems reasonable to compare the texts and the structure of the narrative in both manuscripts. A comparison of these shows substantial differences, but only at the beginning of the chronicle. The text preserved in the Tashkent manuscript begins – as was typical for works composed in an Islamic environment – with the praise of God and the Prophet Muhammad (*invocation*) and proceeds with information on the author, his patron, the sources of the chronicle, and the circumstances of its compilation (*introduction*). After these it continues with the partition of the Mongol Empire and the history of the Jočids (*narration*). It is important to point out that there is no abrupt break in the manuscript between the *introduction* and the *narration*. In stark contrast, the text of the Istanbul manuscript lacks the *invocation* and *introduction*! It starts with the history of Genghis Khan followed by that of the establishment of the Mongol Empire. Only after these does the manu-

---

² To my knowledge there has been no attempt to determine the date of copy of the Tashkent manuscript. Kafalı and Mirgaleev made their claims regarding the Istanbul manuscript's dating [19, p. 28; 24, p. 67; 32, p. 6], a topic to which we shall return shortly.

³ The text uses the word *nuşha* ‘exemplar, prototype, archetype, a copy or model [...] a manuscript; [...]’ [28, p. 1400].

⁴ *basa tilār-mān ki bu nuşha-i [faqī]r-i haqīrnī iki def'ā (!) inşā qīlsam def'a-i sānīsīnā şurū' qīlgum turur*

script proceed with the partition of the empire and the history of the Jočids (*narration*), from which point the text corresponds to that of the Tashkent manuscript almost verbatim⁵.

Tashkent manuscript	Istanbul manuscript
<i>invocation</i>	missing
<i>introduction</i>	missing
missing	<i>history of Genghis Khan and the Mongol Empire</i>
<i>narration</i> – the end of the text is missing	<i>narration</i> – text uninterrupted
missing	<i>continuation from the 17th century</i> ⁶

Structural differences between the texts of the Tashkent and Istanbul manuscripts

The structural difference between the texts leads us to the hypothesis that the Tashkent manuscript preserved the text of the first redaction. This redaction had been compiled for Iš (Muḥammad) Sulṭān, the patron of Ötämiš Hājjī, a fact that is stated *expressis verbis* in the *introduction* [25, pp. 7–8, 66–67; 31, pp. 90–91, 119–120]. At a later date, Ötämiš Hājjī made a second redaction of the chronicle, in which he left out the *invocation* and the *introduction*, opting instead to extend the text with the history of Genghis Khan and the Mongol Empire.

There is a further clue that supports this hypothesis, one that at first seems negligible but is quite important, so long as we place it in the right context. At one point the Tashkent manuscript makes mention of Sultan Gāzī Sulṭān b. Ilbars Khan without anything added after his name [25, pp. 40, 95; 31, pp. 114, 140]. In the Istanbul manuscript, however, he is referred to as “*his great and auspicious majesty, whom [God] has taken into [his] mercy, whose sins are forgiven – may God make his grave pleasant and make Paradise his abode!*” [19, p. 132; 32, pp. 53, 127, p. 229/fo. 42a]⁷. This seemingly unimportant addition to the text makes it clear that the author penned the text of the Tashkent manuscript before the death of the above-mentioned Ghenghisid prince, whereas he wrote the one preserved in the Istanbul manuscript after the event. When we take the disparity in the structure of the chronicle into consideration too, it becomes evident that Ötämiš Hājjī made two redactions of the *Čingiz-nāmā*. The Tashkent manuscript contains the initial one, while the Istanbul manuscript certainly preserves the second.

The existence of two separately compiled redactions leads us to the next question, namely, when did the author finish the first and the second redactions respectively? Scholarly literature on the topic presents wildly different opinions. This disparity can be explained by researchers long having had access to only one of the manuscripts. Due to the scarcity of information in the text, scholars utilising only the Tashkent manuscript could only suggest a wide time range. Bartol’d worked

⁵ Beginning from the partition of the empire, there are only minor differences between the two drafts. For an insight into these see [14, pp. 60–61].

⁶ For an in-depth analysis of the continuation, see [5; 21; 23; 24, pp. 59; 67].

⁷ *ḥazrat-i sulṭān-i kabīr-i sa’id-i marḥūm-i maḡfūr ṭayyab llāhu ṣarāhu wa ja’ala l-janna miṭwāhu sulṭān Gāzī Sulṭān* The text of the Istanbul manuscript uses the erroneous verbal form *tāba* instead of *ṭayyab*. I corrected this.

with the whole span of the 16th century [4, p. 166], while Akhmedov – in his preface to the edition of Yudin et al. – pointed to the first half of that century [3, p. 5]. Kawaguchi and Nagamine place the compilation of first redaction between the death of Ilbas Khan and Dōst Muḥammad Khan – that is, within the years 1518 and 1558 [20, p. 48]. Scholars who had access to the Istanbul manuscript, which offers more data for dating the compilation, operated within a narrower time range, and they suggest the 1550s [11, p. 144]. Only Kafalı went further and argued that the year 1552 was the *terminus ante quem* [19, p. 27]. Access to both manuscripts and a comparison of them, however, offers substantially more information to date the compilation of both redactions.

The text of the Tashkent manuscript provides us with three hints regarding the date of its compilation. The first points to the time span (*bu aṣnāda* ‘in this time’) when Iṣ Sultān was the “refuge of sultans” along the Syr Darya River (*Sir dāryāsīja*) [25, pp. 7, 66–67; 31, pp. 90, 119–120]. I failed to identify any source that would ascribe any kind of appanage to Iṣ (Muḥammad) Sultān along the said river⁸, and any of my attempts to date the redaction on this ground turned out to be futile. This leaves us with two clues and only a rudimentary chronology whith which to work.

Ötämiš Hājjī left a second clue when he referred to his former lord, Ilbars Khan in the following way in the Tashkent redaction: “*his majesty the khan, whose sins are forgiven, whom [God] has taken into [his] mercy – may God make his grave pleasant and the Paradise his abode!*” [31, pp. 110, 137; 25, pp. 34, 90; 19, p. 129; 32, pp. 49, 123, 238/fol. 37b]⁹. Kawaguchi and Nagamine were correct in pointing to Ilbars Khan’s death in 1518 as the *terminus post quem* of the compilation of the Tashkent redaction [20, p. 48].

The final clue that we are able to work with – as we saw earlier – is the date of death of the succeeding Sultan Ġāzī Sultān. Although Abu l-Ġāzī Bahadur khan (r. 1643–1663) in his *Šajara-i Türk* vividly portrays the event that led to the murder of the said prince [10, pp. ٢١٢-٢٢٢], his chronicle fails to provide a date. There are, however, sources that enable us to narrow down the chronology of the event to a span of few years.

The death of Sultan Ġāzī Sultān was a result of power struggles within the ‘Arabšāhid dynasty. In the 1530s, two major groups were competing for primacy in Ḥ^wārazm. The first one consisted of the offspring of Büräkä b. Yādgār Khan, headed by Sultan Ġāzī Sultān who wielded actual authority within the khanate. The second constituted the progeny of Āminäk b. Yādgār Khan with Āwānāš at its head as nominal khan [29, pp. 312–314; 34, pp. 105–107]. The *Firdaws al-iqbāl* of Mūnis and Āgāhī recalls a revolt in Astarābād against the governor of Tahmāsb Shah (r. 1542–1576). Āwānāš Khan – on the advice (*kāngās*) of Sultan Ġāzī Sultān – sent troops under the command of the later’s son, ‘Umar Ġāzī, to aid in the insurrection [18, pp. ١١١-١١٢; 27, p. 31]. Šafawī chronicles fully support the testimony of the *Firdaws*

---

⁸ Abu l-Ġāzī’s *Šajara-i Türk* relates that of the brothers Dōst Muḥammad and Iṣ Muḥammad, the latter who commissioned Ötämiš Hājjī to compile the *Čingiz-nāmā*, received the town of Kāt (modern-day Beruniy, Uzbekistan) as an appanage [10, p. ٢١٢], which is considerable distance away from the Syr Darya River.

⁹ *ḥazrat-i ḥān-i maḡfūr u marḥūm ṭayyaba allāhu ṣarāhu wa ja‘ala l-ḡanna miṭwāhu* The text of the Istanbul manuscript – again – uses the verbal form *ṭāba*. The citation is given according to the correct form of the Tashkent manuscript.

al-iqbāl. The *‘Ālam-ārā-yi ‘Abbāsī* of Iskandar Beg Türkmān dates the revolt to AH 944/AD 10 July 1537–29 May 1538 [17, I. p. ,’ · ʿ], whereas the *Aḥsanu t-tawārīḥ* of Ḥasan Rūmlū records it under the events of the year AH 945/AD 30 May 1538–18 May 1539 [1, pp. ʿʸʿ-ʿʸʸ; 2, pp. 129–130; 15, pp. ʿʸʿ-ʿʸʸ]. The armed conflict among of the ‘Arabšāhids broke out after the Ḥʷārazmian troops returned from Astarābād. At the end of those events, the faction under Āwānāš Khan killed Sultan Ġāzī Sultān and several other members of his family. However, ‘Umar Ġāzī was left alive and banished to Buḥarā where he managed to gather the support of ‘Ubayd Khan b. Maḥmūd of Buḥarā (r. 1533–1540) and Baraq Khan, the future ruler of Samarqand (1551–1556). The joint forces marched into Ḥʷārazm and – for a short period – ousted the enemy faction killing many of its members, including the khan. The conquest of Ḥʷārazm proved to be a successful, but short-lived enterprise. The troops of Buḥarā suffered a defeat shortly afterwards and pulled back. The faction supporting Āwānāš khan came to power once more and raised Qahīl – in other sources Qal – khan to the throne [10, pp. ʿʿʿ-ʿʿʿ; 18, pp. ʿʿʿ-ʿʿʿ; 27, p. 32]. The *Firdaws al-iqbāl* sets these events into AH 946/AD 19 May 1539–6 May 1540, but also mentions that “*Ḥasan ḥān Rūmlū* (in the chronicle *Aḥsanu t-tawārīḥ* - Cs. G.) and the *‘Ālam-ārā-yi ‘Abbāsī say* [the events happened – addition by Cs. G.] in [AH] 945” [18, p. ʿʿʿ; 27, p. 32]¹⁰. While the *‘Ālam-ārā-yi ‘Abbāsī* only alludes to the above-mentioned events in Astarābād, Ḥasan Rūmlū in fact inserted them under the events of this year [1, pp. ʿʿʿ-ʿʿʿ; 2, pp. 132–133; 15, pp. ʿʿʿ-ʿʿʿ]. Taking this evidence into consideration we can safely argue that Sultan Ġāzī Sultān must have perished in the years 1538/39, giving a *terminus ante quem* for the compilation of the first redaction preserved in the Tashkent manuscript. This means that Ötāmiš Hājjī must have penned his first version of the *Čingiz-nāmā* between the years 1518 and 1538/39.

The redaction of the Istanbul manuscript offers considerably more information with the help of which we can date it even more precisely. Most importantly, at the very end of the continuation, two dates are given. It runs as follows: *qad waqa ‘a l-farāğ min ḥāzīhī l-awraq fī yawmi ‘aḥāršanba fī šaḥri Muḥarram sanati [...]* *bāraka llāhu tamma tāriḥ-i sanati-i [...]* [19, p. 156; 32, pp. 160/fol. 76b]. It translates to “This manuscript was finished on the day of Wednesday, in the month of Muḥarram of the year [...]. May God praise it! [In] the year of [...].” I had good reason to leave out both of the years. In the first case, the date is blurred to the extent that I find it impossible to read any text or recognise any numerals. Kafalı and Mirgaleev read 959 [19, p. 156; 24, p. 67; 32, pp. 85, 159]. Wednesdays of Muḥarram 959 correspond to the 30th of December 1551, the 6th, 13th, 20th or 27th of January 1552, and if their reading is right, it would be a credible chronology for the compilation of the second draft of the *Čingiz-nāmā*. As for the second, both scholars read it as 1040 [19, p. 156; 24, p. 67; 32, pp. 85, 159], that is 10th August 1630 – 29th July 1631. I find this reading uncertain too, especially because there are five numerals visible on the facsimile. And even if the afore-mentioned readings are right, the question still remains, what do they actually mark? All in all, there are two dates at the end of the chronicle’s continuation, the reading of which are dubious. One has to agree with Belyakov according to whom the dating of the manuscript does not hold water [5, pp. 380–381]. Given all these doubts, in the follow-

¹⁰ For more detail and further literature consult [8, p.375. note 80].

ing I shall scrutinise the content of the *Čingiz-nāmā* of Istanbul manuscript¹¹, and look for indications that may give us a hint regarding the time of its compilation.

When enumerating the genealogy of different branches of the Šaybanids, Ötāmiš Hājjī lists the rulers of H^wārazm in the following fashion: *hān-i marhūm Buğūja hān wā Šofyā[n] hān wā Āvānāš hān wā Qal*¹² *hān hallada mulkahū* [19, p. 138; 32, pp. 62, 136, 210/fol. 51b]. The Arabic felicitation *hallada mulkahū* ‘may his reign last forever’ is usually added to the names of currently reigning monarchs, meaning that the author was drafting the second redaction of the *Čingiz-nāmā* during the reign of Qal Khan. This has been already noticed by Kafalı who – for reasons unknown to me – set the demise of the afore-mentioned monarch to 1552 [19, p. 27]¹³. To my knowledge, the only source giving hints regarding the time of the event is the *Firdaws al-iqbāl*, which tells us that Qal Khan reigned for nine years [18 p. ۱۱۵; 27, p. 34]. Knowing that Qal Khan was raised to the throne after the forces of ‘Ubayd Khan pulled out from H^wārazm around the year 1539/40, it is safe to assume that we ought reckon with the dates 1539/40–1548/1549 for Qal Khan’s reign. Thus, the date 1549 could be considered the *terminus ante quem* of the compilation of the second redaction of the *Čingiz-nāmā*. It is, however, possible to narrow down the date even further!

When narrating the reign of Uluğ Muḥammad (ruled the Golden Horde cc. 1419–1423, and with short interruptions 1428–1432; ruled the Khanate of Kazan’ 1438–1435), Ötāmiš Hājjī alludes to “*Aq Kōbāk khan who is khan in Hājjī Tarḥan* (i.e. Astrakhan – Cs. G.) [...]” [19, p. 152; 32, pp. 80, 155, 169/fol. 72a]¹⁴. The tense employed by the author in this passage is called aorist (*hān turur*). “Since the aorist does not have a point of time or time frame specifically assigned to it” [7, p. 204], it is hard to determine its exact function in the given sentence. It may refer to a narrated past action, a wide range of present actions – habitual or recurring, progressive or continuous –, general truths, established facts, or future actions [7, pp. 204–207]¹⁵. Although the use of the aorist in the given sentence can be ambiguous, it seems plausible, nay, likely that in this case, it refers to the author’s own time. If that is so, it means that Ötāmiš Hājjī worked on the second redaction of the *Čingiz-nāmā* during the reign of the above-mentioned monarch, Aq Kōbāk Khan.

The politics of the Khanate of Astrakhan in the first half of the 16th century were exceptionally complex, but it is possible to provide an acceptable chronology of the rulers’ reign in this period. Aq Kōbāk Khan b. Murtažā, came to power in

¹¹ The content of the continuation has been exhaustively analysed by Belyakov who argues that the *terminus post quem* of the compilation is 1654 [5, pp. 380–387].

¹² The manuscript does not offer a clear reading of the name. Both Kafalı and Mirgaleev read *Qahil hān*, Kafalı even mentioning the discrepancy [19, p. 27]. Be that as it may, the letters *qāf* and *lām* are legible, and we can be sure that the monarch in question is the same person whom the *Šājārā-i türk* [10, p. ۷۷۹] and the *Firaws al-iqbāl* [18, pp. ۱۱۶, ۱۱۵; 27, pp. 33–34], mention as Qal Khan.

¹³ Kafalı was certainly right in setting the date of the work’s compilation prior to 1552. This was the year Russian troops wrested the city of Kazan’ from Genghisid hands. The event proved to be so significant that it reverberated in most of the chronicles in successor-states of the Golden Horde. The fact that Ötāmiš Hājjī, a contemporary of the events, failed to mention it, suggests that he, indeed, finished the second redaction of his texts prior to the conquest.

¹⁴ *Aq Kōbāk hān kim Hājjī Tarḥanda hān turur atyur kim [...]*

¹⁵ For an in depth view of the tense consult the following grammar books: [6, pp. 340–341; 7, pp. 203–208; 9, pp. 230–237; 12, pp. 163–167; 26, pp. 126–127].

the khanate with the help of his Cherkes allies in 1532, but he lost his position after only a year on the throne. He managed to reclaim it for a second time from 1545 until he was ousted by his enemies in 1546/1547 [30, pp. 219–221, 35, pp. 138–139, 144]. The first reign of Aq Kōbāk Khan (1532–1533) can not correspond to that of Qal Khan (1539/40–1548/9) in Ḥ^wārazm, which means we can dismiss it. However, the chronology of his second reign, between 1545 and 1547 does! This indicates that the aorist in sentence “*Aq Kōbāk ḥān kim Hājjī Tarḥanda ḥān turur*” expresses a present tense, thus signalling that Ötämiš Hājjī must have worked on the second redaction of the *Čingiz-nāmā* in the given period. The questions regarding the dates at the end of the Istanbul manuscript, their exact reading and meaning, however, still remains open.

In the course of the article, we compared the structure of the *Čingiz-nāmā* in the Tashkent and Istanbul manuscripts and were able to conclude that Ötämiš Hājjī drafted two separate redactions of his chronicle. He finished the first one for his patron, İš Muḥammad Sulṭān between the years of 1518 and 1539, the Tashkent manuscript preserved this version of the text. Latter, most probably around 1545–1547, the author made a second redaction which he extended with the history of Genghis Khan and the early history of the Mongol Empire, this is the version preserved in the Istanbul manuscript. These findings raise further questions: why did the author draft a second redaction of the text? Why did he leave the *invocation* and *introduction* out of it? Unfortunately, for the time being, it is not possible to answer these questions. Additionally, the study calls to attention the need for, and benefits that arise from modern critical text editions of “native sources” of the later Golden Horde period – a need that has been pointed out three decades ago [33, p. 252].

REFERENCES

1. *A Chronicle of the Early Šafawīs Being the Aḥsanu't-tawārīkh of Ḥasan-i-Rūmlū Vol. I (Persian Text)* Ed. by: Seddon, C.N. Baroda: Oriental Institute, 1931. 520 p. (In Persian)
2. *A Chronicle of the Early Šafawīs Being the Aḥsanu't-tawārīkh of Ḥasan-i-Rūmlū Vol II (English Translation)* Trans. by: Seddon, C.N. Baroda: Oriental Institute, 1934. 303 p.
3. Akhmedov B.A. Ot otvetsvennogo redaktora. In: Utemish-khadzhi: *Chingiz-name*. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primecheniya, issledovanie V.P. Yudina. Podgotovka k izdaniyu Yu.G. Baranova. Kommentarii i ukazateli M.Kh. Abuseitovoi. Alma-ata: Gylym, 1992. 296, pp. 5–10. (In Russian and Türkī)
4. Bartol'd V.V. Otchet o kommandirovke v Turkestan. In: *Sochineniya VIII. Raboty po istochnikovedeniyu*. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 119–210. (In Russian)
5. Belyakov A.V. O vremeni i meste napisaniya prodolzheniya sochineniya Utemish-khadzhi «Kara tavarikh» (kommentarii k tekstu) [On the Time and Place of Writing the Continuation of Ötemish-Hajji's “Qara Tavarikh” (Comments on the Text)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 370–392. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.370-392 (In Russian)
6. Blagova G.F. “*Babur-name*”: *Yazyk, pragmatika teksta, stil*. *K istorii chagatayskogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Oriental Literature Publisher, 1994. 404 p. (In Russian)
7. Bodrogligeti A.J.E. *A Grammar of Chagatay*. Muenchen: Lincom Europa, 2001. 437 p.

8. Bregel Y. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis. *Asian and African Studies* 16 (1982), pp. 357–398.

9. Brockelmann, C.: *Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens*. Leiden: Brill, 1954. 431 p. (In German)

10. Desmaisons, Peter *Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-Ghāzi Bēhādour Khan Souverain de Kharezm et Historien Djağhatai 1604–1664 A.D.* Amsterdam: Philo Press, 1970². 781 p. (In Türkī and French)

11. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.

12. Eckman J. *Chagatay Manual*. Bloomington: Indiana University, 1966. 340 p.

13. Göncöl Cs. Remarks on the *Čingiz-nāmā* of Ötämiš Hājjī. In: Zimonyi. I. (ed.): *Ottomans – Crimea – Jochids. Studies in Honour of Mária Ivanics*. Szeged: Innovariant Ltd, 2020, pp. 123–131.

14. Göncöl Cs. The Chapter of Bārdi Bāk khan in the *Čingiz-nāmā* of Ötämiš Hājjī: Tolu Bay, āmīr of the Golden Horde. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 74/1 (2021), pp. 53–63.

15. Ḥasan Rūmlū: *Kitāb-i aḥsanu t-tawārīḥ*. Ed. by Seddon, C. N. Tehrān: Kitābhāna-ye šadr, AH 1342 (AD 1963/64). (In Persian)

16. Hofman H.F.: *Turkish Literature: A Bio-Bibliographical Survey, Section III (Chagatai) Part I: Authors*. Utrecht: The Library of the University of Utrecht, 1969. 348 p.

17. Iskandar Beg Türkman: *Tārīḥ-i ‘ālam-ārā-yi ‘Abbāsī I-II*. Ed. by Īrāj Afšār. Tehrān: Čāpḥāna-ye Golšan, AH 1350 (AD 1971). 1235 p. (In Persian)

18. *Firdaws al-iqbāl. History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Translated From Chaghatay and Annotated by Yuri Bregel. Leiden – Boston – Köln: Brill, 1999. 718 p.

19. Kafalı M. *Ötemiş Hacı’ya Göre Cuci Ulusu’nun Tarihi*. Ankara: Öncü Basımevi, 2009. 160 p. (In Turkish)

20. Kavaguchi T., Nagamine H. Nekotorye novye dannye o «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi: v sisteme istoriografii v Dasht-i Kipchake. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik stat’ey*. Iss. 3. Kazan: Fen Publ., 2010, pp. 44–52. (In Russian)

21. Maslyuzhenko D.N. Soobshchenie prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-Khadzhi kak istochnik po istorii Sibirskikh Shibanidov. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2015, no. 4, pp. 117–134. (In Russian)

22. Mirgaleev I.M. «Chingiz-name» Utemisha-khadzsi: perspektivy izucheniya. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik stat’ey*. Iss. 4. Kazan: OOO «Foliant»; Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 14–19. (In Russian)

23. Mirgaleev I.M. Soobshchenie prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-Khadzhi o pozdnykh Shibanidakh. In: Maslyuzhenko D.N. – Tataurov S.F. (ot. red.): *Istoriya, ekonomika I kul’tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoj Sibiri: materialy II Vseposijskoj nauchnoj konferencii (Kurgan, 17-18. aprelya 2014 g)*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66. (In Russian)

24. Mirgaleev I.M. «Kara tavarikh» Utemisha-Khadzhi. Spisok Rizaëtdina Fakhret-dina. *Tyurkologicheskie issledovaniya / Turcological Studies*, 1/2 (2018), pp. 58–72. (In Russian)

25. Ötämiš Hājjī. *Čingiz-nāma*. Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by Kawaguchi, T. – Nagamine, H. Tokyo: Fujiwara Printing co., Ltd, 2008. (In Japanese, English and Türkī)

26. Schönig C. *Finite Prädikationen und Textstruktur im Babur-name*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1997. 395 p. (In German)

27. Shīr Muḥammad Mīrāb Mūnis and Muḥammad Rizā Mīrāb Āgahī: *Firdaws al-iqbāl: History of Khorezm*. Ed. by Bregel, Yu. Leiden: Brill, 1988, 1282 p. (In Türkī)

28. Steingass F.J. *A Comprehensive Persian-English Dictionary, Including the Arabic Words and Phrases to Be Met with in Persian Literature*. London: Routledge & K. Paul, 1892.
29. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'*. Moscow: ACT, 2006. 445 p. (In Russian)
30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoi ordy*. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2002. 752 p. (In Russian)
31. Utemish-khadzhi: *Chingiz-name*. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primecheniya, issledovanie V.P. Yudina. Podgotovka k izdaniyu Yu.G. Baranova. Kommentarii i ukazateli M.Kh. Abuseitovoi. Alma-ata: Gylym, 1992. 296 p. (In Russian and Türkī)
32. Utemish-khadzsi. *Kara tavarikh*. Transkriptsiya I.M. Mirgaleeva, È.G. Sayfetdinovoy, Z.T. Khafizova; perevod na russkiy yazyk I. M. Mirgaleeva, È.G. Sayfetdinovoy, nauchnaya redaktsiya I.M. Mirgaleeva. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Tatar and Türkī)
33. Vásáry I. «History and Legend» in Berke Khan's Conversion to Islam. In *Aspects of Altaic Civilization III: Proceedings of the Thirtieth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Indiana University, Bloomington, Indiana, June 19–25, 1987*. ed.: Sinor, D. Bloomington: Indiana University Press, 1990, pp. 230–252. Reprint: Vásáry I.: *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries*. Aldershot – Burlington: Ashgate Publishing Company, 2007. XVII.
34. Veselovskiy N.I. *Ocherki istriko-geograficheskikh svedenij o Khivinskom khanstve ot drevneyshikh vremen do nastoyashchevo*. St. Petersburg: Tipografiya brat. Panteleevykh, 1877, 366 p. (In Russian)
35. Zaitsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo*. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2006. 303 p. (In Russian)

About the author: Csaba Göncöl – MA (History, Turcology), Assistant Research Fellow, MTA-SZTE Ottoman Era Research Group (2, University Str., Szeged 6722, Hungary). E-mail: csaba986@gmail.com

*Received March 8, 2023 Accepted for publication June 27, 2023
Published September 29, 2023*

РЕДАКЦИИ И ДАТЫ СОСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТОВ ХРОНИКИ «ЧИНГИЗ-НАМЕ» УТЕМИША-ХАДЖИ

Чаба Гёнцёль

*Исследовательская Группа османской эпохи
Венгерской Академии Наук при Сегедском Университете
Сегед, Венгрия
csaba986@gmail.com*

Настоящая статья направлена на исследование взаимосвязи текстов хроники XVI века, так называемой «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, сохранившейся в двух списках, а также на определение даты создания этого произведения.

Материалы исследования: Рукописи «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи из Ташкента и Стамбула, среднеазиатские хроники на тюркском и персидском языках, актуальная научная литература.

Результаты и новизна исследования: Анализируя отношения между двумя текстами, автор приходит к выводу, что рукописи вышеупомянутой хроники из Ташкента и Стамбула содержат разные редакции «Чингиз-наме», написанные одним и тем же летописцем. Кроме того, автор считает, что текст, сохранившийся в Ташкентском списке, является первоначальной редакцией, составленной до 1539 года, в то время как текст, сохранившийся в Стамбульской рукописи, представляет собой вторую редакцию – расширенную – написанную примерно в середине 1540-х годов.

Ключевые слова: Утемиш-хаджи, Чингиз-наме, Золотая Орда, Ташкентский список, Стамбульский список

Для цитирования: Göncöl Cs. Redactions and dates of the compilation of the *Čingiz-nāmā* of Ötämiš Hājjī // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 582–591. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.582-591 EDN: LVNEZH

Сведения об авторе: Чаба Гёнцель – аспирант по историческим наукам (Сегедский университет), младший научный сотрудник, Исследовательская Группа османской эпохи Венгерской Академии Наук при Сегедском университете (6722, ул. Университетская, 2, Сегед, Венгрия). E-mail: csaba986@gmail.com

*Поступила 08.03.2023 Принята к публикации 27.06.2023
Опубликована 29.09.2023*

**ЯРЛЫК О НАЗНАЧЕНИИ ЭМИРА ТУМЕНА
ИЗ «ДАСТУР АЛ-КАТИБ» И СТАТУС ТЕМНИКОВ
В УЛУСАХ ХУЛАГУ, ДЖУЧИ И ЧАГАТАЯ**

Л.Ф. Абзалов¹, М.С. Гатин², И.А. Мустакимов³, Р.Ю. Почекаев⁴

*^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

*³ Научный институт изучения Улуса Джучи,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан*

*⁴ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

¹ len_afzal@mail.ru

Цель исследования: дать характеристику правового положения темника как военачальника и администратора в Улусах Хулагу, Джучи, Чагатая и в государстве Тимуридов на основе анализа средневековых правовых и нарративных источников и результатов ранее проведенных исследований.

Материалы и методы исследования: основу исследования составляют тексты ярлыков правителей монгольского Ирана, включенных в трактат Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб», в оригинале и немецком переводе Й. фон Хаммер-Пургшталя, а также другие средневековые источники об Улусах Хулагу, Джучи, Чагатая и государстве Тимуридов восточного и русского происхождения. Основными методами исследования являются историко-правовой общеисторический, дипломатический (формулярный), сравнительно-исторический анализ, в совокупности формирующие междисциплинарный подход, позволяющие извлечь максимум полезной информации из изучаемых документов по различным аспектам истории государств Чингизидов.

Научная новизна заключается в том, что впервые вводится в русскоязычный научный оборот текст ярлыка о назначении эмира тумена (темника) из «Дастур ал-катиб», который исследуется на междисциплинарном уровне, осуществляется его сопоставление с другими историческими источниками.

Результаты исследования: на основе анализа текста ярлыка реконструируется правовой статус темника как военачальника и высокопоставленного администратора в Улусах Хулагу, Джучи, Чагатая и в государстве Тимуридов, выявляются требования, предъявляемые к кандидатам на этот пост, права и обязанности сановника. Формулярный анализ позволяет выявить место темника в сановой иерархии, значение, которое придавали Чингизиды подбору кандидатов на этот пост.

© Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: монгольский Иран, Улус Джучи, Улус Чагатая, государство Тимуридов, административно-территориальное устройство, темник, тумен, ярлык, эмир, десятичная система

Для цитирования: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Ярлык о назначении эмира тумена из «Дастур ал-катиб» и статус темников в Улусах Хулагу, Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 592–610. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.592-610 EDN: LVIAEZ

Финансирование: Исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

THE JARLYK ON APPOINTMENT OF *AMIR-E TUMAN* FROM THE “DASTUR AL-KHATIB” AND STATUS OF TEMNIK IN THE ULUSES OF HULAGU, JOCHI AND CHAGATAY

L.F. Abzalov¹, M.S. Gatin², I.A. Mustakimov³, R.Yu. Pochekaev⁴

^{1,2} Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

³ Research Institute for Jochi Ulus Studies,
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan

⁴ National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation

¹ len_afzal@mail.ru

Abstract: *Research objectives:* This study aims to characterize the legal status of the emir of the tumen (i.e., miriarch) in the Chinggisid states, including the uluses of Hulagu, Jochi, Chagatay, and the Timurid State. The focus is on their roles as military commanders and administrative officers, drawing from medieval legal documents, narrative sources, and prior research findings.

Materials and methods of research: The primary materials under examination are the jarlyks contained within Muhammad b. Hindushah Nakhchivani’s “Dastur al-katib fi ta’yin al-maratib,” in its original Persian form and in the German translation by J. von Hammer-Purgstall. Additionally, various medieval sources detailing the history of the Chinggisid states of the 13th–14th centuries, both of Oriental and Russian origin, are considered. The research methods employed encompass historical-legal, diplomatic, and comparative historical analyses, forming an interdisciplinary approach that enables the comparison of diverse sources in the pursuit of authentic information.

Scientific novelty: This work represents the inaugural Russian translation of the first jarlyk regarding the appointment of the emir of the tumen sourced from the “Dastur al-katib.” It distinguishes itself by employing an interdisciplinary approach and cross-referencing with other source types.

Results of the research: The analysis of the document facilitates the reconstruction of the legal status of the temnik, shedding light on their role as a military commander and high-ranking official within the uluses of Hulagu, Jochi, Chagatay (including the Timurid State). This includes an exploration of the qualifications expected of candidates for this position, as well as their associated rights and responsibilities. The diplomatic analysis contributes to a clearer understanding of the emir of the tumen's position within the state

hierarchy and underscores the significance attributed to candidates for this role by Chinggisid rulers.

Keywords: Mongol Iran, Jochi Ulus, Chagatay Ulus, Timurid State, administrative-territory system, temnik, tumen, jarlyk, emir, decimal system

For citation: Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. The jarlyk on appointment of *amir-e tuman* from the “Dastur al-katib” and status of temnik in the uluses of Hulagu, Jochi and Chagatay. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 592–610. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.592-610 (In Russian)

Financial Support: The study was financially supported by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN № BR1854101).

Введение

Система власти и управления в государствах Чингизидов неоднократно становилась предметом исследования специалистов. При этом нельзя не отметить, что в большинстве случаев основными источниками при изучении данной тематики выступают нарративные источники – в особенности это касается тех государств, от которых сохранилось незначительное число официальных документов (Золотая Орда, Чагатайский улус). Если же речь идет о правовых актах то, как правило, исследователям доступны те из них, которые лишь косвенно отражают вопрос организации и функционирования органов власти – речь идет о ханских ярлыках, представляющих собой либо жалованные грамоты, либо акты дипломатической переписки.

В этих условиях особенно ценным является поиск и выявление новых историко-правовых источников, непосредственно связанных с регулированием создания и деятельности органов власти и управления в тюрко-монгольских государствах. К числу важнейших из них, несомненно, следует отнести «Дастур ал-катиб фи та‘йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») – персоязычный трактат второй половины XIV в., составленный Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, сановником эпохи последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Вторая часть данного сочинения содержит образцы ярлыков о назначении на должность значительного круга чиновников по военному, гражданскому и судебно-духовному ведомствам с подробным перечислением требований к ним, их прав и обязанностей, взаимоотношений с вышестоящими и нижестоящими представителями администрации и пр.

Целью настоящей статьи является попытка междисциплинарного анализа одного из таких образцов ярлыков – указа о назначении эмира тумена, т.е. темника. Институт темников хорошо известен во всех государствах Чингизидов. Поэтому полагаем, что информация, содержащаяся в данном документе, несмотря на его «иранское» происхождение, окажется весьма актуальной для изучения правового статуса этих высокопоставленных представителей военной администрации и в других чингизидских державах, в т.ч. и в Улусе Джучи¹. Основными задачами в рамках настоящего исследования яв-

---

¹ Что нашло отражение в факте помещения текста этого ярлыка Й. фон Хаммером-Пургшталем в приложении к его труду о Золотой Орде, перевод которого с немецкого на русский мы также приводим ниже.

ляются комментирование ярлыка о назначении эмира тумена как официального документа и правового акта, а также соотнесение его содержания с сообщениями других исторических источников о статусе темника.

История вопроса. Институт темников часто привлекал внимание исследователей, изучавших различные аспекты истории Монгольской империи и ее улусов. Статус темников как представителей наследственной служилой аристократии в Монгольской империи эпохи Чингиз-хана рассматривал Б.Я. Владимирцов [8, с. 402–406]. Проблемы, связанные с формированием туменов как моно и полиэтнических воинских соединений и, соответственно, связанных с ними административно-территориальных единиц поднимались рядом автором на примере империи Юань, монгольского Ирана и др. [5; 39].

Значительное число работ, посвященных отдельным аспектам правового положения темников, относится к истории Золотой Орды и ее связей с государствами, в разное время пребывавшими в вассальной зависимости от нее. Ряд авторов уделяет внимание проблемам статуса темников, их обширных полномочий и высокого места в ордынской сановной иерархии как своеобразного «административного ресурса» в их борьбе за власть – недаром к числу темников относят таких известных политических деятелей Улуса Джучи как Ногай, Мамай, Едигей [6; 10; 27; 30; 32]. Другие авторы рассматривают такие вопросы как персональный состав влиятельных темников в Золотой Орде в тот или иной период времени, особенности правового положения отдельных туменов в связи с личностью и статусом их предводителей. Подчеркивание средневековыми хронистами роли тех или иных темников в политической жизни или при ханском дворе дает основание выделять среди многочисленных представителей этой должности наиболее влиятельных лиц – «великих темников», т.е. тех, кто в силу происхождения (клановой принадлежности), отношения хана или родства с Чингизидами занимал более высокое положение чем многие другие, равные ему по должности [12; 23]. Такие сановники, сохраняя «звание» темников, могли назначаться также на должности наместников областей [39, р. 143, 153; 44, р. 78, 95] и беклербеков (Ногай, Мамай).

Большой интерес исследователей вызывает существование специфических административно-территориальных подразделений, в официальное название которых входит элемент «тумен» или «тьма», как в государстве Хулагуидов, так и в улусах Джучи и Чагатая. На территории Золотой Орды этот термин продолжал использоваться и после ее распада. В частности, речь идет о «Яголдаевой тьме» в составе Великого княжества Литовского второй половины XV в. [22; 31], Темниковской Мещере [1], «Тюменском владении» на Кавказе [11]².

К числу вопросов, неоднократно рассматривавшихся и неизменно вызывавших дискуссию исследователей, относится проблема ордынского влияния на административно-территориальное деление русских земель в эпоху ордынского владычества. При этом исследователи высказывают прямо противоположные, взаимоисключающие точки зрения. Так, Г.В. Вернадский и Ч.Дж. Гальперин, ссылаясь на информацию ряда русских летописей и правовых актов (княжеских духовных и договорных грамот) высказывают мнение, что русские земли в ре-

---

² В последнем случае исследователи, впрочем, допускают разные этимологии названия «Тюмень», связывая его как с ордынским туменом, так и с другими возможными версиями происхождения [11, с. 183].

зультате подчинения Улусу Джучи и проведения в них ордынских переписей второй половины XIII в. были поделены на десятки, сотни, тысячи и тумены («тьмы») – по образу и подобию монгольской имперской десятичной системы, правда, при этом не готовы ответить на вопрос о наличии темников (как и тысячников) в административной системе русских княжеств [6, с. 222–225; 37, р. 41–42; ср.: 30, с. 250]. И. Вашари и Л.Н. Лангер идут еще дальше, считая, что такими предводителями «тем» и «тысяч» могли являться золотоордынские баскаки [40, р. 519–520; 42, р. 189]. Другие же авторы, также ссылаясь на древнерусские исторические памятники, напротив, считают, что десятичная система (включая «тысячи» и «тьмы») либо сложилась на Руси без всякого ордынского влияния [4], либо же касалась только так называемых «татарских мест», т.е. отдельных земельных владений на Руси, находившихся под прямым контролем золотоордынской администрации [14].

Как видим, разброс мнений весьма широк, что, несомненно, объясняется лапидарностью сведений о темниках, содержащихся в исторических памятниках различного происхождения, но при этом не посвященным непосредственно институту темников и административно-правовому статусу туменов. Полагаем, что анализ правового акта, непосредственно определяющего правовой статус «эмира тумена», позволит внести существенные уточнения в существующие представления об этом административно-правовом институте. И если даже его введение в научный оборот не разрешит однозначно все споры вокруг темников, то, надеемся, будет способствовать выведению дискуссии об их статусе на качественно новый уровень.

Приоритет во введении в научный оборот ярлыков из "Дастур ал-катиб" принадлежит Й. фон Хаммер-Пургшталу. В связи с этим, а также учитывая большое влияние, которое работы австрийского востоковеда оказали на изучение чингизидских государств в европейской историографии, авторы пришли к выводу о целесообразности включения в свою работу русских переводов соответствующих документов из работы Хаммер-Пургштала [38, с. 463–516]. Кроме того, параллельная публикация переводов двух документов должна позволить проследить эволюцию изучения средневековых чингизидских источников.

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммер-Пургштала [38, с. 465–466]³	Перевод с оригинала [16, с. 25–27 араб. паг.]⁴
Грамота [ярлык] эмиру десяти тысяч [тумена] (первый [образец]) Так как энное лицо выделяется среди других эмиров [своей] безупречной внимательностью и энергией, твердым суждением, похвальным нравом	Раздел третий. О вверении эмирства над туменом, тысячей и сотней. Вид первый. Поскольку такой-то превосходит прочих эмиров и предпочтительнее [их] по [причине своей] большой энергии,

³ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

⁴ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

и всеобщей справедливостью, и *тумен*⁵ энного лица исстари находился в подчинении его праотцов и предков, полностью соответствующий требованиям и мерилам, при условии полного довольства эмиров сотен, воинов и [простых] жителей земли его хорошим отношением [к себе], таким образом ему передаётся эта должность, которой он полностью достоин по причине наследования и личных заслуг; к тому же ему необходимо прилагать старания и вменяется в обязанность своим благородным врождённым нравом и сообразно примеру своих предков исполнять должность [эмира] *тумена* (состоящее из 10 000 ратников войско), назначать эмиров тысяч и сотен, заботиться о воинах: счесть ему необходимым идти по следу справедливости и законности; ежегодно взимать налоги на содержание и жалование тех, кто внесен в списки дивана, из мест, к которым они приписаны, а также использовать [налоги] на приобретение лошадей и оружия, кроме того пусть не опаздывает ко времени выступления победоносного войска в схватку. Поэтому этот указ и был издан, чтобы, начиная с этого дня, эмиры тысяч, сотен, десятков и воины этого *тумена* признавали его эмиром *тумена* (предводителем войска), и во всех необходимых делах обращались к нему, слушались его и не избегали его похвалы; в любое время, когда это необходимо, денно и ночью были хорошо подготовлены к выступлению [в поход] верхом, следовать эмиру *тумена*, исполнять долг повиновения⁶, во всём ему полагать-

уместной решительности, правого мнения, похвального разумения, чрезвычайной справедливости и совершенной беспристрастности, [а также потому, что] эмирство над таким-то туменом издавна являлось должностью, занимаемой его предками и старшими родственниками, они соответствовали ее условиям и требованиям, эмиры сотен, воины и население провинции (ولایت) были довольны и благодарны за их хорошее обращение⁷, то эта должность как по обычаю наследования, так и по причине [его] заслуг сочтена подобающей для него и препоручается ему. Пусть полагает своей обязанностью прилагать старания и направлять усилия на заботу о том тумене, укрепление эмиров тысяч и сотен и оберегание воинов в соответствии с тем, как наша⁸ благородная натура усматривает и полагает врожденными и присущими [ему качествами], и так, как [эти обязанности] исполнялись его предками. [Пусть] считает для себя должным следование путем справедливости и беспристрастия. Средства на выплату им⁹ содержания и экипировочных, прописанные в реестрах дивана, пусть ежегодно взимает с определенных для этого мест. [Пусть] вплотную занимается пригодностью их¹⁰ коней и исправностью их⁸ оружия. Также пусть действует так, чтобы во время выступления [нашего] победоносного войска не произошло отставания [вверенного ему тумена от основных сил] по какой бы то ни было причине. Посему издан настоящий указ с тем, чтобы начиная с этой даты эмиры тысяч, сотен, десятков и воины того тумена, призна-

⁵ Здесь и далее курсив Й. фон Хаммер-Пургшталя.

⁶ *Be wasifei kidschamischî kiam numajend. Kidschamischî* – татарское слово, вероятно, производное от *Kidschik* или *Kitschik* – т.е. «малый», используется для обозначения подчинения малых людей большим (прим. Й. фон Хаммер-Пургшталя).

⁷ Букв. «за их достойный образ жизни» (حسن معاش ایشان).

ся, что прежде уже было так установлено предками, и подобным же образом соблюдать предписания и непременно уважать его слова как нижестоящим людям.

вая его эмиром тумена, по всем упомянутым вопросам обращались к нему и не нарушали его приказов и распоряжений. Пусть всякий раз по получении от него клича (جار), невзирая на время суток, снаряженными и готовыми садятся [в седло] и присоединяются к нему с тем, чтобы добросовестно выполнить обязанность скорейшего вступления в битву. Подать, полагающуюся [для выплаты содержания] эмиру тумена и ранее направлявшуюся его предшественникам, пусть таким же образом направляют ему и его нукерам. Писано по высочайшему повелению – да будет оно действовать вечно! – в ...

Дипломатический комментарий. Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани приводит образцы документов, характерные для персидской делопроизводительной традиции, поэтому и ярлык о вверении эмирства над туменом имеет свойственную персидским документам структуру [33, р. 301–313; ср.: 15; 36]. Наш автор в разбираемом образце ярлыка акцентировал свое внимание лишь на некоторых компонентах основной части документа, в то время как остальные статьи условного формуляра не нашли своего выражения.

В начальном протоколе отсутствует invocatio, которая в персоязычных документах писалась на арабском языке [36]. В целом отсутствие начального и конечного протокола объясняется тем, что эти части документа были шаблонными и мало отличались от вида издаваемого акта, в особенности в документах о назначении на ту или иную должность. Мухаммед б. Хиндушах, как правило, приводит лишь те части документа, которые могли вызвать затруднения у писца-мунши или катиба.

Абстрактный формуляр актов о назначении на должность помимо всего прочего мог включать промульгацию и преамбулу, которые отсутствуют в индивидуальном формуляре разбираемого образца ярлыка. Автор привел пространную нарративную часть, в которой изложены обстоятельства дела, предшествующие совершению акта. Сущность издаваемого документа выражалась в диспозиции, в которой речь идет о назначении на должность эмира тумена и его полномочиях. В акты о назначении на ту или иную должность в диспозитивную часть, как правило, добавлялись предписания, запреты или ограничения для адресата или должностных лиц, что мы можем видеть и в разбираемом нами образце ярлыка.

Абстрактный формуляр документов персидских канцелярий заканчивался фразой, в которой делалась ссылка на печать (корроборация) и ука-

⁸ В одном из списков «Дастур ал-катиб», использованных А.А.Али-заде, слово «наша» опущено.

⁹ Т.е. эмирам тысяч и сотен и воинам.

¹⁰ Т.е. воинов.

зание даты, посредством таких формул как: «кутиба фи» (كتب في) или «тахриран фи» (تحريرا في) [33, p. 310]. Рашид ад-Дин, в приводимых им списках фирманов Газана, обозначает эту часть документа следующим образом: «Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте» [21, с. 285]. При Чингизидах в персидскую делопроизводственную практику внедряется тюрко-монгольский календарь [43, p. 150], сохранявшийся в Иране до первой трети XX в. Далее указывалось место издания документа [33, p. 310]. Но указанные выше элементы эсхатокола не представлены в индивидуальном формуляре образца ярлыка.

До конца XV – начала XVI в. справа под текстом и перпендикулярно ему, указывалось имя секретаря и других должностных лиц, участвовавших в подготовке документа. С начала XVII в. это указание дается на обороте документа [33, p. 310].

Учитывая то, что официальные акты, адресованные кочевому населению Ирана, писались или дублировались на монгольском или тюркском языках, эти ярлыки должны были иметь традиционную для чингизидских канцелярий формуляр, отличавшийся от персидских норм.

Начальный протокол монгольских документов включал в себя интитуляцию (адресант) и инскрипцию (адресат). Адресант был связан с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом он мог иметь различные варианты, которые также зависели от языка и графики документа. В том случае если документ писался на монгольском языке уйгурской графикой то, он имел традиционную для чингизидских канцелярий формулу «Слово наше» (монг. “*Üge manu*”), или же тюркском языке на уйгурской или арабской графике *سوزوميز ~ سوزوميز* или *سوزوم* («слово наше») [36; 26, с. 187–191]. Данная формула могла иметь некоторые вариации, которые определялись политическими притязаниями адресанта [9, с. 30]. За интитуляцией следовала инскрипция, в которой был представлен круг должностных лиц, который должен был принять официальный акт к исполнению, поэтому число его элементов могло варьироваться и располагались они в определенной иерархической последовательности [9, с. 52–54; 26, с. 208–209].

Переход от начального протокола к основной части документа, состоявшей из преамбулы, нотификации, наррации, диспозиции и корроборации, производился посредством характерной для чингизидского делопроизводства на монгольском языке формулы-оповещения (обнародования) «*dū[1] qaqui jarliq*» («к совершенному постижению ярлык») [9, с. 34; см. также: 26, с. 229–230]. В персоязычных актах формула-обнародование могла звучать следующим образом «*بدانند کی*» (ар. “*бадананд ки*”, «должны знать следующее»).

Как уже было указано, условный формуляр документов чингизидских канцелярий также мог включать преамбулу (аренгу) и наррацию. Здесь следует отметить, что в отличие от старой арабо-персидской традиции, в рамках которой использовались изящные словесные формулы и эпитеты, цитирование Корана [33, p. 309], собственно монгольской канцелярской культуре эти особенности были не свойственны [3, с. 20].

Основная суть документа находила свое выражение в диспозиции. В условном формуляре вслед за диспозицией, как правило, следовали санкция [26, с. 247] и корроборация, завершавшая основную часть документа. Например, в грамоте Абу-Са‘ида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке

уйгурицей, корроборация выражена в следующей форме: «С золотой пай-цзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (“Altan gerege al tamyatai jrlı soyurqaju ögbei”) [9, с. 67].

Эсхатокол документов чингизидских канцелярий, должен был содержать указание даты и места выдачи. Конечный протокол чингизидских актов также мог включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления. В канцелярской культуре Чингизидов также прослеживается практика помещения удостоверяющих надписей на обороте документа [34, р. 508]. Вероятно, подобная практика была введена в годы правления Чингиз-хана или же Угедэя, что было вызвано возрастанием документооборота и необходимостью несения ответственности за подготовленный документ. В свою очередь писец или писцы, а также ходатаи могли выступать свидетелями при разрешении дела, связанного с выдачей этого документа. Удостоверительные надписи на уйгурской графике также применялись в случае написания документов на других языках [29, с. 142]. Часто удостоверительные надписи отражали краткое содержание документа на монгольском языке [35, р. 478–486; см. также: 16, с. 39–43 араб. паг.], для того чтобы писцы и сановники, не владевшие языком, на котором был написан документ, могли иметь представление о его содержании [21, с. 276].

Формулярный анализ ярлыка на назначение темника позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной части ярлыка, и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику наррации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы основной части, а именно, промульгацию, аренгу, корроборацию и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов и хорошо известных каждому писцу-делопроизводителю, начального и конечного протоколов. Но исходя из того, что ярлык был адресован представителям монгольской элиты, он должен был быть подготовлен или продублирован на монгольском или тюркском языке в соответствии с типовым формуляром, принятым в чингизидской делопроизводственной культуре.

Историко-правовой комментарий. Данный документ представляется собой правовую характеристику предводителя тумена (темника), т.е. начальника десяти тысячного отряда воинов.

Главным основанием в пользу назначения конкретного лица на должность темника, как вытекает из документа, является его происхождение: «эмирство над таким-то туменом издавна являлось должностью, занимаемой его предками и старшими родственниками». Это в полной мере соответствует наблюдениям Б.Я. Владимирцова и других исследователей, отмечающих наследственный характер власти темников – даже в тех случаях, когда сам тумен перемещался в другое место и даже в другой улус, что имело широкое применение в эпоху расширения Монгольской империи. Безусловно, передача статуса темника по наследству имела определенные причины: сын или другой наследник находился при темнике (или даже непосредственно при хане), набираясь опыта административной и военной деятельности, тем самым приобретая необходимую квалификацию для занятия должности в дальнейшем.

В этих условиях статус «сына темника» означал не только семейное происхождение, но и определенное место в социальной иерархии. Это объясняет, в частности, внимание, которое русские летописцы уделили такому, казалось

бы, малозначительному эпизоду в связи с осадой и взятием Козельска в 1238 г. как гибель при осаде этого города «три сына темнич; искавшие их татарове и не обретоша въ множестве трупия мертвых» [18, с. 130]. С учетом особенностей положения наследников эмира тумана речь идет не просто о семейной драме трех монгольских военачальников, а о потере ценных представителей «кадрового резерва».

Вместе с тем, принадлежность к семейству действующего темника не давала полной гарантии наследования его должности, что также вполне однозначно прописывается в данном документе. Во-первых, сам факт выдачи ярлыка, образец которого нами анализируется, свидетельствует о том, что окончательное решение о назначении нового темника принималось монархом на основе собственного усмотрения. Во-вторых, обращает на себя внимание такая, казалось бы, безобидная фраза: «эмиры сотен, воины и население провинции... были довольны и благодарны за их хорошее обращение». То есть, поводом (как минимум, формальным) для того, чтобы лишить действующего темника его полномочий или не назначить его законного наследника на освободившийся пост могло стать недовольство этим сановником со стороны его собственных подчиненных. В самом деле, источники сохранили сведения о том, что не только темники, но в ряде случаев и тысячники могли влиять на судьбу тех или иных правителей – например, на отношения в семействе Ногай в период его противостояния с Токтой [20, с. 85–86; 25, с. 112–113].

Вместе с тем, основания для лишения темника его статуса могли быть связаны не только с отсутствием поддержки со стороны подчиненных, но и с более серьезными нарушениями: в этих условиях лишение статуса темника могло являться наказанием за совершение уголовного преступления. Так, например, ильхан Олджейту, разбирая причины мятежа в Гиляне, наказал ряд эмиров, допустивших его: кого-то приказал казнить, кого-то приговорил к телесным наказаниям, тогда как эмира Сийавуша «ради его отца простил, но отстранил от эмирата туманом отца и передал эмират [этого] тумана эмиру Чобану» [28, с. 38]. Это сообщение отчасти опровергает утверждение Б.Я. Владимирцова о том, что если хан лишал темника его статуса, то его должность передавалась его же ближайшим родственником [8, с. 402]: эмир Чобан не являлся родичем упомянутому Сийавушу. Тем не менее, родовая принадлежность имела важное значение для статуса и в ряде случаев для судьбы того или иного сановника. Так, когда несколько высокопоставленных сановников в конфликте ильхана Абу-Са'ида с вышеупомянутым эмиром Чобаном сначала приняли сторону последнего, а затем переметнулись к ильхану, он «выразил им свою обиду, отстранил и от эмирата улусом, [но] через некоторое время опять стал милостив и пожаловал им эмират их туманами» [28, с. 129]. Т.е. в данном случае также имело место понижение нарушителей в статусе, но затем они получили в управление туманы, которыми либо управляли сами до того, как стать «эмирами улуса», либо являлись наследниками их прежних темников.

Из других источников нам хорошо известно, что, несмотря на прямую привязку к военной службе, темники (равно как и предводители нижестоящих воинских подразделений – тысяч, сотен, десятков) являлись не только военачальниками, но и администраторами. Однако если в сохранившихся летописных источниках этот статус темника вытекает из контекста, то в данном случае мы имеем дело с законодательным подтверждением факта нали-

чия у него не только военных и административных полномочий. На это указывают, в частности, упоминание «населения провинции», обязанность «оберегания воинов» и осуществление суда над подвластными ему лицами («следование путем справедливости и беспристрастия»).

Сходным статусом обладали темники и в Чагатайском улусе. Командуя туменами, они могли также занимать место в государственном совете – быть «эмирами дивана», а также осуществлять другие чиновничьи обязанности (например, товачи – «инспектора войск»). А некий Хайдер Рази, командовавший туменом, даже отправлял должность везира при Тимуриде Искандаре б. Умар-Шейха [2, р. 124]. При этом должность темника передавалась по наследству, тогда назначение как на другие государственные должности происходило исключительно в индивидуальном порядке на основе волеизъявления правителя в каждом конкретном случае [2, р. 23, 39, 45].

В «Му’изз ал-ансаб» перечисляется большое число темников, находившихся в подчинении потомков Тимура – в частности, Шахруха (1407–1447) и Абу Саида (1459–1469), причем в отношении некоторых из них тут же указываются и другие их должности или обязанности, которые они отправляли при дворе или в войске своих правителей [1, с. 152–154, 172].

Характерно, что в Чагатайском улусе темники более четко, чем в других чингизидских государствах, были привязаны к определенным регионам. Так, вышеупомянутый Хайдер Рази командовал туменом Йезда, а сам эмир Тимур и его основные наследники, являясь фактическими правителями Чагатайского улуса, в то же время формально носили звание эмиров тумена своего родного Кеша [2, р. 124; 3, р. 22, 239].

Большой интерес вызывает фраза «Средства на выплату им содержания и экипировочных, прописанные в реестрах дивана, пусть ежегодно взимает с определенных для этого мест». Она подтверждает факт наличия у темников (равно как и у тысячников) икта, т.е. неких земельных владений, с которых в пользу владетеля взимались средства для содержания своего войска в надлежащем боеспособном состоянии. В качестве таких владений как правило выделялись значимые населенные пункты – кишлаки и пр., численность жителей и уровень развития которых обеспечивали бы содержания соответствующего тумена, а также разного рода «общинные владения», например, пастибища [41, р. 56].

Вопрос о наличии икта как своеобразного «феода» неоднократно рассматривалось исследователями именно на материалах Ильханата, поскольку, помимо, ярлыка темнику из «Дастур ал-катиб» в распоряжении исследователей имеется также и текст указа ильхана Газана, которыми предводители туменов и тысяч официально наделялись икта, статус которых также закреплялся в этом документе [21, с. 282–285; см. также: 2, с. 20]. С одной стороны, такие владения передавались темнику (тысячнику), который мог получать с них доход, представителям центральной администрации запрещалось вторгаться в эти владения, собирать с них налоги и привлекать к суду местных жителей [17, с. 266–268]. Однако с другой стороны, для самого темника (тысячника) также устанавливались определенные ограничения: он имел право лишь на получение с этих земель определенных денежных средств (размер которых фиксиро-

вался «в реестрах дивана»¹¹), при этом ему не позволялось менять целевое назначение пожалованных ему земель, грабить местных жителей, произвольно увеличивая возложенные на них налоги и повинности и пр. [2, с. 23; 21, с. 284] Т.е., по сути, темник (тысячник) в данном случае выступал всего лишь бенефициаром, а не полноправным владельцем такого икта: юридически эти владения оставались государственной собственностью и находились в ведении либо ханского двора, либо соответствующего дивана. Более того, как показывает одна из последних фраз в анализируемом ярлыке, темник не имел возможности даже эту четко определенную сумму целиком и полностью расходовать по своему усмотрению: «Подать, полагающуюся [для выплаты содержания] эмиру тумена и ранее направлявшуюся его предшественникам, пусть таким же образом направляют ему и его нукерам», т.е. как минимум часть этого дохода с икта непосредственно поступала подчиненным темника, которые сами за его счет обеспечивали себя конями, оружием, доспехами и пр.

Тот факт, что эта система работала и в других государствах Чингизидов, в частности – в Золотой Орде, подтверждается источниками о наличии у джучидских темников аналогичных владений. Например, вышеупомянутая «Яголдаева тьма» упоминается в источниках «с землями, водами и прибылями», благодаря которым, собственно и поддерживалась боеспособность тумена. Вместе с тем, по нашему мнению, эта особенность статуса темников не позволяет отождествить с ними баскаков (даруг) в вассальных владениях, как это попытался сделать Л.Н. Лангер: эти представители ордынской власти не имели в русских и иных вассальных землях собственных войск, которые обеспечивались бы за счет местного оседлого населения.

Любопытно, что, в отличие от ряда других должностей, ярлыки о назначении которых включены в «Дастур ал-катиб», требования к кандидату в темники в документе четко не прописаны: составитель ограничивается некими общими формулировками типа «по причине [его] заслуг», «врожденными и присущими ему качествами» и пр. Надо полагать, что качества темников считались всем известными – вероятно, по причине того, что прецедент назначения на эти должности был сформирован еще Чингиз-ханом в процессе образования Монгольской империи, когда им были назначены первые темники центра, правого и левого крыла [13, с. 161, 168; 20, с. 260 и др.].

Зато обязанности темников в ярлыке прописаны весьма тщательно, хотя, несомненно, и они должны были бы являться хорошо известными с того же самого времени. Так темнику, помимо общих обязанностей «направлять усилия на заботу о том тумене», предписывалось заниматься «пригодностью... коней» и «исправностью... оружия» своих воинов, вовремя собирать войско для выступления в поход, «чтобы... не произошло отставания». Полагаем, прописывание этих обязанностей также являлось своего рода инструментом воздействия на темников со стороны центральной власти: ведь нарушение хотя бы одного из пунктов, прямо прописанного в ханском указе давало основание для применения санкций к эмиру тумена. Неудивительно, что ханские указы темникам по отдельным вопросам давались в буквальном смысле слова «под роспись»: историки и Ирана, и Чагатайского улуса упоминают о

---

¹¹ Исследователи со ссылкой на средневековые арабские источники утверждают, что сумма зависела от численности воинов в тумене – например, при наличии именно 10 тыс. воинов темник получал со своих владений 10 тыс. динаров [39, p. 52].

том, что темники, получая распоряжения центральных властей, давали расписки об их получении и принятии к исполнению [21, с. 284; 24, с. 161]. Это еще больше повышало их ответственность перед монархами.

Причины такого отношения к темникам вполне понятны: ведь в руках такого представителя военной администрации скапливались весьма значительные властные полномочия над собственными воинами и оседлыми населением отданного ему во владение икта. Эти полномочия также весьма скрупулезно прописаны в анализируемом ярлыке: после назначения темника на основе ярлыка: «эмиры тысяч, сотен, десятков и воины того тумена, признавая его эмиром тумена, по всем упомянутым вопросам обращались к нему и не нарушали его приказов и распоряжений. Пусть всякий раз по получении от него клича..., невзирая на время суток, снаряженными и готовыми садятся [в седло] и присоединяются к нему с тем, чтобы добросовестно выполнить обязанность скорейшего вступления в битву».

Далеко не все монархи-Чингизиды были достаточно властны и энергичны, чтобы обеспечить контроль над каждым из таких темников, особенно если речь шла о «великих», упомянутых выше. Рашид ад-Дин в одном из своих частных писем весьма откровенно пишет о необходимости ограничения власти таких темников: «Намерение наше заключается в том, чтобы, удостоив его чести пожалования [со своего плеча], препоручить ему ишрафство над страной Иран от границ реки Амуйе до последних пределов Рума и берегов реки Синд и отдаленных стран Мисра и государств Большой и Малой Армении и Диар Рабий до вилайета Балджуман и крепости Уник, чтобы эмир Сутай и ходжа Таги, которые [оба] являются эмирами *тумана*, не могли бы протянуть руку узурпации и господства в этом вилайете» [19, с. 82]. Сведения о политических событиях в чингизидских государствах – Золотой Орды эпохи войн Ногай с Токтой или «Великой замятни», Ильханате 1320–1350-х гг. и др. подтверждают обоснованность беспокойства правящих кругов по поводу влияния и могущества темников.

Заключение. Подводя итоги исследования, необходимо сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани при подготовке образца ярлыка о назначении темника опирался как на персидские, так и на чингизидские делопроизводственные традиции; ярлык содержит четкую характеристику статуса темника, особенностей его полномочий в отношении собственных воинов-кочевников и подвластного ему оседлого населения. Темники обладали значительным влиянием как в пределах своих владений, так и в масштабе всей страны и особенно армии. Это заставляло центральные власти изыскивать и нормативно закреплять различные формы контроля для обеспечения их лояльности. Также нельзя не отметить, что информация, содержащаяся в исследуемом документе, подтверждает большинство сведений о статусе темников из других исторических источников, на которые опирались прежде исследователи данного института, в ряде случаев конкретизируя и систематизируя эти сведения.

Институт темника в связи с политическими катаклизмами в Улусах Хулагу и Джучи прекратил свое существование в этих государствах после их распада. В Чагатайском Улусе же он просуществовал дольше чем в других чингизидских государствах, поскольку именно здесь лучше сохранялись базовые принципы кочевой военной организации, созданные в империи Чин-

гиз-хана. В результате темники фигурируют в чагатайских источниках и при поздних Тимуридах, еще во второй половине XV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Ишеев М.Р. Темников – город темника. К истории городов «мордовских украин» в XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 629–658. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658
2. Али-заде А.А. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах (XIII–XIV вв.) // Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1942. № 5. С. 19–28.
3. Ата Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. Пер. с перс. Дж.Э. Бойла. Пер. с англ. на рус. Е.Е.Харитоновой. М.: Магистер-Пресс, 2004. 689 с.
4. Буров В.А. О сотнях, тысячах и тьме Новгородской Земли // Новгород и Новгородская земля. Вып. 7. 1993. С. 98–110.
5. Бутанаев В.Я. Тумен кыргыз в составе Монгольской империи Юань // Мир Евразии. 2008. № 2. С. 21–25.
6. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. 480 с.
7. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды. Казань: Фэн, 2010. С. 132–191.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
9. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 136 с.
10. Заплотинський Г.С. Інститут темників у формуванні державності татарських народів наприкінці XIII – першій половині XV ст. (на матеріалах мангутонгайців). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів: Б.и., 2007. 20 с.
11. Идрисов Ю.М. Тюмень на Тереке: от ордынского улуса к кавказскому княжеству // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. 2018. С. 182–192.
- 11а. История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Пер. Ш.Х. Вохидова. Алматы, 2006. 672 с.
12. Исхаков Д.М. О 17 темниках хана Узбека (по описанию Ибн Баттуты) // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 111–112.
13. Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
14. Макаров Д.В. Тьмы и «татарские места» Центральной России // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. 2010. С. 81–83.
15. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). Пер. с перс., введ. и комм. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1965. 160 с.
16. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастан ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
17. Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.

18. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
19. Рашид ад-Дин. Переписка / Пер., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М.: Наука, 1971. 500 с.
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
22. Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «Тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. 2001. С. 144–152.
23. Селезнев Ю.В. Темники Узбека (опыт статистических заметок) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. 2013. С. 221–226.
24. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
26. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
27. Ушницкий В.В. Темники и ханы из династии чингизидов в борьбе за власть в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 157–164.
28. Хафиз Абри (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.
29. Хэй-да ши-люе. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина. Публ. и комм. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
30. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ: Б.и., 2014. 387 с.
31. Чурсин Д.И. «Еголдаева тьма» и ее волости по данным исторических источников // История. Общество. Политика. 2021. № 2 (18). С. 96–119.
32. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде / Пер. сангл. Ч.И. Хамидовой и Р. Хауталы; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.
33. Busse H. Diplomatique. Perse // Encyclopedie de l'Islam. Leiden: Brill, 1991. Vol. II. P. 301–313.
34. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1951. Vol. 14. P. 496–504.
35. Cleaves F.W. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. Vol. 16. № 3–4. P. 478–486.
36. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977. 594 s., 242 Tfn.
37. Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 180 p.
38. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

39. Hope M. Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p.

40. Langer L.N. Rus' and the Mongol decimal system // Russian History. Vol. 44. 2017. No. 4. P. 515–533.

40a. Manz B.F. Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 313 p.

41. Smith J.M., Jr. Mongol Nomadism and Middle Eastern Geography: Quishlaqs and Tumens // The Mongol Empire and Its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss & D.O. Morgan. Leiden; Boston: Brill, 2000. P. 39–57.

41a. Subtelny M. E. Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran. Leyden; Boston: Brill, 2007. 411 p.

42. Vásáry I. The Golden Horde term *daruga* and its survival in Russia // Acta Orientalia Hungarica. 30. 1976. P. 187–197.

43. Vasary I. The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians // Interactions in Language and History. Bd. 105. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 141–152.

44. Wing P. The Jalayrids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East. Edinburgh University Press, 2016. 228 p.

Сведения об авторах: Ленар Фиргатович Абзалов– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>. E-mail: len_afzal@mail.ru

Марат Салаватович Гатин– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>. E-mail: marat_gata@mail.ru

Ильяс Альфредович Мустакимов– кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); старший научный сотрудник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010000, ул. К. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>. E-mail: imus2007@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев– доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (198095, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Поступила 10.05.2023 Принята к публикации 28.08.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Akchurin M.M., Isheev M.R. Temnikov: The Town of a Tümen Commander. The History of Towns of the “Mordovian Peripheries” in the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 629–658. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658 (In Russian)

2. Ali-zade A.A. On the institution of “iqra” in Azerbaijan during the Ilkhans’ period (13th–14th cc.). *Izvestiya Azerbaydzhanskogo filiiala AN SSSR* [Proceedings of the Azerbaijan Branch of the Academy of Sciences of USSR]. 1942, no. 5, pp. 19–28. (In Russian)
3. Ata-Melik Juvaini. *Genghis Khan. The history of the conqueror of the world, recorded by Ala-ad-Din Ata-Melik Juveini*. Transl. from Persian by J. E.Boyle. Translated from English to Russian by E.E. Kharitonova. Moscow: Magister-Press, 2004. 689 p. (In Russian)
4. Burov V.A. On hundreds, thousands and t’mas of the Novgorod Land. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya* [Novgorod and Novgorod Land], 1993, iss. 7, pp. 98–110. (In Russian)
5. Butanaev V.Ya. Tumen Kyrgyz in the structure the Mongol Empire Yuan. *Mir Evrazii* [World of Eurasia], 2008, no. 2, pp. 21–25. (In Russian)
6. Vernadsky G.V. *A history of Russia. Vol. III. History of Russia: Mongols and Russia*. Tver: LEAN, Moscow: AGRAF, 2000. 480 p.].
7. Veselovskiy N.I. Nogay, the khan from temniks of the Golden Horde, and his times, in: Veselovskiy N.I. *Trudy po istorii Zolotoy Ordyy*. Kazan: Fen, 2010, pp. 132–191. (In Russian)
8. Vladimirtsov B.Ya. Social system of Mongols. Mongolian nomadic feudalism, in: Vladimirtsov B.Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol’skikh narodov* [Works on history and ethnography of Mongolian peoples]. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2002, pp. 295–488. (In Russian)
9. Grigor’ev A.P. Mongol diplomacy of the 13th–15th centuries. (Chingizid diplomatas). Leningrad: Leningrad University Press, 1978. 136 p. (In Russian)
10. Zaplotins’kiy G.S. Institution of temniks and formation of state system of Tatar peoples at the end of 13th – first half of 14th c, (basing on materials of Mangut-Nogays. Abstract of Cand. Diss. L’viv: S.n., 2007. 20 p. (In Ukrainian)
11. Idrisov Yu.M. Tyumen on the Terek: from ulus of the Golden Horde to Caucasian principality. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of peoples of Russia in studies and documents], 2018, iss. 8, pp. 182–192. (In Russian)
- 11a. Vokhidov Sh.H. (transl.) The History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. III. Mu’izz al-ansab (The Glorifying Genealogies). Almaty, 2006. 672 p. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. O 17 temnikakh khana Uzbeka (po opisaniyu Ibn Battuty) [On temniks of khan Uzbek], in: *Forum «Idel’ – Altay». Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Idel’ – Altay: istoki evraziyskoy tsivilizatsii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey. Tezisy dokladov* [Forum Idel’ – Altai: Materials of the scientific-practical conference “Idel’ – Altai: origins of Eurasian civilization”, 1st International congress of medieval archeology of Eurasian steppes. Abstracts]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 111–112. (In Russian)
13. Kozin S.A. Secret History. Mongolian chronicle named as Monggol-un niguča tobči-gan. Yuan’ Chao bi shi. Mongolian ordinary collection. Academy of Sciences of USSR Press, 1941. 620 p. (In Russian)
14. Makarov D.V. T’mas and “Tatar locations” of the Central Russia]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states], 2010, iss. 2, pp. 81–83. (In Russian)
15. Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. *Stages of improvement of katibs*. Transl. from Pers. by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1965. 160 p. (In Russian)
16. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta’yin al-maratib* (Rukovodstvo dlya pisca pri opredelenii stepenej) [A Scribe’s Guide to Determining Degrees], crit. text, intr. and index by A.A. Alizade, vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Persian)
17. Petrushevskiy I.P. Agriculture and agrarian relations in Iran of 13th–14th centuries. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1960. 492 p. (In Russian)

18. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 25. Moscow annalistic code of the end of the 15th c. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1949. 464 p. (In Old Russian)
19. Rashid ad-Din. Correspondence, transl., intr. and comments by A.I. Falina Moscow: Nauka, 1971. 500 p. (In Russian)
20. Rashid ad-din. Compendium of Chronicles, vol. 2, transl. from Pers, by Yu.P. Verkhovskiy. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 248 p. (In Russian)
21. Rashid ad-Din. Compendium of Chronicles, vol. 3, transl. from Pers. by A.K. Arends; ed. by V.V. Struve. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 340 p. (In Russian)
22. Rusina E.E. Yagoldai, Yagolday's descendats and Yagolday's "T'ma". *Slavyane i ikh sosedı* [Slavs and their neighbors], 2001, iss. 10, pp. 144–152. (In Russian)
23. Seleznev Yu.V. Temniks of Uzbek (attempt of statistical notes). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. 2013, iss. 6, pp. 221–226. (In Russian)
24. Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 2. Extracts from Persian works. Collected by V.G. Tiesenhausen; ed. by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 308 p. (In Russian)
25. Tiesenhausen V.G. Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. St. Petersburg: Publ. by Count S.G. Stroganoff, 1884. 564 p. (In Russian)
26. Usmanov M.A. Granted Charters of the Ulus of Jochi of 14th–16th cc. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p. (In Russian)
27. Ushnitskiy V.V. Temniks and khans of Chinggisid family in the fight for power in the Golden Horde. in: *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»*. 17 marta 2009 g. *Sbornik statey* [Golden Horde Heritage. Materials of the scientific conference "Political and social-economic history of the Golden Horde (13th–15th cc. March 17, 2009: Collected articles)], 2009, iss. 1. Kazan: Fen, 2009, pp. 157–164. (In Russian)
28. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida»)* ["Addition to Compendium of Chronicles by Rashid"], transl. from Pers., intr., comments, notes and index by E.R. Talyshkhanov; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: YaZ, 2011. 320 p. (In Russian)
29. Hey-da shi-lyue. "Brief information about the Black Tatars" by Peng Da-ya and Xu-Ting. Publ. and comment. Lin Kyung-yi and N.C. Munkuev. *Problems of Oriental Studies*. 1960. No. 5. P. 133–158. (In Russian)
30. Cherkas B. Western domains of the Jochi Ulus: political history, administrative-territorial system, economics, owns (13th–14th cc.. Kyiv: S.n., 2014. 387 p. (In Ukrainian)
31. Chursin D.I. Yagolday's t'ma" and its districts according to historical sources. *Istoriya. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Politics], 2021, no. 2(18), pp. 96–119. (In Russian)
32. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde* [Russ. ed.: Plemennaya politika i sotsial'noe ustroystvo v Zolotoy Orde, transl. by Ch.I. Khamidovf and R. Khautala; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p.
33. Busse H. Diplomatie. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol. II. P. 301–313.
34. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. P. 496–504.
35. Cleaves F.W. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *HJAS*. 1953. Vol. 16. No 3–4. P. 478–486.

36. Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente*. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Akademiai Kiadó, Budapest 1977. 594 s., 242 Tfn. (In German)
37. Halperin S.J. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 180 p.
38. Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s. (In German)
39. Hope M. *Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
40. Langer L.N. Rus' and the Mongol decimal system. *Russian History*, 2017, vol. 44, no. 4, pp. 515–533.
- 40a. Manz B.F. *Power, Politics and Religion in Timurid Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 313 p.
41. Smith J.M., Jr. Mongol Nomadism and Middle Eastern Geography: Quishlaqs and Tumens. In: Amitai-Preiss R., D.O. Morgan (eds.). *The Mongol Empire and Its Legacy*. Leiden; Boston: Brill, 2000, pp. 39–57.
- 41a. Subtelny M. E. *Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran*. Leyden; Boston: Brill, 2007. 411 p.
42. Vásáry I. The Golden Horde term daruga and its survival in Russia. *Acta Orientalia Hungarica*, 1976, vol. 30, pp. 187–197.
43. *Vasary I. The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians. Interactions in Language and History*. Band 105. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 141–152.
44. Wing P. *The Jalayrids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East*. Edinburgh University Press, 2016. 228 p.

About the authors: Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>. E-mail: len_afzal@mail.ru

Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7698-0450>. E-mail: marat_gata@mail.ru

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Chief Research Fellow, Research Institute for Jochi Ulus Studies (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); Senior Research Fellow, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, K. Satpayev Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0052-5136>. E-mail: imus2007@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198095, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Received May 10, 2023 Accepted for publication August 28, 2023
Published September 29, 2023*

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПОРТЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПО КАСТИЛЬСКОЙ «КНИГЕ ЗНАНИЙ ВСЕХ ЦАРСТВ» XIV ВЕКА

А.Г. Еманов

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

a.g.emanov@utmn.ru

Цель: изучить локализацию и реконструировать потестарную символику портов Черного моря, подчиненных суверенной власти Золотой Орды в XIV в., и на этой основе оценить потенциал формирования золотоордынской талассократии.

Материалы исследования: кастильская «Книга знаний всех царств» XIV в., сохранившаяся в четырех списках Z, N, S и R; карты Черного моря венецианских мастеров Пьетро Веконте 1313 г. и Перрино Веконте 1321 г., майоркского картографа Анхелино Дульсети 1330 и 1339 гг.; византийские периплы Черного моря XIV–XV вв.; «Космография» Птолемея в редакции Максима Плануда около 1300 г.; EDB GIS Digital Tabula imperii byzantini.

Результаты и научная новизна: анализ кастильской «Книги знаний всех царств» впервые позволил выявить в ее составе «вексиллографический портулан Черного моря», то есть цельное описание расположения портов всего Черноморья по движению Солнца с указанием и изображением вексилл, знамен суверена, каковому подчинялись черноморские портовые города. Этим сувереном в абсолютном большинстве случаев оказался хан Узбек, в правление которого и был составлен не сохранившийся протограф этого удивительного портулана. Как названия портов, так и изображения вексилл отразили искажения географической и вексиллографической информации той эпохи, допущенные кастильскими компиляторами сохранившихся четырех списков. Предпринята попытка идентификации описанных в «вексиллографическом портулане Черного моря» топонимов и знамен, осуществлена реконструкция карты Черного моря с указанием всех портов, маршрута плавания и их потестарной символики, обозначавшей суверенную власть Золотой Орды. Итоговые наблюдения показали, что более 80% акватории Черного моря уже при хане Узбеке контролировались Золотой Ордой, которая получила редкий шанс трансформации в новую талассократию.

Ключевые слова: Золотая Орда, Черное море, порты, хан Узбек, «Книга знаний всех царств», «вексиллографический портулан», талассократия

Для цитирования: Еманов А.Г. Черноморские порты Золотой Орды по кастильской «Книге знаний всех царств» XIV века // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 611–635. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.611-635 EDN: MRUJNJ

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научно-фонда № 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

© Еманов А.Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

BLACK SEA PORTS OF THE GOLDEN HORDE ACCORDING TO CASTILIAN “LIBRO DEL CONOSÇIMIENTO DE TODOS LOS REYNOS” OF THE 14TH CENTURY

A.G. Emanov

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
a.g.emanov@utmn.ru*

Abstract: Objective: This study aims to investigate the localization and reconstruct the potestary symbols of Black Sea ports that were subject to the sovereign authority of the Golden Horde in the 14th century. Based on this analysis, the research assesses the potential for the formation of the Golden Horde's thalassocracy.

Research materials: The research draws from various sources, including the Castilian “Libro del conosçimiento de todos los reynos” from the 14th century, preserved in four copies Z, N, S, and R. Additionally, it utilizes compass maps of the Black Sea created by Venetian masters Petrus Vesconte (1313), Perrino Vesconte (1321), and Mallorca's cartographer Angelino Dulcert (1330, 1339). Byzantine periplus records of the Black Sea from the 14th to 15th centuries, Claudius Ptolemy's “Cosmography” in a revision by Byzantine monk Maximus Planudes around 1300 AD, as well as EDB and GIS data from Tabula imperii Bizantini are also incorporated.

Results and novelty of the research: The analysis of the Castilian “Libro del conosçimiento de todos los reynos” has unveiled a previously unrecognized structure: the “Black Sea's vexillographic portolan chart.” This portolan chart provides comprehensive descriptions of the locations of ports along the Black Sea coast, indicating the sovereign standards of the rulers of these port cities. In the majority of cases, the sovereign mentioned is Uzbek khan (1313–1341), under whose rule the original and now lost holotype of this remarkable portolan was compiled. Both the port names and the depictions of standards in this portolan reflect geographical and vexillographical inaccuracies of the time, as acknowledged by the Castilian compilers of the four preserved copies. By identifying the topoi and standards described in the “Black Sea's vexillographic portolan,” a reconstruction of the Black Sea's map, which includes all ports, shipping routes, and symbols of power related to the Golden Horde sovereign's authority, was achieved. The final observations indicate that over 80% of the Black Sea waters were under the control of the Golden Horde, even during the reign of Uzbek khan, offering a unique opportunity for the emergence of a new thalassocracy.

Keywords: Golden Horde, Black Sea, ports, Uzbek khan, “Libro del conosçimiento de todos los reynos”, “vexillographic portolans”, thalassocracy

For citation: Emanov A.G. Black Sea ports of the Golden Horde according to Castilian “Libro del conosçimiento de todos los reynos” of the 14th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 611–635. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.611-635 (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

XIV в. стал веком радикального изменения баланса сил в западной части Евразии, концентрировавшейся вокруг Средиземного и Черного морей. Почти тысячелетнее доминирование старой талассократии Византии [12, с. 126–138] стало стремительно падать. На смену ей пришли новые талассократии

Генуи [33, р. 215–224] и Венеции [48, р. 170–183]. К активному освоению талассосферы приступили Мамлюкский и Османский султанаты [58]. В этих изменениях до сих пор никогда не артикулировались притязания на контроль над Черным морем еще одной влиятельной силы той эпохи – Золотой Орды.

Пролить свет на этот феномен позволяет небезызвестная «Книга знаний всех царств» [56; 23, 53–564]. Ее оригинал был составлен анонимным кастильским автором из Севильи, компетентным в вексиллографии и геральдике, около середины XIV в.¹ «Книга» сохранилась в четырех списках. Наиболее ранним считается манускрипт Z из Баварской государственной библиотеки в Мюнхене (Cod. Hisp. 150) [55], относящийся к середине XV в.² Следующей по возрасту признается рукопись N из Национальной библиотеки Испании в Мадриде (Ms 9055) [56], датируемая серединой – второй половиной XV в.³ Последние два списка S и R – из Национальной библиотеки Испании (Ms 1997) [54] и Библиотеки Университета Саламанки (Ms 1890) [46] – были выполнены в конце XV в. Рукопись Z, названная по инициалу фамилии первого известного владельца – испанского хрониста и библиофила Херонимо Цуриты (1512–1580), была самой короткой, 20 листов, включала 97 гербов. Рукопись N, напротив, была самой пространной – 67 листов, содержала 110 изображений, в том числе гербы всего известного тогда мира от Британии – до Китая, правда ряд гербов остались в виде пустых контуров, без какой-либо эмблематики.

Сама «Книга» вызывает в последние годы повышенный интерес специалистов по глобальному Средневековью. Одни ученые подчеркивали инструментальное назначение этого компендия, выступавшего своего рода руководством для мореплавателей, купцов и путешественников, отправлявшихся в заморские страны [37]. Другие отмечали ошибки в указываемых маршрутах, сбои в пространственной ориентации [51] и, как следствие, невозможность пользоваться подобным текстом как лоцией или дорожником, поскольку он мог завести «в никуда». Третьи видели главную особенность рассматриваемого описания мира в прорисовке знамен и гербов над городами и землями и, стало быть, угадывали стремление компиляторов снабдить путника надежным политическим указанием о принадлежности мест плавания и передвижения тем или иным государям [57]. Но здесь тоже нередки были анахронизмы, неопределенность, смешение вексиллографических и геральдических данных во времени и пространстве по сравнению с реальной ситуацией. Чет-

¹ Датировка прототипа определяется по сообщению о смерти “Benascayt in[er]ador de Persia”, а именно: ильхана Абу Саида (1305–1335), по правлению неоднократно называвшегося “Vxbeto in[er]ador de Sara”, то есть Хана Узбека (1313–1341), по упоминанию битвы при Рио-Саладо 30 октября 1340 г. между христианским войском под руководством короля Португалии Афонсу IV и короля Кастилии Альфонсо XI и мусульманской армией, возглавляемой султаном Марокко Абу аль-Хасаном Али I и эмиром Гранады Юсуфом I ибн Исмаилом, а также сражения при Кайруане 10 апреля 1348 г. между уже называвшимся султаном Марокко и ибн Деббусом Абу Хамму Муссой [51, р. 140–141].

² Датировку списка Z позволяет уточнить упоминание “Merlin[us] Tharthar[us]”, то есть основателя державы Тимуридов Тамерлана (1336–1405) [55, fol. 16r], и изображение герба Кастилии с замками и львами, каковой был утвержден только при Хуане II (1405–1454) (fol. 2r).

³ На дату списка N указывает изображение щита с щитодержателями-ангелами, употреблявшегося испанским поэтом и библиофилом Иньиго Лопесом де Мендоса (1398–1458) [56, fol. 1r].

вертые склонны были заключать о намерении составителя создать полную сумму знаний о правителях тогдашнего света [68], включая только открывавшиеся страны Центральной Азии и Дальнего Востока, этакую «образную энциклопедию мира». Но и тут часто встречались немыслимые лакуны и провалы. Есть попытки рассматривать подобный текст как самый ранний опыт трактата по вексиллографии [66], когда автор, по сути, едва ли не первый вексиллограф, должен был работать с разными источниками, морскими картами Пьетро и Перрино Веконте [63; 64], Анхелино Дульсети [45; 50]⁴, где встречались знамена, создать язык их словесного описания, наподобие блазонирования в геральдике. Последующие компиляторы, также выступавшие вексиллографами и геральдистами, вносили коррективы, делали добавления, обращаясь к морским картам братьев Франческо и Доменико Пиццигани 1367 г., атласам мира, предшествовавшим «Каталанскому атласу» 1375 г. Здесь вексиллограф, сталкиваясь с описанием далеких восточных стран, которые могли и не знать практики использования знамен, вынужден был самостоятельно конструировать вексиллы по правилам европейской культуры. Тем самым происходило «интеллектуальное присвоение» европейцами не известного прежде пространства Востока.

В реальности «Книга знаний всех царств» представляет собой гибридный мультитекст, в котором могут быть выявлены и портуланы⁵ отдельных морей, и нарративы о морских плаваниях, или сухопутных путешествиях, и этнографические досье, и словесные хорографии, созданные, словно бы, в результате созерцания земли с высоты птичьего полета, и эсхатологические страхи и даже предвосхищение утопии.

Из названной «Книги» (кроме раннего списка Z) вполне может быть выделено цельное описание Черного моря, которое, определенно, сконструировано по образцу итальянских лоций [52, S. 418–420] и византийских периплов [41, р. 230–239] с той же логикой кругового плавания по движению Солнца. И этот вполне самостоятельный текст может быть определен как «вексиллографический портулан Черного моря».

Почти все названия пунктов причаливания или якорной стоянки во время плавания сопровождалось указанием их городского статуса, которые могут быть иерархически упорядочены.

---

⁴ После работ научного сотрудника Исторического музея Барселоны Рамона Пухадес и Батайе данные карты атрибутируют не генуэзскому картографу из лигурийского рода Даль Орто, а майоркскому мастеру из каталанской фамилии Дульсети, а также датируют первую его карту не 1325 г. а 1330 г. [65, р. 491, sq.].

⁵ Портуланы неоднозначно оцениваются исследователями. Игорь Фоменко, старший научный сотрудник отдела картографии Государственного исторического музея, понимает под таковыми морские карты с указанием портов, гаваней, пристаней. Ирина Коновалова, заведующая отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, настаивает на ином определении портулана как текстового описания навигационных условий, как словесного приложения к картам [22; 11, с. 421–536].

Табл. 1. Иерархия черноморских портов Золотой Орды
по «Книге знаний всех царств» XIV в.

Tabl. 1. The Hierarchy of Black Sea ports of Golden Horde according to
the “Libro del conocimiento de todos los reynos” of the 14th century

Высшее место занимали “cabeças”, столицы, под каковыми подразумевались главные города царств, княжеств, находившиеся на побережье Черного моря и в своем абсолютном большинстве подчиненные Золотой Орде. Этот же статус по умолчанию мог распространяться и на те приморские топонимы, которые одновременно являлись и названиями царств или княжеств Причерноморья. На втором месте находились “ciudades”, города, как правило, выступавшие административными центрами крупных территориальных образований тех же царств или княжеств – провинций и областей. На третьем месте оказывались “tierras”, земли, занятые заметными урбанистическими поселениями, порой без видимой фортификационной границы. На четвертом месте помещались “castros”, крепости, окруженные крепостными стенами с башнями, валами и рвами; на пятом – порты, имевшие молы, причалы и пирсы, на шестом – замки, резиденции приморских землевладельцев, совмещавшие в одно архитектурное целое крепостные стены, башни, рвы, подъемные мосты, жилые и различные служебные помещения.

Обозначение городских центров сопровождалось описанием знамени суверена по стандартной модели: «белое знамя с пурпурными знаками, как у Узбека» [56, р. 102]. В этом состояла самая значительная новация анализируемого текста.

Компилятор «вексиллографического портулана Черного моря» описал плавание по кругу береговой линии, начиная от пролива Босфор вдоль западного побережья, затем огибая выступавший на Севере Крымский полуостров, обозначенный «мысом Готия», далее проходя через Керченский пролив в Азовское море, отмеченное как «море Таны», потом вдоль восточного побережья, поворачивая к южному берегу и возвращаясь обратно к Босфору (Рис. 1).

Ближайшая от Константинополя, не известная медиевистам область «Lodomago»⁶ обозначена царством, правитель которого пользовался в качестве знака отличия тем же знаменем, что и греческий император, то есть имел «пурпурное знамя с золотым крестом и четырьмя золотыми светцами» [54, fol. 43v]⁷. Компилятор неплохо ориентировался в географии Греции и Византии, в чем он, определенно, опирался на «Космографию» Птолемея. После тысячелетнего забвения она была открыта на рубеже XIII–XIV вв. византийским монахом Максимом Планудом (1260–1305), который перевел ее с древнегреческого языка на латинский, обновил некоторые топонимы, например, «Византий» назвал «Константинополем», снабдил ее заново составленной картой. Если отталкиваться от птолемеевой «Космографии», то самым крупным морским пунктом между Константинополем и Месемврией была Apollonia Magna [40, fol. 74r]. Дабы актуализировать это доставшееся от античности название, составителю «вексиллографического портулана Черного моря» пришлось сверяться с актуальными морскими картами Пьетро Веконте [64, fol. 4], где он сбился, ложно совместив с топосом Lodonauici. Так возникла странная кентаврическая форма, в которой отголоски прежнего древнего имени отозвались лишь в слогах “lo” и “mag”. В реальности, это был Созополь (современный Созопол), средневековый правопреемник древней Аполлонии Понтийской Великой, являвшийся яблоком раздора между Болгарским царством и Византийской империей, и в этот спор вмешивались то хан Узбек в 1324 г., то венецианский флот в 1352 г., то крестоносцы во главе с графом Амедем VI Савойским в 1366 г. В 1304–1322, 1331–1366 гг. город, определенно, принадлежал Болгарскому царству, признававшему с 1242 г. верховную власть Золотой Орды. Он был центром деспотата Загоры [43]. Компилятор указал над ним знамя Византии, что соответствовало действительности только для коротких промежутков времени: 1323–1330, 1367–1396. В остальные годы, вплоть до османского завоевания 1396 г., над городом должно было реять знамя с золотоордынскими символами власти.

⁶ Роман Хаутала, доцент департамента истории Университета Оулу (Финляндия), оставил этот темный топоним без комментариев [23, с. 553]; Кирил Ненов, старший научный сотрудник Института истории Болгарской академии наук, по географическим критериям допустил идентификацию этой земли либо со Станиера, либо с Созополем, а по лингвистическим основаниям с южным рукавом в дельте Дуная, названным на морских картах “Iodonogo” [61, p. 105].

⁷ Между лопастями креста были размещены не «четыре золотых звена цепи» [23, с. 553] и не четыре золотых греческих буквы “β”, а четыре золотых светца, типично византийских приспособления, держателя лучин, дававших свет (πυρεκβόλον). Именно поэтому указанные знаки размещались на карте Дульсети 1339 г. [45, fol. 1] и в списке N [56, il. LXXXII] в горизонтальной плоскости, как подобало устанавливать подобные держатели. Только позднее, уже в XV в. отмеченные знаки станут размещаться в вертикальной плоскости, как в гербе Византии из небезызвестного «Бергсхаммерского гербовника» [36], бесстрастного свидетеля Ферраро-Флорентийского собора 1438–1442 гг., и в списке S [54, fol. 43v]. И в этом действе эти четыре символа духовного света спасения превращались еще и в четыре буквы “β”, которые понимались как свернутая формула византийской пантократии: “βασιλεὺς βασιλέων, βασιλεύων βασιλευόντων” (василевс василевсов, василевствующий над василевсами) [32, p. 5–59; 62, p. 153–170].

Следующим пунктом плавания выступала Месемврия. Она отмечалась как центр одноименного княжества [54, fol. 43v–44r]⁸. Месемврия часто переходила из рук в руки, вначале от Болгарии – к Византии, а потом от Византии – к Турции, при этом, пережив нападение генуэзского флота в 1351 г., захват крестоносным войском Амедея VI Савойского в 1366 г., став его резиденцией. Она, определенно, принадлежала Болгарии в 1304–1322, 1325–1329, 1331–1366 гг. и, стало быть, признавала верховенство Золотой Орды. Город входил в состав выше названного деспотата Загоры, был одной из его резиденций, главным портом Болгарии, располагавшей военным флотом в 25 галер [43]. Составитель «вексиллографического португала Черного моря» воздержался от блазонирования знамени Месемврии, невольно полагая, что таковое должно было соответствовать византийскому образцу, что отражало реалии лишь нескольких лет 1323–1324, 1330–1331, 1367–1396 гг. Большую же часть XIV в. над городом должно было развеяться знамя с джучидской тамгой.

После Месемврии наступал черед корабельной стоянки в Варне [54, fol. 43v]⁹, древнем «городе на сваях», около источника минеральных вод [5, II, с. 30–31], однако без каких-либо дополнительных индикаторов, как будто составитель «вексиллографического португала Черного моря» не располагал более точными данными. В реальности Варна была потеряна Византией еще в ходе Четвертого крестового похода и, как оказалось, навсегда. Она вошла в состав царства Болгарии, признававшего верховный суверенитет Золотой Орды. С 1322 г. Варна сделалась центром Карвунского княжества, где на основе слияния потомков болгар, баджнаков, кипчаков, огузов формировалась народность гагаузов, стремившихся к обособлению. С 1386 г. Варна стала столицей Добруджанского деспотата с гагаузской династией, добившейся отделения от Болгарии, но оставшейся под доминирующей властью Орды. В 1391 г. была завоевана османами [43]. По идее, Варна должна была обладать тем же белым знаменем с красной тамгой.

Следующая остановка делалась в порту дунайской дельты – Вичине [54, fol. 44r]¹⁰. Этот центр характеризовался как большой город и даже столица. С 1242 г. Вичина была завоевана монголами, являлась зимней ставкой улуса Могола. В 1265 г. на ее месте беклярбек Ногай (1230–1299) установил свою самую известную резиденцию Сакча (Исакча), где начал чеканить серебря-

⁸ Транскрипция топонима "Mesember" позаимствована с морской карты Пьетро Веконте 1313 г. [64, fol. 4], либо Анхелино Дульсети [45, fol. 1]. Разночтение "Menseber" в списке N обнаруживает близость с греческим написанием "Μεβεβρία" византийских периплов [41, р. 230] как воспоминание о фракийском «городе Мены», названном в память о легендарном основателе.

⁹ Форма написания "Varna" взята из византийских периплов – "Βάρνα" [41, р. 230], встречалась на испанских картах XV в. [5, II, с. 30–31].

¹⁰ Кастильская запись названия "Vecina" представляет собой транслитерацию греческого написания "Βετζίνα" [41, р. 231] с византийской огласовкой «Ветзина», максимально близкой кастильской фонетике этого топонима – «Весина». Идентификация позднесредневековой Вичины вызывает самую острую дискуссию среди специалистов: ее отождествляют то с Мачином [44, р. 45], то с Никулицелом [38, р. 30], то с Махмудией [39, р. 35–91], то с Исакчей [49, р. 530–531], то с Пэкуйул луй Соаре [42, р. 2311–2316]. Наиболее убедительной с точки зрения гидрогеографической, археологической и исторической аргументации представляется идентификация средневековой Вичины с современной Исакчей [35, р. 99–104; 5, I, с. 421–422].

ную и медную монеты. Данга Сакчи выпускалась и в дальнейшем при сыне Ногая Чаке и после его смещения при Тулак Буке, сыне Токты (1291–1312) [2, с. 3–31; 19, с. 745–747]. Сегодня известны эмиссии этого двора времен хана Узбека [9, с. 59–66]. Казалось бы, статус этого города как столицы западного улуса Золотой Орды был бесспорен. В списке R, действительно, над Вичиной помещалось уже известное белое знамя с тамгой Золотой Орды, которое еще составителем протографа было скопировано с морской карты Дульсети [45, fol. 1]. Но компилятор списка N предпочел отказаться от слепого копирования, опереться в отсутствии альтернативных источников на визуальные свидетельства информаторов, совершавших плавание в дунайскую дельту, и поместить над городом белое знамя с белым крестом в пурпурном квадратном поле [56, il. LXXXIV]. Это же изображение вошло в список S [54, fol. 44r]. Подобное знамя указывало на другой субъект политических отношений в регионе – Добруджанский деспотат, основанный Балык беом (1325–1347) и достигший наибольшего влияния со своим собственным флотом в полтора десятка военных галер при Добротице (1347–1385). Его этнической основой выступали гагаузы, тюркоязычный народ христианского вероисповедания. Должно быть, информаторы составителя списка N во время реального плавания к Вичине видели на кораблях этого порта подобные флаги. Только поэтому он смог дать первое письменное свидетельство самостоятельного знамени Добруджи, нигде не находящего аналогий. Конечно, нужно понимать, что Добруджанский деспотат, отделившись от Болгарии, стал своеобразной буферной зоной между Болгарским царством и Золотой Ордой, оставшись в ее сфере политического господства вплоть до османского завоевания 1395 г. [43; 13, с. 260–261].

Вслед за Вичиной мореходу надлежало остановиться в бухте Днестровского лимана, где располагалась «Черная крепость» – Маврокастро [54, fol. 44r]¹¹. В 1239 г. город был занят монголами, вошел в улус Могола, при Ногае сделался одной из его резиденций, получив наречение «Акча-керман», «Белая крепость». В царствование Теодора Святослава (?–1322) он подчинился Болгарии, но в правление хана Узбека вновь оказался в прямом подчинении Золотой Орды [67, р. 45–59], где начал функционировать новый монетный двор. Известны данги Акча-кермана с титулом и именем Узбека [4, с. 109–110]. В 1362 г. эта морская крепость стала опорным пунктом Молдавского княжества, снова поменяв наименование – «Четатэ Албэ», «Белый город» [39], вплоть до вторжения османов 1484 г. Для большей части XIV в. этот город должен был пользоваться знаменем с золотоордынской тамгой.

¹¹ Фиксация названия “Mauro castro” скопирована с карты Анхелино Дульсети 1339 г. “Ma[u]g[o] Ca[stro] (Dulcert), является латинской калькой с греческого Мауро кастров византийских периплов [41, р. 232]. Для греков Византии эта приморская крепость находилась на Севере и потому называлась «Черной» [15, с. 240]. Для половцев и для позднейших татар она размещалась на Западе, который в цветовой картине мира соотносился с белым цветом [15, с. 482], вследствие чего та же самая крепость именовалась «Ак-либа», «Акчакерман», то есть «Белая», а у турок – «Аккерман», опять же «Белая крепость», у русских – «Белгород», современный Белгород Днестровский, у венгров – «Фехервар», у немцев – «Вайсбург» с тем же значением «Белая крепость» [5, I, с. 390–392; 8, с. 208–209].

Затем следовал заход в Бугский лиман, где размещался порт Бо [54, fol. 44r]¹², или иначе «Бычий порт», где к пирсам подходили специальные широкие суда – тариды, на которых по морю перевозились быки и коровы, а также лошади с использованием полотняных стропов на крюках. Порт был захвачен монголами в 1241 г., первоначально входил в улус Курумши, в правление хана Узбека оказался в прямом подчинении Золотой Орды [16, с. 46–63]. В 1362 г., после победных походов литовского князя Ольгерда (1345–1377) на Орду на него распространилась власть Великого княжества Литовского [34]. Вплоть до этого времени порт Бо, со всей очевидностью, входил в орбиту Золотой Орды, и над ним, по праву, должно было возвышаться знамя с тамгой Джучидов.

Далее мореплаватель пересекал Днепровский лиман и оказывался в Тендровском заливе, бросая якоря в бухте города Пидеа [54, fol. 44v]¹³. Составитель «вексиллографического портулана Черного моря» аттестует его не просто как “ciudad”, а как “cabeça”, «столица». Ключ к пониманию, какой же столицей была Пидеа, дает морская карта Анхелино Дульсети 1339 г., основной источник рассматриваемого портулана. Там названа Алания [45, fol. 1]. Речь шла о «стране Ас» Абу-л-Фиды (1273–1331) и ал-Калкашанди (1355–1418) (6, с. 272, 291–292), охватывавшей западный Крым в центре с Кырк-Ером и прилегавшие территории левобережных низовьев Днепра, населенной потомками алан, кипчаков, понтийских греков и татарами. Город входил с 1242 г. в состав улуса Мауци / Мункеура [21, с. 527–528], а со времен правления Узбека прямо подчинялся Золотой Орде. При Витовте (1392–1430) была попытка расширения власти Великого княжества Литовского на эти земли [59, р. 188–190], но город остался в Крымском тумене. По свидетельству составителя портулана, правитель этого города пользовался тем же знаменем, что и Узбек, потому что был его вассалом [54, fol. 44v].

Уже Тендровский залив со множеством мелей и подводных камней создавал серьезные испытания для мореплавателей. Но опасностикратно возрастали, когда моряки попадали в Каркинитский залив, памятный в Средние века как «залив мертвых» [20, с. 81–83], поскольку корабли там часто терпели крушения. По сути, пройти по нему могли только местные моряки на судах со сравнительно небольшой осадкой, или с помощью местного лоцмана. Как

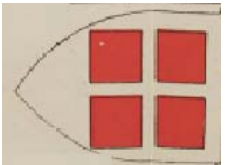

¹² Формат записи топонима “puerto de lo Bo” представляет собой слегка искаженное заимствование с морской карты Дульсети 1339 г. – “porto de bouo” [45, fol. 1], то есть «бычий порт». Этот порт находился рядом с современным селом Парутино Очаковского района Николаевской области Украины, где археологами были выявлены культурные слои древней Ольвии, а также средневекового поселения [5, I, с. 374–376].

¹³ Транскрипция названия стандартна – “Pidea”, но скопирована скорее всего не с карт Весконтте, а с карты Дульсети, где это название выделено красными чернилами как очень важный порт. Средневековая Пидеа находилась на месте современного Заливного порта Скадовского района Херсонской области. Там сохранились остатки железной пристани, ушедшей под воду [5, I, с. 352–353]. Название “Pidea” производно от греческого “Πῖδος”, указывавшего на хвойный бор; из сосны и ели в Средние века делали весла для галер. Этот порт был важен для восполнения сломанных весел, которых за одно плавание обычно ломалось до 1/3. Борис Черкас, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии Украины, склонен считать Пидеа кочевой ставкой беклярбека и темника Мамая (1335–1380), одним из подвижных центров Мамаевой Орды, отождествляет с археологическим городищем Большие Кучугуры [25, с. 174].

раз там находилась следующая стоянка – порт Никропилы [54, fol. 44v]¹⁴. Политическая судьба этого порта такова же, что и Пидеа: он принадлежал тюркизированным аланам и татарам, подчинялся Золотой Орде.

Табл. 2. Черноморские порты Золотой Орды
по «Книге знаний всех царств» XIV в. (Список S)

Tabl. 2. Black Sea ports of Golden Horde according to the “Libro del
conosçimiento de todos los reynos” of the 14th century (Copy S)

№	Порт	Статус	Блазон	Знамя
1	Lodomago / Созополь (Созопол)	tierra	vn pendon bermejo co[n] vna cruz de oro e q[ua]tro eslabones de oro desta man[er]ia	
2	Mesenber / Месемврия (Несебыр)	cabeça		
3	Varna / Варна			
4	Vesina / Вичина (Исакча)	gra[n]d ciudad, cabeça	vn pendon bla[n]co co[n] estas señales bermejas	
5	Mauro castro / Маврокастро (Белгород Днестровский)	castro		
6	Puerto de lo Bo / Порт Бо (Бугский лиман, с. Парутино)	puerto		
7	Pidea / Пидеа (Тендровский залив, с. Зализный порт)	ciudad, cabeça	tales señales como Vxleto por q[ue] es su vasallo	
8	Nigropila / Никропилы (Каркинитский залив, г. Скадовск)	puerto		
9	Materga / Матрега (станция Тамань)	ciudad		

¹⁴ Транскрипция названия залива “nigropila” воспроизводит топонимический образец с морской карты Дульсети 1339 г. [45, fol. 1]. Средневековый порт Никропилы соотносится с современным городом Скадовск Херсонской области, там с давних времен находилась пристань крымских татар Али-Агок, то есть «тихая пристань» [5, I, с. 347–349].

10	Comania / Комания (п.г.т. Кирилловка Запорожской обл.)	<i>cabeça</i>	pendones blancos co[n] señales bermejas como las de Vxleto	
11	Canardi / Кабарди (Таганрог)	<i>cabeça</i>	pendones blancos co[n] señales bermejas como la de Vxleto	
12	Tana / Тана (Азов)	ciudad <i>cabeça</i>	pendones blancos co[n] señales bermejas como la de Vxleto	
13	Aguasaxia / Авогасия (п.г.т. Цандрыпш Абхазии)	<i>cabeça</i>		
14	Pesonta / Песонта (Пицунда)		imperio de Vxleto	
15	Sa[n]t estropoli / Савастополь (Сухум)	<i>cabeça</i>	vn pendon bermejo co[n] una mano bla[n]ca tal	
16	Faxa / Фассо (Поти)			

После Никропил морской путь естественным образом выходил к Крымскому полуострову и должен был его обогнуть. Действительно, в рассматриваемом «вексиллографическом портулане» сообщалось о плавании вокруг Готии, каковая определялась как «мыс», но коль скоро «с одной стороны ее окружало Великое море (Черное – А.Е.), а с другой – море Таны (Азовское – А.Е.)» [54, fol. 44v], то таким образом обозначался весь полуостров Крым. Ни одной остановки во время плавания вдоль крымского побережья не было сделано, поэтому не возникло повода поведать о крымских портах и их знаменах. Единственный топоним «Готия» был позднего происхождения. Знакомые компилятору разбираемого портолана «Космография» Птолемея [40, fol. 73r, map. 11], морские карты Весконтэ [64, fol. 4] и Дульсети [45, fol. 1] его не употребляли. Его можно отыскать в морском атласе венецианского мореплавателя и картографа Андреа Бьянко 1436 г. [29, fol. 7r, tav. 6]. Но составителю протографа столь поздний атлас не мог быть известен. Вероятнее всего, он обращался к поэтическому «Роману об Александре» Псевдо-Каллисфена. Александров эпос активно разрабатывался в раннее средневековье в Византии, был переведен на латинский язык в X в., а в XIII в. – на кас-

тильский. С середины XIV в. текст стал снабжаться изображениями и картами. Как раз там помещалась карта мира с искомой Готией [53, р. 276]. Сам «готский пассаж» вписывался в контекст мифа о заточении Александром Великим демонических народов Гог и Магог за неприступными скалами неподалеку от Каспийского моря. В сценариях конца времен этим народам отводилась роль выхода на свет и уничтожения человеческого рода. Монголы, новая опасность для Европы с первой трети XIII в., прямо понимались как народ Магог, а забытые к тому времени готы вдруг вызвали аллюзию на народ Гог. В реальности Готия – западная часть Крымского полуострова, была населена горнокрымской народностью, сложившейся в результате ассимилятивно-диссимилятивных процессов среди потомков готов, понтийских греков, кавказских алан, тюркоязычных хазар, печенегов, кипчаков и татар, оформилась в княжество Феодоро еще в XIII в. В конце того же столетия признала власть татар [1, с. 493–512], но одновременно находилась под суверенитетом Трапезундской империи, вследствие чего на ее знамени должен был красоваться двуглавый орел [30, 179–218].

Минуя Крым, мореплаватель вышел в не названный, но легко определяемый Керчь-Еникальский канал, отделявший Крым от Тамани, и остановился на азиатском побережье в Матреге [54, fol. 44v]¹⁵. Этот приморский центр позиционировался как город. В действительности, он был столицей адыгейского княжества Хытук в XIII–XV вв., населенного адыгами, каковых по-гречески и по-латински называли «зихами», по-тюркски и по-татарски «черкасами», а по-русски «касогами». Само слово «хы» у адыгов означало море [24, с. 51–52]. Они на самом деле были смелым морским народом, строили легкие, быстрые суда – «камары», покрытые навесом и способные без разворота, только лишь посредством переключивания весел двигаться как вперед, так и назад. Княжество Хытук находилось под суверенитетом Золотой Орды, и компилятору портулана даже не было надобности подчеркивать наличие у города Матреги знамени с джучидской тамгой.

От Матреги корабль брал курс на Команию [54, fol. 44v]¹⁶, портовый город на полуострове между Утлюкским и Молочным лиманами на западном побережье Азовского моря. Комания являлась центром одноименного региона, названного в портулане «царством» и населенного кипчаками, которых по-латински называли «команами», по-гречески – «куманами», по-венгерски – «кунами», а по-русски – «половцами». Информаторы снабдили составителя портулана очень важным уточнением о христианской вере местных кипчаков [54, fol. 44v]. В 1239 г. Комания была завоевана монголами, стала активно заселяться татарами, превратилась в улус Дешт-и Кипчак. В результате адми-

¹⁵ Форма написания топонима в списке N – “Matrega” [56, р. 103] – полностью тождественна названию морского порта на Таманском полуострове на карте Дульсети 1339 г. [45, fol. 1]. Матрега соотносится с современной станицей Тамань Темрюкского района Краснодарского края. Там археологически выявлены слои древнегреческой Гермонассы, византийской Таматархи, хазарского Самкерца, русской Тмутаракани, средневековой адыгейской Темени [5, I, с. 259–262].

¹⁶ Запись названия “Comania” воспроизводит образец написания на карте Весконте [64, fol. 4]. На карте Дульсети название города записано красными чернилами “Cumania”, обнаруживая греческое влияние [45, fol. 1]. Комания отождествляется с нынешним поселком городского типа Кирилловкой Мелитопольского района Запорожской области. На ее месте археологически выявлен золотоордынский слой [5, I, с. 341–342].

нистративных преобразований хана Узбека Дешт-и Кипчак стал одним из десяти улусов во главе с улусбеком / эмиром. Границы улуса простирались от Перекопского перешейка – до правобережья Волги [14, с. 18–19]. Составитель портулана отметил использование его правителем такого же знамени, как у Узбека [54, fol. 44v].

Из Комании определялся пеленг на маяк в Таганрогском заливе, где делалась остановка в порту Кабарди [54, fol. 44v]¹⁷. Это название одновременно распространялось и на княжество адыгов, но таковое находилось на Кавказе с центром в городе Тютяков / Деяков (Верхний Джулат) и входило в улус Джулат, где была ставка хана Узбека [24, с. 55]. Портовый же город Кабарди на берегу Таганрогского залива был обязан своим возникновением одному из адыгских родов, говорившему на кабардинском языке и принявшему участие в аланской миграции на Запад. Этот город входил в улус Дешт-и Кипчак и обладал тем же знаменем с ордынской символикой.

Из Кабарди совершался морской переход в устье Дона, в крайний восточный пункт всего плавания – порт Тану [54, fol. 44v]¹⁸. Она определялась не просто как город, но как царство, точнее подразумеваемая его столица, населенная тюрками и татарами. На самом деле, Таной называлась северная часть Азака, занятая латинянами, а сам Азак, где жили не только кипчаки и татары, но и греки, зихи, евреи, был центром Азакского улуса в 1330–1360 гг. Этот город был замечателен традициями строительства цигут, небольших судов с малой осадкой, легко преодолевавших мелководье Азовского моря [10, с. 49]. С правления хана Токты началась эмиссия серебряных данг Азака, которая приобрела гораздо большие масштабы при хане Узбеке [17, с. 21]. Составитель портулана отмечал, что земля Таны пользовалась белым знаменем с алыми знаками, как у Узбека, поскольку находилась в вассальной зависимости от него [54, fol. 44v]¹⁹.

После Таны предпринимался разворот назад, брался курс на Керченский пролив, без какой-либо остановки на восточном побережье Азовского моря. Выйдя из Керченского пролива, корабль направлялся вдоль кавказского берега Черного моря и останавливался на рейде порта Авогасии [54, fol. 44v]²⁰ в

¹⁷ Транскрипция этого названия не находит соответствия ни на картах Весконте и Дульсети, ни в каких других навигационных пособиях той эпохи, содержит явную ошибку – “Cnapardi” вместо стандартной записи “Cabardi”, что является следствием его передачи со слуха. Средневековый порт Кабарди находился на месте современного города Таганрога Ростовской области. Там археологически выявлены слои древнеэллинской колонии Кремны, поселений скифов, сарматов, хазар, славян, касогов, кипчаков и татар. Там находился старинный маяк [5, I, с. 314–315].

¹⁸ Транскрипция названия “Tana” – стандартна, встречается на картах Весконте, Дульсети (Vesconte; Dulcert). Средневековый портовый город Тана отождествляется с современным городом Азов Ростовской области. На его месте в ходе археологических раскопок выявлены остатки древнего боспорского Паниардиса, половецкого Азака [5, I, с. 293–295].

¹⁹ На карте Дульсети 1339 рядом с топонимом красными чернилами “Tana” изображены крепостные стены с башней, и над башней помещено белое знамя с красной тамгой [45, fol. 1].

²⁰ Формат записи топонима в списке S – “Aguasaxia” не находит аналогов в морских картах, представляет собой искаженную передачу названия “Avogasia” (Vesconte), воспринятого на слух. Средневековая Авогасия отождествляется с современным поселком городского типа Цандрыпш (груз. Гантиади) Гагрского района Абхазии [5, I, с. 217–218].

устье реки Хашупсе. То же название закреплялось и за провинцией. Это была историческая область Абхазия, когда-то являвшаяся Абхазским царством, но с X в. ставшая составной частью Абхазо-Грузинского, или просто Грузинского царства [26, с. 12]. Оно подчинялось Золотой Орде, поэтому совершенно справедливо компилятор подчеркивал, что Авогасия находилась под знаменем с символами власти Узбека [54, fol. 44v].

Вслед за этим корабль выходил к мысу Пицунда и приставал к причалам одноименной гавани [54, fol. 44v]²¹. Это место выделялось сосновыми лесами, хорошим опытом строительства морских судов – хомалди, ходивших под парусом и на веслах. Пицунда была представлена как принадлежавшая империи Узбека. В реалиях Кавказа того времени это был порт Абхазо-Грузинского царства, зависимого от Золотой Орды. Поэтому белое знамя с тамгой Джучидов там вполне ожидаемо.

Дальнейшее плавание выводило к знаменитому порту Савастополь [54, fol. 44v]²², прославленному миссией апостола Симона Зилота (Канаита), христианского просветителя народов Кавказа. Он позиционировался как “*teynado*”, царство, подразумевая столичный статус города, населенного православными куманами и евреями, должно быть, потомками хазар, перешедших из иудаизма в православие. Он на самом деле являлся центром Цхумского эриства, а с первой половины XIV в. – главным портом Одишского (Мегрельского) мтаварства, летней резиденцией правителей Грузинского царства [26, с. 18–19, 31], признававшего суверенитет Золотой Орды. Между тем, компилятор «вексиллографического портулана» не спешил поместить над городом знамя с ордынской тамгой, и даже удержался от копирования грузинского знамени с красным крестом и четырьмя малыми красными крестами между его лопастями из морской карты Анхелино Дульсети [45, fol. 1], а предпочел изобразить пурпурное знамя с белой левой ладонью, идущей от сердца и поднятой к Богу. Подобный знак указывал на молитвенное обращение к святому заступнику, выражал искренность и силу веры, подчеркивал отсутствие зла и присутствие благодати. По «Житиям» византийского монаха Епифания (IX в.), известно, что в Савастополе апостол Симон Зилот крестил народы Кавказа и неподалеку от города принял мученическую смерть [47, col. 222–223]. В иерархии святых заступников едва ли в этом регионе можно найти более весомую фигуру. Должно быть, подобную визуальную информацию составитель протографа получил от понтийских мореходов, посещавших Савастополь.

²¹ Письменная фиксация названия города в списке S – “*Pesonta*” не находит соответствий в известных морских картах позднего средневековья. Скорее всего, она передавала изустное озвучивание. Стандартизованное написание “*Rezonda*” встречается на карте Дульсети 1339 [45, fol. 1]. Средневековая Пицунда сохранила преемственность с нынешним городом Пицунда Гагрского района Абхазии. На этом месте археологами выявлены следы античного порта Питиунт (от др.греч. Πιτυοῦς, сосновый), византийского Сотирополя, средневековой абхазской крепости [5, I, с. 213–214].

²² Написание этого топонима – “*Sa[n]t estropoli*” заметно отличается от общепринятого: “*Sauastopoli*” [45, fol. 1], что говорит о записи со слов моряков, ходивших в том регионе. Средневековый Савастополь отождествляется с современным Сухумом, столицей Абхазии; на его месте выявлены остатки древней эллинской Диоскуриады, древнеримского Себастополя, византийского Савастополя, средневекового абхазского Цхума [5, I, с. 213–214].

Оттуда плавание продолжалось до устья реки Риони, где находился портовый город Фассо [54, fol. 44v]²³, славившийся сохранением остатков якорей аргонавтов. Он был лишен каких-либо определителей. В реальности он был портом того же Мегрельского мтаварства в составе Грузинского царства, вассального Золотой Орде. Над ним также было уместно белое знамя с ордынской тамгой.

После Фассо корабль выходил к южному побережью Черного моря, поворачивал на Запад и проходил порты и гавани Трапезундской и Византийской империй [54, fol. 45r–45v], завершая полный круг плавания по «Великому морю» (Рис. 1).

Рис. 1. Черноморские порты Золотой Орды по «Книге знаний» XIV в.

Pl. 1. Black Sea ports of the Golden Horde by “Libro del conocimiento de todos los reynos” of 14th century.

Если взглянуть на картографическую реконструкцию рассмотренного «вексиллографического портулана Черного моря» (Рис. 1), то оказывается львиная доля его акватории контролировалась Золотой Ордой, благодаря утверждению власти хана в портовых городах на Западном, Северном и Восточном побережьях Великого моря, что реально произошло в правление хана Узбека.

²³ Запись этого топонима – “Фаха” – также выделяется из обычно применявшихся в морской картографии XIV–XV вв. норм: “Fasso”, “Faso” (Dulcert). Средневековый Фассо надежно идентифицируется с современным приморским городом Поти в крае Самегрело – Верхняя Сванетия Грузии.

Примечательно размещение флага со знаками власти Золотой Орды над Таной, а не вексиллы с венецианским львом. Весьма выразительна фигура умолчания в отношении некоторых заметных портов Черноморья той эпохи, скажем, Килии (Старая Килия) и Ликостомо (Вилково) на Западном побережье, Чембало (Балаклава), Солдайи (Судак), Кафы (Феодосия) и Воспоро (Керчь) в Крыму, Копы (Темрюк) на Восточном побережье Азовского моря и Мапы (Анапа) на Кавказском побережье Черного моря [7, с. 198–201, 206–208, 210]. Все они находились вне контроля Золотой Орды. Там действовала генуэзская администрация с ее гегемонистской и санкционной политикой. Информаторами составителя этого удивительного «вексиллографического портулана», определенно, выступили понтийские мореходы, чувствительные к региональным и локальным реалиям и негативно относившиеся к внешнему диктату Генуи. Заслуживает внимания подчеркивание особенности Вичины как порта Добруджанского деспотата и Савастополя как порта Цхумского эриставства / Мегрельского мтаварства в составе Золотой Орды.

Наиболее часто встречавшуюся эмблему алой тамги на белом знамени Алессандро Саворелли, профессор Пизанской высшей нормальной школы, считает одной из трех самых аутентичных эмблем всего вексиллографического корпуса «Книги знаний», наряду со львом мамлюкских султанов и кораническим стихом гранадских эмиров (Savorelli). С этим можно согласиться, но в то же время нужно заметить, что уже у Дульсети наблюдалось искажение тамги правивших в Золотой Орде Джучидов, засвидетельствованной в большом массиве нумизматических и эпиграфических источников конца XII – XIV вв. (Рис. 2) [18, с. 132–153, 156–182; 17, с. 8–22, 63–66; 3, с. 166–181, 311–314].

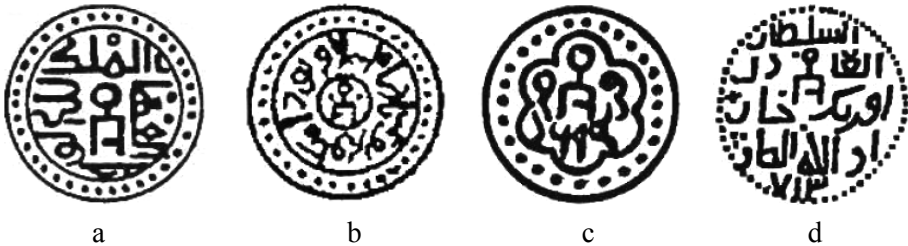

Рис. 2. Тамга Джучидов на монетах хана а) Менгу-Тимура 677 г.х. / 1279 г.; б) Туда-Менгу 682 г.х. / 1283 г.; в) Тохты 690 г.х. / 1291 г.; д) Узбека 713 г.х. / 1314 г.

Il. 2. Juchid tamga on coins of Khan a) Mengu-Timur 677 Hijra year / 1279; b) Tuda-Mengu 682 H.y. / 1283; c) Tokhta 690 H.y. / 1291; d) Uzbek 713 H.y. / 1314.

У составителя «Книги знаний» в самой ранней рукописи Z тамга отобразилась в зеркально перевернутом виде (Рис. 3) [54, fol. 19v], а у последующих копиистов она еще дальше отделилась от оригинала, приобрела, словно, элементы готического стиля – удлинненные гасты и апексы, совершенно не свойственные татарской и монгольской культурам. «Полумесец» явно отсутствовал на татарских и монгольских тамгах на монетах. Этот элемент привнесен, скорее всего, Дульсети, дабы оттенить причастность носителей этого символа к мусульманскому миру Востока. Но позже он стал активно использоваться в геральдике Кафы, породив острую дискуссию [28; 27, с. 139–161; 8, с. 566–569].

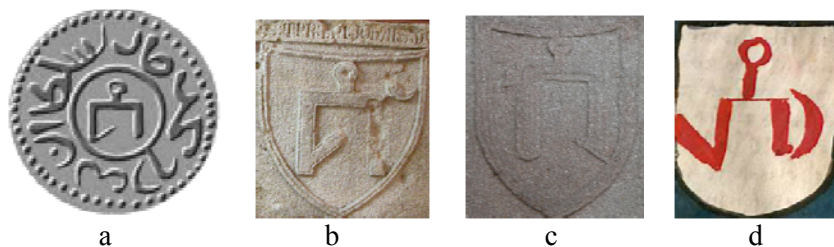

Рис. 3. Тамга Джучидов а) на монете хана Улу-Мухаммеда 828 г.х. / 1425 г.; б) на строительной плите Джованни ди Скаффа, консула Кафы, 1342 г.; в) на строительной плите из Кафы, вторая пол. XIV в.; д) в рукописи Z.

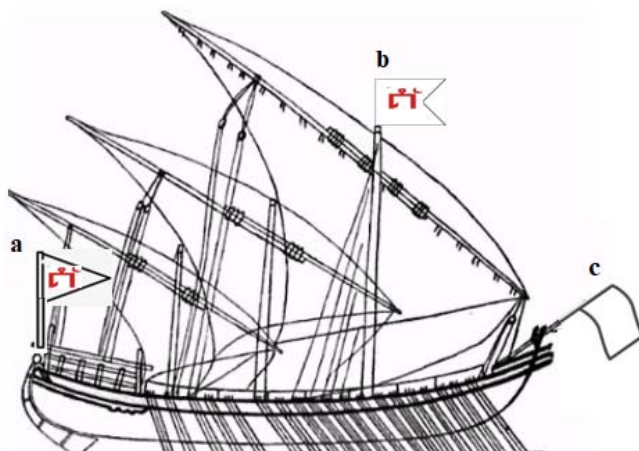
П. 3. Juchid tamga а) on coins of Khan Ulu-Mukhammed 828 Hijra year / 1425; б) on building plate of Giovanni di Scaffa, Caffa's consul, 1342; в) on building plate, second half of 14th century; д) in manuscript Z.

При хане Узбеке талассократические притязания Золотой Орды реализовывались в формах фискального, таможенного контроля над черноморскими портами, поддержки локальной и региональной торговой навигации, организации дипломатических морских вояжей между Улуг Улусом и державой ильханов, Ордой и Мамлюкским султанатом.

Однако при хане Джанибеке (1342–1357) была предпринята попытка создания ордынского военного флота в составе 30 галер [10, с. 112]. Это сразу выводило военно-морскую мощь Золотой Орды на уровень второй морской державы в черноморском регионе после Кафы, ставило ее выше Добруджанского деспотата, Синопского эмирата, Болгарии, Трапезунда и даже Византии. Главной его базой стала Каламита (Инкерман) [60, р. 288], точнее Авлита (Килен-бухта), защитой которой и служила каламитская крепость наверху скалы. Там строили суда, снаряжали и вооружали их, обеспечивали командой. По традиции, принятой в средиземноморском мире той эпохи, на флагштоке, на корме судна устанавливался флаг, указывавший на высшую суверенную власть, в ведении которой находился корабль, на грот-мачте, самой высокой мачте судна водружался вымпел, указывавший на принадлежность к порту, и на гюйс-штоке, на носу судна, прикреплялся гюйс со знаками капитана, командовавшего флотом (Рис. 4).

Рис. 4. Галера флота Джанибека с символами государственной и портовой принадлежности а) на флаге; б) на вымпеле; в) гюйс (реконструкция).

П. 4. Galley of Janibek's fleet with symbols of state and port affiliation а) on the flag; б) on the pennant; в) huys (reconstruction).

В целом, проведенный текстологический анализ позволяет вполне определенно выделять в составе кастильской «Книги знаний всех царств» XIV в. «вексиллографический портулан Черного моря». Образцами для составителя протографа такового послужили византийские периплы и латинские лоции конца XIII–XIV вв., морские карты Пьетро и Перрино Веконте соответственно 1313 и 1321 гг., латинский перевод «Космографии» Птолемея и картографические приложения кастильского перевода «Книги об Александре» XIV в.; визуальные образы знамен заимствовались им в основном с морской карты Анхелино Дульсети 1339 г. Наиболее оригинальная информация о портах Вичине, Маврокастро, Бо, Кабарди, Авогасии, Савастополе и Фассо черпалась составителем из устных сообщений понтийских мореходов, что отразилось в наиболее заметных искажениях соответствующей топонимии. Сведения о знаменах Вичины и Савастополя, вероятнее всего, были получены из рисуночных пояснений тех же информаторов, посещавших указанные порты. Картографическая реконструкция навигации в соответствии с указанным портуланом и вексиллографическая идентификация его портов дает возможность заключать о том, что более 80% пространства «Великого моря» контролировались Золотой Ордой. И эти талассократические тенденции стали реальностью в правление хана Узбека, что находит убедительное подтверждение в деятельности монетных дворов в таких портах, как Вичина / Сакча, Маврокастро / Акча-керман и Тана / Азак, в активной эмиссии серебряной монеты с титулами хана Узбека, ориентированной на обслуживание запросов возросшей морской торговли. В некоторых портах той же эпохи, в частности, в Пидеа, Матреге, Тане / Азаке и Пицунде получили развитие традиции регионального и локального судостроения, местной навигационной логистики с помощью малых судов в наиболее опасных и мелких водах Северного Причерноморья и Приазовья. При хане Джанибеке была предпринята попытка создания военного флота Золотой Орды в Черноморском регионе. Только глобальные потрясения второй половины XIV в. не позволили дальше развиться ордынской талассократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 493–512.
2. Атанасов Г.Г., Павлов П.Х. *Tataro-Bulgarica*. Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XV вв. // Форум «Идель–Алтай»: Материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Межд. конгресса средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7–11 декабря 2009 г.). Казань, 2011. С. 3–31.
3. Вальков Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма. Москва, 2015.
4. Гончаров Е.Ю., Кривенко А.В. Новый монетный двор хана Узбека Акча-керман // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. М., 2015. С. 109–110.
5. Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII вв. 2-е изд. (доп.). Киев, 2017. Т. I–II.
6. Григорьев А.П. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001. М., 2002. С. 262–301.

7. Еманов А.Г. Между Полярной звездой и полуденным солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. Санкт-Петербург, 2021.
8. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой города Кафы / Феодосии. Санкт-Петербург, 2022.
9. Казаров А.А., Гончаров Е.Ю., Кривенко А.В. Выпуски монетного двора Сакчи ал-Махруса при хане Узбеке // *Stratum plus*. 2011. № 6. С. 59–66.
10. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Санкт-Петербург, 2021.
11. Коновалова И.Г. Рец. на кн.: Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье XIII–XVII вв. Москва, 2007 // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2006. Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 421–536.
12. Куш Т.В. Упадок византийской талассократии // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2020. Т. XXII. № 4 (202). С. 126–138.
13. Овчаров В. Вопросы татарского присутствия и проблемы денежного обращения в Добрудже (1347–1353) // *Золотоордынское обозрение*. 2020. Т. 8, № 2. С. 258–273. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.258-273
14. Осипян А.Л. Описание Комании Гетума из Корикоса как источник по истории степей Восточной Европы // *Studia historica Europae Orientalis*. 2009. N 2. С. 9–22.
15. Подосинов А.В. *Ex oriente lux*. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
16. Сабитов Ж.М. Улусы Джучидов в 1242–1266 гг. // *Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы*. Казань, 2011. Вып. 2. С. 46–63.
17. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Казань, 2005.
18. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII в. Казань, 2003.
19. Спинеи В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4, № 4. С. 734–766. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.734-766
20. Тохтасьев С.Р. Из комментариев к Константину Багрянородному // *Письменные памятники Востока*. 2012. № 1 (16). С. 75–86.
21. Трепавлов В.В. К идентификации некоторых персонажей «Истории монголов» Плано Карпини // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10, № 3. С. 523–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.523-536 EDN: AVYRZL
22. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье XIII–XVII вв. М., 2007.
23. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии». Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019.
24. Хотко С.Х. Черкесские княжества в XIV–XV вв.: вопросы формирования и взаимосвязей с субэтническими группами // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. VIII. № 2. Ч. 1. С. 46–58.
25. Черкас Б. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // *Золотая Орда в мировой истории*. Казань, 2016. С. 157–179.
26. Чирикба В.А. Абхазия и итальянские города-государства XIII–XV вв. Санкт-Петербург, 2020.
27. Юрченко А.Г. Монгольская тамга и полумесяц на геральдических щитах Кафы // *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. XCIV: Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма. Санкт-Петербург, 2018. С. 139–161.
28. Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. Санкт-Петербург, 2010.
29. Andrea Bianco. *Atlante nautico (1436)* / ed. P. Falchetta. Venezia, 1993.
30. Androudís P. Présence de l' aigle bicéphale en Trebizonde et dans la principauté grecque de Théodoro en Crimée (XIV–XV siècles) // *Βυζαντιακά*. 2017. Т. XXXIV. Σ. 179–218.

31. Atanasov G. La Vicine médiévale et la forteresse de Nufăru // *Études Balkaniques*. 1994. Vol. XXX. N 1. P. 109–128.
32. Babuin A. Standards and insignia of Byzantium // *Byzantion*. 2001. VOL. LXXI. N 1. P. 5-59.
33. Balbi G.P. Flottes publiques et flottes privées à Gênes au XIV siècle // *The sea in history. The Medieval world*. Woodbridge, 2017. P. 215–224.
34. Baranauskas T. Medieval Lithuania – Sources 1283–1386. [Vilnius], 2022 [Electronic resources]. Available to: <https://web.archive.org/web/20220408111626/http://viduramziu.istorija.net/en/s1283.htm> (дата обращения 04.05.2023)
35. Barcaru S. Unele supoziiți cu privire la localizarea Vicinei (sfârșitul sec. al XIII-lea – prima jumătate a sec. al XIV-lea) reflectate în istoriografia Românească // *Tyragetia*. 2011. Vol. V (XX). N 2. P. 99–104.
36. Bergshammar armorial [Electronic resource]. Available to: <https://heraldica.hypotheses.org/6178> (дата обращения 04.05.2023)
37. Billion Ph. Graphische Zeichen auf mittelalterlichen Portolankarte. Ursprung, Produktion und Rezeption bis 1440. Marburg, 2011.
38. Brătescu C. Dobrodeea în secolul al XII // *Analele Dobrogei*. 1920. Vol. I. P. 30.
39. Brătianu G. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatar et du commerce génois sur le littoral roumain de la Mer Noire. Bucarest, 1935.
40. Claudii Ptolomei. *Cosmographiae* / trad. Jacopus d' Angelo, ed. Nicolaus Germanus. S.l., 1466.
41. Delatte A. Les portulans grecs. Liège; Paris, 1947.
42. Diaconu P. Iarăși despre localizarea Vicinei // *Revista de istorie*. 1981. Vol. XXXIV. N 12. P. 2311–2316.
43. Digital Tabula imperii Bizantini [Electronic resource]. Available to: <https://tib.oew.ac.at/digtib> (дата обращения 04.05.2023)
44. Dobrescu N. *Întemeierea metropoliilor și a celor dintâi mănăstiri din țara*. București, 1906.
45. Dulcert, Angelino. [Carte marine de la mer Baltique, de la mer du Nord, de l'océan Atlantique Est, de la mer Méditerranée, de la mer Noire et de la mer Rouge]. [Maioricarum], 1339. [Electronic resource]. Available to: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52503220z> (дата обращения 04.05.2023)
46. *El libro del conocimiento de todos los reinos* / ed. by N. F. Marino. Phoenix, 1999.
47. Epiphanius Monachus. De vita et actibus et morte sancti // *Patrologiae cursus completes, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Series Graeca. Parisii, 1864. T. CXX. Col. 215–258.
48. Gertwagen R. The naval power of venice in the eastern Mediterranean in the Middle Ages // *The sea in history. The Medieval world*. Woodbridge, 2017. P. 170–183.
49. Giurescu C. Pentru descoperirea Vicinei // *Rivesta istorică*. 1941–1942. Vol. XI–XII. P. 530–531.
50. Hinks A. The portolan chart of Angelino de Dalorto, 1325. London, 1929.
51. Kogman-Appel K. Fictive travel and mapmaking in Fourteenth-century Iberia // *Maps and travel in the Middle Ages and the Early Modern period: knowledge, imagination, and visual culture* / ed. by J. Baumgärtner, N. Ben-Aryeh Debby, and K. Kogman-Appel. Berlin, 2019. P. 136–164.
52. Kretschmer K. Die italienische Portolane des Mittelalters // *Veröffentlichen des Institutes für Meereskunde und des Geographischen Institutes an der Unversität Berlin*. Berlin, 1919. H. XIII. S. 5–688.
53. *Libro de Alexandre* / ed. De J. Casas Rigall. Madrid, 2014.

54. Libro del conocimiento de todos reinos, tierras y señoríos: [Manuscrito / Biblioteca Nacional de España, Ms 1997], 1401 y 1500. [Electronic resource]. Available to: <http://bdh.bne.es/bnesearch/detalle/bdh0000043289> (дата обращения 04.05.2023)

55. Libro del conocimiento de todos los reynos et tierras et señoríos que son por el mundo, et las señales et armas que han / ed. facs. del manusc. Z (Múnich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Hisp. 150) por M. J. Lacarra, M. del Carmen Lacarra Ducay, A. Montañer. Zaragoza, 1999.

56. Libro del conocimiento de todos los reynos e tierras e señoríos que son por el mundo e de las señales et armas que han cada tierra e señorío por sy e de los reys e señores que los proueen, escrito por un franciscano español á mediades del siglo XIV / pub. De M. J. de la Espada. Madrid, 1877.

57. Lopes P.C. O mundo como lugar de poderes no “Livro do conhecimento” // Armas e troféus. Revista de história, heráldica, genealogia e arte. 2015. T. XVII. P. 141–196.

58. Meloy J. Imperial power and maritime trade: Mecca and Cairo in the Later Middle Ages. Chicago, 2010.

59. Mickūnaitė G. Making a Great ruler. Grand Duke Vitautas of Lithuania. Budapest; New York, 2006.

60. Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffa // Studi in onore di A. Fanfani. Milano, 1962. Vol. III. P. 265–295.

61. Nenov K. Bulgaria and the Western Black Sea region in “Libro del conocimiento”, 14th Century // Bulgaria medievalis. 2016. Vol. VII.

62. Ousterhout R. Byzantium between East and West and the origins of heraldry // Byzantine art: recent studies. Tempe, 2009. P. 153–170.

63. Perrino Vesconte. [Portolan atlas of the Mediterranean, Black Sea and Western Europe]. Venezia, 1321. [Electronic resource]. Available to: <https://medea.fc.ul.pt/view/chart/512> (дата обращения 04.05.2023)

64. Petrus Vesconte. [Atlas nautique de la mer Méditerranée et de la mer Noire]. Venetiis, 1313. [Electronic resource]. Available to: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901108m/f4.item.r> (дата обращения 04.05.2023)

65. Pujades i Bataller R.J. Les cartes portolanes: la representació medieval d’una mar solcada. Barcelona, 2007.

66. Savorelli A. Atlanti simbolici dello spazio politico. I portolani e il “Libro del conocimiento de todos los reinos” (secolo XIV) // Entre idéal et matériel: Espace, territoire et légitimation du pouvoir (v. 1200 – v. 1640) / dir. Par P. Boucheron, M. Folin et J.-Ph. Genet. Paris, 2018. P. 237–265.

67. Uzelac A. The port of Maurocastro, Emperor Theodore Svetoslav and the Tatar elite in Pontic steppes // Историјски часопис. 2016. Кн. LXV. С. 45–59.

68. Vagnon E. Cartographie et représentations de l’Orient Méditerranéen en Occident (du milieu du XIII à la fin du XV siècle). Turnhout, 2013.

Сведения об авторе: Александр Георгиевич Еманов – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики, профессор кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2352-4363>, ResearcherID: L-4853-2013, AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

*Поступила 17.05.2023 Принята к публикации 31.08.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Aibabin A.I. On the date when the Mongol Tatars subjugated Gothia. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. Iss. 25. Simferopol, 2020, pp. 493–512. (In Russian)
2. Atanasov G.G., Pavlov P.Kh. Three studies of Bulgarian-Tatar contacts on the lower Danube in the 13th–15th centuries. *Proceedings of the scientific and practical conference “Idel-Altai: origins of the Eurasian civilization”, 1st International congress of Medieval archaeology of the Eurasian Steppes (Kazan, December 7–11, 2009)*. Kazan, 2011, pp. 3–31. (In Russian)
3. Valkov D.V. Genoese epigraphy of Crimea. Moscow, 2015. 368 p. (In Russian)
4. Goncharov A.Yu., Krivenko A.V. The new mint of Uzbek khan Akcha-kerman. Numismatic readings of the State Historical Museum. Moscow, 2015, pp. 109–110. (In Russian)
5. Gordeev A.Yu., Tereshchenko A.A. Place names of the Black Sea and Sea of Azov coats from portolan charts of 14th – 17th centuries. Kyiv, 2017. Vol. 1–2. (In Russian)
6. Grigoriev A.P. Geographical description of the Golden Horde in the encyclopedia of al-Kalkashandi. *Tyurkologicheskiiy sbornik 2001 [Turcologica]*. Moscow, 2002, pp. 262–301. (In Russian)
7. Emanov A.G. Between the North Star and the Midday Sun: Kapha in world trade in the 13th–15th centuries. St. Petersburg, 2021. 368 p. (In Russian)
8. Emanov A.G. The celestial Jerusalem or the Babylon: the fate of medieval Caffa’s / Feodosia’s. St. Petersburg, 2022. 734 p. (In Russian)
9. Kazarov A.A., Goncharov E.Yu., Krivenko A.V. Khan Uzbek’s Coinage at the Saqchi al-Makrusa Mint. *Stratum plus*. Kishinev, 2011, no. 6, pp. 59–66. (In Russian)
10. Karpov S.P. History of Tana (Azov) in 13th–15th centuries. St. Petersburg, 2021. T. I. 378 p. (In Russian)
11. Konovalova I.G. Book review Fomenko I.K. Image of the world on ancient portolans. Pontic region in 13th–17th centuries. The earliest States of Eastern Europe. 2006. Space and time in Medieval texts. Moscow, 2010, pp. 421–536. (In Russian)
12. Kushch T.V. Decline of the Byzantine Thalassocracy. *Izvestia. Ural Federal university journal. Series 2: Humanities and arts*. Ekaterinburg, 2020. Vol. 22, no. 4 (202), pp. 126–138. (In Russian)
13. Ovcharov V. The Questions of a Tatar Presence and Problems of Money Circulation in Dobruja (1347–1353). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 258–273. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.258-273 (In Russian)
14. Osipian A.L. Comania description by Getum from Coricosa as a source on history of Eastern Europe steppes. *Studia historica Europae Orientalis*. 2009, no. 2, pp. 9–22. (In Russian)
15. Podossinov A.V. Ex oriente lux. The orientation on cardinal directions in archaic cultures of Eurasia. Moscow, 1999. 720 p. (In Russian)
16. Sabitov Zh.M. National history of Tatar: theoretical and methodological problems. Kazan, 2011. Iss. 2, pp. 46–63. (In Russian)
17. Sagdeeva R.Z. The silver coins of Golden Horde’s khans. Kazan, 2005. 78 p. (In Russian)
18. Singatullina A.Z. Juchid coin of Volga towns in 13th century. Kazan, 2003. 192 p. (In Russian)
19. Spinei V. Domination of the Golden Horde in Wallachia and Moldavia. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 734–766. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.734-766 (In Russian)
20. Tokhtasiev S.R. From the comments to Constantine Porphyrogenitus. *Pismennyye pamyatniki Vostoka [Written monuments of the East]*. St. Petersburg, 2012. N 1 (16), pp. 75–86. (In Russian)

21. Trepavlov V.V. On the identification of some characters in Plano Carpini's "History of the Mongols". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 523–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.523-536 (In Russian)
22. Fomenko I.K. Image of the world on ancient portolans. Pontic region in 13th – 17th centuries. Moscow, 2007. 425 p. (In Russian)
23. Khautala R. In the lands of "Northern Tartaria". Information of the Latin sources about Golden Horde during the Uzbek khan's reign (1313–1341). Kazan, 2019. 976 p. (In Russian)
24. Khotko S.Kh. Chircassian principalities in the 14th – 15th centuries: formation and interrelation with sub-ethnic groups. *Istoricheskaya i sozial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Idea*, 2016. Vol. 8, no. 2., iss. 1, pp. 46–58. (In Russian)
25. Cherkas B. The territorial structure of Juchi Ulus (territory West of Don). *Zolotaya Orda v mirovoy istorii = The Golden Horde in World history*. Kazan, 2016, pp. 157–179. (In Russian)
26. Chirikba V.A. Abkhazia and Italian city-state of 13th–15th centuries. St. Petersburg, 2020. 212 p. (In Russian)
27. Yurchenko A.G. The Mongolian tamga and half-moon on the Kafa's heraldic shield. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha = Transactions of the State Hermitage*. Vol. 94. Sphragistic, numismatic, and heraldic of the medieval Crimea. St. Petersburg, 2018, pp. 139–161. (In Russian)
28. Yarovaya E.A. Heraldry of Genoese Crimea. St. Petersburg, 2010. 194 p. (In Russian)
29. Andrea Bianco. *Atlante nautico (1436)*. Ed. P. Falchetta. Venezia, 1993. (In Italian)
30. Androudis P. Présence de l' aigle bicéphale en Trebizonde et dans la principauté grecque de Théodoro en Crimée (XIV–XV siècles). *Βυζαντιακά*. 2017. Vol. 34, pp. 179–218. (In French)
31. Atanasov G. La Vicine médiévale et la forteresse de Nufăru. *Études Balkaniques*. 1994. Vol. 30, no. 1, pp. 109–128. (In French)
32. Babuin A. Standards and insignia of Byzantium. *Byzantion*. 2001. Vol. 71, no. 1, pp. 5–59.
33. Balbi G.P. Flottes publiques et flottes privées à Gênes au XIV siècle. *The sea in history. The Medieval world*. Woodbridge, 2017, pp. 215–224. (In French)
34. Baranauskas T. Medieval Lithuania – Sources 1283–1386. [Vilnius], 2022 [Electronic resources]. Available to: <https://web.archive.org/web/20220408111626/http://viduramziu.istorija.net/en/s1283.htm> (accessed 04.05.2023)
35. Barcaru S. Unele supozitii cu privire la localizarea Vicinei (sfârșitul sec. al XIII-lea – prima jumătate a sec. al XIV-lea) reflectate în istoriografia Românească. *Tyragetia*. 2011. Vol. 5 (20), no. 2, pp. 99–104. (In Romanian)
36. Bergshammar armorial. [Electronic resource]. Available to: <https://heraldica.hypotheses.org/6178> (accessed 04.05.2023)
37. Billion Ph. Graphische Zeichen auf mittelalterlichen Portolankarte. Ursprung, Produktion und Rezeption bis 1440. Marburg, 2011. 398 S. (In German)
38. Brătescu C. Dobrogea în secolul al XII. *Analele Dobrogei*. 1920. Vol. 1, pp. 30. (In Romanian)
39. Brătianu G. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions a l'histoire de la domination Byzantine et Tatare et du commerce Génois sur le littoral Roumain de la Mer Noire. Bucarest, 1935. 196 p. (In Romanian)
40. Claudii Ptolomei. *Cosmographiae*. Trad. Iacopus d' Angelo, ed. Nicolaus Germanus. S.l., 1466. 216 fol.
41. Delatte A. Les portulans grecs. Liège; Paris, 1947. 399 p. (In French)

42. Diaconu P. Iarăși despre localizarea Vicinei. *Revista de istorie*. 1981. Vol. 34. N 12, pp. 2311–2316. (In Romanian)
43. Digital Tabula imperii Bizantini [Electronic resource]. Available to: <https://tib.oew.ac.at/digtib> (accessed 04.05.2023)
44. Dobrescu N. Întemeierea metropolilor și a celor dintâi mănăstiri din țara. București, 1906. (In Romanian)
45. Dulcert, Angelino. [Carte marine de la mer Baltique, de la mer du Nord, de l'océan Atlantique Est, de la mer Méditerranée, de la mer Noire et de la mer Rouge]. [Maioricarum], 1339. [Electronic resource]. Available to: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52503220z> (accessed 04.05.2023)
46. El libro del conocimiento de todos los reinos. Ed. by N.F. Marino. Phoenix, 1999. (In Spanish)
47. Epiphanius Monachus. De vita et actibus et morte sancti. *Patrologiae cursus completus, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum. Series Graeca*. Parisii, 1864. T. 120, col. 215–258.
48. Gertwagen R. The naval power of Venice in the eastern Mediterranean in the Middle Ages. *The sea in history. The Medieval world*. Woodbridge, 2017, pp. 170–183.
49. Giurescu C. Pentru descoperirea Vicinei. *Rivesta istorică*. 1941–1942. Vol. 11–12, pp. 530–531. (In Romanian)
50. Hinks A. The portolan chart of Angelino de Dalorto, 1325. London, 1929. 12 p.
51. Kogman-Appel K. Fictive travel and mapmaking in Fourteenth-century Iberia. *Maps and travel in the Middle Ages and the Early Modern period: knowledge, imagination, and visual culture*. Ed. by J. Baumgärtner, N. Ben-Aryeh Debby, and K. Kogman-Appel. Berlin, 2019, pp. 136–164.
52. Kretschmer K. Die italienische Portolane des Mittelalters. *Veröffentlichen des Institutes für Meereskunde und des Geographischen Institutes an der Universität Berlin*. Berlin, 1919. H. 13, S. 5–688. (In German)
53. Libro de Alexandre. Ed. De J. Casas Rigall. Madrid, 2014. 1113 p. (In Spanish)
54. Libro del conocimiento de todos reinos, tierras y señoríos: [Manuscrito / Biblioteca Nacional de España, Ms 1997], 1401 y 1500. [Electronic resource]. Available to: <http://bdh.bne.es/bnesearch/detalle/bdh0000043289> (accessed 04.05.2023)
55. Libro del conocimiento de todos los reynos et tierras et señoríos que son por el mundo, et las señales et armas que han. Ed. facs. del manusc. Z (Múnich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Hisp. 150) por M.J. Lacarra, M. del Carmen Lacarra Ducay, A. Montañer. Zaragoza, 1999. 20 fol. (In Spanish)
56. Libro del conocimiento de todos los reynos e tierras e señoríos que son por el mundo e de las señales et armas que han cada tierra e señorío por sy e de los reys e señores que los proueen, escrito por un franciscano español á mediades del siglo XIV. Pub. De M. J. de la Espada. Madrid, 1877. 333 p. (In Spanish)
57. Lopes P.C. O mundo como lugar de poderes no “Livro do conhecimento”. *Armas e troféus. Revista de história, heráldica, genealogia e arte*. 2015. T. 17, pp. 141–196. (In Portuguese)
58. Meloy J. Imperial power and maritime trade: Mecca and Cairo in the Later Middle Ages. Chicago, 2010. 305 p.
59. Mickūnaitė G. Making a Great ruler. Grand Duke Vitautas of Lithuania. Budapest; New York, 2006. 337 p.
60. Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffà. *Studi in onore di A. Fanfani*. Milano, 1962. Vol. 3, pp. 265–295. (In Italian)
61. Nenov K. Bulgaria and the Western Black Sea region in “Libro del conocimiento”, 14th Century. *Bulgaria medievalis*. 2016. Vol. 7, pp. 99–117.
62. Ousterhout R. Byzantium between East and West and the origins of heraldry. *Byzantine art: recent studies*. Tempe, 2009, pp. 153–170.

63. Perrino Vesconte. [Portolan atlas of the Mediterranean, Black Sea and Western Europe]. Venezia, 1321. [Electronic resource]. Available to: <https://medea.fc.ul.pt/view/chart/512> (accessed 04.05.2023)

64. Petrus Vesconte. [Atlas nautique de la mer Méditerranée et de la mer Noire]. Venetiis, 1313. [Electronic resource]. Available to: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901108m/f4.item.r> (accessed 04.05.2023)

65. Pujades i Bataller R.J. Les cartes portolanes: la representació medieval d’una mar solcada. Barcelona, 2007. 526 p. (In Spanish)

66. Savorelli A. Atlanti simbolici dello spazio politico. I portolani e il “Libro del conocimiento de todos los reinos” (secolo XIV). *Entre idéal et matériel: Espace, territoire et légitimation du pouvoir (v. 1200 – v. 1640)*. Dir. Par P. Boucheron, M. Folin et J.-Ph. Genet. Paris, 2018, pp. 237–265. (In Italian)

67. Uzelac A. The port of Maurocastro, Emperor Theodore Svetoslav and the Tatar elite in Pontic steppes. *Исследования в области истории*. 2016. Кн. 65, pp. 45–59.

68. Vagnon E. Cartographie et représentations de l’Orient Méditerranéen en Occident (du milieu du XIII à la fin du XV siècle). Turnhout, 2013. 453 p. (In Italian)

About the author: Alexander G. Emanov – Dr. Sci. (History), Professor, Chief Research Fellow of the Laboratory for historical geography and regionalistics, Professor of the Department of history and world politics at the Institute of social sciences and humanities, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2352-4363>, ResearcherID: L-4853-2013, AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

*Received May 17, 2023   Accepted for publication August 31, 2023
Published September 29, 2023*

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.636-651

EDN: NHZJSP

НАЛОГОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КРАТКОГО СОБРАНИЯ ХАНСКИХ ЯРЛЫКОВ, ВЫДАННЫХ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

С.А. Маслова

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
sveta2687@yandex.ru*

Цель исследования: определить характер выплат в пользу Золотой Орды, зафиксированных в тексте документов краткого собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам.

Материалы исследования: грамоты, созданные по приказу ордынских и юаньских правителей, жалованные, духовные и договорные грамоты русских князей, русские летописи.

Новизна и результаты исследования: предложена характеристика налоговых наименований ханских ярлыков, выявлены вероятные вставки в текст ярлыков. Обосновано, что обширный перечень повинностей, содержащийся в тексте ханских грамот, не был свойственен оригинальному тексту документов. Достаточно много налоговых терминов было специально внесено в текст ярлыков при их переводе на русский язык. Некоторые из них обозначали реально взимавшиеся с русских земель ордынские подати, другие обозначали выплаты, известные в русских землях, но не собираемые в пользу Золотой Орды. Иные термины вовсе предстают искусственными налоговыми обозначениями.

Ключевые слова: налоги, ярлыки, Золотая Орда, Русь, дань

Для цитирования: Маслова С.А. Налоговая терминология краткого собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.636-651 EDN: NHZJSP

THE TAX TERMINOLOGY OF THE SHORT COLLECTION OF KHAN'S JARLYKS ISSUED TO RUS' METROPOLITANS

S.A. Maslova

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
sveta2687@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This study aims to determine the nature of payments made to the Golden Horde, as documented in the texts of the Short Collection of Khan's jarlyks issued to Rus' Metropolitans.

© Маслова С.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Research materials: The research draws from various sources, including charters prepared by the orders of the Golden Horde and Yuan Empire rulers, charters of a spiritual and contractual nature from Rus' princes, as well as Rus' chronicles.

Results and novelty of the research: This study proposes characteristics of the tax items found in Khan's jarlyks and uncovers potential insertions within the label texts. It is demonstrated that the extensive list of duties present in the Khan's charters was not originally a part of these documents. Many tax terms were intentionally added to the texts of the jarlyks during their translation into Russian. Some of these terms represented the Horde taxes that were actually collected from Russian lands, while others denoted payments recognized in Rus', but not directed to the benefit of the Golden Horde. Furthermore, certain terms appear to be artificial tax designations.

Keywords: taxes, jarlyks, the Golden Horde, Rus', tribute

For citation: Maslova S.A. The tax terminology of the Short collection of Khan's jarlyks issued to Rus' Metropolitans. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.636-651 (In Russian)

Грамоты, выданные русским митрополитам ордынскими правителями, – важнейший источник по истории русско-ордынских отношений. Они предоставляют ценные сведения о системе ордынского властвования над русскими землями, в т.ч. налоговой политике ханов Золотой Орды. В ярлыках содержится целый перечень выплат, которые запрещалось взимать с представителей русского духовенства. Некоторые из них упоминаются только в ярлыках.

Краткое собрание было создано при московском митрополичьем доме в конце XIV – начале XV вв. В это время на русский язык были переведены некоторые грамоты ордынских правителей, хранившихся в архиве русских митрополитов. В состав краткого собрания входят: 1) ярлык хана Тюляка, выданный в 1379 г. митрополиту Михаилу; 2) грамота ханши Тайдулы, выданная в 1347 г.; 3) ярлык Менгу-Тимура, выданный в 1267 г.; 4) грамота Тайдулы, выданная в 1351 г. митрополиту Феогносту; 5) ярлык хана Бердибека, выданный в 1357 г. митрополиту Алексею; 6) грамота Тайдулы, выданная в 1354 г. митрополиту Алексею; 7) заключение от составителя собрания.

Из всех документов собрания ярлыками в полной мере можно назвать только грамоты Менгу-Тимура, Бердибека и Тюляка. Ярлык – письменный указ, приказ, повеление, предписание собственным подданным или главам зависимых стран, исходящий от хана. Документы, принадлежащие лицам не ханского происхождения, ярлыками не являются [42, с. 7-8]. Таким образом, грамоты ханши Тайдулы, ярлыками называться не могут. Кроме того, документы, созданные по приказу Тайдулы в 1347 и 1354 гг., являются по сути проезжими грамотами¹.

Ханские грамоты – один из немногих известных источников ордынского происхождения, однако оригинал ярлыков не сохранился. Исследователям доступен только их перевод, выполненный на Руси. Ярлыки во многом отражают русское понимание и употребление налоговых и административных терминов, содержащихся в их тексте. Перевод ярлыков был выполнен с це-

---

¹ М.А. Усманов назвал эти документы дополнительным указом и охранной грамотой соответственно [42, с. 243].

лью создания документов, защищающих права русской церкви. Эти документы были призваны оградить представителей духовенства от уплаты податей. Определенная цель создания, а также, вероятно, знание языка и делопроизводительной практики Золотой Орды, могли повлиять на точность передачи оригинального текста документов. В перевод ярлыков могли быть внесены элементы, не свойственные оригиналам грамот, в т.ч. наименования выплат, которые запрещалось взимать с представителей русского духовенства.

Для лучшего понимания налоговой терминологии ханских ярлыков краткого собрания стоит привлечь данные грамот других регионов Монгольской империи. Наиболее подходящими для сравнения являются документы правителей империи Юань, написанные квадратным письмом на монгольском языке, – Мангалы (сына императора Хубилая, правителя области Аньси в Китае) 1276 г., два ярлыка Аюрбаригады (Буянту-хана) 1314 г. и грамота Да-цзы (супруги Дармабалы, матери императора Хайсана) 1321 г. Эти документы, в отличие от ярлыков краткого собрания, известны в подлиннике. Время их создания совпадает со временем составления оригиналов ханских ярлыков, выданных русскими митрополитам. Особое значение имеет тот факт, что адресованы грамоты правителей Юань представителям духовенства, как и ярлыки ордынских ханов. Сравнение юаньских документов с документами краткого собрания позволит выявить налоговые термины, вероятно специально внесенные переводчиком ярлыков. Уточнению характера ордынских выплат, упомянутых в ярлыках русским митрополитам, способствуют сведения ярлыков, выданных ордынскими правителями в конце XIV в. – Токтамыш и Тимур-Кутлуга.

Практически каждый из документов краткого собрания ханских ярлыков содержит множество наименований налогов, которые запрещалось взимать с русского духовенства.

Ярлык Менгу-Тимура: «Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заммають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас. Така молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов. Дань ли или иное что ни будет, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить и рькли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако молвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будет, да не просят; ям, воина, тамга не дають» [23, с. 467].

Грамота Тайдулы 1347 г.: «Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять» [23, с. 466].

Грамота Тайдулы 1351 г.: «А пошлина ему не надобе, ни подвода, ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не въздаст никакова, ни люди его» [23, с. 468].

Ярлык Бердибека: «Какова дань ни буди или пошлина, ино тем не надобе ни видети, чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали. ... Так есмы мльвили – и кая дань ни будет или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни кормов, ни пития, ни запросов, ни почестия не въздають» [23, с. 469].

Ярлык Тюляка: «Пред Чингис царь, а после того цари Азиз и Бердебек, и за тех молились молебники и весь чин поповьскыи; ино какова дань ни будет или коя пошлина, – ино тем того ни видети не надобе, чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали. ... Тако есмы възмолвили: ино никакова

дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадут, ни почестья, не въздають никакова» [23, с. 465–466].

В документах краткого собрания упомянуты такие наименования податей как: «воина», «дань», «дар», «запрос», «корм», «мзда», «питье», «подвода», «поплужное», «почестие», «пошлина», «тамга», «ям». Текст грамот правителей Юань не содержит столь обширного перечня налогов.

Грамота Мангалы 1276 г.: «В указах Чингис хана и Хагана было сказано, чтобы буддийские, христианские, даосские и мусульманские духовные лица, не видя никаких иных повинностей и податей, кроме земельных и торговых сборов, молились тенгри и возносили благопожелания. Теперь же, говоря, чтобы, в соответствии с прежним указом, они, не видя никаких иных повинностей и податей, кроме земельных и торговых сборов, молились тенгри и возносили благопожелания, дали грамоту ... Пусть в их храмах и жилищах посланцы не останавливаются. Пусть они подвод и продовольствия не берут» [29, с. 61].

Ярлык Буянту-хана 1314 г.: «В указах Чингис хана, Угедей хагана, Сечен хагана, Улджейту хагана и Кулук хагана было сказано, чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания. Теперь же дали указ ... чтобы согласно прежнему указу, не видя никаких повинностей и податей, они молились тенгри и возносили благопожелания. Пусть в их храмах, кумирнях и жилищах посланцы не останавливаются. Пусть подвод и продовольствия не берут» [29, с. 65].

Второй ярлык Буянту-хана 1314 г.: «В указах Чингис хана, Угедей хагана, Сечен хагана, Улджейту хагана и Кулук хагана было сказано, чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания. Теперь же, чтобы согласно прежнему указу, они, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и воздавали благопожелания, дали указ ... Пусть в их храмах и жилищах посланцы не останавливаются. Пусть подвод и продовольствия не берут. Тамги они пусть не дают» [29, с. 69].

Грамота Да-Цзы 1321 г.: «В указе императора [было сказано], чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания. Чтобы согласно указу, в котором [это] сказано, они, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания, дали указ ... Пусть в их храмах и жилищах посланцы не останавливаются. Пусть подвод и продовольствия не берут. Пусть они земельных и торговых сборов не дают» [29, с. 73].

Текст китайских ярлыков довольно лаконичен. В документах сказано о запрете взимать «повинности и подати» в целом, только в ярлыке Мангала обозначено ограничение на земельные и торговые сборы. Оборотом «повинности и подати» Н.Н. Поппе передал монг. *albā qubč' iri*, в котором *alba(n)* – повинность, подать, обязательная служба [18, с. 34; 33, стб. 433], а *qubč' ir (qubčūr)* – натуральный налог, всеобщий налог в пользу государства [44, с. 387; 18, с. 462]. В ханских ярлыках, выданных русским митрополитам, этому обороту соответствует оборот «дань или пошлина».

Термин «дань» в русских источниках известен с домонгольского времени. Он имеет несколько значений, основные из которых – «подать, пошлина,

побор любого вида» и «дар, пожалование» [38, с. 170–171]. В древнейших летописных известиях дань многократно упоминается в значении налога, выплачиваемого русским князьям или различными народами иноземцам. Как главная подать дань выступает в грамотах русских князей XII в. В монгольское время дань сохранила свое основное значение главного поземельного налога [11, с. 187–194; 9, с. 97–101].

В ярлыке Менгу-Тимура содержится самое раннее упоминание дани в качестве выплаты Золотой Орде. Первое летописное известие о дани в качестве подати, выплачиваемой в пользу Золотой Орды, относится к 1318 г. В это время шла борьба между Юрием Даниловичем и Михаилом Ярославичем. В 1318 г. московский князь и ордынский посол Кавгадый, помогавший Юрию, «начаша вадити на великаго князя Михаила безаконному царю Озбюку, глаголюще: ‘князь Михайль, собравъ по градомъ многы дани, хоцетъ въ Нѣмци, а къ тобѣ ему не бывати’. Разгнѣвавъ же царь повелѣ сына его князя Костянтина гладомъ морити и затвориша его въ единой храминѣ» [27, стб. 38].

Следующее летописное известие о дани в значении ордынской подати – рассказ Рогожского летописца под 1384 г.: «бысть великая дань тяжкаа по всему княжению великому, всякому безъ отъдатка, со всякыя деревни по плътинѣ. Тогда же и златомъ даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи даль черныи боръ» [27, стб. 149]. В летописных сообщениях «дань» выступает, по сути, синонимом «выхода». Так обозначался главный налог, выплачиваемый с русских земель в пользу Орды.

В некоторых известиях актового материала XIV–XV вв. дань упоминается в контексте ордынских выплат рядом с выходом. Завещание Дмитрия Донского 1389 г. оговаривает: «А перемѣнить богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода в Орду, и которыи сынъ мои возмет дань на своем оудѣлѣ, то тому и есть» [19, с. 36]. Документ сообщает, что дань собирается русскими князьями, но те платят выход в Орду. Те же обстоятельства отмечены в договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем (ок. 1401–1402 гг.), завещании Владимира Андреевича (ок. 1401–1402 гг.), договорах Василия Васильевича с Василием Ярославичем (1447, 1450–1454, 1451–1456 гг.) и завещании Василия Васильевича (1461–1462 г.) [19, с. 44, 49, 131, 134, 137, 139, 173, 174, 182, 185].

В договорной грамоте Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1389 г. дань, хотя и не названа прямо, но по сути выступает источником выхода: «А что наши данщики зберутъ в городѣ, и въ станѣх, и въ варяхъ, тому ити в мою казну, а мнѣ давати въ выход» [19, с. 31]. В более поздней договорной грамоте великого князя Ивана Васильевича с углицким князем Андреем Васильевичем 1472 г. дань названа источником выхода непосредственно: «А что наши данщики зберут, тому ити в твою казну, великого князя, а тобѣ, великому князю, давати та дань в выход» [19, с. 215].

В актовом материале XV в. термин «дань» неоднократно употребляется как обозначение выплат в Орду. Духовная грамота князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича: «А выидет дань великого князя ко Ордѣ дати, и дѣти моя и княгини моя возмут дань кто же на своем удѣле по уроку, что в сеи в грамоте писано» [19, с. 48]. В том же значении дань фигурирует в духовных грамотах великих князей Василия Дмитриевича (1406–1407, 1417 и 1423 гг.) и Василия Васильевича (1461–1462 гг.), а также договорных грамо-

тах Василия Васильевича с Василием Ярославичем (1433, 1447, 1450-1454, 1451–1456 гг.) и Юрием Дмитриевичем (1433 г.), Ивана Васильевича с углицким князем Андреем Васильевичем (1472 г.) [19, с. 56, 59, 61, 197, 71, 134, 137, 139, 174, 182, 185, 76–77, 79, 215].

В грамоте Тайдулы 1347 г. вместо термина «дань» стоит слово «мзда». В русских источниках этот термин известен с домонгольских времен. В источниках зафиксировано его употребление в качестве выплаты врачу, а в другом случае – взятки [30, с. 79; 21, с. 67, 272]. В ордынское время мзда встречается в псковском летописании как обозначение платы мастерам, а также выкупа [32, с. 103; 31, с. 37]. В качестве ордынской выплаты мзда фигурирует только в грамоте Тайдулы. Особой податью, собираемой в пользу Золотой Орды, мзда не являлась. В грамоте ханши мзда упомянута в качестве обобщенного обозначения ордынских поборов.

Термин «пошлина» имеет несколько значений: «искони заведенный обычай», «исконные права, привилегии, владения или доходные статьи», «налог, пошлина; традиционный сбор, взимаемый в определенных случаях» [41, с. 84–86]. В домонгольскую эпоху существование термина не выявлено. В договорных грамотах великого князя Ярослава Ярославича с Новгородом 1264, 1266 и 1270 гг. слово «пошлина» имеет значение ранее утвержденного порядка [12, с. 9, 10, 12].

В многочисленных княжеских грамотах XIV–XV вв. пошлина предстает податью, взимаемой в пользу русских феодалов [19, с. 15, 17, 33, 72, 73 и др.]. Пошлина в качестве ордынской выплаты упоминается в грамотах ордынских правителей 1347, 1351, 1357 и 1379 гг., а также в тексте договора великого князя Василия Васильевича с можайским князем Иваном Андреевичем, составленном в 1447 г., уже после создания переводов ярлыков, выданных русским митрополитам. В договоре сказано: «А ци богъ, господине, переменит Орду, а не даси выхода в Орду, ни пошлин ордынских, и тобѣ, господине, и у меня не взяти» [19, с. 147].

Термины «дань» и «пошлина» в тексте ярлыков, выданных русским митрополитам, служат общим обозначением совокупности податей, взимаемых в пользу Золотой Орды.

Оборот, провозглашающий запрет на взимание дани и пошлины, повторен в тексте ханских ярлыков. То же наблюдается в тексте китайских документов. Существенное отличие состоит в том, что далее китайские грамоты провозглашают запрет на взимание подвод и продовольствия, а также торговых сборов или тамги и земельных сборов, а в ордынских ярлыках содержится обширный перечень разных податей, от выплаты которых освобождались представители русского духовенства. Среди них – «воина», дар, запрос, корм, мзда, питье, подвода, поплужное, почестие, тамга, ям.

«Воина» – война. Термин имеет два значения – «война» и «войско» [37, с. 310; 36, с. 462]. В качестве ордынской повинности война трактуется как «повинности, поборы, связанные с ведением войны» [37, с. 310]. В комментариях к публикации ханских ярлыков «воина» названа поставкой рекрутов во время военных действий [23, с. 477].

Как наименование особого налогового обязательства «воина» встречается только в ярлыке Менгу-Тимура. В источниках русского происхождения поставки русских рекрутов в монгольское войско, также как и поборы

на ведение военных действий монголами не зафиксированы. Во второй половине XIII в. зафиксировано несколько случаев участия в боевых действиях русских отрядов в составе монгольских войск.

По свидетельству Ипатьевской летописи, в 1258 г. Бурундай «посла же послы к Данилови река идоу на Литвоу оже еси мирень поиди со мною» [26, стб. 846]. Князь не принял участие в походе. Вместо Даниила к монголам направился его брат Василько [26, стб. 846].

Далее Ипатьевская летопись сообщает о требовании Ногай в 1277 г. Льву Даниловичу Галицкому, Владимиру Васильковичу Волынскому и Мстиславу Даниловичу Луцкому предоставить войска для похода на Литву: «Присла оканьнии и безаконьнии Ногаи послы своя с грамотами Тегичага Коутлоубоугоу и Ешимоута ко Лвови и Мьстиславоу и Володимѣрю тако река всегда мь жалоуете на Литвоу осе же вы даль есмь рать и воеводуу с ними Мамъшѣя поидете же с ним на вороги своѣ» [26, стб. 876]. Князья были вынуждены отправиться в поход.

Согласно Симеоновской летописи, в 1277 г. Глеб Василькович, Константин Борисович, Федор Ростиславич, Андрей Александрович и «инии князи мнози с бояры и слугами», приняли участие в походе Менгу-Тимура на ясов, в результате которого был взят город Деяков [28, с. 75].

Ипатьевская летопись зафиксировала очередное требование Ногай в 1285 г. русским князьям присоединиться к монгольскому походу: «пришедшоу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебоузѣ с нимь на Оугры в силѣ тяжцѣ во бецисленомь множествѣ вѣлѣша же с собою поити Роускимь княземь» [26, стб. 888]. По причине болезни в походе не участвовал Владимир Василькович. Вместо себя он отправил племянника Юрия Львовича [26, стб. 888].

В 1286 г. уже Телебуга «посла ко Заднѣпрѣискимь княземь и ко Волыньскимь ко Лвови и ко Мьстиславоу и к Володимѣроу веля имь поити с собою на воиноу» [26, стб. 892].

Летописи сообщают об участии русских вооруженных сил в монгольских кампаниях. При этом речь идет не о предоставлении рекрутов, поступавших в полное распоряжение монгольских военачальников. Русские военные отряды возглавлялись русскими князьями. Они получали прямой приказ выступить на стороне монголов. Источники свидетельствуют о том, что этот приказ имел целью не только укрепить боевую мощь монгольской армии, но также подтвердить лояльность русских правителей. Князья были вынуждены подчиняться. В ярлыке Менгу-Тимура «воина» предстает не названием реально существовавшей подати, а вставкой, призванной увеличить число разнообразных повинностей, от выполнения которых освобождались представители русского духовенства.

Термин «дар» имеет несколько значений: «подношение, подарок», «способности, талант», «приданое», а в форме множественного числа – «причастие» [38, с. 171–172]. Кроме того, слово «дар» могло выступать в качестве подати. В таком значении «дар» фигурирует в договорной грамоте Новгорода с Ярославом Ярославичем 1264 г.: «А волостии ти, княже, новгородьскихъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскими; а даръ от техъ волостии имати» [12, с. 9]. Те же условия зафиксированы в других договорных грамотах Новгорода с великими князьями тверскими 1266–1371 гг. [12,

с. 10–12, 15, 17, 19, 21, 27, 29], а также в более поздних договорах Новгорода с великими князьями московскими 1435, 1456, 1471 гг. [12, с. 35, 40, 46, 49].

В качестве монгольской подати дар фигурирует только в грамоте Тайдулы 1351 г. В источниках русского происхождения термин «дар» как обозначение особой ордынской выплаты не встречается, однако русские летописи свидетельствуют о существовании традиции добровольных подношений русскими князьями представителям ордынской администрации. Так, например, в 1318 г. великий князь тверской Михаил Ярославич, прибыв в Орду «по обычаю одари князи и царици, послѣди самого царя» [27, стб. 38]. В грамоте Тайдулы термин «дар» предстает дополнительным термином, внесенным в текст документа.

Термин «запрос» в русских источниках, повествующих о событиях XIII–XV вв., встречается только в качестве обозначения особой, экстраординарной, ордынской подати.

В летописях содержится всего два упоминания о сборе запроса. По свидетельству Новгородской первой летописи, в 1339 г. Иван Данилович Калита требовал запрос с новгородцев: «А еще дайте мне запрось цесаревъ, чого у меня цесарь запрошалъ» [21, с. 350]. Возможно, ханский запрос был связан с подготовкой к польской войне [7, с. 302]².

Рогожский летописей сообщает о выплате запроса в 1357 г.: «Того же лѣта прииде посоль изъ Орды именовъ Итъкара по запрось ко всемъ княземъ Роусьскимъ» [27, стб. 66]. В историографии высказывались разные точки зрения о причинах сбора этого запроса. По мнению А.Н. Насонова, запрос был связан с походом хана Джанибека на Тебриз [20, с. 106]. А.П. Григорьев причиной приезда посла называет чрезвычайный сбор средств для нового хана Бердибека. Ордынская аристократия оказала Бердибеку помощь при вступлении на престол, и хан был обязан ее оплатить [15, с. 129].

Запрос собирался по инициативе хана. Его выплату обеспечивали не ордынские чиновники, а русские князья. Единичные известия о сборе запроса свидетельствуют о чрезвычайно редких требованиях его выплаты. Этот вывод подтверждает отсутствие упоминаний о запросе в духовных и договорных грамотах русских князей. Запрос являлся реально существовавшим сбором в пользу Золотой Орды, однако в ханских ярлыках запрос предстает вставкой, добавленной в текст документов с целью увеличения перечня податей, от выплаты которых освобождались представители русского духовенства.

Термин «корм» имеет множество значений: «еда, пища, корм для скота», «угощение», «содержание на пропитании», «содержание за счет поборов с населения», «регулярное жалование, вознаграждение» [39, с. 316–317]. «Кормом» называлась также особая подать – содержание населением воинских контингентов или должностных лиц государственного управления [9, с. 197]. В качестве повинности корм известен с домонгольских времен [26, стб. 130, 462, 771]. В период монгольского господства корм сохраняет свое значение содержания представителей княжеской администрации [12, с. 141–142; 3, с. 204; 22, с. 198; 3, с. 152–153].

² В 1337 г. состоялся поход русско-ордынских войск на Люблин. Позднее хан Узбек собрал 40-тысячное войско против Польши [24, с. 391].

Как название ордынской подати корм упомянут только в документах краткого собрания ханских ярлыков. Источники русского происхождения не сообщают о предоставлении «корма» представителям ордынской администрации, однако договорные грамоты великих князей конца XIV–начала XV вв. свидетельствуют об обязанности русских князей содержать приезжавших на Русь ордынских послов [19, с. 38, 53].

В ханских ярлыках термин «корм» не является вставкой. Таким образом было переведено название налога *susun*. Этот налог фигурирует в грамотах юаньских правителей. В переводе на русский язык название налога передано словом «продовольствие». Также *susun* упомянут в ярлыках ордынских правителей конца XIV в. Ярлык Токтамышша, выданный Бек-хаджи в 1392 г., гласит: «Отныне и впредь на Сюткель [подать], ‘салык’ называемую, пусть не налагают; подводы и корма пусть не домогаются» [14, с. 128]. Ярлык Тимур-Кутлуга, выданный Мухаммеду в 1398 г.: «Кормов и фуража [от них] пусть не домогаются» [13, с. 127].

Термин «питие», питье, в русских источниках употребляется в качестве обозначения глагола пить, а также в значении напитка и водного источника [40, с. 62–63]. Как наименование ордынской подати питье зафиксировано только в ярлыках Бердибека и Тюляка. В других источниках питье как обозначение выплаты в пользу ордынской либо русской администрации не встречается. Питье, в отличие от корма, не фигурирует в ярлыках Токтамышша и Тимур-Кутлуга. В ярлыках Бердибека и Тюляка термин «питие» является вставкой, специально внесенной переводчиком документов, по смыслу дополняющей термин «корм».

Термин «подвода» в русских источниках употребляется как обозначение средств передвижения, а также транспортной повинности [40, с. 236–237]. Термин появился в эпоху монгольского господства. Во многих грамотах конца XIII–XV вв. «подвода» фигурирует как название повинности, предоставляемой представителям княжеской администрации [12, с. 141–142; 3, с. 16, 152, 204, 259; 23, с. 198 и др.]. Несмотря на отсутствие упоминаний подводы в источниках русского происхождения в качестве ордынской выплаты, этот термин не является вставкой в текст ханских ярлыков. Подвода отмечена в грамотах китайских правителей, а также в ярлыках Токтамышша и Тимур-Кутлуга. Оригинальное название подати – *ulaq*.

Термин «поплужное» в русских источниках XIII–XV вв. не встречается. В XVI в. зафиксировано существование «поплужной пошлины». В грамоте царя Федора Ивановича Афанасию Ивановичу Вельяминову 1589 г. эта выплата фигурирует как одна податей посадского населения Сольвычегодска [6, с. 659]. В качестве выплаты Золотой Орде поплужное упоминается только в ярлыке хана Менгу-Тимура. По смыслу поплужное соответствует подати под названием «рало». Рало в качестве налога с пахотного орудия или земельного участка, обрабатываемого этим орудием, упоминается в двух новгородских берестяных грамотах XII–XIII вв. [9, с. 286]. Подобно «войне» термин «поплужное» представляется вставкой, внесенной в текст ярлыка Менгу-Тимура переводчиком.

Термин «почестье» в источниках XIII–XV вв. не упоминается. Однако в качестве выплаты почестье фигурирует в двух документах домонгольского времени. Как подать с городского населения почестье упоминается в одной из

грамот комплекса документов, составляющих устав смоленского князя Ростислава XII в. [17, с. 146]. Возможно, почестье выплачивалось смоленскому епископу за проведение службы [5, с. 24–25]. Во втором документе, в котором отмечен термин «почестье», новгородской берестяной грамоте № 1059 второй половины XII в., известие об этой выплате кратко и не позволяет судить о ее характере («От Перенег к Гьлочану. Възми почестье, акъ ть мьловиль съ мною, въсади же и семь ... Кълико въземоу, въдамъ азъ» [43, с. 160–161]). В тексте документов краткого собрания почестье выступает в качестве дополнения к термину «дар», как питье выступает дополнением к корму.

Термин «тамга» имеет несколько значений: «печать», «клеймо», а также «налог, который должен платить торговец, желавший импортировать свои товары в определенный город и продавать их там» [45, с. 554].

Тамга в качестве налога на торговлю в Монгольской империи была введена во время правления Угедея в 1234–1235 гг. В середине XIII в. этот приказ подтвердил Мунке, а в 1260-е гг. – Хубилай [47, р. 170]. Согласно указу Угедея 1234–1235 гг. размер тамги составлял 10% на алкогольные напитки и 1/30 на другие товары [47, р. 170]. Тот же размер был установлен в государстве Хулагуидов [25, с. 245]. В Золотой Орде ставка тамги составляла 3%, но могла меняться в зависимости от обстоятельств [46, р. 82].

Кроме упоминания в ярлыке Менгу-Тимура, известно всего одно свидетельство о взимании тамги с русских земель. Согласно рассказу Новгородской первой летописи, в 1257 г. в Новгород «приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять татарове тамгы и десятины на Новѣгороде» [21, с. 82]. Позднее, зимой 1257–1258 гг., с князем Александром Невским в город прибыли «послы татарьскыи» «почаша просити... десятины, тамгы, и не яшася новгородцы по то, даша дары цесареву, и отпустиша я с миромъ» [21, с. 82]. С новгородцев потребовали уплату тамги в размере десятины [10, с. 72–73].

В дальнейшем тамга как монгольская подать в русских источниках не фигурирует. С XIV в. она многократно встречается в духовных, договорных и жалованных грамотах русских князей в качестве торгового налога, взимавшегося в пользу княжеской администрации [19, с. 8, 10, 11, 15, 19, 33–34, 42; 1, 40, 48, 53; 2, с. 49, 57, 58; 3, с. 22, 152, 193 и др.].

Тамга, переведенная как «торговые сборы», фигурирует в грамотах правителей Юань, а также в ярлыке Тимур-Кутлуга: «ни тамгу, ни тартнак [с них] пусть не берут» [13, с. 127]. Тамга с большой долей вероятности была указана и в оригинале ярлыка Менгу-Тимура. Термин «тамга» не был переведен на русский язык. В дальнейшем торговый налог, тамга, получил широкое распространение в русских землях и сохранил первоначальное название.

«Ям» – почтовая станция, почтовые лошади [34, стб. 298–299]. Русское слово «ям» восходит к тюрк. *yam* [8, с. 291]. В документах краткого собрания ханских ярлыков термин «ям» встречается только в ярлыке Менгу-Тимура. Самое раннее упоминание яма, собираемого в пользу Золотой Орды, в источниках русского происхождения относится только к XV в. Завещание великого князя Василия Дмитриевича 1406 г. гласит: «А перемѣнит богъ татаръ, и княгини моя емлетъ с тѣхъ волостей и съ сель дань себѣ, а сыну моему, князю Ивану, так же в ту дань не вступатися. А коли придет дань или ямъ, и княгини моя дасть с тѣхъ волостей и съ сель по розочту, што ся иметъ» [19, с. 56]. В документах второй половине XV в. встречается наименование «татарский

ям» [1, с. 214, 223, 229, 230–231, 231, 232–233, 252; 2, с. 357, 358]. С XIV в. ям стал собираться в пользу русских правителей [3, с. 204].

Ям представлял собой довольно сложную повинность. Согласно известиям персидских историков, Джувейни и Рашид-ад-дину, в монгольских землях почтовая станция, ям, находилась на обеспечении местного населения. Люди предоставляли средства передвижения, обеспечивали постой путников, корм и фураж для людей и животных [48, р. 33–34; 35, с. 266]. Сходным образом дело обстояло и на Руси. На рубеже XIV–XV вв. в уставной грамоте Василия Дмитриевича и митрополита Киприана значится: «а ям по старине с шестый день, а коли мои села князя великого дадут, тогды и митрополичи дадут» [3, с. 19]. Исследователи видят в этом указании трудовую повинность [16, с. 41; 11, с. 212–213].

В XV в. ям Золотой Орде выплачивался деньгами. Об этом свидетельствуют духовные и договорные грамоты русских князей: «А коли придет дань или ям, и княгини моя даст с тех волостей и с сел по разочту, што ся имет», «А дань и ям давати мне с моее отчины... по давнему... А переменит бог Орду, не иму давати татарам, и тебе имати дань и ям с своее отчины собе», «А давати мне... тебе... с своей отчины по тому разводу, как наперед сего давали в выход и в ям» [19, с. 56, 61 и др.].

Упоминание яма рядом с данью или выходом указывает на значительную роль этой выплаты. Ямская повинность была тяжела. Согласно документам, монастыри могли не платить ям русским князьям, но выплачивали ям в пользу татар. В ряде случаев предоставляя налоговый иммунитет, князья оговаривали, что на ям этот иммунитет не распространяется («опричь дани моей и яму... к волости... не тянути ничем», «не надобе ни подводы, опроче яму»). В некоторых документах упоминается льгота на ям – его не «тянут» некоторое время, при этом иные повинности не выплачиваются вовсе. Иногда в этих случаях дополнительно указывалось, что по окончании льготного времени выплата яма должна возобновиться [2, с. 89; 4, с. 200]. Несмотря на реальное существование ямской повинности, в ярлыке Менгу-Тимура термин «ям» предстает вставкой.

Сравнение ярлыков, выданных ордынскими правителями русским митрополитам, с грамотами правителей Юань, и ярлыками Токтамышша и Тимур-Кутлуга, а также анализ налоговой терминологии других документов показали, что текст ярлыков, входящих в краткое собрание, подвергся существенной переработке. При переводе в текст ярлыков ордынских ханов было добавлено значительное число налоговых терминов, которые не были прописаны в оригиналах документов. Некоторые из них обозначают реально взимавшиеся с русских земель ордынские выплаты – запрос, ям. Иные термины обозначают подати, известные в русских землях, но не собираемые в пользу Золотой Орды – дар, почестье. Такие термины как «воина» и «питье» не являются названиями налогов. Однако, в определенной мере, они отражают обязанности русских князей по отношению к завоевателям – участие русских войск в военных походах монголов («воина») и обязанность содержать монгольских представителей власти («питье»). Термин «поплужное» не встречается в документах, кроме ярлыка Менгу-Тимура, однако существовал похожий по смыслу налог, называемый «рало».

Дополнительные налоговые термины были добавлены в текст документов краткого собрания ханских ярлыков с целью увеличения перечня повинностей, от выплаты которых освобождались представители русского духовенства. Внушительный список налоговых ограничений был призван оградить церковное имущество от посягательств светских властей и, как следствие, способствовать расширению прав и финансовых привилегий русской церкви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 804 с.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 727 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 400 с.
5. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. 268 с.
6. Архив П.М. Строева. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. 32. Пг.: Тип. Главного управления уделов, 1915. 896 стб.
7. Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV века. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 391 с.
8. Владимирцов Б.Я. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам // Доклады Академии наук СССР. № 16. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 291–296.
9. Горский А.А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 410 с.
10. Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
11. Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 264 с.
12. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
13. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 9. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. С. 124–143.
14. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 8. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. С. 126–136.
15. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 273 с.
16. Гурлянд И.А. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1900. 339 с.
17. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.
18. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
19. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.
20. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 568 с.
22. Памятники русского права. Вып. 2. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1953. 442 с.

23. Памятники русского права. Вып. 3. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 528 с.
24. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 532 с.
25. Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 228–259.
26. Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 938 стб., 87 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
29. Поппе Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 167 с.
30. Правда Русская. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 505 с.
31. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941: Изд-во АН СССР. LXII, 147 с.
32. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР. 364 с.
33. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 968 стб.
34. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 1260 стб.
35. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
36. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М.: Русский язык, 1988. 527 с.
37. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975. 319 с.
38. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.
39. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1977. 403 с.
40. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989. 285 с.
41. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992. 288 с.
42. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 317 с.
43. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. 285 с.
44. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Bd. I. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1963. 557 s.
45. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1965. 671 s.
46. Pochekaev R.Yu. Tamgha and the struggle against it: on the history of medieval Turkic-Mongol taxation system // Golden Horde Review. 2014. No. 4 (6). P. 77–95.
47. Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Vol. 2. Paris: Presses universitaires de France, 1972. 197 p.
48. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

Сведения об авторе: Светлана Алексеевна Маслова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: sveta2687@yandex.ru

*Поступила 18.04.2023 Принята к публикации 24.08.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Acts of socio-economic history of North-Eastern Rus' of the end of the 14th – beginning of the 16th century. Vol. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 804 p. (In Russian)
2. Acts of socio-economic history of North-Eastern Rus' of the end of the 14th – beginning of the 16th century. Vol. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 727 p. (In Russian)
3. Acts of socio-economic history of North-Eastern Rus' of the end of the 14th – beginning of the 16th century. Vol. III. Moscow: Nauka. 688 p. (In Russian)
4. Acts of feudal land ownership and economy of the 14th–16th centuries. P. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. 400 p. (In Russian)
5. Alekseev L.V. Smolensk land in the 9th–13th centuries. Moscow: Nauka, 1980. 268 p. (In Russian)
6. Archive of P.M. Stroev. T. I. Russian Historical Library. Vol. 32. Pg.: Pr. of the Main Administration of the estates, 1915. 896 col. (In Russian)
7. Borisov N.S. The policy of the Moscow princes. The end of the 13th – the first half of the 14th century. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1999. 391 p. (In Russian)
8. Vladimirtsov B.Ya. Notes on the Ancient Turkic and Old Mongolian texts. Reports of the Academy of Sciences of the USSR, no. 16. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1929, pp. 291–296. (In Russian)
9. Gorsky A.A. Russian medieval society: historical and terminological guide. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2019. 410 p. (In Russian)
10. Gorsky A.A. The establishment of the Mongol empire's rule over Rus': regional specifics. *Historical Bulletin*. 2014. Vol. 10: Mongol conquests and Rus', pp. 58–79. (In Russian)
11. Gorsky A.D. Essays on the economic situation of the peasants of North-Eastern Rus' of the 14th–15th centuries. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1960. 264 p. (In Russian)
12. Charters of Novgorod the Great and Pskov. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 407 p. (In Russian)
13. Grigoriev A.P. Award in jarlyk of Timur-Kutluk. *Oriental Studies: philological studies*. Iss. 9. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1984, pp. 124–143. (In Russian)
14. Grigoriev A.P. Award in jarlyk of Toktamysh. *Oriental Studies: philological studies*. Iss. 8. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1981, pp. 126–136. (In Russian)
15. Grigoriev A.P., Grigoriev V.P. Collection of 14th-century Golden Horde documents from Venice. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2002. 273 p. (In Russian)
16. Gurland I.A. Yamskaya gon'ba in the Moscow state until the end of the 17th century. Yaroslavl: Pr. of the Provincial government, 1900. 339 p. (In Russian)
17. Old Russian princely statements of the 11th–15th centuries. Moscow: Nauka, 1976. 240 p. (In Russian)
18. Dictionary of the Ancient Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russian)
19. Spiritual and contractual charters of the great and state princes of the 14th–16th centuries. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences, 1950. 585 p. (In Russian)
20. Nasonov A.N. Mongols and Rus'. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. 178 p. (In Russian)

21. Novgorod first chronicle according to the Older and Younger Transcripts. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 642 p. (In Russian)
22. Monuments of Russian law. Iss. 2. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. 442 p. (In Russian)
23. Monuments of Russian law. Iss. 3. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1955. 528 p. (In Russian)
24. Pashuto V.T. Formation of the Lithuanian State. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 532 p. (In Russian)
25. Petrushevsky I.P. Iran and Azerbaijan under the rule of the Hulaguids. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka, 1977, pp. 228–259. (In Russian)
26. The complete collection of Russian Chronicles. Vol. II. St. Petersburg: Pr. of M.A. Alexandrov, 1908. 938 col., 87 p. (In Russian)
27. The complete collection of Russian chronicles. Vol. XV. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 540 p. (In Russian)
28. The complete collection of Russian chronicles. Vol. XVIII. St. Petersburg.: Pr. of M.A. Alexandrov, 1913. 316 p. (In Russian)
29. Poppe N.N. Square inscription. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 167 p. (In Russian)
30. Russian Pravda. Vol. I. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. 505 p. (In Russian)
31. Pskov chronicles. Iss. I. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, LXII, 147 p. (In Russian)
32. Pskov chronicles. Iss. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 364 p. (In Russian)
33. Radlov V.V. The experience of the dictionary of Turkic dialects. Vol. I. Part 1. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. 968 col. (In Russian)
34. Radlov V.V. The experience of the dictionary of Turkic dialects. Vol. III. Part 1. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. 1260 col. (In Russian)
35. Rashid ad-Din. Compendium of Chronicles. Vol. III. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 340 p. (In Russian)
36. Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries). Vol. I. Moscow: Russian language, 1988. 527 p. (In Russian)
37. Dictionary of the Russian language of the 10th–17th centuries. Iss. 2. Moscow: Nauka, 1975. 319 p. (In Russian)
38. Dictionary of the Russian language of the 10th–17th centuries. Iss. 4. Moscow: Nauka, 1977. 403 p. (In Russian)
39. Dictionary of the Russian language of the 10th–17th centuries. Iss. 7. Moscow: Nauka, 1977. 403 p. (In Russian)
40. Dictionary of the Russian language of the 10th–17th centuries. Iss. 15. Moscow: Nauka, 1989. 285 p. (In Russian)
41. Dictionary of the Russian language of the 10th–17th centuries. Iss. 18. Moscow: Nauka, 1992. 288 p. (In Russian)
42. Usmanov M.A. Chartered acts of Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1979. 317 p. (In Russian)
43. Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. Novgorod charters on birch bark (from excavations 2001–2014). Moscow: Languages of Slavic culture, 2015. 285 p. (In Russian)
44. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Bd. I. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1963. 557 s. (In German)

45. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1965. 671 s. (In German)

46. Pochekaev R.Yu. Tamgha and the struggle against it: on the history of medieval Turkic-Mongol taxation system. *Golden Horde Review*. 2014, no. 4 (6), pp. 77–95.

47. Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Vol. 2. Paris: Presses universitaires de France, 1972. 197 p. (In French)

48. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

About the author: Svetlana A. Maslova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: sveta2687@yandex.ru

*Received April 18, 2023 Accepted for publication August 24, 2023
Published September 29, 2023*

**ПИСЬМО ТАМЕРЛАНА МАМЛЮКСКОМУ СУЛТАНУ БАРКУКУ
И ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО БАРКУКА ТАМЕРЛАНУ
ОТ 795 Г.Х. / 1393 ГОДА**

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
adulya2@yandex.ru*

Цель: ввести в научный оборот русский перевод письма эмира Тимура (Тамерлана) к мамлюкскому султану Баркуку и ответное письмо Баркука Тамерлану, написанное 795 г.х. / 1393 г.

Материалы исследования: тексты писем были обнаружены на страницах сочинения ал-Макризи «*Китаб ас-сулук ли марифат дуваль ал-мулюк*» («Книга путей к познанию правящих династий»), в дальнейшем их также переписали Ибн Тагриберди и ас-Сирафи.

Результаты и научная новизна: в настоящей статье исследуется арабский текст и предлагается перевод на русский язык послания эмира Тимура мамлюкскому султану Баркуку и ответное письмо Баркука, написанное в 1393 г. Письмо было направлено в Каир Тамерланом с требованием проявить покорность и смирение. В.Г. Тизенгаузен несмотря на то, что использовал «Ас-Сулук» ал-Макризи не привел тексты этих писем предполагая, что они не имеют отношения к истории Золотой Орды. Однако, учитывая то, что в этот период сохранялись дипломатические отношения между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом и мамлюкский султан Баркук оказывал поддержку золотоордынскому хану Токтамышу, тексты писем могли бы дополнить известные нам сведения о взаимоотношениях двух государств.

Перевод обоих текстов на русский язык выполнен впервые. Послание эмира Тимура не несет каких-либо сенсационных известий, но уточняет отдельные весьма важные детали ситуации, сложившиеся в конце XIV века, и помогает более глубоко понять историю взаимоотношений Золотой Орды и мамлюкского султаната.

Ключевые слова: Тимур, Баркук, Золотая Орда, мамлюкский султанат, арабские источники, ал-Макризи

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. Письмо Тамерлана мамлюкскому султану Баркуку и ответное письмо Баркука Тамерлану от 795 г.х. / 1393 года // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 652–661. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.652-661 EDN: NJZAEY

© Сайфетдинова Э.Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**TAMERLANE'S LETTER TO THE MAMLUK SULTAN BARKUK
AND BARKUK'S RESPONSE LETTER TO TAMERLANE
DATED AH 795 / AD 1393**

E.G. Sayfetdinova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

Abstract: Purpose: The purpose of this study is to introduce the Russian translation of Emir Timur's letter to the Mamluk Sultan Barquq and Barquq's response letter to Tamerlane, both written in 795 AH / 1393, into scientific circulation.

Research materials: The texts of these letters were discovered within the pages of al-Makrizi's work "Kitab al-Suluk li Ma'rifat Duwal al-Muluk" ("The Book of Ways to Knowledge of the Ruling Dynasties") Later, these texts were transcribed by Ibn Taghriberdi and Ibn Sirafi.

Results and scientific novelty: This article examines the Arabic text of the letters and provides a translation into Russian of Emir Timur's message to Mamluk Sultan Barquq and Barquq's response letter from 1393. Emir Timur's letter, in particular, demanded humility and submission from the Mamluk Sultanate. It's worth noting that V.G. Tizenhausen, despite using "As-Suluk" by al-Makrizi, did not include the texts of these letters, suggesting they were unrelated to the history of the Golden Horde. However, considering that diplomatic relations were maintained during this period between the Golden Horde and Mamluk Egypt, and that Mamluk Sultan Barquq supported the Golden Horde's Khan Toktamysh, these letters could provide valuable information about the relationship between these two states. This study marks the first Russian translation of both texts. While Emir Timur's message may not contain sensational revelations, it does clarify essential details about the late 14th-century situation and contributes to a better understanding of the historical ties between the Horde and the Mamluk Sultanate.

Keywords: Timur, Barquq, Golden Horde, Mamluk sultanate, Arabic sources, al-Makrizi

For citation: Sayfetdinova E.G. Tamerlane's letter to the mamluk sultan Barkuk and Barkuk's response letter to Tamerlane Dated AH 795 / AD 1393. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 652–661. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.652-661 (In Russian)

События конца XIV века, происходившие в Золотой Орде во времена правления Токтамыша, нашли отражение и во взаимоотношениях Орды с мамлюкским Египтом. Как известно Токтамыш пытался создать международную коалицию против Тамерлана, направляя послов в разные государства он получил доброжелательные ответы от турецкого султана Баязита, мамлюкского султана Баркука. Поддерживали Токтамыша и Грузия, польско-литовская уния, Моголистан, Джелаириды и другие небольшие закавказские государства [8, с. 701–702].

В 786 г.х /1384–1385 г. в мамлюкский султанат прибывает первое посольство от Токтамыша [11, с. 329], в 796 г.х. / 1394 г. послы прибывают в город Дамаск, который тоже входил тогда в состав мамлюкского султаната [11, с. 329]. По сообщению Ибн Фурата именно в тот приезд посланники Токтамыша передали просьбу о поддержке со стороны султана Баркука: «чтобы

султан и он были одною рукою на мятежника-злодея Тимурленка» [11, с. 363]. В 797 г.х. / 1395 г. мамлюкский султан Баркук отправляет в Орду своего посла Тулумен-Алишаха и ходжу Меджетдин Исмаила. Они встречаются с Токтамышем в Сарае, но приходит известие о наступлении Тамерлана, которое вынуждает Токтамыша отправиться в поход. Послы мамлюкского султана прибывают в ставку Токтамыша вплоть до того, как узнают о поражении Токтамыша в битве с Тамерланом на реке Терек и возвращаются в Египет. О произошедших с ними событиях они рассказывают в султанском дворце¹.

Внутриполитическая ситуация, происходившая в Золотой Орде, волновала и переселенцев, которые были вынуждены покинуть родные татарские земли и жить в Египте. Одним из таких переселенцев был золотоордынский поэт С. Сарай², который будучи в Египте, сильно сопереживал этим событиям и свои переживания выразил в поэме «Сухайль и Гульдурсун» [10]. В сочинении сюжет раскручивается на фоне исторических событий, военного противостояния Токтамыша и Тамерлана.

Конечно, желания Тамерлана не распространялись только на взятие золотоордынских территорий, также его целью было захват и Ближнего Востока, в частности, Багдада и Дамаска. Обстоятельства, предшествующие написанию данного послания связаны с захватом в 1393 году Тамерланом Багдада. Правитель Багдада – султан Ахмед ибн Увайс бежал в Каир и нашел пристанище у мамлюкского султана Баркука³. Узнав об этом Тамерлан отправляет посольство в Каир с предложением союзнических связей, однако Баркук не простил Тамерлану взятие Багдада и приказал казнить послов Тамерлана. Этот поступок султана стал политическим вызовом для Тамерлана. В 1393 году он пишет письмо мамлюкскому султану Баркуку, в котором пытается запугать его и призывает проявить покорность. Однако ответ Баркука⁴ столь же жесткий и непокорный⁵, и после этого Тамерлан уже не решается на захват земель мамлюкского султана во времена правления Баркука. Тамерлану удается захватить Дамаск, который тогда входил в состав мамлюкского султана, лишь после смерти султана Баркука в 1399 г. во времена правления его сына Абу-л Фараджа, который не смог установить доверительные отношения с мамлюкскими эмирами.

---

¹ Более подробно о противостоянии Токтамыша с Тимуром см.: [7].

² О творчестве Сейфа Сарая и его эпохе можно подробнее ознакомиться в специализированном выпуске сборника *Золотоордынское наследие*. Сборник посвящен 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарая [3].

³ У золотоордынского поэта Сейфа Сарая также есть стихи посвященные прибытию султана Ахмеда ибн Увейса в Каир.

⁴ Ответное письмо Тамерлану было написано рукой китаб ас-сир, управляющим султанской канцелярией Бадр ад-дином Мухаммадом бин Фадл-аллахом ал-Омари. Бадр ад-дин Мухаммад бин Фадл-аллах ал-Омари – возможно родственник известного Шихаб ад-дина ал-Омари написавшего книгу «Пути взоров по государствам с крупными городами», отрывки из которой были переведены и опубликованы в «Сборнике материалов по истории Золотой Орды...» В.Г. Тизенгаузена. Шихаб ад-дин ал-Омари в свое время занимал должность секретаря египетского султана, которую получил в качестве преемника и имел доступ к архивам мамлюкского султаната. Возможно, его потомки также продолжили службу в мамлюкской канцелярии.

⁵ Об отношении к Тамерлану в мусульманских странах смотрите: [9, с. 77–88].

Текст письма был представлен на страницах различных мамлюкских источников (Макризи [1], Ибн Тагриберди [4], Ас-Сирафи [2]). Однако скорее всего Ибн Тагриберди (или как его еще именует В.Г. Тизенгаузен Абу-л Махасин (неопубликованный архив В.Г. Тизенгаузена)⁶ и Ас-Сирафи позаимствовали этот текст у ал-Макризи из его сочинения «Ас-Сулук»). Интересен тот факт, что текст письма Тамерлана схож (хотя более объемнее) с текстом письма Хулагу к султану мамлюков Кутузу и текст письма Баркука почти идентичен тексту ответного письма египетского султана Кутуза на послание Хулагу, направленное в Египет в 658 г.х /1260 году и также воспроизведенное на страницах летописи ал-Макризи [1, с.414]. Как отмечает М. Фаверо: «учебники секретарей канцелярии, составленные между 1340 и 1410 годами (и используя более древние документы) покрывают важную часть существования этого альянса. Их авторы предлагают нам точное описание некоторого числа писем, посланных султанами ханам. Сравнивая эти эпистолярные модели с моделями, переданными Золотой Ордой, мы видим, что стиль (дипломатический и кодикологический) их посланий был очень похожим. Главная причина следовала из факта, что секретари, чтобы ответить, вдохновлялись моделями, посланными их коллегами» [12, с. 76–77]. Таким образом, в канцелярии мамлюкских султанов (а ал-Макризи с 788 г.х. / 1386 г. служил в султанской канцелярии (*диван ал-инша*)), хранились дипломатические письма и использовались в качестве шаблонов. К сожалению, о находке самих документов – подлинников писем у нас на данный момент сведений нет. Однако изучение и введение в научный оборот текстов писем позволить нам дополнить исследование межгосударственных дипломатических обменов.

Русский перевод писем производится по изданию 1997 года, вышедшего в Бейруте⁷.

В 795 году пришло грозное письмо [от] Тамерлана. Он [Тамерлан] не признавал убийство своих послов.

Его текст:

«Создатель небес и земли, знающий и сокровенное, и явное. Лишь ты судишь между твоими рабами о том, в чем они расходятся!»⁸

Знайте, что солдаты Аллаха сотворены из гнева его, и низложат власть на того, чей гнев сойдет на него. Мы не проявляем сочувствие к ропщущему, не милосердны мы к плачущему. Аллах удалил милость из наших сердец. Горе, горе тем, кто не из [числа] наших последователей и нашей общины. Мы разорили земли, сделали детей сиротами, распространили по земле нечестия, стали презренными для нас ее знатные [мужи]. Мы силой овладевали их юртами, если в этом сомневался слушающий [о нас], и [как] говорится в том и [есть] проблема. Так скажи ему: *«Воистину, цари, когда вторгаются в какую-либо страну, разоряют ее и превращают знатных мужей в униженных»⁹.*

⁶ Неопубликованный архив В.Г. Тизенгаузена. Фонд № 52 Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

⁷ Ал-Макризи. «Китаб ас-сулук ли марифат дуваль ал-мулюк» /«Книга путей к познанию правящих династий»/. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-гылмия, 1997. Т. 5. С. 349–352.

⁸ Коран (39:46). Перевод Османова.

⁹ Коран (27:34).

И это из-за нашей бесчисленности и могущественности, наши кони быстры, чудо копыя остры, мечи молниеносны. И наши сердца подобны горам, наши армии подобны количеству песка. Мы герои и вожди, наше государство нерушимо, наш сосед не притеснен, наша слава никогда не померкнет. Кто ищет с нами мир, тому [будет] мир. Кто хочет с нами войны пожалеет, а кто говорит о нас то, чего не знает, тот невежда.

Если вы подчинитесь нашему приказу и примете наше условие, то у вас будет то, что есть у нас, и у вас будет то, что у нас. А если ослушаетесь и упорствуете в своем произволе, то не вините никого, кроме себя, ибо укрепленные крепости не [смогут] противиться [нам]. И города не в силах бороться с нами, не возродятся и не принесут пользы. Ваши молитвы о нас не будут услышаны. А как услышит Аллах ваши молитвы, если вы вкушали запретную пищу, губили людей, отбирали имущество сирот, принимали взятки от властимущих. Подготовлен для вас огонь и несчастная судьба. *«Воистину, те, которые по несправедливости проедают имущество сирот, наполняют брюхо свое огнем и будут гореть в адском пламени»*¹⁰. Когда вы сделали это, привели свои души к источнику опасности. И убив ученых, вы ослушались Господа земли и небес. И вы пролили кровь знатных [мужей]. И это о, Аллах, чрезмерность. И вы также [пребудете] в вечном огне. На следующий день будут кричать вам: *«Сегодня же воздаянием вам будет позорная кара за то, что вы бесчинствовали и предавались гордыне на земле без всякого на то права»*¹¹. И вы получите унижение и бесчестие. О проводники несправедливости и враждебности и уже одержало верх над вами неверие. Аллах укрепил в нас [осознание] того, что вы распутные безбожники. Мы для вас представители власти Всевышнего и его дела предопределены и повеления предрешены. Ваша знать у нас в прислугах, ваше множество для нас ничтожно. Потому что мы владеем землей на Востоке и Западе. Мы силой отобрали все ее корабли. Мы растолковали вам свою речь и поспешите с ответом, до того как спадет покрывало и разожжется война и наложится [на вас] ее бремя. И зальются слезами глаза смотрящих на вас. И призывал глашатаый разлуки: *«Разве ты видишь что-либо оставшееся от них?»*¹² Вы будете трястись [от страха], после того как услышите пронзительную песнь. *«Разве ты ощущаешь теперь их [присутствие] или слышишь хоть малейший отзвук от них?»*¹³.

Мы поступили справедливо, отправив вам [послание], не убивайте послов, как вы поступили с прежними, и [тогда] не ослушаетесь обычаев предков и не ослушаетесь Господа миров. *«На Пророка возложена лишь передача [откровения]»*¹⁴. Мы разъяснили Вам слова и поспешите с ответом.

И был написан ему [Тамерлану] ответ

И был написан ему ответ [Баркука]

---

¹⁰ Коран (4:10).

¹¹ Коран (46:20).

¹² Коран (69:8).

¹³ Коран (19:98).

¹⁴ Коран (5:99).

После басмаллы¹⁵:

«О Аллах! Властелин царства! Ты даруешь владычество, кому пожелаешь, и отнимаешь владычество, у кого пожелаешь; возвеличиваешь, кого пожелаешь, и унижаешь, кого пожелаешь»¹⁶.

Дошли [до нас] ваши слова безбожников и взгляды шайтана. Ваше послание известило нас о властители-преступнике и образе жизни правителей-безбожников и что вы твари, [созданные] от гнева Аллаха и владычествуете над теми, на кого нисходит гнев Аллаха, и что вы не проявляли сочувствие к ропщущему и не милосердны к слезе плачущего. Когда Аллах убрал милость от ваших сердец, и это наибольшее из ваших пороков и это признак шайтанов, а не правителей. И вам достаточно этого свидетельства, какое вы сами о себе описали.

Скажи, [Мухаммад]: «О вы, неверные! Я не поклоняюсь тому, чему вы поклоняетесь, а вы не поклоняетесь тому, чему я поклоняюсь. Я ведь не поклонюсь тому, чему вы поклонялись, и вы не поклонитесь тому, чему я поклоняюсь. Вам – ваша вера, мне же – моя вера!»¹⁷.

И в каждом писании (священных писаниях – С.Э.) вы прокляты и на языке каждого посланника оплаканы, везде вы скверно описаны и у нас есть сведения, что вы по происхождению неверные. Проклятие Божье на неверующих, кто держится принципов и не заботится о ветвях. Мы истинные верующие. Пусть не войдет в нас порок, и подозрение не повредит нам. Коран был ниспослан нам, и он Хвала ему, милосерден. Он не перестал существовать, поэтому мы поняли Его откровение, и мы познали благословение его истолкования, ибо для вас создан огонь, и для ваших кож он возгорелся.

«Когда разверзнется небо¹⁸ ....»

И самое удивительное, когда крыс устрашают тузовыми ягодами, львов гиенами, а воинов смертью. Наши кони быстрые, наши стрелы арабские, наши мечи йеменские, наши львы отважные, и об этом известно и на Востоке, и на Западе. Если мы убьем вас, то будем благоденствовать в торговле, если один из нас погибнет, между ним и раем будет час (воскресенья или Судный день – С.Э).

«Не считай же покойниками тех, которые были убиты [в сражении] во имя Аллаха. Нет, живы они и получают удел от Господа своего, радуясь тому, что Аллах даровал им [в раю] по милости Своей, радуясь тому, что нет причин для страха и печали у тех, которые еще не присоединились к ним. Они радуются милости и щедрости Аллаха, тому, что Аллах не оставит верующих без награды, которую они заслужили»¹⁹.

А что касается ваших слов: «Наши сердца как горы, наше количество словно песок», то мяснику неважно количество баранов и для разжигания огня не нужно много дров.

¹⁵ Басмала – исламский термин для обозначения фразы, с которой начинается каждая сура Корана, кроме девятой (Ат-Тауба) «во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного».

¹⁶ Коран (3:26).

¹⁷ Коран (109:4).

¹⁸ Коран (82:1).

¹⁹ Коран (3:169–171).

«Как много раз немногочисленная рать побеждала несметную рать по воле Аллаха!» Аллах – на стороне терпеливых»²⁰.

Бегство от беды, развязывание беды. Знайте, что стремительное наступление для нас желанная цель: если жить, то счастливыми, если умирать, то шахидами. Поистине, партия Аллаха победит. И вы требуете от нас покорности после того, что сделали с повелителем правоверных, наместником Посланника Господа миров?

Вы требуете от нас повиновения? Не [будем] ни слушаться, ни повиноваться. Вы требовали, чтобы мы разъяснили вам наши обстоятельства прежде, чем спадет покрывало. И в этом слабость системы и неверное ему следование. И если спадет покрывало, [разве] разъяснения [достигнут] ладана намерения (истинной цели – С.Э.) и [снизойдет] вера после обвинения в неверии? Или вы избрали для себя другого Бога? Вы требуете и думаете, что мы последуем вашей религии.

«Этим вы утверждаете гнуснейшую ложь. От этого небо готово расколаться, земля – разверзнуться и горы – рассыпаться во прах»²¹.

Скажи своему писцу, который написал письмо и описал речь. Пришло твое послание как биение ребаба²² или как жужжание мух.

«Вовсе нет! Запишем Мы то, что он говорит, и надолго продлим ему наказание. До Нас дойдут все его слова [хвастливые], и он предстанет перед Нами один-одинешенек»²³.

Если пожелает великий Аллах!

«А притеснители скоро узнают, какой поворот [судьбы] их ожидает»²⁴.
Вы были сбиты с толку тем, что вам прислали.

و فيه قَدِمَ كِتَابُ تَيْمُورَلَنْكٍ يَبْضُمُنُ الْإِرْعَادَ وَالْإِبْرَاقَ , وَ يَنْكُرُ قَتْلَ رَسَلِهِ
و نَصَهُ :

(قُلِ اللَّهُمَّ فَاطِرَ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ عَالِمِ الْغَيْبِ وَالشَّهَادَةِ أَنْتَ تَحْكُمُ بَيْنَ عِبَادِكَ فِي مَا كَانُوا فِيهِ يَخْتَلِفُونَ)
وإعلموا أنا جند الله مخلوقون من سخطه , ومسلطون علي من حلّ عليه غضبه , لا نَرُقُ لِشَاكٍ , ولا نرحم باكي. قد نزع الله الرحمة من قلوبنا , فاويل ثم الويل لمن لم يكن من حزبنا ومن جهتنا فقد خربنا البلاد , وأيتمنا الأولاد , وأظهرنا في الأرض الفساد , ودلّت لنا أعزّتُها , وملكننا بالشوكة أزمّتُها فإن خيّل ذلك علي السامع وأشكل , وقال إن فيه عليه مشكل , فقل له (إِنَّ الْمُلُوكَ إِذَا كَخَلُوا قَرِيَةً أَفْسَدُوهَا وَجَعَلُوا أَعْرَةَ أَهْلِهَا أَذَلَّةً) , وذلك لكثرة عدّنا , وشدة بأسنا , فخيولنا سوابق , ورماحنا خوارق و واسننتنا بوارق , وسيوفنا صواعق , وقلوبنا كالجبال , وجيوشنا كعدد الرمال , ونحن أبطال وأقيال , ومُلكنا لا يُرام , وجزأنا لا يُضام , وعزّنا أبدأبالسودد مُقام . فمن سالمنا سلّم , ومن رام حربنا ندم , ومن تكلم فينا بما لا يعلم جُهل . وأنتم فإن أطعتم أمرنا وقبّلتُم شرطنا , فلکم مالنا , وعليکم ما علينا , وإن انتم خالفتم وعلي بغیکم تماديتم , فلا تلوموا إلا انفسکم فالحصون منّا مع تشييدها لا تمنع , والمدائن بشدّتها لقتالنا لا تردّ ولا تنفع , ودعاؤکم علينا لا يُستجاب فينا فلا یسمع , فكيف یسمع الله دعاءکم وقد أکلتم الحرام وضيعتم جميع الأنام , وأخذتم أموال الأیّام , وقبّلتُم الرشوة من الحکم واعدتکم لكم النار وبنس المصير : (إِنَّ الَّذِينَ يَأْكُلُونَ أَمْوَالَ الْيَتَامَى ظُلْمًا إِنَّمَا يَأْكُلُونَ فِي

²⁰ Коран (2:249).

²¹ Коран (19:89–90).

²² Ребаб – смычковый инструмент.

²³ Коран (19:79–80).

²⁴ Коран (26:227).

بُطُونِهِمْ نَارًا وَسَيَصْلُونَ سَعِيرًا). فلما فعلتم ذلك و اردتم أنفسكم موارد المهالك , وقد قتلتهم العلماء , وعصيتهم رب الأرض والسماء , وأرقت دم الأشراف , وهذا وهذا والله والإسراف . فأنتم بذلك في النار خالدون , وفي غد ينادي عليكم : (فَالْيَوْمَ تُجْرَوْنَ عَذَابَ الْهُونِ بِمَا كُنْتُمْ تَسْتَكْبِرُونَ فِي الْأَرْضِ بِغَيْرِ الْحَقِّ وَبِمَا كُنْتُمْ تَكْفُرُونَ) فأبشروا بالمدلة والهوان , يا أهل البغي والعدوان وقد غلب عندكم أننا كفرة , وثبت عندنا أنكم والله الكفرة الفجرة , وقد سلطنا عليكم إله له أمور مقدره وأحكام مدبرة , فعزيزكم عندنا ذليل , وكثيركم لدينا قليل , لاننا ملكننا الأرض شرقا وغربا , وأخذنا منها كل سفينة غضبا وقد أوضحنا لكم الخطاب , فأسرعوا برد الجواب , قبل أن ينكشف الغطاء , وتضرم الحرب نارها , وتضع أوزارها , وتصير كل عين عليكم باكية , وينادي منادي الفراق : (هل تري لهم من باقية) ويسمعكم صارخ الغناء بعد أن يهزكم هذا , (هل تحس منهم من أحد أو تسمع لهم ركزا) , وقد أنصفناكم إذ راسلناكم , فلا تقتلوا المرسلين , كما فعلتم بالأولين , فتخالفوا كعادتكم سنن الماضين , وتعصوا رب العالمين , (فما علي الرسول إلا البلاغ المبين) , وقد أوضحنا لكم الكلام , فاسرعوا برد جوابنا والسلام .

فكتب جوابه بعد البسملة .

(قُلِ اللَّهُمَّ مَالِكِ الْمُلْكِ تُؤْتِي الْمُلْكَ مَنْ تَشَاءُ وَتَنْزِعُ الْمُلْكَ مِمَّنْ تَشَاءُ وَتُعِزُّ مَنْ تَشَاءُ وَتُذِلُّ مَنْ تَشَاءُ)

حصل الوقوف على الفاظكم الكفرية , ونزعاتكم الشيطانية , وكتابتكم يخبرنا عن الحضرة الجنائية , وسيرة الكفرة الملائكية , وأنكم مخلوقون من سخط الله ومسلطون علي من حل عليه غضب الله , وأنكم لا ترقون لشاك , ولا ترحمون عسيرة بال , وقد نزع الله الرحمة من قلوبكم , فذاك أكبر عيوبكم , وهذه صفات الشياطين .

لا من صفات السلاطين . و يكفيكم هذه الشهادة الكافية , وبما وصفتم به أنفسكم ناهية , (قُلْ يَا أَيُّهَا الْكَافِرُونَ * لَا أَعْبُدُ مَا تَعْبُدُونَ * وَلَا أَنْتُمْ عَابِدُونَ مَا أَعْبُدُ * وَلَا أَنَا عَابِدٌ مَا عَبَّدْتُمْ * وَلَا أَنْتُمْ عَابِدُونَ مَا أَعْبُدُ * لَكُمْ دِينُكُمْ وَلِيَ دِينِ)

ففي كل كتاب لعنتم , وعلي كل لسان كل مُرْسَل نُعْتَم , وبكل قببح وصفتم , وعندنا خبركم من حين خرجتم , أنكم كفرة , ألا لعنة الله على الكافرين , من تمسك بالأصول فلا يُبالي بالفروع , نحن المؤمنون حقاً , لا يدخل علينا عيب , ولا يضرنا ريب , القرآن علينا نزل , وهو سبحانه رحيم لم يزل , فتحققنا نزوله , وعلما ببركته تأويله , فالنار لكم خلقت , ولجلودكم أضرمت ,

إذا السماء أنفطرت

ومن أعجب العجب تهديد الرتوت بالتوت , والسباع بالضباع , والكماء بالكراع , نحن خيولنا برقية وسهامنا عربية , وسيوفنا يمانية , وليوثنا مصرية , وأكفنا شديدة المضارب , وصفتنا مذكورة في المشارق والمغرب , إن قتلتناك فنعم البضاعة , وإن قتل منا أحد فبينه وبين الجنة ساعة , (وَلَا تَحْسَبَنَّ الَّذِينَ قُتِلُوا فِي سَبِيلِ اللَّهِ أَمْواتًا بَلْ أَحْيَاءٌ عِنْدَ رَبِّهِمْ يُرْسِلُونَ , فَرِحِينَ بِمَا آتَاهُمُ اللَّهُ مِنْ فَضْلِهِ وَيَسْتَبْشِرُونَ بِالَّذِينَ لَمْ يَلْحَقُوا بِهِمْ مِنْ خَلْفِهِمْ أَلَّا خَوْفٌ عَلَيْهِمْ وَلَا هُمْ يَحْزَنُونَ , يَسْتَبْشِرُونَ بِنِعْمَةٍ مِنَ اللَّهِ وَفَضْلٍ وَأَنَّ اللَّهَ لَا يُضِيعُ أَجْرَ الْمُؤْمِنِينَ) وأما قولكم : (قلوبنا كالجبال , وعددنا كالرمال) , فالقصاب لا يبالي بكثرة الغنم , وكثير الحطب يفنيه القليل من الضرم (فكم من فئة قليلة غلبت فئة كثيرة باذن الله والله مع الصابرين)

الفرار الفرار من الرزايا وحول البلايا , وأعلموا أن هجوم المنية , عندنا غاية الأمانة إن عشنا عشنا سعداء وإن قتلنا قتلنا شهداء . الا إن حزب الله هم الغالبون , أبعد أمير المؤمنين , وخليفة رب العالمين . تطلبون منا طاعة ؟ لا سمع لكم ولا طاعة وطلبتم أن نوضح لكم أمرنا , قبل أن ينكشف الغطاء , ففي نظمه تركيك , وفي سلكه تليبيك , لو كشف الغطاء لبان القصد بعد بيان , أكفر بعد الإيمان ؟ أم أتخذتم إليها ثان

؟ وطلبتم من معلوم رأيكم , أن نتبع ربكم (لَقَدْ جِئْتُمْ شَيْئًا إِذَا تَكَادُ السَّمَاوَاتُ يَتَفَطَّرْنَ مِنْهُ وَتَنْشَقُّ الْأَرْضُ وَتَخِرُّ
الْجِبَالُ هَدًّا)

قل لكاتبك الذي وضع رسالته , ووصف مقالته : وصل كتابك كضرب رباب , أو كطنين ذباب
كَلَّا سَنَكْتُبُ مَا يَقُولُ وَنَمُدُّ لَهُ مِنَ الْعَذَابِ مَدًّا , وَنَرْتُهُ مَا يَقُولُ
إن شاء الله تعالى .
وَسَبِّعْلُمْ الَّذِينَ ظَلَمُوا أَيَّ مُنْقَلَبٍ يَنْقَلِبُونَ
لقد لبكتم, في الذي أرسلتم , والسلام .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Макризи. Китаб ассулук ли марифат дуваль ал-мулюк / Книга путей к познанию правящих династий / Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмия, 1997. Т. 5. 464 с.
2. Ас-Сирафи. Назха ан-нуфус ва ал-абдан фи таварих аз-заман / Отрада душ и тел в историях эпохи / Каир: Матбага дар ал-кутуб, 1970. 544 с.
3. Золотоордынское наследие: Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021 340 с.; 12 с ил.
4. Ибн Тагриберди. Ан-нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира / Яркие звезды в (жизнеописании) монархов Египта и Каира / Издание первое, в 16 томах. Критическое издание: Мухаммад Хусейн Шамс ад-дин. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмия, 1992.
5. Коран. URL: <https://tanzil.net/> (дата обращения 11.05.2023)
6. Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
7. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
8. Миргалеев И.М. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // Золотая Орда в мировой истории: монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 698–704.
9. Миргалеев И.М., Адыгамов Р.К., Абдурахман Х.Х. Личность Тамерлана в трудах богословов Средневековья // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 77–88. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.77-88
10. Сайфи Сараи. Сухейль и Гульдурсун. URL: <https://greylib.align.ru/1261/sajfi-sarai-suxejl-i-guldursun.html> (дата обращения 11.05.2023)
11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
12. Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

Сведения об авторе: Эльмира Гадельяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 19.05.2023 Принята к публикации 10.08.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Al-Makrizi. The book of paths to the knowledge of the ruling dynasties. Beirut: Dar al-kutub al-ilmiya, 1997. Vol. 5. 464 p. (In Arabic)
2. As-Sirafi. Joy of souls and bodies in the stories of the era. Cairo: Matbaga dar al-kutub, 1970. 544 p. (In Arabic)
3. Golden Horde heritage: The collection of articles dedicated to the 700th anniversary of the birth of the medieval Tatar poet, Seif Sarai. Issue 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 340 p., 12 p. with ill. (In Russian)
4. Ibn Tagriberdi. Bright stars in (biography of) the monarchs of Egypt and Cairo. Izdanie pervoe, v 16 tomakh. Kriticheskoe izdanie: Mukhammad Khuseyn Shams ad-din. Beirut: Dar al-kutub al-ilmiya, 1992. (In Arabic)
5. Koran. URL: <https://tanzil.net/> (accessed 11.05.2023) (In Arabic)
6. Mirgaleev I.M. *Wars of Tokhtamysh Khan with Aksak Timur*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2003. 88 p. (In Russian)
7. Mirgaleev I.M. *Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamysh Khan*. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. Attempts to revive the Golden Horde at the end of the 14th – the beginning of the 15th century. *The Golden Horde in World History: Monografiya*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 698–704. (In Russian)
9. Mirgaleev I.M., Adygamov R.K., Abdurrahman H.H. The Personality of Tamerlane in the Works of Medieval Theologians. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 77–88. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.77-88 (In Russian)
10. Sayfi Sarai. Sukheyl' i Gul'dursun. URL: <https://greylib.align.ru/1261/sajfi-sarai-suxejl-i-guldursun.html> (accessed 11.05.2023) (In Russian)
11. Tizengauzen V.G. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde*, Vol. 1: [Extracts from Arabic Works]. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)
12. Favereau M. How the Mamluk Sultan Addressed the Golden Horde's Khan. The Form of Letters and Rules for Their Compilation. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84 (In Russian)

About the author: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

Received May 19, 2023 Accepted for publication August 10, 2023
Published September 29, 2023

**НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕМАНОВ А.Г. МЕЖДУ ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДОЙ И ПОЛУДЕННЫМ СОЛНЦЕМ:
КАФА В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ XIII–XV ВЕКОВ**

В.А. Евстиунин

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

v.a.evstiunin@utmn.ru

В статье рассматривается монографическое исследование профессора Тюменского университета А.Г. Еманова, представляющее собой попытку культурно-антропологической проблематизации сферы экономических отношений Старого Света в XIII–XV вв. на основе изучения истории одного из крупнейших центров торговли и ремесла той эпохи – крымского города Кафа (современная Феодосия). Исследование базируется на широком круге письменных и вещественных источников. Проанализирован внушительный массив частноправовых актов, публичных и частных документов на латинском, среднегреческом, народных романских, германских, славянских и иных европейских и восточных языках, активно задействованы нумизматические коллекции. Автором составлена топография распространения кладов и единичных находок монет Кафы в Восточной Европе. В качестве главной исследовательской гипотезы можно отметить рассмотрение исторических процессов не в качестве устойчивой дихотомии Запад–Восток, но как взаимосуществование Севера и Юга. Основной особенностью авторского стиля является склонность к метафорам и этимологическим экзерсисам. Север обозначен им Полярной звездой, а Юг Полуденным Солнцем, поскольку так они символически обозначались средневековыми людьми, прежде всего купцами и моряками. Торговый и культурный обмен между Севером и Югом обозначен автором оригинальным терминологическим сочетанием «меридиональная коммуникация». Главной отличительной особенностью книги является реконструкция автором восприятий товаров, вывозившихся из Кафы, средневековыми европейцами, их отражений в городской культуре. Здесь, к примеру, изображения сибирских мехов в европейской геральдике. Также предпринята попытка реконструкции менталитета (мышления) деловых людей той эпохи, согласно выводам автора, не сводимого к жажде наживы, но подчиненного этосу – модели поведения, совокупности ценностных ориентаций, добродетелей, включающих любовь к ближнему и призрение бедных и слабых.

Ключевые слова: Еманов А.Г., Кафа, Феодосия, XIII–XV вв., экономическая история, меридиональная коммуникация, историческая антропология, аксиология, этос

© Евстиунин В.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Евстиунин В.А. Новые горизонты Средневекового Причерноморья. Рецензия на книгу: Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 662–680. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.662-680 EDN: OQDFUV

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

**NEW HORIZONS OF THE MEDIEVAL BLACK SEA REGION.
BOOK REVIEW: EMANOV A.G. BETWEEN THE POLAR STAR
AND THE MIDDAY SUN: CAFFA IN WORLD TRADE
IN THE 13TH – 15TH CENTURIES**

V.A. Evstiunin

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
v.a.evstiunin@utmn.ru*

Abstract: This article delves into the monographic study by Professor A.G. Emanov of the University of Tyumen. It represents an attempt to culturally and anthropologically explore the sphere of economic relations in the Old World during the 13th–15th centuries, centered around an in-depth examination of the history of one of the largest trade and craft hubs of that era – the Crimean city of Caffa (modern-day Feodosia). The study draws upon a broad spectrum of written and material sources. The author meticulously analyzed private legal documents, both public and private records in various languages such as Latin, Middle Greek, folk Romance, Germanic, Slavic, as well as other European and Oriental languages, along with collections of numismatic artifacts. The author also compiled a topography detailing the distribution of treasures and individual finds of Caffa's coins in Eastern Europe. The primary research hypothesis is a departure from the conventional West-East dichotomy, proposing instead the coexistence of the North and the South as central to historical processes. The author's distinctive style is marked by a penchant for metaphors and etymological exercises. He symbolizes the North as the North Star and the South as the Midday Sun, aligning with how medieval people, especially merchants and sailors, referred to them. To characterize trade and cultural exchange between the North and the South, the author employs the unique term “meridional communication.” The book's most distinguishing feature lies in the author's reconstruction of how medieval Europeans perceived goods exported from Caffa. This perception is explored in the context of urban culture, including the representation of Siberian furs in European heraldry. Additionally, the author reconstructs the mindset of businesspeople from that era. His conclusions suggest that their motives were not purely driven by greed but rather guided by ethos – a behavioral model characterized by a set of value orientations and virtues, encompassing elements such as charity and compassion for the less fortunate and vulnerable.

Keywords: A.G. Emanov, Caffa, Feodosia, 13th–15th centuries, economic history, meridional communication, historical anthropology, axiology, ethos

For citation: Evstiunin V.A. New Horizons of the Medieval Black Sea Region. Book Review: Emanov A.G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th–15th Centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 662–680. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.662-680 (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

2022 г. был отмечен выходом в свет новой книги известного российского медиевиста и византиниста [6], главного научного сотрудника Лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского университета, основателя тюменской школы медиевистики, А.Г. Еманова «Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии». Это побуждает обратиться к рассмотрению более ранней книги автора «Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков» [4]. В ней получили развитие идеи, намеченные еще в первой книге ученого «Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв.» [7], которая была напечатана в Тюмени в 90-е гг. прошлого века, и, снабженная авторскими рисунками, схемами и картами, ныне представляет собой библиографическую редкость.

В 2019 г. книга была удостоена реферативного обзора И.А. Эман [13]. В данном обзоре внимание было сосредоточено на рассмотрении экономической и социальной составляющих исследования, что дает повод для изучения концептуальных построений исследователя, позиционировавшего свою работу как попытку «культурологического взгляда» на сферу экономических отношений изучаемой им эпохи.

Автор отчетливо стремится к альтернативному осмыслению мировых процессов, рассматривая их не в привычной дихотомии «Запад–Восток», но в меридиональной плоскости «Север–Юг». Метафора «Запад–Восток» не отвергается автором полностью, но корректируется культурно-антропологической оптикой «Север–Юг». Так материальные и нематериальные феномены, традиционно соотносимые с Западом, или с Востоком, автор предлагает рассматривать как имеющие отношение одновременно к Северу и Югу.

Наряду с этим в обеих метафорах автором снимаются акценты с противопоставления – не противостояние, а сосуществование «Запада» и «Востока», «Севера» и «Юга». Автором признается условность подобных делений, обозначенная им в качестве «интеллектуального мифа», однако из двух устоявшихся метафор значение дихотомии «Север–Юг» признается автором бóльшим как в экономическом и социальном, так и в культурном и аксиологическом контекстах. Торговый обмен рассматривается им одновременно и как культурный и аксиологический обмен, поскольку наряду с перемещением людей и товаров осуществлялся трансфер технологий, культурных достижений и идеалов. Им подчеркивается, что Север для южан и Юг для северян выступали объектами духовных исканий, целью паломничеств в поисках совершенных форм жизни, в ходе которых достигалось духовное восхождение. Описанное выше, по мысли автора, выражено в этосе (идеале поведения) купца и предпринимателя («делового человека»), в разные исторические периоды покидавшего родные края не только ради погони за переменчивыми прибылями, но также ради поиска совершенства.

Торговый и культурный обмен между Севером и Югом обозначен автором оригинальным терминологическим сочетанием «меридиональная комму-

никация», в основу которого положена метафора географического меридиана как обозначения вектора движения.

При этом метафора «Север–Юг» была избрана автором не только из-за нового культурного контекста и слабой освоенности проблематики в сравнении с направлением «Запад–Восток» в контексте экономической истории, но и по результатам исследований в области новой социальной, экономической и интеллектуальной истории. Так экономическая и социальная составляющие книги во многом основаны на ранних штудиях автора, проводившихся в советский период [8]. При этом обращения к новым «западным» областям исторического знания могут быть поняты как стремление предложить альтернативу марксистской методологии – обусловленности культуры материальными, социально-экономическими факторами. Впрочем, дать ответ на вопрос о том, что в его случае было первичным, – интерес к культуре, или к экономическим и социальным процессам, может лишь сам автор книги [1]. Рецензентом явственно прочитывается первое.

Попытку реализовать сформулированные им идеи автор предпринял на материале изучения истории крымского города Кафа (современная Феодосия), в Средневековье являвшегося одним из крупнейших центров торговли и ремесла Старого Света, располагавшимся на пересечении торговых путей и культурных коммуникаций между Западом и Востоком и между Севером и Югом. Последнее было менее изучено предшественниками не только в культурно-ценностном, но и в экономико-социальном плане, что еще в советский период предоставило автору основание для выдвижения проблемы «Север–Юг» на первое место [8].

Выбор Кафы определил хронологические и территориальные рамки исследования. Хронологические рамки ограничены XIII–XV вв., периодом наибольшего расцвета города, когда свершились масштабные положительные изменения в мореплавании и торговле, давшие исследователям основание характеризовать это время как эпоху коммерциализации и протоиндустриализации. Территориальные рамки исследования задаются, с одной стороны, микромасштабом – территорией Кафы, и, с другой стороны, макромасштабом – пространством всего Старого Света. Таким образом, происходившие в Старом Свете в указанный хронологический период процессы были показаны на материале малой выборки – торговля и культурный обмен Кафы, отразившей свойства генеральной совокупности – торговля и культурный обмен в масштабе всего Старого Света. То есть Кафа, по мысли автора, подобно капле воды, отразила в себе «наиболее существенные характеристики мирового континуума XIII–XV вв.» [4, с. 296].

В рассматриваемой книге метафора «Север–Юг» усложнилась. Север был обозначен автором Полярной звездой, а Юг – с Полуденным Солнцем, поскольку так они обозначались средневековыми деловыми людьми, преимущественно купцами и мореплавателями, для которых эти астрономические объекты выступали главными ориентирами в их странствиях. Приводятся наблюдения из языка латинских и византийских мореплавателей, купцов и путешественников эпохи Позднего Средневековья деятельность которых была связана с Кафой. Так средневековыми латиноязычными мореходами Север обозначался как «Septentrio» – «Семизвездье», «Aquilo» – «Северный ветер»; византийскими мореплавателями Север обозначался как «Βορέας» –

древнегреческое божество ледящего ветра. Юг обозначался латинянами «Meridio»¹ – от словосочетания «medius dies» – «полдень» или «Auster» – южный ветер; византийцами – «Νότος», «жаркий иссушающий Нот». Запад, соотносившийся средневековыми людьми с заходом солнца, обозначался латинскими авторами как «Occidens» и «Ponente», а мореходами – в розе ветров «Favonius», византийцами Запад фиксировался как «Ζέφυρος», божество теплого западного ветра; Восток отмечался латинскими картографами как «Oriens» и «Levante», моряками – «Vultunus», византийскими мореплавателями – как «Εὔρος», божество переменчивого свежего восточного ветра [4, с. 5].

Описанное иллюстрирует главные особенности авторского стиля, в котором написана книга. Это склонность к метафорам и этимологическим экскурсам, часто встречающимся на ее страницах.

Цель исследования сформулирована автором как необходимость решения проблемы «Север-Юг» в истории международных экономических отношений на материале Кафы. При этом автор подчеркивает, что для него являлось приоритетным не столько рассмотрение товарной структуры обмена между Севером и Югом, сколько установление «реальной значимости» южного товарного потока для Севера [4, с. 23] – южных товаров, вывозившихся из Кафы на Север. При этом продолжение формулировки об установлении значимости северного товарного потока для Юга опускается автором, однако раскрытие этого аспекта присутствует в книге [4, с. 77, 146, 185, 213, 270]. Под формулировкой «реальная значимость» автором понимается реконструкция восприятия средневековыми людьми товаров в их повседневной жизни как в рациональном (использование в практической деятельности, быту), так и в иррациональном (приписывавшиеся предметам мистические, магические и астрологические качества) аспектах. Здесь особенно просматривается приверженность автора к исторической антропологии, новой социальной и интеллектуальной истории, объектом изучения которой является мыслительное наследие людей, не создававших научных, либо художественных произведений, подлежавших публикации, и потому в течение долгого времени не привлекавших внимания исследователей, в частности, купцов, торговцев, ремесленников, моряков.

Далее следует обзор источников. Они систематизированы в тринадцать групп, упорядочены по принципу верифицируемости. Автором привлекались как письменные, так и вещественные источники. В качестве наиболее информативной группы сам автор отметил частноправовые акты, составленные итальянскими (преимущественно генуэзскими) нотариями в Кафе и иных городах Средневековых Причерноморья и, в целом, Средиземноморья. Автором не игнорировались и самые сложные для изучения группы источников. Здесь, к примеру, эпистолярные документы, письма, написанные в Кафе факторами крупного тосканского купца Франческо Датини. Работа со специфической лексикой нотариальных актов, составлявшихся в средневековом Причерноморье на варварской латыни с неизбежными вкраплениями из староитальянского, староиспанского, старофранцузского, среднегреческого, арабского и тюркского языков как составных частей универсального разговорного средиземноморского *lingua franca*, по мнению рецензента, предопределила

---

¹ Данный латинский корень обнаруживается также при рассмотрении терминологического сочетания «меридиональная коммуникация» и отсылает к этимологии слова «меридиан», положенного автором в основу метафоры.

склонность автора к этимологическим экзерсисам и метафорам, которыми, как уже было отмечено в рецензии, изобилует книга. Также следует особо отметить обращение автора к нумизматическим источникам – на их материале проведено нумизматико-топографическое исследование, приобретающее самостоятельную ценность [4, с. 270, 304–315].

Книга состоит из трех глав, каждая из которых включает в себя по четыре параграфа. Главы и составившие их параграфы упорядочены по проблемным полям. В название каждой из глав положена метафора.

Первая глава – «Кафа на путях “из Варяг в Греки” и обратно» [4, с. 42]. Использование автором метафоры “пути из Варяг в Греки” для XIII–XV вв., когда, казалось бы, таковой прекратил свое существование под воздействием завоеваний монголов, приобретает новый смысл. Так автором показывается, что «меридиональная коммуникация» на покоренных монголами территориях Восточной Европы не только не прервалась, но обрела новое качество, получив инфраструктурное обеспечение в виде переориентированной на речные магистрали ямской системы и ясачной практики.

Автором обосновывается понимание “путей из Варяг в Греки” как широкой зоны коммуникаций, где помимо днепровской, донской и волжской магистралей действовало множество путей по малым рекам и водоемам. При этом автором подчеркивается движение не только с Севера на Юг, но и обратно, оттеняется важность «южного импорта» как в экономико-социальной, так и в культурно-аксиологической перспективах.

Метафоричность ощущается и в авторском видении пространств «Севера» и особенно «Юга». Если «Север» определяется достаточно четко: по автору, это – земли, лежавшие к северу от широты Кафы, вне зависимости от долготы, то к южным землям автор относит не только территории, расположенные к Югу от широты Кафы, вне зависимости от долготы, но также регионы, находившиеся севернее широты Кафы, образ которых традиционно соотносится с Югом, например, Венеция, Милан, иные города Северной Италии и юг Франции.

В рамках рассмотренной в первой главе меридиональной коммуникации на территории западной части Монгольской империи (впоследствии западной части Золотой Орды) автором относятся к Северу все территории Восточной Европы, покоренные монголами, либо избежавшие завоевания; к Югу отнесены Византия, государства, в течение полувека существовавшие на ее территории после Четвертого крестового похода, Трапезундская империя, «сиропалестинские и египетские земли». Также в первой главе затрагиваются территории, имевшие торговые отношения с Кафой, но выходявшие за пределы монгольского мира и лежавшие на “пути из Варяг в Греки” в его традиционном восприятии. Так, страны Северной и Центральной Европы, Приполярье Восточноевропейской и Западносибирской равнин относятся автором к Северу; Индия, государства Апеннинского и Пиренейского полуостровов – к Югу. Кафа, при этом, как в рамках проблематики первой главы (на “путях из Варяг в Греки”), так и последующих глав, показывается автором «причастной и Северу, и Югу одновременно» как в социо-экономической, так и в ценностно-культурной проекциях, что становится одним из существенных выводов в завершении книги.

В первом параграфе [4, с. 43], озаглавленном «Место Кафы в сообщениях между Севером и Югом», детализируется пространство коммуникаций, сложившееся на покоренных монголами и избежавших завоевания территориях на «путях из Варяг в Греки» в XIII–XV вв., представляются основные логистические маршруты, их сравнительная интенсивность, уточненные автором на основе нумизматического топографирования.

Также автором артикулируется еще одно метафорическое обозначение Юга (территорий, примыкавших с юга к Средиземному морю), характерное для средневековых мореплавателей – «*Ultramarè*», или «Заморье».

Во втором параграфе [4, с. 54], озаглавленном «Структура северного экспорта», приводятся данные о товарах, вывозившихся из северных земель на Юг через Кафу. Реконструкция ассортимента и стоимости товаров, проходивших через кафский порт, их обозначения в латинских, византийских, славянских, восточных и иных текстах, особенностей транспортировки, использования и восприятия современниками произведена автором с исчерпывающей полнотой. Также убедительной выглядит авторская классификация товаров – их отнесение к Северу, либо Югу. Описание северных товаров автор начинает с мехов. Так в Кафе встречались «все известные в мире виды мехов и самого лучшего качества» [4, с. 54].

После идет детальное описание продукции скорняжного ремесла Кафы, слабо представленного в предшествующей историографии, дается убедительное толкование тарификации «меха Кафы». Приводится высказывание Субхи Лабиба о том, что Генуя, одна из крупнейших морских держав той эпохи, лишилась половины своего флота, дабы добиться доминирующего положения в вывозе русских мехов из Кафы во все части Средиземного моря [4, с. 66].

Вызывает интерес характеристика «экзотических товаров Севера». В первую очередь, речь шла о красных кречетах и белых соколах, отлов которых велся на Северном и Приполярном Урале; они предназначались для соколиной охоты монархов и высшей княжеской аристократии южных стран. Любопытны сведения о моржовом бивне («рыбьем зубе»), который промышлялся на крупнейших лежбищах моржей на островах Вайгач и Новой Земли за Полярным кругом; он предпочитался косторезами Ренессансной Италии, ценился выше слоновой кости.

Автор справедливо акцентирует внимание на продукции северного ремесла, прежде всего, на «русском текстиле». Здесь особую значимость приобретала льняная ткань за ее удивительные свойства давать прохладу, свежесть, легкость, что по достоинству ценилось на Юге.

В третьем параграфе [4, с. 77], «Структура южного импорта», приводятся данные о товарах, импортировавшихся в Кафу с Юга и следовавших далее, на Север. Среди таковых автор на первое место ставит не текстиль, на чем настаивала предшествовавшая историография, но металлы и изделия из них – золото и золотые монеты (флорентийские флорины, генуэзские дженовины, венецианские дукаты, византийские иперпиры), ювелирные украшения; серебро и серебряные монеты (трапезундские / комниновские аспры, золотоордынские танги, османские акче, александрийские дирхемы, венецианские гроссо и генуэзские денарии гроссо, известные в России как «фряжское серебро»), изделия из серебра. Золото, серебро и монеты из этих металлов были единственными товарами, свободными от налогообложения. Вслед за этим

помещалась медь и «очень редкое» олово. Из меди и олова ремесленниками Кафы производилась бронза, из которой ими отливались, в частности, стволы для огнестрельного оружия, также экспортировавшееся на Север. После указывалось «железо всех сортов», подчеркивалось его потребление в кафском железоделательном производстве для изготовления всевозможных изделий, включая холодное оружие и доспехи. Отмечается также ввоз в Кафу свинца, воспринимавшегося в Средние века как «прокаженное золото», ртути, казавшейся людям Средневековья «живым серебром», вермиллона (сульфида ртути), туции (окисла цинка), цинка и даже латуни. Этот широкий ассортимент сырых металлов дал повод исследователю сравнивать ремесленный потенциал Кафы с Генуей и Константинополем.

Только на второе место ученый помещает текстиль – фландро-французские (шалонские, шампанские, реймские) и итальянские (ломбардские, пармские, бергамские, пьячентинские) тонкие и толстые сукна, кипрский камлот. Наряду с сукном в Кафу ввозились ткани из конопли, льна, хлопка (бумазея, холст, саржа, сатин). Были шелковые (скамандр, бокаран, артагаз, тауси, аксамит, фодудья, оловир, куфтерь, камка, камокат, атлас, тафта, изорбаф, кутня, объарь, велюр, бархат) и парчовые (алтабас, байберек, сендал, назик, фарауз, кара, хиндряк, шида, мафория, сакос, куфия, сай) материи. Особое место занимали сирийский хлопок, «крупчатая бумага» (хлопок в тюках), сырой лен, шелк-сырец и шелковая пряжа. Исключительно значим вывод исследователя о шелкоткачестве в самой Кафе, продукцией которого стали «кафимские» шелковые и парчовые материи разных сортов.

На третье место автор ставит бумагу из Италии и Испании, констатируя отсутствие в Кафе своего бумажного производства из-за дефицита проточной пресной воды. Из Кафы итальянская бумага распространялась на Север. Отмечается ввоз книг в Кафу, начало книготорговли.

После характеризуется ввоз в кафский порт итальянской керамики (ярра, бариль, мецароло), генуэзской майолики, египетской глазури, византийского граффито, персидского кобальта, сирийских спринклеров, арабского стекла, бижутерии Мурано; отмечается наличие в Кафе собственного гончарного и стеклодувного производств, особой местной ремесленной традиции.

Затем представляется импорт в Кафу сельскохозяйственной продукции Юга (оливковое масло, оливы, маслины, орехи, миндаль, шафран, каштаны, фрукты, сахар). Отмечаются полезные гастрономические и медицинские свойства продуктов, как соответствующие действительности, так и приписываемые им средневековыми людьми.

Отдельно выделяется вино, поскольку оно важно в таинстве евхаристии и в поддержании здоровья горожан [4, с. 117]. Оно привозилось в кафский порт в двуручных амфорах и бочках. Ассортимент вина поражал своей широтой – мальвазия, миланское, неаполитанское, греческое, марсельское, провансальское и др. Вино не распространялось далеко на Север, поскольку на Руси и в Татарии его почти не пили.

Заключают обзор южного импорта редкие товары. Среди таковых южные специи – цератоний, ладан, амбра, кассия, фисташки, мастика, кораллы и мыло. Последнее стало известно на Севере только благодаря Кафе. В завершении констатируется, что «широта предложенного импорта продолжала оставаться следствием большей благоприятности естественно-географи-

ческой среды южных стран, более легкой доступности ископаемых недр и богатства агрокультуры Юга» [4, с. 121].

В четвертом параграфе [4, с. 122], озаглавленном «Фигура купца», средневековому рисуются образы северных и южных купцов, действовавших на «путях из Варяг в Греки». Описываются их путешествия на Юг и на Север, замысловатые коммерческие практики, купеческие объединения, обозначения купцов и иных деятелей современниками (фрязи, ушкуйники, сурожа-не и др.). Интересной видится реконструкция ментальности купцов, мотивов, побуждавших южан (итальянцев и греков) отправляться далеко на Север, а северян (новгородцев и москвитов) – на Юг, в Заморье. Дополняют картину образы мусульманских купцов. По мысли ученого, мотивы купцов не сводились к погоне за наживой, к «тривиальной алчности». Более значимыми были «духовные искания» деловых людей, которые усиливались в ситуации эсхатологических ожиданий, роста сомнений и страхов. Купцы, по заключению автора, были движимы стремлением найти истинный путь спасения, неизбежно сопряженный с тяжкими испытаниями.

Название второй главы, посвященной рассмотрению места Кафы в торговле и культурном обмене между Западом и Востоком сквозь оптику «Север-Юг», – «Кафа и “Великий шелковый путь”» [4, с. 131]. Автор дает разъяснение метафоры “Великого шелкового пути”, впервые употребленной Фердинандом фон Рихтхофеном в 1877 г. Отмечается, что маршрут, связывавший Запад и Восток и служивший движению шелка из Китая, был известен задолго до Рихтхофена; его знали Клавдий Птолемей (90–168 гг. н.э.), составитель знаменитой «Географии», и Луций Флор (74–130 гг. н.э.), сочинитель «Эпитомы». В отличие от предшественников исследователь позиционирует “Великий шелковый путь” как широкую зону торговых и культурных коммуникаций, охватывавшую значительные территории к Северу и Югу от магистральных линий, по сути, от Индийского океана – до Северного Ледовитого океана. Это позволило ученому разглядеть «северный колорит “специй”», впервые выделить среди таковых товары северного происхождения (меха, воск, мед, икра, осетрина и др.) [4, с. 296]. Исключительная дистрибутивная роль Кафы также позволила автору реконструировать распределение поступавших в город западных и восточных товаров на Север и на Юг. При этом восточные товары экспортировались из Кафы исключительно на Север и на Запад, поскольку на Юг они поступали напрямую, по центральному и южному направлениям «Великого шелкового пути», а западные товары экспортировались из Кафы как на Север и на Восток, так и на Юг. Таким образом, Кафа, будучи крайним западным терминалом на «Великом шелковом пути», являлась центром меридиональной коммуникации между Севером и Югом.

В первом параграфе «Место Кафы в сообщениях между Востоком и Западом» [4, с. 133] приводится детализация трех магистральных линий “Великого шелкового пути” (описанных в соответствии с авторской топикой – «Север-Юг»). Описание маршрутов из Кафы на Запад приводится в сокращенном формате. Перечисляются основные торговые партнеры Кафы на Востоке и на Западе. Круг первых был достаточно широким – столичные центры Передней Азии: Тебриз (Тавриз) и Султания, Алеппо (Халеп) и Ахлат, Кастамону и Конья, Савасто (Сивас) и некоторые другие города Державы Ильханов, город-порт Ормуз (Бендер Аббас), Йезд и Керман; города Центральной Азии:

Самарканд и Ургенч, столица Древнего Хорезма; мегаполисы Восточной Азии: Канбалык (Пекин), Кинсай (Ханчжоу) и Камчи (Ланьчжоу); космополисы Южной Азии: Дели. Круг основных торговых партнеров Кафы на Западе составляли, помимо названных в предыдущей главе, польские Краков и Львов, германский Нюрнберг и ганзейский город Данциг (Гданьск). “Великий шелковый путь” распался на северное, центральное и южное направления. Северное направление проходило через Татарию в «страну готов», то есть сквозь пустыни и степи Южной Сибири и Центральной Азии, через Северный Прикаспий, выходя к Северному Причерноморью. Данный маршрут назывался латиноязычными авторами средневековых руководств по торговле самым быстрым и «самым безопасным, как днем, так и ночью», он мог быть преодолен всадником за 5–6 месяцев, в чем сказались положительное влияние образования в XIII в. Монгольской империи; периоды «Замятен» в Орде негативно сказывались на функционировании этого пути. Существовали более северные ответвления данного маршрута, проходившие через Сибирь – от Прибайкалья до Урала, затрагивая входившее в состав Золотой Орды Тюменское (впоследствии Сибирское) ханство, его столицу «Чимги-Туру» (впоследствии Тюмень – данный топоним объясняется автором огласовкой вогульского (мансийского) языка – «Тsemgen»). Данный путь частично описан Иоганном Шильдбергером, перевод отрывка из сочинения которого приведен ученым в приложении. В качестве самого северного ответвления автором указывается малоизвестный европейцам маршрут, проходивший от территорий близ современного Сургута (урочище «Барсова гора») до Обской губы и далее по морям Северного Ледовитого океана в Скандинавию. Центральное направление, характеризуемое историками, как менее протяженное, однако сопряженное с большими трудностями и опасностями, вело из Китая, минуя горные перевалы Тибета и Северную Индию, до Самарканда и Бухары, далее через Южный Прикаспий (Держава Ильханов) к Южному Причерноморью, в Трапезунд, имевший морское сообщение с Кафой. Южное направление брало начало в китайском порте Цюаньчжоу (Зайтон) на побережье Желтого моря, оттуда путь пролегал по Тихому океану, огибал Юго-Восточную Азию, далее шел по Индийскому океану, обходя полуостров Индостан, достигал Персидского залива с его главным портом в Ормузе, откуда был налажен сухопутный путь, следовавший в Трапезунд и морской переход в Кафу. Данным маршрутом возвращался из Индии Афанасий Никитин, дошедший до Кафы. Описанным трем магистральным направлениям сопутствовали многочисленные периферийные пути, «подобно нервам, покрывавшие все пространство Евразии от Северного Ледовитого океана до его южного антипода». По мысли автора, значение периферийных путей, далеко не все из которых ныне реконструированы, в их совокупности не уступало магистральным. Также большая жизнеспособность периферийных коммуникаций могла компенсировать нарушения обмена по главным путям, происходившие, главным образом, по политическим и военным причинам [4, с. 142].

Во втором параграфе «Восточный импорт и его дистрибуция» [4, с. 146], исследователь помещает на первое место среди товаров, ввозившихся с Востока в XIII–XV вв., не специи, но, актуализируя отсылающую к Античности метафору, шелк, притом именно в качестве сырья – шелк-сырец, ввоз которого объяснялся возросшими потребностями западного текстильного производ-

ства, развитого также и в Кафе. Автором перечисляются сорта шелка – хорезмийский, ургенчский, мазандаранский, горганский, шекский, шемахский, карабахский, ладжиханский, грузинский, гилянский и китайский. Однако качество последнего, ввиду долгой транспортировки, оставляло желать лучшего. Автор приводит итальянский каламбур – «seta cataya – seta cattiva», «китайский шелк – плохой шелк».

На второе место ученый помещает текстиль, называвшийся на Руси «красным товаром». Среди его сортов выделялись нак (от персидского «нах» – хлопок), хлопчатобумажная ткань, расшитый золотом назик, парча, мосульские ткани, аксамиты, камка, бархат, атлас, сендал, синдон, восточные ковры и коврики, бокаран, пестрядь, кармазин, зуфь, камлот, килик, киндяк, бязь, бомбасин, бумазея, епанча, терлик, портища, платки и многое другое.

Только третье место исследователь отводит специям. Они различались как «специи гроссо», поскольку измерялись в больших весовых единицах, кантариях (47,65 кг), и «специи минута», ибо измерялись в малых весовых единицах, либрах (317 г). К первым относились перец и корица. К категории «специй» средневековое мышление относило южные лаки, благовония, мази, духи, металлы, квасцы, бумагу, соль, северные рыбий клей, икру, воск, мед и кость. По средневековым представлениям специи обладали общими восстановительными для здоровья человека свойствами; автор приводит оцененную им как неудачную иронию Фернана Броделя по поводу одинаковой пригодности заморских специй для «изгнания ветров» и «благоприятствия зачатию» [4, с. 158]. К категории специй ученый также относит некоторые виды мехов, так как по средневековым представлениям они обладали целебными свойствами. Особую яркость этой части книги придает детальное описание полезных свойств различных специй – перца, ладана, тимьяна, гвоздики, корицы, мускатного ореха, мускатного цвета, имбиря, сандала, кардамона, маренны, кубебы, орсейля, кассии, индиго, ревеня, бразильского дерева, цитварной полыни, суматрийской камфары, тибетского мускуса, иранского каперса, аравийской манны, драконовой крови (красной смолы), сафлора, чернильных орешков, гальбана, засахаренных фруктов, щербета, красного сахара – соответствующих действительности и приписываемых им средневековыми людьми. К примеру, некоторые из них считались способными защитить от чумы, что было весьма востребовано в ситуации Великой пандемии середины XIV в., так называемой «Черной смерти». Бактерия чумы была принесена в Кафу с Востока войсками хана Джанибека и оттуда на кораблях попала в Европу. Весьма интересно суждение автора о соотношении северных и южных специй как 9:1 [4, с. 170].

Четвертая позиция в восточном импорте в Кафу отводилась драгоценным камням. То были жемчуг (маргарит, перламутр, перл, «гурмыжские зерна», бисер), алмазы (адаманты, диаманты), рубины (яхонты, балаши), шпинели, сапфиры (корунды), бирюза (туркиз), лазуриты, ляпис-лазурь, изумруды (смарagdы), гиацинты (иакинфы, лигирии), агаты (ногты, ониксы, сардониксы, сердолики), менее ценные хризоберилл (кошачий глаз), хрусталь, мистический фатис (безоар), фантастический «Рог Кергеденя» (единорога). Драгоценные камни ценились за их мистические и магические свойства, но в конечном счете за их способность фиксировать статус, успешность людей в новой городской среде, что обусловило повышенный спрос на них. Наконец,

драгоценные камни в силу их высокой стоимости и малого веса оказались самым выгодным средством накопления сокровищ.

Далее отмечалась продукция восточных ремесел – китайский фарфор, изготовливающийся из белой каолиновой глины, и его разновидность – селадон из серого каолина, фаянс (псевдоселадон), покрытый зеленой глазурью и производившийся в Египте, Центральной Азии и Золотой Орде. На основе анализа археологического материала ученым производится ревизия данных об обороте керамики в Кафе, отмечаются собственное потребление этого города, дистрибуция в Крыму, реэкспорт по «*via tartarica*» на Север. Помимо этого, отмечались некоторые виды вооружения – байданы (кольчуги) и сабли, а также предметы быта – кубки, блюда, седла, котлы, шатры. Подчеркивалось, что все восточные товары переадресовывались из Кафы на Север, а также в страны Апеннинского полуострова и Южной Европы.

В третьем параграфе «Западный импорт и его распределение» [4, с. 185] реконструируется структура западного товарооборота в XIII–XV вв. В качестве наиболее дефицитного товара, который Запад мог предложить Востоку, автор указывает серебро, каждая унция которого в Китае, где имели обращение бумажные деньги, возрастала в стоимости в два раза. Систематизируя товары по группам, автор, как и в предыдущем параграфе, ставит на первое место текстиль – толстые и тонкие крашенные французские и итальянские сукна, которые везлись до Хаджитархана (современной Астрахани) и Тебриза, где они пользовались высоким спросом. Автор упоминает также льняные ткани, в частности, производившиеся на Руси и не имевшие аналогов на Востоке, и потому спрос на них был высок.

На втором месте, по наблюдениям ученого, оказывалась продукция ремесла – изделия из стекла от итальянских мастеров, в частности, из Мурано, – украшения и имитация драгоценных камней, бокалы из граненого стекла, стеклянные парадные кубки, золотые и серебряные вазы и чаши, инкрустированные драгоценными камнями, вызвавшие особый интерес хана Джагатая, механические часы для султана Дели, изобретенные европейцами в XIV в. и не известные на Востоке, также упоминалась доставка делийскому султану всевозможных редкостей – в частности, механического фонтана с редкими чудесными свойствами. Отмечались также «полуфабрикаты». Были и «редкие товары Запада», среди каковых упоминались кони, мулы, гибрид осла и кобылы, и даже собаки.

В четвертом параграфе – «Личность торговца» – автором рисуются образы западных и восточных купцов, действовавших на “Великом шелковом пути” [4, с. 191]. Наиболее деятельными среди них оказывались первые. Так, жившим размеренной жизнью деловым людям из крайних восточных пространств “Великого шелкового пути” – Китая и Индии, не было нужды отправляться далеко на Запад, при этом западные купцы жили на Востоке целыми колониями, что было обусловлено, по мысли автора, в первую очередь не стремлением к обогащению, но гипнотизировавшей воображение европейца привлекательностью Востока, причем не в качестве метафизического потустороннего «Царствия Небесного», но как физического «посюстороннего» Рая. Среди европейцев, отправлявшихся на Восток, встречались как люди, остававшиеся благочестивыми христианами, так и не способные устоять

перед искушениями и погрязавшие в пороках и разврате; как любимчики фортуны, так и испытавшие банкротство.

В третьей главе – «Север–Юг в масштабе регионального обмена» – выявляется особая роль Кафы в Причерноморье [4, с. 195]. Здесь обзор товарообменных процессов с глобального уровня перенастраивается на оптику регионального и локального уровней. При этом высвечивается не столько транзитное назначение Кафы, сколько аккумулятивно-дистрибутивная роль этого города в пределах Черноморского региона и крымской локальности, оттеняется значимость собственного производства и потребления городского социума самой Кафы.

В первом параграфе «Кафа и Черноморский регион» очерчивается «сфера торгового партнерства города на Черном море», описанная в логике византийских периплов и латинских портуланов против часовой стрелки.

Во втором параграфе «Структура регионального обмена» [4, с. 213] реконструируется ассортимент причерноморской продукции, поступавшей в Крым и аккумулировавшейся в Кафе. На первое место автор помещает полезные ископаемые – малоазийские квасцы, двойной сульфат калия-алюминия в виде белого порошкообразного вещества, в гранулах и кристаллах, либо в виде руды. Спрос на квасцы объяснялся настоящим переворотом в текстильном деле, в изобретении технологии стойкого окрашивания сукна с помощью квасцов. Упоминается о вывозе квасцов на Север, игнорировавшемся предшествующей историографией. Отмечается ввоз в Кафу металлов, добывавшихся в Причерноморье. Констатируя полную зависимость Кафы от привозного сырья, ученый подчеркивает, что серебро для нужд местного производства и монетного чекана поступало, главным образом, с Запада, из Европы, в рамках «дальней» торговли. Ввоз в Крым серебра из копей Причерноморья – Трапезунда и Грузии, как показали исследования С.П. Карпова [9] и Т.Н. Берадзе [2], был минимален, что объясняется отсутствием равноценного товарного предложения со стороны крымских городов, которым выгоднее было получать серебро издалека, с Запада. Из Южного Причерноморья серебро поступало, главным образом, в виде монеты – трапезундских (комниновских), синопских и савастопольских аспров, в которых также совершались расчеты по нотариальным актам в Кафе. Также из Южного Причерноморья поступали медь и железо.

Следующую после металлов позицию занимали продукты аграрной сферы – в первую очередь зерно и хлеб, а также технические культуры – лен и льняное масло, конопля и цитварное семя. «Торговля зерном, несомненно, являлась самой значительной отраслью международного обмена XIII–XV вв., многократно превосходившей все прочие» [4, с. 225]. Также зерно являлось основным товаром, вывозившимся из Северного Причерноморья. Экспорт зерна осуществлялся как в рамках дальней торговли – на Запад, в Европу, так и в масштабе Причерноморского региона, где основными потребителями зерна являлись жители двух крупнейших греческих столиц – Константинополя и Трапезунда. В латиноязычной терминологии зерно определялось термином “victualium”, носившим в себе также более широкий смысл – так обозначалось и продовольствие в целом, что подчеркивало важность зерна и хлеба как главного и незаменимого элемента, составлявшего рацион средневекового человека. Разновидности зерна обозначались “biado” – хлебные злаки (пшеница и

рожь), «frumento» – мелкое зерно (просо, ячмень, овес и гречиха), зачастую данный термин использовался в качестве синонима «victualium».

Наряду с хлебом в Кафу также поступали иные продукты питания из Крыма – фрукты (яблоки, виноград, изюм, фиги) и овощи (капуста, огурцы, дыни, арбузы, лук, чеснок и другие), стручковые и бобовые. Кафиотам был известен рис, с которым европейцы познакомились только со времени первых Крестовых походов. Он происходил из стран Леванта, Анатолии и Центральной Азии, прежде всего из Самарканда. В кафской повседневности рис не являлся «зерном бедняков», как его определял Фернан Бродель, напротив – он использовался для приготовления блюд по случаю торжественных приемов послов.

Отдельно рассматривается ввоз вина в кафский порт, «кровь Христа» европейской и византийской цивилизаций, входившее в понятие «victualium». По-новому оцениваются виноградарство и виноторговля Крыма, отнюдь не деградировавшие. Так ввоз в Кафу местных крымских вин в середине XIV в. составлял 2600 бочек (12532 гл), это – более половины вина, потребляемого городом. Крымское вино также вывозилось из Кафы на Север, вплоть до Москвы. Автором детально описываются пошлины на вино, существовавшие в Кафе, упоминается специальный «винный сбор Кафы». Подчеркивается, что жители Кафы были владельцами близлежащих виноградников, были причастны к производству местного вина и виноторговле, что не учитывалось в прежней историографии.

Активным спросом в Кафе пользовались продукты скотоводства, поскольку ближайшими соседями города были Крымский улус Золотой Орды, княжества Молдавии и Валахии, славившиеся скотоводческим хозяйством. На мясной рынок Кафы, располагавшийся на сваях в море, привозили мясо всех видов (коров, буйволов, баранов, овец, свиней, птиц), копченое и соленое, сыры, масло. Мясо занимало в рационе кафиотов место, сравнимое с хлебом. Даже городской плебс ежедневно питался мясом, отдавая предпочтение самой дешевой соленой свинине. Мясные продукты также подлежали экспорту – как в масштабе Причерноморья, в Константинополь и Трапезунд, так и на Запад, например, в Пизу. Развитое коневодство Северного Причерноморья (как в Молдавии и Валахии, так и в кипчакской степи с ее «культурой коня») также привело к созданию в Кафе рынка скакунов, вывозившихся в Матрегу и Константинополь. Большое значение имели производство и экспорт шкур и шерсти.

Особое место занимала продукция промыслов. Речь прежде всего шла о ценных породах рыбы – белуге, севрюге, осетре. Азовская рыба, заходившая на нерест в устье рек Дона и Кубани, активно промышлялась, обрабатывалась на местных тонях, участках на берегу моря, снабженных хозяйственными и жилыми постройками, где разделявали рыбу, собирали икру, солили и вялили осетровые спинки и брюшки. Кафиоты нередко выступали владельцами таких тонь, в больших объемах вывозили рыбу из портов Таны и Копы.

Большое значение также имела соль, составлявшая одно из главных богатств Причерноморья. Значительный спрос на нее объяснялся не столько употреблением в пищу, сколько использованием в качестве самого надежного средства консервации (вплоть до изобретения морозильников) той же рыбы, мяса, сала, а также в ремесленном производстве, например, для выделки кож. Соль из соляных озер западного и восточного Крыма вывозилась из множест-

ва пристаней, гаваней, якорных стоянок, часто называвшихся ле Салине, составлялась в крупные партии в кафском порту и экспортировалась в страны Апеннинского полуострова, где ресурсы собственных солончаков были к XIII в. истощены. Отмечается экспорт крымской соли на Север, в земли Московии, Поволжья, Подонья, Поднепровья.

Из продуктов локальных промыслов упоминался еще воск. Различались следующие его сорта – «воск Газарии», происходивший из Крыма и Днепровско-Донского междуречья, «воск Таны», поступающий из районов нижнего Подонья и нижнего Поволжья, и «воск Савастополя», имевший грузинское происхождение. Все эти сорта, согласно Пеголотти, уступали в качестве воску Загоры (Болгария); хотя «воск Газарии» признавался порой лучшим в Романии. Первый вывозился в Геную, второй – в Венецию, а третий – в Константинополь.

Отмечался в монографии и лесной промысел. Подчеркивалось, что Приазовье XIII–XV вв., в отличие от современности, было богато лесами. Гигантские флоты итальянских морских республик – Генуи и Венеции, Пизы и Неаполя – были выстроены «из добротного корабельного леса приазовских дубрав». Ценные породы древесины вывозились из кафского порта во все страны Средиземноморья.

Был еще один ресурс региона, о котором вплоть до масштабных работ профессора Гентского университета Шарля Верлиндена [15] не было принято распространяться. Это – торговля людьми. Речь шла о рабах. Каноническое право Западной Европы в Средние века допускало возможность обращения в рабство представителей нехристианских народов. Потому Кафа, как город, лежавший «в пасти неверных» (на западной границе Золотой Орды, вблизи исламских государств), превратилась в главный центр работорговли всего Старого Света.

В третьем параграфе «Кафа и континентальный обмен» [4, с. 270] рассматривается включенность города в сеть сухопутных коммуникаций Восточной Европы, что не нашло должного отражения в прежней историографии, основанной на материале латиноязычных и грекоязычных документов и освещавшей, преимущественно, морские сообщения. Таким образом, северный вектор находит здесь свое законченное выражение. Здесь исследователем применен метод нумизматического топографирования. Им были упорядочены, сведены в таблицы и нанесены на карту [4, с. 284, 304] данные об археологических находках монет Кафы на территории Восточной Европы, а также о находках иноземных монет на территории современной Феодосии.

В четвертом параграфе «Феномен делового человека» [4, с. 290] представлены образы «деловых людей» Понтийского региона. Понятие «деловой человек» эпохи Средневековья, по мысли автора, шире, нежели понятия «торговец» и «купец». Так, помимо торговли, деловой человек был занят ремесленной деятельностью, промыслами, транспортной логистикой, а также финансовыми операциями, владел приемами бухгалтерского учета; он владел несколькими языками, необходимыми в деловом общении, порой не чурался поденной работы, отличался особым менталитетом.

В заключении подводятся общие итоги монографического исследования. Автор подчеркивает, что именно активный торговый и культурный обмен исторически более развитого ввиду благоприятности условий природного ланд-

шафта Средиземноморского региона (включающего Причерноморье) с Севером отличал экономическую жизнь Средневековья от периода Античности и предопределил смещение мировых экономических и культурных центров из Средиземноморья на Север в период Нового Времени. Ученый утверждает, что в эпоху XIII–XV вв., отмеченную монгольскими завоеваниями и существованием монгольских государств, обмен между Севером и Югом не прекращался, но приобрел новое качество, предопределив рождение глобального мира задолго до появления понятия “global”. В контексте изучения менталитета средневековых деловых людей (европейцев, левантийцев и представителей иных народов, действовавших в средневековом Причерноморье) автор подчеркивает, что их мотивы были обусловлены не столько стремлением к обогащению, сколько духовными исканиями. В данном контексте Юг, подобно Востоку, представлялся чувственным Раем, а Север, подобно Западу, местом паломничества, тяжких испытаний и покаяния. В целом, Кафа отразила в себе все черты мирового континуума своей эпохи, была причастна Западу и Востоку, Северу и Югу одновременно, что стало ее силой и слабостью. Город процветал, используя уникальность своего положения, но приходил в упадок, когда баланс сил на мировой арене оказывался нарушенным.

В приложениях приведены авторские переводы описаний Кафы, пристаней Крыма и Азова, важнейших торговых маршрутов из сочинений деловых людей и путешественников – Иоганна Шильбергера, Иоанна Галонифонтского, Эммануэле Пилоти, Тосканского Анонима, Франческо Пеголотти, Антонио Узодимаре [4, с. 297–302]; помещаются сведения по метрологии Кафы [4, с. 303], топография кладов и единичных находок монет Кафы [4, с. 304], детализации составов кладов с акче [4, с. 313] и аспрами [4, с. 314] Кафы.

Не все в рассмотренной монографии может быть принято, многое может являться предметом дальнейших дискуссий. Из упущений источникового порядка могут быть отмечены свод частноправовых документов черноморского региона «Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв.», опубликованный под руководством академика РАН, заведующего кафедрой истории Средних веков МГУ С.П. Карпова [9], и недавний корпус западных текстов «Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека», изданный профессором Университета Оулу Романом Хаутала [12].

Из историографических изъянов бросается в глаза отсутствие коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории» [11]. В контексте концептуализации книги в ней особенно важны главы профессора Принстонского университета Николо Ди Козмо о татарах и торговцах на черноморской границе, почетного профессора Парижского университета Мишеля Балара об экономических взаимоотношениях Генуи и Золотой Орды, профессора Висконсинского университета в Мадисоне Юлая Шамильоглу о влиянии изменений климата и великой пандемии на глобальную и региональную торговлю, а также монографии доцента департамента истории Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Евгения Хвалькова [14].

Авторские написания названий некоторых астрономических и географических объектов, имен собственных отсылают к дискуссии. Наибольшую сложность здесь представляют вопросы идентификации географических пунктов. Большой массив топонимов черноморского региона определен ис-

следователем на основе сравнительного анализа средневековых морских карт и современной географической съемки, с учетом археологических открытий на определяемых местах. Вместе с тем, примерно треть из рассмотренных топонимов может иметь другие идентификации. Здесь, пожалуй, нельзя игнорировать фундаментальную работу заместителя директора Научного гидрофизического центра Национальной академии наук Украины Антона Гордеева [3], в которой представлены итоги компаративного анализа 299 западных морских карт позднего средневековья и портуланов, текстовых приложений к ним, определены коэффициенты использования, вариантности и применения, важные для географической идентификации объекта.

Издание такого типа нуждается в гораздо большем количестве карт – всего Старого Света с маркированием сети коммуникаций между Севером и Югом, Западом и Востоком, важнейших хабов; черноморского региона вместе с Азовским морем с указанием логистических цепочек, сконцентрированных на Кафе; Крыма с сетью сухопутных маршрутов и приморских каботажных плаваний, опять же акцентированных на Кафе. Обнаруживается необходимость построения инфографики с отображением объемов, структуры торговли, иерархии товарных статей, одним словом, тех товарных потоков, которые проходили через Кафу.

Социальное портретирование деловых людей в Кафе Позднего Средневековья содержит значительный, еще далеко не раскрытый потенциал, открывает перспективы дальнейших исследований.

Резюмируя, можно сделать вывод, что монография профессора А.Г. Еманова являет собой самоценное историческое исследование, вносящее заметный вклад в изучение экономического, социального и культурного взаимодействия мира Старого Света в XIII–XV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байдуж Д.В. Не только юбилей: интервью с Александром Георгиевичем Емановым // Средние века. М., 2018. Т. 79, № 4. С. 154–171.
2. Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 298 с.
3. Гордеев А.Ю. Топонимика побережья Черного и Азовского морей на картах-портуланах XIV–XVII вв. Киев: Academia.edu, 2014. 479 с.
4. Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 368 с.
5. Еманов А.Г. Знаки идентичности моряков: по материалам портовых городов Генуэзской Газарии XIV–XV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. № 11. С. 527–553.
6. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии. Санкт-Петербург: Алетейя (Серия «Новая Византийская библиотека. Исследования»), 2022. 734 с.
7. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ «РУТРА», 1996. 225 с.
8. Еманов А.Г. Система торговых связей Кафы в XIII–XV вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук 07.00.03. Л.: ЛГУ, 1986. 16 с.
9. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: МГУ, 1990. 336 с.

10. Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / под ред. С.П. Карпова; сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. Санкт-Петербург: Алетейя (Причерноморье в Средние века; вып. 10), 2018. 760 с.

11. Золотая Орда в мировой истории / шеф-ред. Р. Хакимов, М. Фаверо; отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

12. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии». Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

13. Эман И.Е. Рец. на: Эманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2018. 368 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. М., 2019. № 1. С. 12–16.

14. Khvalkov E. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. New York; London: Routledge, 2018. 443 p.

15. Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge; Gent, 1955–1977. Vol. I–II.

Сведения об авторе: Владислав Анатольевич Евстиунин – лаборант-исследователь лаборатории исторической географии и регионалистики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9535-3172>. E-mail: v.a.evstiunin@utmn.ru

*Поступила 08.03.2023 Принята к публикации 27.06.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Bajduzh D.V. Not Merely a Jubilee: Interview with Alexander Georgievich Emanov. *Srednie veka* [Middle Ages]. Moscow, 2018, vol. 79, no. 4, pp. 154–171. (In Russian)

2. Beradze T.N. Navigation and Maritime Trade in Medieval Georgia. Tbilisi: Mecniereba, 1989. 298 p. (In Russian)

3. Gordyeyev A.Yu. Place Names of the Black Sea and Sea of Azov Coasts from Portolan Charts 14th – 17th Centuries. Kyiv: Academia.edu, 2014. 479 p. (In Russian)

4. Emanov A.G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th – 15th Centuries. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 368 p. (In Russian).

5. Emanov A.G. Identity's Signs of Sailors: on the Materials of the Port Cities in the Genoese Gazaria in the 14th – 15th Centuries. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2019, no. 11, pp 527–533. (In Russian)

6. Emanov A.G. The Celestial Jerusalem or the Babylon: the Choice of the Fate of Medieval Caffa's / Feodosia's. St. Petersburg: Aletheia (New Byzantine Library. Researches), 2022. 734 p. (In Russian)

7. Emanov A.G. North and South in the History of Commerce: on the Materials of Caffa of the 13th – 15th Centuries. Tyumen: RUTRA, 1996. 225 p. (In Russian)

8. Emanov A.G. The System of Trade Relations of Caffa in the 13th–15th Centuries. Diss. ... Candidate. Hist. Sciences 07.00.03. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 16 p. (In Russian)

9. Karpov S.P. Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th–15th Centuries: Problems of Trade. Moscow: Moscow State University Publ., 1990. 336 p. (In Russian)
10. Acts of Genoese Notaries Rogated in Kaffa and in Other Cities of the Black Sea Region in the 14th – 15th Centuries. ed. by S.P. Karpov; compiled by M.G. Alvaro, A. Asini, L. Balletto, E. Basso. Saint Petersburg: Aletheia (Black Sea Region in the Middle Ages; vol 10), 2018. 760 p. (In Russian, Italian, Latin)
11. The Golden Horde in World History. Chief editors R. Khakimov, M. Favero; responsible editors I. Mirgaleev, R. Hautala. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
12. Hautala R. In the Lands of “Northern Tartary”: Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Uzbek (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, 976 p. (In Russian, Italian, Latin)
13. Eman I.E. Review: Emanov A.G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th – 15th Centuries. Saint Petersburg: Aletheia, 2018. 368 p. *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature*. 2019. Series 5: History. Vol. 1, pp. 12–16. (In Russian)
14. Khvalkov E. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. New York; London: Routledge, 2018. 443 p.
15. Verlinden Ch. L’esclavage dans l’Europe médiévale. Brugge; Gent, 1955–1977. Vol. I–II. (In French)

About the author: Vladislav A. Evstiunin – Research Laboratory Assistant of the Laboratory for historical geography and regionalistics at the Institute of social sciences and humanities, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9535-3172>. E-mail: v.a.evstiunin@utmn.ru

*Received March 8, 2023 Accepted for publication June 27, 2023
Published September 29, 2023*

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
В ПОСТОРДЫНСКИХ ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ
В XVI ВЕКЕ (КРЫМСКОЕ И КАЗАНСКОЕ ХАНСТВА):
ТЕТИ И БАКШЕИ**

М.В. Моисеев

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
maks-moisee@yandex.ru*

Цель исследования: изучить проблему формирования посольской службы в постордынских государствах. Выявить ее структуру и проанализировать персональный состав.

Материалы исследования: работа построена на анализе русских посольских книг и летописей.

Результаты и научная новизна: изучение русских документов показало, что для ханских посольств характерна трехчастная структура: посол (эльчи)-заместитель (тетя)-секретарь (бакши). Термин «тетя» крайне неохотно использовался русской канцелярией, не исключено из-за того, что носитель этого звания отвечал за сбор неких пошлин с русских земель в пользу хана. Вероятно, что русские документы называли «тетя» пошлинником, во всяком случае нам известно, что посол мог приехать с «пошлинниками». После 1475 г. пошлины были упразднены. Всего было выявлено 7 упоминаний крымских тетей и 6 казанских. Более полно сохранились упоминания о бакшеях в посольствах. Всего было установлено 18 крымских, 8 казанских, 2 ногайских и 1 сибирский бакшей. Одна из главнейших задач бакшеев это составление шертной грамоты. Поэтому наблюдение за составом посольской миссии имеет и источниковедческий характер. Так, даже если и нет сведений о шертовании, само наличие в миссии бакшея служит надежным маркером того, что итогом переговоров ожидалось шертование. Исследование показало, что мы можем говорить о процессе формирования в постордынских чингизидских государствах дипломатической службы.

Ключевые слова: дипломатическая служба, посол, эльчи, тетя, бакшей, посольские книги

Для цитирования: Моисеев М.В. К вопросу об организации дипломатической службы в постордынских чингизидских государствах в XVI веке (Крымское и Казанское ханства): тети и бакшеи // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 681–692. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.681-692 EDN: SQPYEI

© Моисеев М.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE ORGANIZATION OF THE DIPLOMATIC SERVICE
IN THE POST-HORDE CHINGISID STATES IN THE 16TH CENTURY
(CRIMEAN AND KAZAN KHANATES): “TETS” AND “BAKSHIS”

M.V. Moiseev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
maksi-moisee@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This study investigates the development of the embassy service in the post-Horde states, with a specific focus on identifying its structure and analyzing its personnel composition.

Research materials: The research primarily relies on the analysis of Russian embassy books and chronicles.

Results and novelty of the research: The examination of Russian documents reveals that Khan's embassies followed a three-part structure: Ambassador (elchi)-deputy (tet)-secretary (bakshi). The Russian chancellery was notably reluctant to use the term “tet,” likely because individuals with this title were responsible for collecting specific duties from Russian lands in favor of the Khan. It is possible that the Russian documents referred to the “tet” as a toll collector; in any case, we know that ambassadors could be accompanied by “toll collectors.” After 1475, these duties were abolished. In total, 7 mentions of Crimean tets and 6 Kazan tets were identified. References to baksheys in embassies are better preserved, with a total of 18 Crimean, 8 Kazan, 2 Nogai, and 1 Siberian bakshi identified. One of the primary responsibilities of baksheys was to compile a certificate. Thus, the observation of the embassy mission's composition relies on source-based evidence. Even when there is no specific information about shoring, the mere presence of a bakshey serves as a reliable indicator that the outcome of the negotiations was expected to involve shoring. The study reveals that we can discuss the process of forming the diplomatic service in the post-Horde Chingisid states.

Keywords: diplomatic service, ambassador, elchi, tet, bakshey, embassy books

For citation: Moiseev M.V. On the organization of the diplomatic service in the post-Horde Chingisid states in the 16th century (Crimean and Kazan khanates): “tets” and “bakshis”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 681–692. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.681-692 (In Russian)

Изучение сохранения и эволюции золотоордынских институтов власти в постордынских государствах составляет особую отрасль в мировой историографии. К подобным вопросам можно отнести и проблематику организации дипломатической службы. Надо признать, что сам институт дипломатической службы возникает только в XIV в. и как утверждают специалисты только в итальянских государствах – Миланском герцогстве и герцогстве Мантуи и, лишь, позднее появляется в других странах [6, с. 10]. Общими чертами для всех внешнеполитических служб относят следующие:

- «- наличие государственных внешнеполитических канцелярий;
- формирование класса оплачиваемых из государственной казны чиновников, профессионально занимающихся обеспечением внешнеполитической деятельности государства;

- распространение системы взаимных постоянных дипломатических представительств;
- появление особого типа дипломатической корреспонденции и дипломатических архивов» [6, с. 10–11].

Вопрос о том насколько выделенные черты были реализованы в постордынских сообществах относится к дискуссионным. Одна из основных проблем исследования государств наследников Золотой Орды – это источниковый голод, из-за которого почти невозможно исследование властных институтов Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Впрочем, несмотря на возможный скептицизм, основываясь на исследовательской литературе мы можем утверждать, что в Крымском ханстве можно наблюдать элементы складывающейся внешнеполитической службы. Постепенно формируется система взаимных дипломатических представительств, которая вырастает из системы посольского гостеприимства, а именно правила размещения и содержания временных иностранных посольств¹. И.В. Зайцев показал, что первоначально русские послы проживали при ханской ставке, с 1530-х гг., после постройки Бахчисарая, русские посольства стали размещаться в селе Качи-Кальоне, в XVII в. стан послов был перенесен в деревню Бююк-Яшлав (все эти населенные пункты были местами проживания христиан [8, с. 37–47]. Кроме этого, в Крымском ханстве мы встречаем начало формирования «класса оплачиваемых из государственной казны чиновников, профессионально занимающихся обеспечением внешнеполитической деятельности государства». Надо признать, что этот институт еще финансировался не столько из государственной казны, сколько из средств иностранных государств, но он обеспечивал внешнеполитическую деятельность. Речь идет об институте «амиатства». В советской историографии бытовало две точки зрения. А.А. Новосельский писал об амиатах, как посредниках в дипломатических отношениях [11, с. 19], а С. О. Шмидт, наоборот, как своего рода агентах влияния [19, с. 266–375]. В недавнее время А.В. Виноградов привел убедительные доказательства в пользу версии А.А. Новосельского. В Крымском ханстве сформировалась система, когда контакты с Русским государством и Великим княжеством Литовским и короной Польской курировались представителями двух кланов: Яшлавский/Сулешевых (русское направление) и Кулюковых (литовское направление) [2, с. 26–73; 3, с. 26]. Все это несомненно являлось элементами формирующейся системы дипломатической службы, но до сих пор не изученным остается вопрос об организации посольской службы. Сама по себе проблематика посольской службы в постордынских государствах довольно интересна, но может быть изучена лишь частично. У нас в распоряжении нет документов, рисующих принципы отбора дипломатов, более того это почти невозможно, уточнить для Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Одновременно с этим, в случае с Крымским ханством и Ногайской Ордой русские документы дают настолько обильный материал по персоналиям послов, что его весьма сложно обобщить в рамках одной статьи. Именно поэтому автор для этого своего исследования выбрал более скромную цель: рассмотреть принципы организации посольств от ханов. В этой работе я

---

¹ Проблема образования постоянных посольских представительств относится пока еще к не полностью исследованным темам. Впервые постоянные посольства возникают при папском дворе, а вот распространение этой системы на всю Европу растянулось на длительное время и завершилось в полной мере в 1-й четверти XVIII в.

проанализирую, во-первых, структуру ханских посольств, во-вторых, упоминание в документах должностей «тетя» и «бакши», в-третьих, их персональный состав.

В этом контексте довольно любопытно, что некоторые из черт организации посольской службы мы можем встретить и в Золотой Орде. В частности, нам известно, что в золотоордынской канцелярии были специальные дипломатические должности: эльчи – посол и тетя – советник посла [7, с. 33]. Впрочем, такой трактовке тетя – «титяма», впервые упоминавшегося в Лаврентьевской летописи, возражает С.А. Маслова. Исследовательница утверждает, что «Должность титяма предстает вне регулярной бюрократической системы, деятельность других титямов на Руси источники не фиксируют. Он мог приехать на Русь в качестве инспектора – наблюдать за соблюдением интересов Каракорума». По ее мнению, должность «титяма» ни прижилась в канцелярии Улуса Джучи [10, с. 103, 124]. При описании отношений Орды с русскими землями в XIV веке автор отмечает, что среди функций ордынских послов были не только передача воли своего господина, посаждение князя на престол, доставка ярлыков, но также взимание выплат в пользу хана. Кроме ханских послов, были и послы от высокопоставленных представителей ордынской аристократии [9 с. 82–83; 10, с. 125–127]. Великокняжеские власти обязаны были содержать ордынских послов и снабжать их дарами [10, с. 129–130]. Ю.В. Селезнев, проведя анализ института послов в практике отношений Руси и Орды, показал на основе собранных данных, что сбор дани и/или недоимков не был основным в их деятельности. Чаще всего послы или доносили волю хана или сопровождали русских князей [17, с. 249]. В целом, можно признать, что институт ордынских послов имел мало общего с дипломатической службой, а являлся своеобразной формой контроля и подчинения покоренных земель в управленческой практике Улуса Джучи.

Серьезные изменения произошли в результате выделения из Орды территорий, которые стали управляться Чингизидами. Именно образование Крымского, Казанского и других ханств, обострившаяся борьба с Большой Ордой, которая предпринимала меры по удержанию отделившихся областей под своим контролем, поставили на повестку дня вопрос о поиске союзников и как следствие внешнеполитической деятельности. В этих условиях начинают развиваться двусторонние отношения между ханствами Чингизидов и бывшими подданными. В основе организации этих отношений, конечно, была еще старая, унаследованная от ордынских времен система, но если ранее институт послов являлся институтом ордынской власти, то теперь он эволюционировал в один из элементов дипломатической службы. Обращение к посольским материалам показывает, что крымская канцелярия прекрасно знала термин «тетя». В 1508 г. упоминается тетя Абдел-Авель ших-заде [16, с. 43]. В 1534 г. тетя в составе крымских посольств упоминается не раз. Например, в грамоте Ислам-Гирея: «шертную и ротную грамоту с своим ярлыком с пошлым с своим слугою, з болшим послом, с Темешем-князем Далиева благороднаго сына тетем есми учинил и достаточна посла послал есми»². Упоминается тетя и в другой его грамоте: «...с своим з болшим послом, которой прямо в той и в болшей думе был, Темеша-князя, да с ним пошлово своего слугу Аличелябия тетем и бакше-

---

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 143.

ем...»³. В 1536 г. Ислам-Гирей, описывая состав своего посольства, вновь упоминает тетя: «...прикошевав, великово своего человека Бачага князя посолством послал есми к тебе, а с ним тетя Абдыллу князя...»⁴. В посланиях от августа 1536 г. Ислам-Гирей опять же указывает своего тетя⁵. В декабре 1536 г. Ислам-Гирей сообщал об отправке ко двору малолетнего великого князя Ивана IV Васильевича посла Темеш-бека коурата с тетем Абдал-беком⁶. В 1538 г. хан Сахиб-Гирей сообщал, что послал в Москву «...пошлово тетя ичку, слугу своего Аиким Бердея, да бакшея Асеша (а)фыза посал есми»⁷. В 1545 г. упоминаются члены крымского посольства в Москву тетя Газы и бакши Ша-Ислам-Дуван⁸. Хан Мухаммед-Гирей II писал в июне 1578 г. об отправке посла Араслан-мирзы сына бека Сулейманши и тетя муллы Абдил-Саяма⁹. Известны тети и в отношениях Крымского ханства с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской [7, с. 31–32]. В русской канцелярской практике должность тетя утеряла персональную привязку и передавалась в форме «тетя-млешь»¹⁰, так же есть вариант «тетя-бакшей»¹¹. Эта форма свидетельствует об устойчивой структуре организации посольств, в которые кроме непосредственно посла входили тетя (советник или заместитель посла) [7, с. 32] и бакшей (секретарь посольства).

Еще одно обстоятельство употребления слова «тетя» обращает на себя внимание. Его активно использует в своих посланиях Ислам-Гирей в 1534–1536 гг., хан Сахиб-Гирей в 1538 и 1545 гг. и хан Мухаммед-Гирей в 1578 г., в остальные годы этот термин не фиксируется. С чем это может быть связано? Первое, что приходит на ум – это особенности политики крымских ханов. Известно, что Ислам-Гирей выступал как защитник традиций кочевой жизни в Крымском ханстве, однако Сахиб-Гирей вошел в историю, наоборот, как сторонник реформирования устройства ханства и перехода к оседлой жизни, да и Мухаммед-Гирей II не был эталоном степного воителя. Поэтому частота употребления термина «тетя» не связана с идеологией крымского хана. Следовательно, объяснения особенности употребления этого обозначения дипломатической должности стоит искать в переводческих практиках Московского государства. При этом надо помнить, что само слово «тетя» переводчикам было известно. Об этом красноречиво свидетельствует случай ноября 1493 г., обнаруженный И.В. Зайцевым, когда крымские сановники для объяснения распределения ролей в русском посольстве, назвали тетем Константина Малечкина, а послом боярина Плещеева [7, с. 32]. Не исключено, что избирательность в словоупотреблении была связана со стратегией умолчания, описанной Чарльзом Гальпериным [4, с. 65–97; 5, с. 201–209]. Пока еще было актуально ордынское наследие, то возможно при редакции перевода, чтобы

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 162об.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 285.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 293, 301.

⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 308.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 537об.

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 5.

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 365.

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 381; Там же. Кн. 14. Л. 206об., 211, 212об., 213об.

¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 74об., 107об., 110об., 127, 135об., 276об., 280, 465, 466.

не вызвать не нужных ассоциаций, «тетя» убирала. Это в свою очередь вновь возвращает нас к ордынским практикам и упоминанию в Лаврентьевской летописи «титяма», который взимал с русских чрезвычайные поборы. Известно, что ханские послы могли в русских землях взимать некие пошлины на хана, из документов русско-крымских отношений конца XV в. посол мог приехать с некими «пошлинниками» и именно этот вопрос скрупулёзно обсуждался в ходе русско-крымских переговоров в 1474–1475 г. [15, с. 14]¹². Если предположить, что «пошлинники»—это и есть «тетя», то, тогда вполне понятна стратегия умолчания. Даже добившись отмены пошлин еще в 1475 г. и подтвердив это в 1477 г. русские не хотели использовать этот термин и не только из-за травматических воспоминаний, но и для того, чтобы не создавать предпосылок для не верной трактовки текстов в последствии. В 1530-е гг. практика получения пошлин чингизидскими посольствами с русских земель уже стала преданием старины и поэтому переводчики стали чаще использовать термин «тетя» – теперь он не имел дополнительных коннотаций, кроме – второй человек в ханском посольстве. Впрочем, это предположение может вызвать возражение. И, главное, то, что если «тетя» исполняли роль «пошлинников», то отчего тогда крымские власти применили термин «тетя» по отношению к русскому послу в ноябре 1493 г.? Вряд ли мы можем полагать, что русские могли тогда взимать с Крымского ханства какие-нибудь пошлины. Не исключено, что спорадическое использование термина «тетя» может быть объяснено нерегулярностью его упоминания в текстах посольских грамот. Таким образом, подводя промежуточный итог нашим рассуждениям, следует признать, что частотность употребления лова «тетя» еще нуждается в дальнейших розысканиях.

Право отправлять «тетя» было только у Чингизидов и признавалось только за ханами. Очевидно, это было связано с несколькими соображениями. Во-первых, тетя это всегда член «большого» или «великого» посольства, в которое еще и входил секретарь-бакши. Во-вторых, это посольство было призвано заключать союзы, мирные договоры, вырабатывать шерти. Все это относилось к области большой внешней политики и было прерогативой ханов. По социальному положению тетя – принадлежали к разным привилегированным слоям Крымского и Казанского ханства среди них могли быть огланы, представители племенной аристократии и ички. В Казанском ханстве почти все известные нам тетя – это племенные беки. Впрочем, при анализе казанского кейса надо помнить, что мы оперируем исключительно данными русских летописей. Летописи в этом вопросе консервативны и термин «тетя» не используют, но передавая сведения о больших казанских посольствах, они четко придерживаются трехчастной структуры организации ханских посольств. При такой передаче сведений первую позицию занимала персона посла, бакшей всегда третий, а следовательно, на второй позиции помещался «тетя». Приведем данные:

Март 1527 г. Казы-бек, Чюра-бек, Девел-бакшей. [14, с. 45].

1528/29 г. Табай-бек, Дана-бек, Ибрагим-бакшей. [14, с. 46].

1530/31 г. Табай-бек, Тевекель-бек, Ибрагим-бакшей. [14, с. 54].

---

¹² О выплатах послам и содержании ордынских посольств см.: [18, с. 170–171].

1533 г. Аппай-улан, Кадыш-бек Отучев брат, Кутлу-Булат князь Городецкий, Евтек-бакшей. [14, с. 69].

1534 г. Кудай-улан, Бурнак, Козя-Охмат-бакшей. [14, с. 79].

1546 г. Алаберди-оглан, Тевекель-бек, гонец Чапкун-мирза Отучев, Агиш-молла-задэ-бакшей. [14, с. 148].

1551 г. большой карачи Ширин Муралей-бек, дворецкий Шабас-бек Шамов, Абдула, большой бакшей казанский. [14, с. 171].

Итак, мы можем составить список тетей Крымского и Казанского ханств в той полноте, какую нам дают сохранившиеся источники. Нам, известны тети Крымского ханства: Абдел-Авель ших-заде (1508 г.), Али-челеби (1534 г.), Абдулла-бек (1536 г.), Еди-оглан (1536 г.), Аиким-берди (1538 г.), Газы (1545 г.), мулла Абдил-Салям (1578 г.). Для Казанского ханства нам известны: Чюра-бек (1527 г.), Дана-бек (1528/29 г.). Тевекель-бек (1530/31, 1546 г.), Кадыш-бек Отучев брат (1533 г.), Бурнак (1534 г.), дворецкий Шабас-бек Шамов (1551 г.). Как видим для Казанского ханства характерно замещение должности тетя представителями племенной аристократии.

Кроме тетей в состав больших посольств всегда входили бакшей. Рассмотрим сведения источников о них. В отличие от тетей, бакшей в русских посольских материалах упоминаются всегда. Можно полагать, что для русских термин «бакшей» не был нагружен отрицательной содержанием. Всего по источникам удается обнаружить 18 крымских бакшеев и 8 казанских бакшеев. Приведем краткие данные о них. В конце XV в. в Москву к Ивану III в составе посольств Менгли-Гирея приезжал бакшей Халил [15, с. 29, 79, 174], В 1493 г. послом Менгли-Гирея к Ивану III был бакшей Иш-берди [15, с. 176]. Весьма часто упоминается бакшей Менгли-Гирея – Тактар-абыз [15, с. 500, 501, 503, 550-551, 553]. Касым-бакшей входил в состав посольства Менгли-Гирея к Василию III [16, с. 20, 244, 355]. В послании Менгли-Гирея февраля 1498 г. упоминается, что Муртозу-бакшей послал к «турскому» [15, с. 263–266]. Азек-бакшей, возможно, член двора Мухаммед-Гирея, в 1516 г. ездил к русскому послу. Дважды ездил в составе посольских миссий в Россию (1518 г. и ранее) [16, с. 291, 495, 499]. Дана-афыз – бакшей, посол от Багатырь султана в 1518 г. [16, с. 511, 512, 514, 523, 525]. Уже известный нам Али-челеби, упоминается не только как тетя, но и как бакшей¹³. Акмолла-бакшей входил в состав большого посольства Ислам-Гирея в 1536 г.¹⁴ Крымскую шерть писал в мае 1539 г. Джан-Али-бакшей (Ян-Али-бакшей, Ян-Али-Дуван) – бакшей Сахиб-Гирей-хана¹⁵. Бакшей Ша-Ислам-Дуван входил в состав большого посольства Сахиб-Гирея в августе 1545 г.¹⁶ Абдыл-Слам (Абдыл-Ислам, Абыслам) – бакшей, упоминается в послании от Сулейманши (Сулеша) бека Яшлавского царю Ивану Васильевичу от января 1564 г. Упоминается в составе переговорной комиссии к русским послам в Крыму 3 февраля 1567 г., 3 мая 1567 г., 4 октября 1567 г.¹⁷ [13, с. 70–71, 91–92, 105]. Бакшей Казанского ханства Бозек (Бузюк, Бозюк, Базюк) был в Москве с дипломатической миссией трижды: в 1507 г., в феврале 1512 г., в 1517 г. [14, с. 5,

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 162об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 301.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 618–619.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 5.

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 359.

14, 25]. Девел-бакшей в марте 1527 г. прибыл в Москву в составе представительного посольства [14, с. 45]. Обреим-бакшей (Ибреим-бакшей) приезжал в 1528/29, 1530/31 гг. в составе посольства в Москву [14, с. 46, 54, 56]. Евтек-бакшей 6 июня 1533 г. прибыл в составе большого посольства [14, с. 69]. Али-бакшей (Козя-Охмат-бакшей) в апреле 1534 г. в составе большого посольства в Москве [14, с. 79, 81]. Агиш-молла-задэ-бакшей, после 13 июня 1546 г. в составе большого представительного посольства [14, с. 148]. Ангилдей-абыз 11 августа 1551 г. входил в состав посольства Кудугул-улана и Муралей-бека о высылке в Москву Сююн-бике и Утямыш-Гирея [14, с. 168]. Абдулла-бакшей, упоминается в 1549–1550 г. как эмигрировавший в Ногайскую Орду. В 1549 г. отправлял послание Ивану Грозному. В октябре 1551 г. в составе посольства в Москве [12, с. 301–302, 320–324; 14, с. 171.]. Кроме крымских и казанских бакшеев известны ногайские и сибирские. Впрочем, бакшей Ногайской Орды известны для конца XV в., но не как участники посольств, а как составители грамот ногайских мирз. Абекир-мулла, бакшей писал грамоты Ямгурчи-мирзы в 1489, 1490 г. и Мухаммед-мулла, бакшей, писал грамоты Мусы-мирзы в 1489 г. Послом сибирского хана Ибака в 1489 г. был Кул-Дербыш-бакшей [15, с. 82, 83, 95, 108].

Легко заметить, что синонимом «бакшей» являлось слово «афыз»/ «хафиз». Очевидно, что в канцеляриях постордынских государств старое слово «бакшей», связанное с доисламской культурой Золотой Орды, постепенно замещалось на более отвечающее условиям мусульманской канцелярии «хафиз». Однако в русской канцелярии вплоть до конца XVI столетия сохранялся высокий статус термина «бакшей» [1, с. 61–71]. Бакшей чаще всего связаны с личным двором хана, у нас сохранились прямые упоминания такой связи. Участвуя в посольствах бакшей были не только секретарями миссии, но и выступали составителями, техническими авторами шертей. 21 декабря 1508 г. крымская миссия в составе посла Магмедши-бека, тетя Абдел-Авель шихзадэ и бакшея Касыма дала «шерть царевую Менли-Гиреевою душею». Затем должен был шертовать Абд ал-Летиф и «да тем двема записям татарским писмом царева бакшея Касымова писма быти у меня с печатью с твоею с царевую Абдыл-Летифовою и с вашими печатми с пословыми», то есть Касим писал шерти и за Менгли-Гирея и за Абд ал-Летифа. «И Магмедша Касыму бакшею записи шертные писати велел», такой же приказ Касиму дал и великий князь Василий III. Сам этот процесс источники описывают следующим образом: «... те записи шертьные писати с Феодором с Карповым у Феодора на подворье с руского писма слово в слово, а диаку Луке велел те записи написати руским писмом, а велел те записи изготовити диаку Луке руским писмом, а Касыму бакшею татарским писмом к неделе, декабря 24» [16, с. 43 – 44]. Шерть «татарским письмом» должна была храниться у великого князя и ее запечатал Абд ал-Летиф своею печатью, а послы своими печатями. Шерть давали Абд ал-Летиф и крымские послы у великого князя в избе брусной. При процедуре шертования присутствовали бояре. Коран держал «Болтачь, Мамыш-моллин сын; а записи шертные чел Лука диак, а толмачил Федко Малой, а Федор Карпов туто же был» [16, с. 45]. О составлении шертей бакшеями Крымского ханства есть и другие свидетельства. Так, в 1539 г. Джан-Али-бакшей по распоряжению великого князя Ивана IV писал шертную грамоту «...с тое грамоты, какова была грамота отца твоего у отца

нашего ... слово в слово...»¹⁸. Итак, функции бакшеев в документах четко очерчены. Они пишут послания и пишут шертные грамоты. Можно полагать, что они не просто входили в состав двора Чингизидов, а составляли их личные канцелярии, а в посольствах возглавляли посольскую канцелярию.

Итак, приведенные материалы позволяют сделать нам ряд осторожных предположений. В постордынских государствах мы можем наблюдать процесс образования дипломатической службы, который можно охарактеризовать как постепенное переформатирование старых ордынских институтов. Как установлено Ю.В. Селезевым, С.А. Масловой в Золотой Орде посол имел не столько дипломатическое значение, сколько контролирующие функции в управлении русскими землями. Послы и тети были связаны с практиками подчинения покоренных земель и взимания с них различных поборов. В 1474–1475 гг. великому князю Ивану III удалось упразднить пошлыны, которые могли взимать татарские посольства в счет хана и с этого времени мы можем наблюдать формирование посольской организации в государствах Чингизидов. Довольно рано, как минимум с начала XVI в., она имеет трехчастную структуру посольства–бакши, вполне возможно, что эта структура восходит к еще ордынским государствам. Более того такая структура характерна для больших посольств и только для ханов-Чингизидов. Все остальные, и Чингизиды в том числе, отправляли послами представителей своих личных дворов. Возможно, что известные нам тети это те же самые «пошлинники» известные нам из послания Ивана III и, следовательно такая трехчастная структура ханских посольств могла быть связана со взиманием выплат с русских земель, на которые все остальные члены правящей верхушки права не имели. Кстати, можно полагать, что именно поэтому русские источники подвергали слово «тетя» политике забвения: летописи последовательно, а русские посольские документы фиксируют его довольно эпизодично и тем чаще, чем больше времени от ордынской зависимости прошло. Однако для окончательного вывода поэтому вопросу необходимы еще дальнейшие исследования.

В целом можно признать, что в постордынских государствах сформировалась организация дипломатической службы. Появляются люди, которые профессионально занимаются обеспечением внешнеполитической деятельности государства, но это еще не привело к оформлению профессиональных организаций. В Крымском ханстве источники фиксируют институт амиятства, который был связан именно с организацией внешнеполитической деятельности, но этот институт был персонифицирован и монополизирован в руках нескольких семей. Эти семьи финансировались не только государственной казной, но и (возможно в большей степени) средствами иностранной казны, в виде персональных «поминок». Так же нам известно, что в Крымском ханстве существовала практика размещения иностранных посольств. Все это позволяет признать, что дипломатическая служба частично сформировалась в Крымском ханстве, в других же постордынских государствах, по ряду причин, это или не произошло или произошло частично.

---

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 618.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В. Бакшей – эволюция понятия // Восток (Oriens), 2021, № 4. С. 60–71.
2. Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 26–73.
3. Виноградов А.В. Состав политической элиты Крымского ханства в 1560 – 1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 25–41.
4. Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001. С. 65–97.
5. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. 230 с.
6. Дипломатическая служба: Учеб. пособие / [Редкол.: А.В. Торкунов (пред.) и др.]. М.: Росспэн, 2002. 686 с.
7. Зайцев И.В. Кто такой теть? // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 29–34.
8. Зайцев И.В. Где останавливались крымские послы в Москве и московские послы при дворе крымского хана в XVI в.? // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 35–51.
9. Маслова С.А. Ордынские послы на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2015а, № 3(61). С. 82–83.
10. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2015. 154 с.
11. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. 452 с.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.
13. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Русские витязи, 2016.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
15. Сборники русского императорского исторического общества. Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. 638с.
16. Сборники русского императорского исторического общества. Т. 95. СПб.: Товарищество С.П. Яковлева, 1895–788 с.
17. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
18. Селезнев Ю.В. Выплаты русских князей «во все татарские проторы» // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 168–185.
19. Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные отношения России до XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 266–375.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimiseev@yandex.ru

Поступила 21.06.2023 Принята к публикации 22.08.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Belyakov A.V. Baksheys: Evolution of the Concept. *Vostok (Oriens)*. 2021, no. 4, pp. 60–71. (In Russian)
2. Vinogradov A.V. The Sulesh family in the foreign policy of the Crimean Khanate of the second half of the 16th century. *Turkological collection. 2005: The Turkic peoples of Russia and the Great Steppe*. Moscow: Oriental Literature, 2006. P. 26–73. (In Russian)
3. Vinogradov A.V. Political elite of the Crimean Khanate in 1560–1590s. *Vostok (Oriens)*. 2016, no. 5, pp. 25–41. (In Russian)
4. Halperin Ch. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Russian Religious Frontier. *American Russian studies. Milestones of historiography in recent years. Period of Kiev and Moscow Rus'. Anthology*. Samara, 2001, pp. 65–97. (In Russian)
5. Halperin Ch. *The Tatar Yoke: the Image of the Mongols in Medieval Russia*. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)
6. Torkunov A.V. (ed.) *Diplomatic Service: Textbook*. Moscow: Rosspen, 2002. 686 p. (In Russian)
7. Zaitsev I.V. Who is “tet”? *Golden Horde civilization*. Iss. 4. Kazan, 2011. P. 29–34. (In Russian)
8. Zaitsev I.V. Where did the Crimean ambassadors stay in Moscow and the Moscow ambassadors at the court of the Crimean Khan in the 16th century? *Crimean Historical Review*. 2016, no. 2, pp. 35–51. (In Russian)
9. Maslova S.A. Horde ambassadors in Russia. *Ancient Russia. Questions of Medieval Studies*. 2015, no. 3(61), pp. 82–83 (In Russian)
10. Maslova S. A. *Institutions of the Horde power over Russia (baskaks, darugs, ambassadors)*. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University Publ., 2015. 154 p. (In Russian)
11. Novoselsky A.A. *The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. 452 p. (In Russian)
12. The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549. Makhachkala, 1995. (In Russian)
13. The Book of Embassies on the Relations between the Muscovite State and Crimea, 1567–1572. Otv. redaktor M.V. Moiseev; podg. teksta A.V. Malov, O.S. Smirnova; stat'i, komment. A.V. Vinogradov, I.V. Zaytsev, A.V. Malov, M.V. Moiseev. Moscow, 2016. (In Russian)
14. Complete Collection of Russian Chronicles. Moscow, 2000. Vol. 13. (In Russian)
15. Collections of the Russian Imperial Historical Society. Vol. 41. St. Petersburg: Printing house of F. Eleonsky and Co., 1884. 638 p. (In Russian)
16. Collections of the Russian Imperial Historical Society. Vol. 95. St. Petersburg: S.P. Yakovlev Partnership, 1895. 788 p. (In Russian)

17. Seleznev Yu.V. *Russian princes as part of the ruling elite of Juchiev ulus in the 13th–15th centuries*. Voronezh: Central Chernozem Book Publishing House, 2013. 472 p. (In Russian)

18. Seleznev Yu.V. Payments by Russian princes “for all Tatar protory”. *Shagi / Steps*. 2022, 8(3), pp. 168–185. (In Russian)

19. Schmidt S.O. On the characteristics of Russian-Crimean relations of the second quarter of the 16th century. *International relations of Russia to the 17th century*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. P. 266–375. (In Russian)

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

*Received June 21, 2023 Accepted for publication August 22, 2023
Published September 29, 2023*

О ТАХЧЕЕ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ ЯКОВУ И ГРИГОРИЮ СТРОГАНОВЫМ ОТ 30 МАЯ 1574 Г.

П.А. Корчагин¹, Г.Х. Самигулов²

*¹ Институт гуманитарных исследований Пермского федерального
исследовательского центра Уральского отделения РАН
Пермь, Российская Федерация
pakorchagin@gmail.com*

*² Научно-образовательный центр евразийских исследований
Южноуральского государственного университета
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Название области Тахчеи встречается в ряде источников конца XVI – начала XVII вв., но при этом все попытки её локализации до недавнего времени носили весьма приблизительный характер. Иногда в рамках одной публикации высказывались два разных предположения о том, к каким территориям в конце XVI в. применялось это обозначение. В недавней статье один из авторов предлагаемой работы предпринял попытку анализа информации, содержащейся в основном источнике – жалованной грамоте на земли, данной царем Иваном Васильевичем именитым людям Строгановым в 1574 г. В настоящей публикации дан более обширный историографический обзор по теме и выполнен анализ топонимики прилегающих районов.

По итогам исследований авторы пришли к выводу, что под названием Тахчеи подразумевался своеобразный транспортный «коридор», соединявший Приуралье и Зауралье, а в более широком смысле Европейскую и Азиатскую части материка, проходивший по территориям вдоль рек Сылва, Чусовая, Уфа в её верхнем течении и выходящий в Южное Зауралье. Это наиболее удобное место пересечения Уральского хребта, где гор практически нет. Здесь проходят трассы исторических путей, соединяющих Европейскую и Азиатскую часть материка, в русской традиции эти пути назывались Сибирской дорогой. К востоку от Уральского хребта выявлено несколько гидронимов и топонимов с тем же корнем «тахт/тахч», что и название Тахчеи, в значении «остановка, место стоянки». Это сохранившиеся в названиях места традиционных стоянок на исторически сложившихся путях. Это обстоятельство подтвердило наше предположение о формировании названия в связи с значением местности, как коммуникационного коридора и о распространении области Тахчеи в Южное Зауралье. Строгановы были заинтересованы в присоединении Тахчеи к своим владениям, поскольку здесь проходили торговые пути, связывавшие Приуралье с Центральной Азией, в частности, с Бухарой и Самаркандом. Взять под свой контроль эти дороги было достаточно заманчиво. Но реализовать жалованную грамоту 1574 г. они не сумели.

Ключевые слова: Тахчея, Строгановы, Сибирское ханство, Ногайская Орда, топонимика, водно-волоковые пути, транзитно-транспортная развязка

© Корчагин П.А., Самигулов Г.Х., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Корчагин П.А., Самигулов Г.Х. О Такхее жалованной грамоты Якову и Григорию Строгановым от 30 мая 1574 года // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 693–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.693-713 EDN: VQUZYU

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2. Работа выполнена в рамках программы развития Южно-Уральского государственного университета в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

ABOUT TAKHCHEYA IN THE LETTER OF COMMENDATION TO YAKOV AND GRIGORY STROGANOV DATED MAY 30, 1574

P.A. Korchagin¹, G.Kh. Samigulov²

*¹ Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russian Federation
pakorchagin@gmail.com*

*² Eurasian Studies Research and Education Centre
of the South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas@mail.ru*

Abstract: References to the Takhcheya region can be found in numerous sources dated the late 16th – early 17th centuries. This toponym aroused great interest among historians, but all attempts to localize this land had a very relative success until recently. Sometimes, even within the framework of one publication, two opposing opinions were expressed about which territories this notation was used at the end of the 16th century.

In a recent article, one of the authors of this investigation made an attempt to analyze the information contained in the main source – a charter on lands given by Ivan IV to Yakov and Grigory Stroganov in 1574. This publication provides a more extensive historiographical review of the topic and analyzes the toponymy of the regions, adjoining from the south to the Chusovaya possessions of salt producers.

As a result, the authors came to the conclusion that the name Takhcheya meant an ancient transport corridor connecting the Cis-Urals and Trans-Urals, in a broader sense, the European and Asian parts of the mainland, which went to the Southern Trans-Urals along the Chusovaya, Sylva and Ufa rivers in its upper reaches and went to north of the modern Chelyabinsk region.

This is the most convenient place for crossing the Ural Range, in its lowest part, where the routes of historical roads passed, which in the Russian tradition were called the Kazan road. Several hydronyms and toponyms with the same root “takht/takhch” as in the name of Takhcheya, meaning “stop, parking place” have been identified here: the preserved names of places of traditional parking on trade routes. Thus, the assumption about the formation of the name in connection with the nature of the area, as a communication corridor and about the spread of the Takhcheya region in the South Trans-Urals, is confirmed. The Stroganovs were interested in joining the Takhcheya region to their possessions, since trade routes, that passed here, connected the Urals with Central Asia, in particular, Bukhara and Samarkand. It was quite tempting to take control of these roads, but to implement the letter of commendation granted in 1574 seemed not possible.

Keywords: Takhcheya, Stroganovs, Siberian Khanate, Nogai Horde, toponymy, waterways, transit interchange

For citation: Korchagin P.A., Samigulov G.Kh. About Takhcheia in the letter of commendation to Yakov and Grigory Stroganov dated may 30, 1574. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 693–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.693-713 (In Russian)

Financial Support: The work was performed within the framework of a state assignment; state registration number of the topic AAAA-A19-119032590066-2. The work was carried out within the framework of the development program of South Ural State University as part of the implementation of the strategic academic leadership program “Priority-2030”.

Проблема топографической привязки исторической области Тахчеи породила уже достаточно обширную литературу, в которой успел дважды отметить один из авторов настоящей статьи [20, с. 126–130; 22, с. 224–236]. Однако и он признавал: «Можно упрекнуть автора в отсутствии топонимических подтверждений этой версии, но таковых нет почти ни в одном варианте реконструкции расположения Тахчеи, кроме предложенной А.А. Дмитриевым (Тахтанская волость)». Достаточно занятно, что обе версии расположения загадочной Тахчеи, высказанные в упомянутых статьях, оказались взаимодополняющими и в достаточной степени верными, что подтверждается новыми материалами, использованными в настоящей публикации.

Источники

Корпус источников, привлекаемых к решению проблемы Тахчеи, на протяжении уже столетий оставался крайне ограниченным. Это, прежде всего, документ от 30 мая 1574 г., который при первой публикации получил название «Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Стrogановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчях и на Тоболе», в котором этот топоним повторяется неоднократно:

«...за Югорским камнем, в Сибирской украине, меж Сибири и Нагаи, **Тахчеи** и Тобол река с реками и с озера, и до вершин, **где збираютца** ратные люди Сибирскова салтана...

...**посылал** Сибирской **через Тахчеи** и **перевел Тахчеи к себе**; а и прежде сего **Тахчеевы нам дани** и в Казань ясаков **не давали**, а давали де ясак в Нагаи; а которые остяки живут **круг Тахчеи**, и те остяки приказывают, штоб им наша дань давати, как иные наши остяки дань дают, а Сибирскому б дани и ясаков не давати и от Сибирсково б ся им боронити за одно. И нам бы Якова да Григорья пожаловати: **на Тахчее** и на Тоболе реке, и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин, **на пусторожливом месте** ослободити крепости делати...

...пожаловал: **на Тахчях** и на Тоболе реке **крепости им поделати** ... и по рекам и по озером и до вершин **дворы ставити**, и **лес сечи**, и **пашня пашати и угоды владети**...

А льготы **на Тахчеи** и на Тобол реку с реками и с озера и до вершин **на пашни** дали...» [14, с. 339–341].

Довольно любопытное отличие в формулировках от предыдущего варианта документа содержит текст жалованной грамоты Строгановым 1692 г., в состав которой были включены выдержки из грамот, полученных Строгановыми в разное время, в том числе, из интересующего нас документа 1574 г.: «В жалованной же грамоте 7082 году написано: он же великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России пожаловал Якова да Григорья Аникеевых детей Строгановых, по их челобитью, велел им меж Сибири и Нагаи *и Тахчей и на Тахчях* и на Тоболе реке... а льготы *на Тахчей* и на Тобол реку и с реками и со озера и до вершин на пашни дано от Троицына дни 7082 году до Троицына ж дни 7102 году на двадцать лет» [32, с. 36–37]. По этому тексту получается, что Тахчеи выступают некоей отдельной областью наравне с Сибирью и владениями Ногайской орды. Более того, если исходить из этого варианта, то Тахчеи и Тобол уже вроде, как и не «меж Сибири и Нагаи», поскольку крепости Строгановым велено ставить и «меж Сибири и Нагаю и Тахчей», а кроме этого «и на Тахчях и на Тоболе реке». И обратим внимание на ещё один момент – в русских документах Тахчеи весьма часто упоминаются именно во множественном числе. Это название в форме *Тагчеи*, *Таггчи* упоминается в Строгановской летописи, в рассказе о той же жалованной грамоте [25, с. 7–8, 53–55]. Однако иная форма написания указывает на то, что у автора (авторов) летописи были свои источники информации об этом термине, то есть название было вполне употребимо и имело вариации в произношении. Точно так же во множественном числе переведено слово «Тахчеи» в записках Г. Штадена. Представляется, что множественное число в этом наименовании вовсе не случайно. Свои выводы по этому поводу мы изложим в заключении статьи.

Тахчеи дважды упоминал Генрих Штаден в «Описания правления и страны московитов». «Земля великого князя так расположена среди других, что ему нет возможности наступать на турка, так как он не может к нему пройти. На восток лежит Нагайская земля. На юго-востоке – Черкасская земля, заморская Персия-кизыльбаши, Бухара, Шемаха. На юге – Крым; к югу (sudwärts) – Литва с городом Киевом. На западе – Польша. На севере – Швеция, Норвегия и описанное выше западное Поморье с Соловецким монастырем. *На северо-востоке: самоеды, Мунгазья и Тахчеи*» [33, с. 115–116]. Ниже Г. Штаден описывал население искомого региона: «Тахчеи (Tachzea) совсем пусты. *В этой стране* нет совсем никакого народа...» [33, с. 118].

Есть и информация более поздняя, 1623 г., правда, в этих документах упоминается не область Тахчеи, а Тахчинская волость: «Тахчинской де волости башкирец Едегер наехал на Хама-Карагае тайшу Куралая... а башкирец де ваш Тахчинской же волости Акшагулов сын...» [12, с. 158]. С большой долей вероятности можно предположить, что Тахчинская волость находилась в Зауралье, поскольку на охоту на Уй и Тобол (Хама-Карагай располагался как раз в тех краях) преимущественно ходили тюрки зауральских волостей. Но ничего более конкретного сказать на основании этой информации нельзя. Собственно, такая скудость источниковой базы и предопределила весьма противоречивое толкование искомого топонима.

Историография

Первым автором, который обратился к интересующей нас теме, был Г.Ф. Миллер, опубликовавший в 1750 г. полный текст третьей жалованной грамоты Строгановым [14, с. 339–341]. Но он, занятый более крупными историческими обобщениями, в комментариях не обратил внимания на такую мелочь как Тахчея: «§ 19. Главное содержание жалованной грамоты 7082 (1574) г. состоит в том, что Строгановым были отданы во владение *все земли по реке Тоболу* и разрешено, по примеру их Пермских владений, заселять их людьми всякого чина, строить города и крепости, держать в них пушки, пушкарей и пищальников, плавить железную руду, где ее сыщут, и вообще использовать землю и ее богатства» [14, с. 211–212].

Н.М. Карамзин, рассматривая события накануне похода Ермака, из всех географических привязок жалованной грамоты 1574 г. упомянул только р. Тобол: «Строгановы ... просили указа строить крепости в земле Сибирской, чтобы стеснить Кучюма в его собственных владениях и навсегда утвердить безопасность наших. Они не требовали ни полков, ни оружия, ни денег; требовали единственно жалованной грамоты на землю неприятельскую—и получили: 30 Мая 1574 года Иоанн дал им сию грамоту, где сказано, что Яков и Григорий Строгановы могут укрепиться *на берегах Тобола* и вести войну с изменником Кучюмом для освобождения первобытных жителей Югорских, наших данников, от его ига; могут в возмездие за их добрую службу, выделять там не только железо, но и медь, олово, свинец, серу для опыта, до некоторого времени; могут свободно и без пошлины торговать с Бухарцами и с Киргизами» [8, с. 378–379].

Пермский краевед Ф.А. Волегов в 1841 г., отвечая на вопрос заданный, увы, нам неизвестным корреспондентом, первым дал развёрнутый анализ проблемы Тахчеи: «Вопрос: что надлежит разуметь под словом на Тахчеях, помещенным в грамоте жалованной Г-м Строгановым в 7082 году.

Ответ: В грамоте 7082 года выражение на Тахчеях помещено 6 раз...

По справкам с Сибирскою историей Миллера и Фишера, с Историею Карамзина и с некоторыми летописями и записками о Сибири, ничего положительного не открывается о значении слова: на Тахчеях. Ни рек, ни гор, ни других живых урочищ под этим названием за Уральским хребтом не находится. Миллер говорит, что остяков татары называют иштяк. По карте земель киргизских много гор называются Тау. Не участвует ли это слово в слове Тахчей? Не произошло ли сие последнее из слова Таучей например: житель горный или тому подобного?

Впрочем, мне кажется, слово Тахчей, можно разрешить смыслом грамоты 7082 года, и *я почти уверен, что под именем Тахчей разумелись остяцкие улусы подвластные татарам нагайским*. Другого смысла, кажется, не выходит из слов грамоты. Выражения: 1) перевели Тахчей к себе; 2) прежде сего Тахчевы дани нам не давали; 3) живущие вокруг Тахчей остяки приказывают им дань давати, как иные остяки дают и 4) от Сибирского б ся им боронити заодно, — доказывают, что под словом Тахчей разумелись люди или кочевья: ни к чему другому эти выражения нейдут. К горам, рекам, озерам и т.п. решительно нельзя отнести слов: и от Сибирского б ся им боронити заодно.

Смысл грамоты открывает также, что улусы тахчеев находились ближе к Уральскому хребту и что между ими и Сибирью (городом Искером) Строгановы просили и получили пустые земли с р. Тоболом и со впадающими в него реками, речками и озерами до вершин, где собираются ратные люди Сибирского Салтана.

Таково мое мнение о Тахчях. Не знаю, что скажут другие?

Ф. В. 22 февр. 1841 года»¹.

Т. е. Ф.А. Волегов стал первым исследователем, который предложил рассматривать *Тахчеи* не только как регион, но и как какую-то особую народность.

С.М. Соловьев не был знаком со взглядами Ф.А. Волегова, но в 50-е гг. XIX в., рассматривая сюжет о Строгановых и Ермаке, похоже, тоже не воспринимал термин Тахчя, как топоним: «Строгановы, уведомивши царя о нападениях сибирского салтана и царевича, били челом, что они своих наемных козаков за сибирскую ратью без царского ведома послать не смеют, между тем как зауральские остяки просят, чтоб государь оборонял их от сибирского салтана, а они будут платить дань в Москву; для этого бы государь пожаловал их, Якова и Григорья Строгановых, *позволил между тахчями, на реке Тоболе* и по рекам, которые в Тобол впадают, до вершин их, на устрожительном месте крепости делать... Льготы *на землю тахчеев* и на Тобол-реку с другими реками и озерами до вершин, на пашни, дали мы на 20 лет...» [29, с. 669].

В 1892 г. пермский горный инженер и краевед Н.Н. Новокрещенных опубликовал статью, в которой весьма скептически оценивал роль Строгановых в деле присоединения Сибири. В доказательство своего мнения он, ссылаясь на писцовые книги Яхонтова, указывал на то, что отнюдь не все земли, перечисленные в трех первых жалованных грамотах, реально были переданы Строгановым. Течение р. Чусовой выше устья р. Межевой Утки и все земли, обещанные в 1574 г., т. е. искомая Тахчя и верховья Тобола ни в каких переписных документах за вотчинниками не числились. Автор статьи также опубликовал чрезвычайно интересную челобитную на высочайшее имя А.Г. Строганова 1719 г. Однако, к сожалению, Н.Н. Новокрещенных не анализировал обнаруженную им челобитную с точки зрения исторической географии [16].

А.А. Дмитриев не занимался специально проблемой Тахчеи, он, дискутируя с А. Оксеновым по поводу Югры [17, с. 42–455], в работе 1894 г. помещал Тахчею в верховья р. Тавды ничем, по сути, свою точку зрения не аргументируя, лишь обращая внимание на окружающее население: «*На верхней Тавде, на старой Московской дороге из Руси в Сибирь, лежала вогульская волость Тахчеи или Тахтанская, вокруг которой, в непосредственном соседстве, Остяки жили* сплошной массой, как видно из царской грамоты Строгановым от 30 мая 1574 г.» [4, с. 46]. Действительно, в грамоте утверждается, что «остяки живут круг Тахчеи», но объективности утверждению А.А. Дмитриева это не прибавляет. Заметим, кстати, что Александр Алексеевич счёл Тахчею волостью, т. е. с самоуправляющейся группой *населения*. Но именно он впервые предложил конкретную топографическую привязку – Тахтанская волость Туринского уезда Тобольской губернии.

---

¹ ГАПК. Ф.672. Оп.1. Д.43. Л. 1–2об.

В 1925 г. под редакцией С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского был опубликован русский перевод «Записок немца опричника», но в примечаниях к тексту Г. Штадена переводчик и автор комментариев И. И. Полосин всё только запутал: «Тахчея (Tochsea, Tachzea) – зауральская область, *входившая в состав Сибирского ханства*; упоминается в грамоте 1574 г.; позже упоминаний не встречается. Ср. Tachnin у Герберштейна: 40, 42» [33, с. 176].

В 1928 г. С.В. Бахрушин, основываясь на записках Г. Штадена, писал, что Тахчея к моменту жалования её Строгановым уже была включена в состав Русского государства, по крайней мере, находилась в сфере российского влияния: «Вслед за ватагами промышленников упорно наступали “за Югорский Камень” и Строгановы. Едва осев на Каме, они уже в 1574 году выхлопывают себе грамоту на постройку городков на Тоболе и его притоках и на Иртыше, которые должны были служить опорными пунктами для промышленного движения – “охочим людям на опочив”».

В результате *бассейн Туры или “Тахче”, как называли эту область в XVI веке*, был еще до Ермака подчинен русскому влиянию, и “Тахчеи”, как видно из царской грамоты 1574 г., платили ясак в Казань; одновременно и остяки, жившие “круг Тахчеи”, стали склоняться к признанию власти московского государя. Штаден, бывший в Москве в 60–70-х годах, включая поэтому Tachsea (Tachzea) в состав русских владений» [1, с. 150].

В примечаниях же к тексту автор разъяснял: «¹⁾ Вопрос о “Тахчеях” до сих пор остается невыясненным. В позднейших документах это название не сохранилось, и попытка Дмитриева отождествить Тахчеи с Тахтанской волостью Туринского уезда не может считаться решающей. Во всяком случае, это – *не народ, а страна, которая, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола*, так как в грамоте 1674 г. упоминание о Тахчеях всякий раз предшествует упоминанию о Тоболе. Упоминается название Тахчеев только в 70-х годах XVI в. и, очевидно, впоследствии было заменено другим. *Легче всего предположить, что так назывались область по Туре, за которой впоследствии установилось название Епанчин юрт*, название новое и возникшее только после похода Ермака».

Правда, С.В. Бахрушин противоречит сам себе дважды: подчеркивая, что Строгановым приходилось *завоевывать* официально пожалованные им земли, и помещая Тахчею то на место будущего Епанчина Юрта (на р. Туре в окрестностях современного г. Туринска), то в верховья Тобола.

В.В. Мухин в популярной книге о Ермаке (1957) обозначил местоположение Тахчеи с одной стороны приблизительно, но, с другой – весьма определенно: «В марте 1574 года по царскому приказу Яков Аникеевич и Григорий Аникеевич Строгановы были вызваны в Александровскую слободу – резиденцию Ивана IV. 30 мая им была выдана жалованная грамота, в которой излагалась программа наступательных действий на Зауральские земли: «На Тахчеях (*область где-то на водоразделе Уральских гор – В.М.*) и на Тоболе реке крепости им (т. е. Строгановым) поделати...» [15, с. 16]. В любом случае мы можем быть уверены, что Владислав Владимирович считал Тахчею территорией, и помещал её не в тех местах, о которых писали А.А. Дмитриев и С.В. Бахрушин.

Н.А. Томилов в 1992 г. в монографии, посвященной изучению этнической истории тюркоязычных народов и групп на территории Западно-

Сибирской равнины, вскользь коснулся проблемы Тахчеи, считая, что это тюркская племенная группа, обитавшая в бассейне р. Туры: «Особенности сложения этнического состава собственно тюменских татар ясны далеко не во всех аспектах. С XVII–XVIII вв. их территория входила в область расселения кипчаков (Шаниязов, 1974, с. 45). Известно, что в составе тюменцев оказались выходцы из Средней Азии. **Видимо, с этим связано наименование области по р. Туре, где жило тюркское население, „тахчеями“** (Бахрушин, 1955, с. 142; История Сибири, т. 2, с. 27). Тагчи (тахчи) Б.Х. Кармышева относит к ранним узбекским племенам. Сами тагчи называли себя катаганами, т.е. именем племени дашти-кипчакского происхождения (Кармышева, 1976, с. 83–85, 88, 105). Обращает на себя внимание и наименование татарской волости по Туре Шикчинской (Шихчинской), в качестве аналогии к которому может быть приведено название шихов–одной из групп среднеазиатских хождей (Кармышева, 1976, с. 118, 148)» [31, с. 33].

К проблеме Тахчеи неоднократно обращался Р.Г. Скрынников, с годами видоизменяя и дополняя свою точку зрения. Впервые он писал об этом в 1980 г. попутно, в связи с походом Ермака и считал, что ответ весьма прост: «Строгановы знали точно, где находились Тахчеи. Надо лишь **внимательно прочесть их грамоты, и вопрос о местоположении Тахчеи прояснится сам собой**. Яков да Григорий Строгановы били челом Ивану IV, что в царской вотчине “за Югорским камнем, в Сибирской уkraine, меж Сибири и Ногаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озера и до вершин... там збираютца ратные люди сибирскова салтана да ходят ратью” на Русь.

Невероятно, но факт! **Тахчеи располагались за Уральским хребтом**. А это значит, что Строгановы проникли в Сибирь до похода Ермака» [26, с. 455].

В 1982 г. Р.Г. Скрынников в монографии «Сибирская экспедиция Ермака», кратко помянув мнения И.И. Полосина и С.В. Бахрушина, уточнил свою точку зрения: «Более точные и подробные сведения о местонахождении Тахчеи дает царская грамота Строгановым, содержащая выписку из строгановской челобитной. «Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, – отметили Строгановы, – лежат в государеве отчине за Югорским камнем, в Сибирской уkraine меж Сибири и Нагаи.

Прояснить вопрос помогает карта расселения племен в Южном Приуралье в XVII в. **На юго-западной окраине Сибири, близ границ с ногайцами, среди других племен обитали племена, пришедшие с запада из Приуралья и принадлежавшие к башкирскому этническому массиву. В местах их обитания, скорее всего, и следует искать область Тахчеи»** [27, с. 116–117]. Стоит заметить, что подобная географическая привязка Тахчеи является весьма неопределенной, более того, не совсем понятна и логика рассуждения автора.

Во втором издании монографии (1986) Р.Г. Скрынников пошел дальше: «Царская грамота Строгановым 1574 г. с полной достоверностью засвидетельствовала тот факт, что к 1571–1572 гг. пермские солепромышленники проникли в Сибирь и основали там свою слободу в Тахчеях...

Переписка Строгановых с Москвой доказывает, что **область Тахчеи примыкала с востока к приуральским владениям Строгановых на Чусовой и Сылве. Гипотеза С.В. Бахрушина о том, что Тахчеи находились на Туре**

*в районе будущего «Епанчина юрта», находит подтверждение» [28, с. 100–101]. Т.е. в итоге Р.Г. Скрынников солидаризировался с С.В. Бахрушиным, однако, заметим, что *Тахчея Бахрушина* в районе Туринска со строгановскими землями и верховьями Чусовой не граничит.*

Е.Н. Шумилов в статье 2008 г. при определении расположения Тахчеи почему-то предпочёл отталкиваться от этнического состава её населения, о котором в источниках ничего не говорится: «Согласно данным башкирских исследователей, *верховья р. Чусовой принадлежали башкирскому племени терсяк*. Именно в XVI в. терсяки покинули свои родовые земли...

Именно в землях терсяков, в области, именуемой в русских летописях Тахчеи, и обосновались дружинники Строгановых, основав слободу. *Верховья р. Чусовой (ныне территория севера Челябинской области), согласно указу царя Ивана Грозного, являлись границей владений Строгановых...* область Тахчеи была стратегически важным местом. С верховий Чусовой можно было попасть в верховья Исети, притока Тобола...» [34, с. 114].

Текст Е.Н. Шумилова во многом основан на историографических мифах. Разбирать их здесь подробно мы не будем, часть из них рассмотрена в более ранней работе одного из авторов настоящей статьи [21, с. 183–203]. Рассмотрим только те моменты, которые важны для нас сейчас. Терсяк жили не в самых верховьях р. Чусовой, а существенно ниже по течению. Представление о территории их расселения может дать карта 1762 г.² [23, с. 101], на которой показаны «Вотчина статского советника господина Демидова, купленная у башкирцев» – это территории по рр. Чусовая и Ревда [24, с. 30]. На карте также показано, что с запада, юга и юго-востока «вотчину Демидовых» окружают угодья «Уфимского уезда Сибирской дороги Терсятской волости башкирцев». Добавим, что показанные на карте «вотчины» Демидова были куплены также у терсяк для Ревдинского завода. Тех, кого удивит: откуда взялись земли башкир Уфимского уезда на территории Верхотурского уезда, отсылаем к упоминавшейся статье «Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века».

Итак, территории расселения терсяк на р. Чусовой располагались гораздо ниже указанных в статье Е.Н. Шумилова (впрочем, повторимся, он лишь следовал историографической традиции. Так, в верховья р. Чусовой помещал терсяк на карте в своей работе Б.О. Долгих) [5]. И терсяк не уходили со своих земель ни в XVI, ни в XVII в. – это хорошо иллюстрирует упомянутая карта 1762 г. Поэтому связывать передачу земель Строгановым с уходом терсяк с Чусовой не стоит. Тем более, что совершенно непонятна связь терсяк и Тахчей (хотя саму территорию расположения рассматриваемой области Е.Н. Шумилов частично угадал).

Кроме того, Е.Н. Шумилов несколько преувеличил пустоту лесостепного Зауралья. Безлюдными эти территории назвать можно очень условно – плодородные земли не бывают неиспользуемыми, кроме периодов чрезвычайных. Рассуждение об отсутствии «татар» достаточно спорно, а «башкиры» Зауралья не были кочевниками, хотя и были скотоводами. Утверждение, что они приходили сюда два раза в год не просто спорно, но в принципе неверно. Точнее было бы сказать, что зиму они проводили в зимних селениях, которые

² ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 115.

располагались в горах и предгорьях Урала, а на лето уходили на пастбища в долины равнинных рек – Исети, Миасса, Уя и т. д.

Кроме того, Е. Н. Шумилов помещает Тахчеи в верховья р. Чусовой и сам же пишет, что эти земли были пожалованы Строгановым в 1568 г. Тогда не понятно – какие Тахчеи были им пожалованы по грамоте 1574 г. И, наконец, если назвать дорогу, которая шла по Чусовой и Сылве северной Казанской дорогой условно можно, то путь, проходивший мимо оз. Касли южным точно не являлся. Была ещё одна трасса Старой Казанской дороги, рядом с которой впоследствии поставили Саткинский и Златоустовский заводы и путь, огибавший Уральский хребет с юга. Кстати, тезис о большем удобстве дороги, шедшей мимо оз. Касли в сравнении с сылвенской дорогой, весьма сомнителен. Маршрут по долине р. Большой Маук, а затем по верхнему течению р. Уфа был достаточно сложен, он и сейчас не слишком удобен и как сухопутная дорога, и как водный путь.

Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина в статье 2012 г. «Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики» уточнили политическую ситуацию в регионе времён жалованной грамоты 1574 г., а в отношении трактовки статуса и расположения Тахчеи в целом находились в русле идей предшественников: «С этим же походом связывается *перевод на территорию Сибирского ханства Тахчеи*. В источниках *этот термин встречается в двух значениях: как территория или юрт* (например, «на Тахчеях и Тоболе») *и как группа людей, улус* (например, «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи»). Подчеркивается, что они жили в окружении остяков, которые хотели платить дань в Москву и просили защиты, но при этом видимо отличались от них в этническом плане. Интерпретация этого названия вызвала длительную дискуссию в историографии (см. подробнее Скрынников, 1982, с. 115–116). Из жалованной грамоты 1574 г. ясно, что территория Тахчеи и Тобола располагалась между Ногайской Ордой и Сибирским ханством (Миллер, 2005, с. 332–333). Наиболее убедительным видится точка зрения Е.Н. Шумилова, который считает, что *Тахчеи – это территория в верховьях Чусовой, заселенная племенем терсяк, которые на протяжении XVI века покидают свои территории и уходят на юг в земли сальютов* (Шумилов, 2011, с. 141–143). В.В. Трепавлов считает, что два сына Муртазы в разное время были наместниками Башкирии, которая находилась под управлением Шейх-Мамаея (Трепавлов, 2002, с. 208–210). В связи с этим они должны были поддерживать связи с рядом племен севера лесостепной зоны. Это могло стать как причиной увода Тахчеи, так и более позднего переселения аялынецов в Прииртышье в 1570-е гг. (Татауров, 2011, с. 52), которые поддерживали Кучума и его потомков» [10, с. 217–218].

Итак, авторы солидаризируются с Е.Н. Шумиловым, но, всё-таки, предпочитают не топографическое, а этнонимическое понимание термина, поскольку использовали существительные *увод* и *переселение*. И хотя происхождение и история башкирского рода Терсяк обсуждались в сборнике «История башкирских родов» [7, с. 23–24] (2016) и статье Д.Н. Маслюженко и Г.Х. Самигулова [11, с. 377–378], но ни там, ни там гипотеза ухода терсяк из Тахчеи не анализировалась. Достаточно подробно этот вопрос рассматривал-

ся в публикации одного из авторов настоящей статьи, где показано, что никакого реального ухода терсяк с Чусовой не было [21, с. 183–203].

Г.Х. Самигулов в 2012 г. в статье «К вопросу о границе Ногайской орды и Сибирского ханства в Южном Зауралье» подвел предварительный итог научного поиска: «... Таким образом, *можно соотнести Тахчею с Тахчинской волостью в Южном Зауралье* (на Южном Урале), хотя место расположения этой волости более точно локализовать пока нет возможности, можно лишь предположить, исходя из текста документа, что она соседствовала с Каратабынской волостью» [20, с. 128].

И, наконец, в 2016 г. Г.Х. Самигулов в специальной статье «О локализации области Тахчеи в XVI веке» сформулировал основные логические посылы и предположил, «что под словом Тахчеи (Тагчеи) в документах конца XVI века подразумевалась *область в среднем и верхнем течении р. Сылва (и нижнем течении р. Ирень) и в верхнем течении р. Чусовая. Возможно, сюда же относились территории в верхнем течении р. Уфа*» [22, с. 233].

О населении Тахчеи

Как мы видели выше, исследователи противоречат друг другу в вопросе обитаемости Тахчеи, что сводится к вопросу, считать ли Тахчею топонимом или также и этнонимом, как это делали Ф.А. Волегов, С.М. Соловьев, А.А. Дмитриев, Е.Н. Шумилов, Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина.

Чтобы разрешить эту проблему стоит обратить особое внимание на фразу Г. Штадена: «Тахчеи (Tachzea) *совсем пусты*. В этой стране нет совсем никакого народа...» [33, с. 118]. Эта фраза приходит в противоречие с текстом жалованной грамоты, где сказано: «...а и прежде сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи; а которые остяки живут круг Тахчеи, и те остяки приказывают, штоб им наша дань давати, как иные наши остяки дань дают, а Сибирскому б дани и ясаков не давати и от Сибирского б ся им боронити за одно» [14, с. 332–333]. Документ совершенно конкретно свидетельствует о том, что Тахчеи были населены и население это сначала платило ясак ногайцам, а потом (видимо в 1572 г.) сибирский хан «перевел» его к себе. В данном случае слово «перевел» вряд ли означает переселение, скорее вывод жителей Тахчей из-под юрисдикции ногайцев. Об этом свидетельствуют и следующие фразы – остяки, жившие вокруг Тахчей «приказывали» тахчинским осякам давать дань русскому царю. Поэтому утверждение Штадена вряд ли соответствовало действительности.

При этом возникает вопрос: обычно жаловали земли, которые хотя бы формально были пусты, а здесь в самой жалованной грамоте четко проговорено, что Тахчеи имеют население. Но есть достаточно важный момент – это население не платило дани русскому царю и, соответственно, русский царь не обязан защищать его интересы. Именно поэтому достаточно подробно прописано кому именно платят ясак жители Тахчей и даже дана историческая справка, подтверждающая, что они никогда не были подданными Московского государства или Казанского ханства (это, кстати, интересный момент – прямое указание на позиционирование Иваном IV себя, как правопреемника Казанского ханства).

Возможная этимология топонима Тахчеи

Мы отнюдь не случайно в историографическом очерке внимательно анализировали понимание различными исследователями содержания термина Тахчеи. Уяснение значения, смысла данного слова, именно как топонима, должно позволить прояснить его месторасположение. Смысл искомого слова, в общем-то, лежит на поверхности и интуитивно ясен. Поэтому сразу извинимся перед специалистами-лингвистами за то, что не приводим полноценного очерка этимологии. У них это получилось бы гораздо лучше, но для наших целей достаточно лишь обозначить основное направление, ибо далее мы планируем действовать методами не лингвистической, но исторической топонимики.

Русско-татарские и татарско-русские словари отсылают читателя к значениям *стоянка, остановка*: «**туктау** *неперех.* 1. в разн. знач. Останавливаться / остановиться | остановка... **тукташ** *сущ.* 1. стоянка (привил) 2. *ист.* опорная база (*при походах*)» [30, с. 432]; «**остановк|а** *ж* 1. см. **остановить** 1, остановиться 1; 2. (перерыв, пауза) тукталу, туктап тору (*сүздә, хәрәкәттә һ.б.ш.*); **говорить без ~ и** тукталмыйча сөйләү 3. (*место*) тукталыш, туктау урыны...»; «**стоянка** *ж* 1. туктау, туктап тору, тукталу; ~ **поезда пять минут** поезд биш минут туктап тора 2. (*место*) [вакытлыча урнашкан] урын, туктап (тукталып) тору урыны, туктау (тукталу) урыны; ~ **зимовщиков** кышлаучылар урыны 3. (*для транспорта*) вакытлыча куеп тору урыны; тукталыш...» [19, с. 352, 596].

В «Этимологическом словаре чувашского языка» обнаруживаем: «**ТАХТА** 'ждать', 'останавливаться', 'делать передышку'; тат., башк. *тукта* 'останавливаться', 'причаливать' (о пароходе), 'переставать'; азерб., хак. *тохта*, тув. *докта*, кирг. *токто*, казах., ног., *токта*, узб. *тухта* 'останавливаться', 'задерживаться', 'делать передышку'; узб. *туктов*, ног. *тогтав* 'остановка'; ср. монг. *тухтай* 'свободный', 'имеющий досуг'; 'не спеша', 'не торопясь'; *тогтох* 'останавливаться'» [6, с. 241].

И, поскольку, предполагается связь с бухарскими купцами, заглянем в узбекско-русский словарь: «**ТАХЛАМОК** складывать (вещи, книги, одеяла и т.п.)...

ТАХМОН большая ниша в стене для складывания домашних вещей, главным образом для одеял...

ТАХТ² готовый, подготовленный; т. қилмоқ подготовить, приготовить, приводить в полную готовность» [9, с. 436–437].

Слово «Тахчея», без сомнения, обозначает место остановки и, возможно, складирования товаров, и такая этимология поддерживается показаниями источника, в котором предполагается, что в «те новые места приходит торговые люди бухарцы и Казацкие орды и из ыных земель с лошадьми и со всякими товары». В нашем случае словом «Тахчеи» обозначается, скорее, территория, по которой проходят дороги и которая, соответственно, изобилует такими стоянками. Собственно, именно потому и Тахчеи, а не Тахчея – подразумевается не точка, не единичный пункт, а земли, по которым проходил транспортный коридор и на которых размещались перекрестки путей, отсюда и множественное число.

Историческая топонимика

Стоит перепроверить, прав ли Ф.А. Волегов, утверждавший, что «ни рек, ни гор, ни других живых урочищ под этим названием за Уральским хребтом не находится». На карте азиатской части России и Казахстана мы обнаруживаем достаточно много топонимов и гидронимов, интересующего нас топонимического ряда.

Алтайский край

Р. Тахтарев пр. приток р. Кача в Алтайском р-не (51.866281, 85.036257).

Республика Башкортостан

Дер. Туктаево Старобалтачевского с/с Балтачевского р-на Башкортостана (56.030833, 56.036111). **Дер. Туктаркуль** Буздякского с/с Буздякского р-на Башкортостана (54.570278, 54.645556). **С. Туктагулово (Туктагул)** Бишкураевского с/с Туймазинского р-на Башкортостана (54.646111, 54.059444). **Р. Тахта** лев. приток р. Уфа (55.778237, 58.409481). **Р. Туктар** прав. приток р. Беркутла (53.133890, 55.124422).

Красноярский край

Р. Тахтаты пр. приток р. Белая в Курагинском р-не (54.033598, 93.587874).

Р. Туктарма пр. приток р. Вельмо в Северо-Енисейском р-не (60.964220, 93.691551).

Курганская область

Урочище Тахтарово, Шумихинский муниципальный округ, Курганская область (55.518697, 63.015363).

Новосибирская область

Дер. Большая Тахта (Большая Тохта) Ишимской с/а Чистоозерного р-на (54.701944, 76.073889). **Дер. Малая Тахта (Малая Тохта, Мало-Тохта)** Романовского с/с Чистоозерного р-на (54.600556, 76.252500). **Оз. Тахта (Тохта озеро)** в Чистоозёрном р-не (54.701389, 76.055556). **Оз. Тахтамыр** в Венгеровском р-не (55.971667, 76.487500).

Омская область

Ур. Тахтаул в Павлоградском р-не (54.225000, 73.324444).

Пермский край

Дер. Тохтарово в Суксунском городском округе (57.154444, 57.465833).

Свердловская область

Оз. Тахтарово в Туринском городском округе (58.445278, 63.571389).

Республика Татарстан

Дер. Туктар. Верхнемактаминского с/с поселение Альметьевского р-на (54.804167, 52.403611). **Сел. Туктарово-Урдала (Токтарово Урдалы)** – центр сельского поселения Лениногорского р-на (54.415278, 52.125556). **Река Тахта** – в Аксубаевском р-не (54.815726, 50.911704).

Тюменская область

Д. Тахтагул Кутарбитского с/с Тобольского р-на (57.684167, 68.423611). **Оз. Малое Тахталы** в Тюменском р-не (57.084444, 66.049444), в 30 км на восток от Тюмени.

Республика Хакасия

Р. Тахта Таштыпский р-н (52.934200, 89.410335).

Республика Казахстан

Сел. Тахтаброд район им. Габита Мусрепова, Северо-Казахстанская обл. (52.633611, 67.580833).

Все эти объекты, располагаясь вдоль южной границы Российской Федерации, помещаются в полосу между 51°51'59" до 60°57'51" сев. шир., и в основном сосредотачиваются вокруг 55° сев. шир., практически укладываясь в лесостепную зону. Кроме того, все отмеченные объекты находятся на водоразделах, в верховьях рек бассейна Северного Ледовитого океана и Волжского речного бассейна. Поэтому можно утверждать, что часть этих пунктов представляли собой не просто места остановок, но служили конечными пунктами караванных путей, где происходила перепродажа и перегрузка товаров, которые следовали далее уже речными путями.

Искомая Тахчия

Если же принять во внимание, что Тахчия жалованных грамот должна была располагаться близ южной границы строгановских вотчин в верховьях р. Чусовой, то стоит ее поискать в Челябинской области, где фиксируется весьма заметное сгущение интересующих нас топонимов, точнее сказать – два района концентрации путевых топонимов и гидронимов.

Это *оз. Тахталым* в Кунашакском р-не (55.862222, 61.772500), а также *пос. Тахталым* и *ж-д станция* при нем. Показательно, что название района дано по селу, стоящему на берегу одноименного озера (23 км к юго-юго-западу от оз. Тахталым). Местные жители рассказывают, что название берет начало в давних временах, когда на берегу озера традиционно организовывали стоянки проходивших караванов. Само название происходит, по их версии, от слова «Куньшабыз» – «здесь будем ночевать». В документах XVIII–XIX вв. озеро и селение на нем часто назывались как «Куньшак», чаще «Кунушак»³. А слово куньшак (кунчак) можно перевести как «Ночевое» [18, с. 261]. А в 38 км к югу от оз. Тахталым находится с. Бродокалмак, основанное в 1715 г. на месте традиционной переправы через р. Теча. В 1740-е гг. здесь был проложен Бродокалмацкий тракт на Челябинскую крепость. Сама станция Тахталым находится на железнодорожной ветке от Челябинска на Каменск-Уральский.

На расстоянии около 120 км к западу от оз. Тахталым фиксируется второй район концентрации путевых топонимов. Здесь в верховьях р. Уфы почти рядом друг с другом (в 10 км) располагаются *р. Тахта* лев. приток р. Уфа (устье 55.786570, 59.978269) и ныне опустевший *пос. Тахта* в гор. окр. Верхний Уфалей (55.856847, 59.874520). В 40 км к северо-востоку от поселка раскинулось *оз. Малое Чусовское* – исток *р. Полдневной Чусовой* (56.121422, 60.338481), к которому от поселка весьма удобно двигаться вдоль течения р. Уфалейки, и это древнее направление ныне зафиксировано современной автодорогой. Если же продолжить движение на северо-запад в самые верховья Уфалейки, то получится выйти на короткий (всего 5 км) водораздел к истоку *р. Западной Чусовой* (56.220599, 60.068718). Показательно, что по

---

³ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 88. Л. 1, 6; ГАПК. Ф. 177. Оп. 2. Д. 127. Л. 20, 45 об., 47 об. и т.д.

этой территории проходит железнодорожная ветка от Челябинска на Екатеринбург.

Но есть ещё непосредственно район по рр. Сылва и Чусовая – именно население Сылвенско-Иренского поречья вполне подходит под описание в источнике о «перевод» жителей Тахчеи в свой ясак ханом Кучумом, да и ясак до этого они платили ногайцам, а в русское подданство были приведены только после похода Ермака, как показано в одной из предыдущих статей. Там же показана включенность территорий по Сылве, Чусовой и верхнему течению Уфы в маршруты трансуральской торговли ещё в XVII в., а также существование упоминаемой в некоторых источниках слободы на Тахчях [22]. Но земли по Сылве так и не попали в распоряжение Строгановых. Они вошли в состав Верхотурского, позже Соликамского, а затем Кунгурского уездов. Таким образом, Строгановы не смогли реализовать права на земли, пожалованные им в 1574 г.

Итак, мы фиксируем три *Тахчеи*, если принимать настоящий топоним как генерализующий, маркирующий транзитные развязки, чем и объясняется его употребление в источниках во множественном числе. С другой стороны – это всё и есть Тахчея, то есть некая область удобных путей сообщения, соединяющих в узком смысле Приуралье и Зауралье, а в широком – Европейскую и Азиатскую часть материка в лесной его части. Ещё одно объяснение множественного числа понятия Тахчеи в источниках, это синкретический характер транспортного коридора: если более северные трансуральские дороги представляли собой привычные для населения северо-восточной и северной Руси водно-волоковые пути, то здесь происходил переход водных и сухопутных маршрутов. В Южном Зауралье весьма напряжённо с судоходными реками, даже если иметь в виду относительно небольшие дощаники. Ни по Миассу, ни по Исети, ни по Ую они не пройдут. Плюс к этому традиционная торговля из «Бухары» носила караванный характер, эта ситуация сохранялась вплоть до XX в. и Меновые дворы, в частности Троицкий, тому подтверждением.

Ясно, что единственно Тахчеей (Тахчями) территории, пожалованные Якову и Григорию Строгановым в 1574 г., не исчерпывались, поскольку в грамоте указывались и земли «на Тоболе реке, и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин» и «меж Тахчеи и Тобола». Но, очевидно, не стоит воспринимать эту информацию буквально, что промышленникам жаловалось все верхнее течение р. Тобол, поскольку его истоки находятся в глубине степи сегодня относящейся к территории Казахстана.

Кроме того, не стоит преувеличивать географическую осведомленность Якова и Григория Строгановых, да и московского правительства тоже, поскольку ни в столице, ни в Прикамье не имели ясного представления о географии этих мест. Характерной особенностью всех царских пожалованных грамот Строгановым является отсутствие описания границ передаваемых земель по периметру, пожалование производилось целыми речными бассейнами – «с реками и с озера и до вершин» – в надежде, что точные пределы владений определятся по мере их освоения.

В непосредственной близости от Малого Чусовского озера раскинулось оз. Иткуль, из которого через протоку Исток можно попасть в оз. Синара, откуда начинается р. Синара пр. приток р. Исеть. А из верховий р. Уфы (чуть выше по течению устья р. Тахта) возможно по короткому (менее 2 км) волоку между

одноименными речками Кыштым попасть в бассейн р. Теча и, двигаясь проточными озерами Большая Нанюга, Иртыш, Кызылташ, достичь уже известного нам с. Бродокалмак, а после и места впадения Течи в р. Исеть. Практически из самых истоков р. Уфы через ее прав. приток р. Грамотуха существовал краткий (менее километра) волок в оз. Арашкуль, из которого через р. Серебрянку и оз. Серебры, а далее по р. Сак-Элга возможен водный проход в р. Миасс. Очевидно, именно эти места и подразумевались жалованной грамотой «и по рекам и по озером и до вершин». Итак, искомые *Тахчеи* – это территория (около 3000 км²), где в самом низком месте Уральских гор на водоразделе сходятся истоками реки Камского (Чусовая, Уфа) и Обского (Исеть, Синара, Теча и Миасс) речных бассейнов, образуя уникальную транзитно-транспортную развязку на водно-волоковых путях, в чем и заключалась изначально основная ценность описываемых территорий для Строгановых.

Интерес промышленников к этой территории на севере современной Челябинской области становится окончательно ясен, если проследить динамику их земельных приращений в Камском бассейне. Первая грамота была выдана Григорию Строганову 4 апреля 1558 г. пустые места «ниже Перми Великой за 88 верст по Каме реке по левую сторону, *с устья Лысьвы речки*, и по правую сторону Камы реки, против Пызновской Курьи (около совр. г. Березники – П.К.), *вниз по обе стороны по Каме реке до Чусовой реки* (ныне сев. окраина Перми – П.К.). Это более 180 км вдоль Камы. Вторая грамота, выданная Якову Строганову, сыну Аникея Строганова, 25 марта 1568 г., царем Иваном IV Васильевичем Грозным о пожаловании земель «*Чусовой реки от устей и до вершины*, и от Чусовой реки вниз по реке по Каме до Ласьвинского бора (ныне южн. окраина Перми – П.К.), по обе стороны Камы реки». Протяженность р. Чусовой более 550 км.

К 30 мая 1574 г. Строгановы контролировали более 600 км речного пути от Перми Великой на юг в Зауралье. И вполне логичным для них стало желание овладеть и его конечным пунктом, водно-волоковым перекрестком, куда приходили «торговые люди бухарцы и Казацкие орды и из ыных земель с лошадьми и со всякими товары». Карта «Размещение торговых предприятий Строгановых в Русском государстве», опубликованная А.А. Введенским [2, с. 217], дает наглядное представление о размахе строгановской торговли: крайние северо-западные их владения располагались на Кольском полуострове, самые дальние северо-восточные фактории – севернее современного Салехарда. И вот всего через 6 лет после приобретения Чусовского бассейна Яков и Григорий Строгановы предпринимают попытку пробиться далее на юг, ближе к Средней Азии. Однако этому дерзкому замыслу, увы, не было дано осуществиться из-за противодействия хана Кучума, но, главным образом, из-за скандального раздела наследия их отца Аники Федоровича. Яков и Григорий умирают друг за другом в 1577 и 1578 гг. Раздел в основном завершился в 1579 г., но окончательно лишь в 1584 г., поэтому новые владельцы Семен Аникиевич, Никита Григорьевич и Максим Яковлевич Строгановы не смогли эффективно использовать льготные годы на освоение жалованных в Зауралье земель.

Несмотря на то, что Строгановы не смогли реализовать жалованные им имущественные права, точная топографическая привязка Тахчеи имеет не только узко историографическое значение. Понимание историко-географи-

ческой ситуации на границе Среднего и Южного Урала в 1570-х гг. позволит объективно решать многие научные вопросы, связанные с деятельностью Строгановых в это время, в частности с особенностями организации похода Ермака и его последствиями для промышленников, региона и страны в целом.

В качестве постскриптума следует отметить, что дополнительные аргументы, обосновывающие правильность выводов авторов о расположении Тахчеи жалованной грамоты Я.А. Строганову и Г.А. Строганову 1574 г. на севере современной Челябинской области, можно также почерпнуть в челобитной А.Г. Строганова на высочайшее имя 1719 г., опубликованной Н.Н. Новокрещенных, однако это должно стать темой отдельного развернутого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых. 1928. 200 с.
2. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Соцэргиз, 1962. 306 с.
3. Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 4. Строгановы и Ермак. Пермь: Типография н-ков П.Ф. Каменского, 1892. 99 с.
4. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 5: Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: Типография н-ков П.Ф. Каменского, 1894. 227 с.
5. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 623 с. (карта)
6. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. 356 с.
7. История башкирских родов. Сальют, Терсяк, Сыррян, Бикатин, Сырзы, Шуран. Т. 19 / С.И. Хамидуллин, Б.А. Азнабаев, И.З. Султанмуратов, И.Р. Саитбатталов, Р.Р. Шайхеев, Р.Р. Асылгужин, А.М. Зайнуллин, В.Г. Волков, А.А. Каримов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2016. 584 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. СПб.: В типографии Н. Греча. 1821. 770 с.
9. Кары-Ниязов Т.Н., Боровков А.К. Узбекско-русский словарь. Ташкент: УзФАН СССР, 1941. 736 с.
10. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики // Тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 213–222.
11. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 363–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396
12. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. 631 с.
13. Матвеев А.В., Самигулов Г.Х. К вопросу о юго-западных границах Сибирского ханства (данные топонимики и картографии) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: М.А. Корусенко, А.А. Тишкин, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, Н.Н. Серегин. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 212–218.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 684 с.

15. Мухин В.В. Ермак Тимофеевич. Пермь: Кн. изд-во, 1957. 46 с.
16. Новокрещенных Н.Н. Участие Строгановых в поступательном движении Русского государства на востоке в XVI веке // Пермские губернские ведомости. 1892. № 40. С. 171; №41. С. 175; №43. С. 183; №45. С. 195; №50. С. 215; №51. С. 217; №53. С. 225; №54. С. 229; №57. С. 241; №58. С. 245–246; №60. С. 254.
17. Оксенов А. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (Историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири // Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1885. 494 с. Прил. к газ. «Вост. Обозрение».
18. Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь : более 4000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 523 с.
19. Русско-татарский словарь: Ок. 47 000 слов / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; под редакцией Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИНСАН, 1997. 720 с.
20. Самигулов Г.Х. К вопросу о границе Ногайской орды и Сибирского ханства в Южном Зауралье // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Вып. 4. Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 126–130.
21. Самигулов Г.Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Научный диалог. 2017. № 1. С. 183–203.
22. Самигулов Г.Х. О локализации области Тахчеи в XVI веке // Научный диалог, 2016. № 6 (54). С. 224–236.
23. Самигулов Г.Х., Маслюженко Д.Н., Моисеев М.В. Южное Зауралье в первой трети XV – конце XIX вв. // История Южного Урала в 8 т. Т. 6. Челябинск: Издательский дом ЮУрГУ, 2019. 432 с.
24. Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Областной дом печати, 2007. 224 с.
25. Сибирские летописи. Издание императорской Археографической комиссии. СПб., 1907. 465 с.
26. Скрынников Р.Г. Сибирская одиссея Ермака // Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака: историческое повествования. Ленинград: Лениздат, 1989. 635 с.
27. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 254 с.
28. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 317 с.
29. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5–6 / Отв. ред.: Иванов Н.А. М.: Голос, 1993. 758 с.
30. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М-Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.
31. Томилов Н.А. Этнический состав тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
32. Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб.: в типографии штаба военно-учебных заведений, 1842. 120 с.: прил., карта.
33. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л.: Российская Государственная Академическая Типография, 1925. 192 с.
34. Шумилов Е.Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 141–143.

Сведения об авторах: Павел Анатольевич Корчагин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (614013, ул. Генкеля, 4, Пермь, Российская Федерация). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9752-6882>, ResearcherID: AAR-5864-2021. E-mail: pakorchagin@gmail.com

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4695-5633>; ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

*Поступила 21.03.2023 Принята к публикации 29.06.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Bakhrushin S.V. Essays on the history of the colonization of Siberia in the 16th and 17th centuries AD. Moscow: Edition of M. and S. Sabashnikov. 1928. 200 p. (In Russian)
2. Vvedensky A.A. The house of the Stroganovs in the 16th–17th centuries. Moscow: Sotsekiz, 1962. 306 p. (In Russian)
3. Dmitriev A.A. Perm antiquity. Collection of historical articles and materials mainly about the Perm region. Iss. 4. The Stroganovs and Yermak. Perm: Printing house of the heirs of P.F. Kamensky, 1892. 99 p. (In Russian)
4. Dmitriev A.A. Perm antiquity. Collection of historical articles and materials mainly about the Perm region. Iss. 5: Conquest of the Ugric lands and Siberia. Perm: Printing house of the heirs of P.F. Kamensky, 1894. 227 p. (In Russian)
5. Dolgikh B.O. Clan and tribal composition of the peoples in Siberia in the 17th century. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 623 p. (the map)
6. Egorov V.G. Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary: Chuvash book publishing house, 1964. 356 p. (In Russian)
7. History of the Bashkir clans. Sal'yut, Tersyak, Synryan, Bikatin, Syrzy, Shuran. Vol. 19 / S.I. Khamidullin, B.A. Aznabaev, I.Z. Sultanmuratov, I.R. Saitbatalov, R.R. Shaikheev, R.R. Asylguzhin, A.M. Zainullin, V.G. Volkov, A.A. Karimov. Ufa: IYAL UNC RAS; Kitap, 2016. 584 p. (In Russian)
8. Karamzin N.M. History of the Russian state. Vol. 9. St. Petersburg: In the printing house of N. Grech. 1821. 770 p. (In Russian)
9. Kary-Niyazov T.N., Borovkov A.K. Uzbek-Russian Dictionary. Tashkent: UzFAN USSR, 1941. 736 p. (In Russian)
10. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Moscow and Isker in 1569–1582 in the context of international politics. *Turko-Tatar states*. Iss. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 213–222. (In Russian)
11. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic Communities in South Trans-Urals in the 15th–17th centuries: National, Administrative, Territorial, Ethnosocial Transformations. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 363–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396 (In Russian)
12. Materials on the history of the Bashkir ASSR. Ch. I. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1936. 631 p. (In Russian)

13. Matveev A. V., Samigulov G. Kh. On the issue of the southwestern borders of the Siberian Khanate (toponymy and cartography data). *Integration of archaeological and ethnographic studies: collection of scientific papers*. Ed. by N.A. Tomilov, M.A. Korusenko, A.A. Tishkin, K.N. Tikhomirov, M.N. Tikhomirova N.N. Seregin. Barnaul; Omsk: Ed. House "Science", 2015, pp. 212–218. (In Russian)
14. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 1. Moscow-Leningrad: Publishing House Academy of Sciences of the USSR, 1937. 684 p. (In Russian)
15. Mukhin V.V. Ermak Timofeevich. Perm: Book publishing house, 1957. 46 p. (In Russian)
16. Novikreshennykh N. N. Participation of the Stroganovs in the progressive movement of the Russian state to the east in the 16th century. *Perm Gubernskie Vedomosti*. 1892, no. 40, p. 171; no. 41, p. 175; no. 43, p. 183; no. 45, p. 195; no. 50, p. 215; no. 51, p. 217; no. 53, p. 225; no. 54, p. 229; no. 57, p. 241; no. 58, pp. 245–246; no. 60, p. 254. (In Russian)
17. Oksenov A. Relations between Novgorod the Great and the Yugra Land (Historical and geographical essay on the ancient history of Siberia. *Literary collection: a collection of scientific and literary articles about Siberia and the Asian East*. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1885. 494 p. Appendix to the newspaper "Vostochnoe Obozreniye". (In Russian)
18. Pospelov E.M. Geographical names of Russia: toponymic dictionary: more than 4000 units. Moscow: AST: Astrel, 2008. 523 p. (In Russian)
19. Russian-Tatar Dictionary: 47000 words / E.M. Akhunzyanov, R. S. Gazizov, F.A. Ganiev and others; edited by F.A. Ganiev. 4th ed., rev. Moscow: INSAN, 1997. 720 p. (In Russian)
20. Samigulov G.Kh. On the issue of the border of the Nogai Horde and the Siberian Khanate in the Southern Trans-Urals. *Medieval Turkic-Tatar states*: coll. art. Iss. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 126–130. (In Russian)
21. Samigulov G.Kh. Turkic volosts of the Verkhoturksky district in the 17th century. *Nauchnyj dialog=Scientific Dialogue*. 2017, no. 1, pp. 183–203. (In Russian)
22. Samigulov G.Kh. On Localization of Takhchei Region in 16th Century. *Nauchnyj dialog=Scientific Dialogue*. 2016, no. 6, pp. 224–236. (In Russian)
23. Samigulov G.Kh., Maslyuzhenko D.N., Moiseev M.V. Southern Trans-Urals in the first third of the 15th–late 19th centuries. *History of the Southern Urals in 8 volumes*. Vol. 6. Chelyabinsk: Publishing House of SUSU, 2019. 432 p. (In Russian)
24. Svistunov V.M., Menshenin N.M., Samigulov G.Kh. The first Demidov factories in the Southern Urals. Ed. by S.G. Botalov. Chelyabinsk: Regional Press House, 2007. 224 p. (In Russian)
25. Siberian chronicles. Edition of the Imperial Archaeographic Commission. St. Petersburg, 1907. 465 p. (In Russian)
26. Skrynnikov R.G. Ermak's Siberian Odyssey. *Far Age: Ivan the Terrible. Boris Godunov. Ermak's Siberian odyssey: historical narrative*. Leningrad: Lenizdat, 1989. 635 p. (In Russian)
27. Skrynnikov R.G. Ermak's Siberian Expedition Novosibirsk: Nauka: Sib. department, 1982. 254 p. (In Russian)
28. Skrynnikov R.G. Ermak's Siberian expedition. 2nd ed., rev. and additional. Novosibirsk: Nauka: Sib. Department, 1986. 317 p. (In Russian)
29. Solovyov S.M. Works: In 18 books. Book 3: History of Russia since ancient times. Vol. 5–6. Ed. by Ivanov N.A. Moscow: Golos, 1993. 758 p. (In Russian)
30. Tatar-Russian Dictionary: In 2 vols. Vol. 2 (M-Ya). Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Russian)

31. Tomilov N.A. Ethnic composition of the Turkic-speaking population in the West Siberian Plain in the late 16th – early 20th centuries. Novosibirsk: Publishing house Novosibirsk univ., 1992. 271 p. (In Russian)

32. Ustryalov N.G. Eminent people the Stroganovs. St. Petersburg: in the printing house of the headquarters of military educational institutions, 1842. 120 p.: appendix, map. (In Russian)

33. Staden G. About Moscow of Ivan the Terrible. Notes of a German Oprichnik. Leningrad: Russian State Academic Printing House, 1925. 192 p. (In Russian)

34. Shumilov E.N. About the location of Takhcheya. *Voprosy istorii=Questions of history*. 2008, no. 9, pp. 141–143. (In Russian)

About the authors: Pavel A. Korchagin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Humanities Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Genkelya Str., Perm 614013, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9752-6882>. ResearcherID: AAR-5864-2021. E-mail: pakorchagin@gmail.com

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4695-5633>, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

*Received March 21, 2023 Accepted for publication June 29, 2023
Published September 29, 2023*

ХРОНИКА

УДК 930.253(438)

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.714-718

EDN: XNZXMP

НАСЛЕДИЕ ТАТАР ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Р.Р. Гиниятуллина

*Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
g_rozalina_2004@mail.ru*

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является ведущим гуманитарным научно-исследовательским центром Татарстана, одним из признанных и авторитетных российских региональных центров, важным звеном международного академического сотрудничества в области изучения истории татар и Татарстана, истории Евразии и тюрко-татарской цивилизации.

Сотрудники Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова (ЦИЗОТХ) Института истории им. Ш. Марджани АН РТ вместе с коллегами из других научных центров Российской Федерации и зарубежных стран не только исследуют исторические реалии прошлого золотоордынского государства и татарских ханств, но и формируют общие подходы к их истории, что очень важно в современных условиях. В рамках этой работы в мае-июне 2023 г. в Башкортостане и Самарской области были организованы круглые столы и презентации. Все эти научные мероприятия дают существенный толчок для изучения наследия татар Золотой Орды на региональном и международном уровнях. Важным итогом является налаживание сотрудничества ученых-историков с краеведами Поволжья и Приуралья. Совместное обсуждение научных вопросов позволило не только наметить перспективы дальнейших исследований, но и заложить новые продуктивные традиции взаимоотношений профессионалов и любителей истории.

Ключевые слова: научные мероприятия, Поволжье, Приуралье, Золотая Орда, историки, краеведы, битва на р. Калке, сражение, архивные и археологические материалы

Для цитирования: Гиниятуллина Р.Р. Наследие татар Золотой Орды: научные мероприятия // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 714–718. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.714-718 EDN: XNZXMP

© Гиниятуллина Р.Р., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

HERITAGE OF THE GOLDEN HORDE TATARS: SCIENTIFIC EVENTS

R.R. Giniyatullina

*Kazan National Research Technical University
named after A.N. Tupolev – KAI
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
g_rozalina_2004@mail.ru*

Abstract: The Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences is a leading humanities research center in Tatarstan. It is one of the recognized and authoritative regional centers in Russia and an important link in international academic cooperation in the field of studying the history of the Tatars, Tatarstan, Eurasian history, and Turkic-Tatar civilization.

Researchers from the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, in collaboration with colleagues from other research centers in the Russian Federation and abroad, not only investigate the historical realities of the past, including the Golden Horde state and Tatar Khanates but also develop common approaches to its history, which is essential in modern conditions. As part of this work, roundtable discussions and presentations were organized in Bashkortostan and the Samara Region in May-June 2023. All of these scientific events provide a significant impetus for the study of the legacy of the Tatars of the Golden Horde at the regional and international levels. An important outcome is the establishment of cooperation between historians and local historians from the Volga and Ural regions. Joint discussions of scientific issues have allowed not only to outline the prospects for further research, but also to establish new productive traditions in the relationships between professionals and history enthusiasts.

Keywords: scientific events, the Volga region, the Urals, the Golden Horde, historians, local historians, battle on the river Kalka, battle, archival and archaeological materials

For citation: Giniyatullina R.R. Heritage of the Golden Horde Tatars: scientific events. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 714–718. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.714-718 (In Russian)

История татарского народа многогранна и привлекает внимание исследователей со всего мира. Каждый год Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ проводит множество научных мероприятий, посвященных историческому наследию татарского народа, и этот год не стал исключением. В мае-июне 2023 г. сотрудники ЦИЗОТХ в Башкортостане и Самарской области организовали круглые столы и презентации по истории средневековых татар. Важно отметить, что к обсуждению этих вопросов были привлечены региональные историки и краеведы. В то же время Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ выступил соорганизатором крупной международной конференции в Москве, посвященной битве на р. Калке 1223 г. Таким образом, эти мероприятия стали площадкой для сотрудничества широкого круга исследователей, начиная от краеведов, заканчивая ведущими специалистами международного уровня.

16 мая 2023 года в Чекамагушевском историко-краеведческом музее Республики Башкортостан состоялся круглый стол «Актуальные вопросы истории татар Приуралья: от Средних веков к Новому времени», где участво-

вали сотрудники Института истории им. Ш.Марджани АН РТ И.М.Миргалеев, Р.Р.Исхаков, И.Л.Измайлов и А.В.Аксанов. На это мероприятие были приглашены краеведы Чекмагушевского и Кушнаренковского районов Республики Башкортостан.

Основная цель мероприятия заключалась в обмене научными данными и исследовательским опытом в сфере изучения исторического развития татарского народа в Приуральском регионе. На круглом столе были представлены не введенные в научный оборот вещественные источники и результаты последних исследований, посвященных истории татар Приуралья.

Председатель круглого стола, известный чекмагушевский исследователь-краевед Р.Н. Хабиров рассказал о достижениях чекмагушевских краеведов, об исследованиях городища «Кала-Тау» и презентовал книгу И.М. Акбулатова «Тайны городища Кала-Тау». Плодотворное обсуждение, неформатный взгляд местных краеведов и историков-любителей, выступления представителей научного сообщества вынесли на новый уровень изучение малоизвестного средневекового городища «Кала-Тау».

После обсуждения участники круглого стола посмотрели экспонаты Чекмагушевского историко-краеведческого музея. Центральное место в экспозиции музея занимает копия Старокалмашевского надмогильного камня (XIV в.), найденного в середине XX века в непосредственной близости от городища. Также гостям были показаны золотоордынские мавзолеи XIV века, расположенные в Чишминском районе РБ. Эпиграфические данные с могильных плит и мавзолее являются ярким свидетельством проживания в Приуралье татар-мусульман.

В результате мероприятия участники пришли к общему мнению, что такие встречи надо проводить на регулярной основе, обмениваться опытом, архивными и археологическими материалами. Также краеведы подняли перед учеными проблему написания научно-популярных книг, в том числе книг на татарском языке и отметили актуальность написания истории деревень.

23 мая 2023 г. в Москве в Институте востоковедения РАН успешно была проведена Международная научная конференция «Первый штурм: монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг.» (к 800-летию битвы на Калке) (организаторы конференции: ФГБУН Институт востоковедения РАН (Отдел истории Востока), Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды»).

Мероприятие было организовано с целью изучения значимых исторических событий и последствий, связанных с битвой на Калке, которая стала первым ударом монгольской армии по Европе. В конференции приняли участие исследователи и ученые-специалисты в области истории Востока. Мероприятие было открыто приветственным словом и докладом директора Института востоковедения РАН д.и.н. А.К. Аликберова. В работе конференции приняли участие сотрудники Института истории им. Ш.Марджани АН РТ к.и.н. И.М. Миргалеев и д.и.н. И.Л.Измайлов.

В рамках конференции были представлены выступления на разнообразные темы, связанные с монгольским вторжением в Европу и его послед-

ствиями. Доклады охватывали такие аспекты, как военная стратегия и тактика монгольской армии, влияние монгольского вторжения на политическую карту Европы, социальные и экономические последствия, а также культурные и религиозные изменения после вторжения. В ходе обсуждения были затронуты проблемы современного восприятия события и развития туристического потенциала подобных исторических мест.

Особое внимание было уделено самой битве на р. Калке, которая стала отправной точкой для монгольской экспансии в Европу. Ученые анализировали стратегию монгольского военачальника Субедея, а также детально исследовали ход сражения и его влияние на дальнейшую историю Европы. В ходе конференции, участники также обсудили методы изучения и архивные материалы, касающиеся данного периода истории. Были представлены документы, археологические находки и другие источники, помогающие ученым получить более полное представление о событиях тех времен.

Конференция «Первый штурм: монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг.» (к 800-летию битвы на Калке) прошла на высоком научном уровне, все доклады вызвали живой интерес и многочисленные вопросы. В связи с этим организаторами было принято решение о публикации текстов выступлений всех докладчиков конференции в виде отдельного издания.

5 июня 2023 г. в конференц-зале Самарской Соборной мечети состоялся круглый стол, посвященный вопросам изучения истории татарского народа в Поволжье. Поводом для его проведения послужил приезд в Самару известных историков Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан – И.Л. Измайлова и И.М. Миргалеева.

В работе круглого стола приняли участие председатель Регионального духовного управления мусульман Самарской области, муфтий Талип-хазрат Яруллин, председатель Самарского областного татарского исторического общества Шамиль Галимов, президент СОТО «Туган тел» Ильяс Шакуров, председатель Попечительского совета культурно-исторического фонда «Булгарское наследие» Гумар Батршин, доктор исторических наук, профессор Наиля Тагирова, представители татарских общественных организаций и мусульманского духовенства Самарской области.

Руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ И.М. Миргалеев рассказал о той большой работе, которую институт проводит для реконструкции целостной истории Золотой Орды.

Также казанские гости побывали в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина, где ознакомились с экспозицией, посвященной древнему государству Волжская Булгария, посетили Самарскую Историческую мечеть. Казанские ученые вместе с руководителем Самарского областного общества татарского исторического краеведения Шамилем Хайдаровичем Галимовым прошли по местам битвы между ханом Токтамышем и Тамерланом. Как известно, сражение состоялось в июне 1391 года в междуречье рек Сок и Кондурча. Точное место этого сражения пока не локализовано. Также посетили археологический памятник «Муромский городок».

В целом можно отметить, что проведенные мероприятия дали существенный толчок для изучения наследия татар Золотой Орды на региональном и международном уровнях. Важным итогом является налаживание сотрудничества ученых-историков с краеведами Поволжья и Приуралья. Совместное обсуждение данных научных вопросов позволило не только наметить перспективы дальнейших исследований, но и заложить новые продуктивные традиции взаимоотношений профессионалов и любителей истории.

Сведения об авторе: Розалина Раисовна Гиниятуллина – студент 2 курса Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (420111, ул. Карла Маркса, 10, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация). E-mail: g_rozalina_2004@mail.ru

*Поступила 26.06.2023 Принята к публикации 04.09.2023
Опубликована 29.09.2023*

About the author: Rozalina Raisovna Giniyatullina – 2nd year student, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (10, Karl Marx Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation). E-mail: g_rozalina_2004@mail.ru

*Received June 26, 2023 Accepted for publication September 4, 2023
Published September 29, 2023*

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Саадак (налуч и колчан с поясом). Ткань, кожа, серебро,
тесьма, дерево. Крымское ханство. Первая половина XVII в.

Музеи Московского Кремля, № Оп-4475/1-2.

URL: <https://collectiononline.kreml.ru/entity/OBJECT/1044?query=саадак&index=5>

On the cover: Saadak (brace and quiver with a belt). Fabric, leather, silver,
braid, wood. Crimean Khanate. First half of the 17th century.

Museums of the Moscow Kremlin, No. Op-4475/1-2.

URL: <https://collectiononline.kreml.ru/entity/OBJECT/1044?query=саадак&index=5>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2023. Т. 11, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2023, vol. 11, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 24.09.2023 г. Дата выхода в свет 29.09.2023 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>